АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

73

В. М. МАССОН

ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МАРГИАНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1959

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 73

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1959 ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 73

В. М. МАССОН

ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МАРГИАНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1959 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших вопросов древней и средневековой истории Средней Азии является вопрос орошения. Без орошения, без воды для полива полей, каким бы способом эта вода ни получалась, невозможно существование земледелия, невозможно развитие культуры. Несомненно, что в среде оседлого населения именно поливное земледелие в течение многих тысячелетий играло ведущую роль в развитии производительных сил. Все это обусловливало то особое значение, которое исследователи Средней Азии всегда придавали изучению истории ирригации, рассмотрению проблемы освоения того или иного речного бассейна, зарождения, подъема и упадка ирригационного хозяйства на той или иной территории. Широко известные результаты систематических исследований в Хорезме свидетельствуют о важности и ответственности этой проблематики. Нет необходимости перечислять работы В. В. Бартольда, Д. Д. Букинича, М. Е. Массона, Б. А. Латынина, С. П. Толстова и многие другие, посвященные этим вопросам. Между тем до самого последнего времени неизученным оставалось древнейшее прошлое дельты одной из крупных рек Средней Азии — р. Мургаба. Если средневековая история этого одного из плодороднейших среднеазиатских оазисов прекрасно была освещена в замечательной монографии В. А. Жуковского, а облик парфянского и раннесредневекового Мерва все более вырисовывался в ходе систематических раскопок ЮТАКЭ (1950—1955 гг.), то время и характер первоначального освоения этого района древними земледельцами были почти совершенно неясны. А правильный ответ на подобные вопросы имел бы немаловажную роль для изучения такой кардинальной проблемы, как становление на территории Средней Азии классового общества. По древнеперсидским клинописным надписям известно, что этот оазис, носивший в древности название Маргианы, существовал уже в VI в. до н. э., а его упоминание в древнейших частях Авесты позволяло предполагать и значительно более раннюю дату развития здесь древней культуры. Изучению памятников древнеземледельческих племен Маргианы, датирующихся II—первой половиной I тысячелетия до н. э., и посвящена настоящая работа.

История изучения этих памятников сравнительно коротка, а публикации соответствующего материала крайне малочисленны. Величественные руины древнего Мерва, расположенные к северо-востоку от г. Байрам-Али, давно обратили на себя внимание исследователей. Однако тот факт, что они содержат в себе слои столь значительной древности, как I тысячелетия до н. э., был установлен сравнительно недавно.[1] Долгое время оставались почти вне внимания исследователей многочисленные памятники на территории области, древней столицей которой был Мерв. Некоторые из этих памятников были осмотрены в 1904 г. американской экспедицией Р. Пампелли, и описанию этих памятников посвящена специальная глава в I томе «Трудов» этой экспедиции.[2] В этой главе Хэнтингтон выделил три хронологические группы памятников, причем к числу курганов первого, или, как они названы

---

[1] В монографии В. А. Жуковского о Мерве (Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. Матер. по археол. России, № 16, СПб., 1894) изложение истории этого города начинается с рассмотрения весьма неясного источника времени похода Александра Македонского.

[2] E. Huntington. Description of the Kurgans of the Merv Oasis. В кн.: R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1908, стр. 219—231.

автором, примитивного типа были отнесены такие памятники, как Яз-Депе, Аравали-Депе, Койне-Депе и три Уч-Депе. Все они располагаются на севере ныне орошаемых земель. В работе опубликованы фотографии памятников и крайне условные схемы планировки, причем в планы включались только центральные бугры этих памятников. Ни описания, ни иллюстраций собранного на этих холмах материала Хэнтингтон не дает. В тексте упоминается, что найдено несколько фрагментов расписной керамики на одном только Яз-Депе, на остальных же курганах этой группы керамика обычно лишена орнамента. Нельзя не отметить, что сама по себе группа курганов «первого класса» выделена правильно и включает в основном однотипные поселения. Однако датировка этих памятников не была дана, так как нельзя считать датировкой беглое замечание о том, что наличие в подъемном материале расписной керамики, может быть, указывает на принадлежность этих курганов ко времени древнейшего Анау.[3] Это тем более странно, что, как ясно в настоящее время, подъемный материал с памятников так называемого «первого класса» идентичен комплексам Анау IV и так называемой «варварской оккупации», выделенным той же американской экспедицией в весенний сезон 1904 г. при раскопках южного кургана Анау. По существу, ничего не говорит и замечание Хэнтингтона о том, что возникновение Гяур-Калы относится, возможно, еще ко времени этих древнейших курганов.[4] На самой Гяур-Кале раскопки были произведены как на цитадели, так и на шахристане, однако наиболее древние слои не были выявлены.[5]

В 1916 г. одно из древнемаргианских поселений — Гюмиш-Депе — было обследовано Д. Д. Букиничем, который указал на его сходство с анаускими памятниками.[6]

Весьма интересный, хотя, к сожалению, неопубликованный материал был получен на Гяур-Кале при работах экспедиции Туркменского государственного научно-исследовательского института в 1937 г., когда были, в частности, вскрыты слои середины I тысячелетия до н. э.[7] В архивах отсутствуют какие-либо чертежи, отчеты или дневники, относящиеся к этой экспедиции, и поэтому о проведенных работах можно судить, помимо статьи Б. Б. Пиотровского,[8] лишь на основании коллекций, хранящихся ныне в Музее краеведения в г. Ашхабаде, и некоторых сведений, любезно сообщенных А. А. Марущенко. Раскопки были сравнительно невелики по масштабам и ограничились закладкой шурфов. Материал интересующего нас времени был встречен в трех пунктах. В шурфе к югу от центрального бугра внутри цитадели Гяур-Калы слой с керамикой типа Анау IV шел с глубины 10 м до 13.5 м, гду уже встретились аллювиальные отложения, составляющие в данном месте материк. Непосредственно на материке было найдено несколько биконических ядер из обожженной глины. На глубине 8.2—10.2 м был найден бронзовый трехперый втульчатый наконечник стрелы, а ниже его — также втульчатый, но уже двуперый наконечник.[9]

Целый ряд культурных слоев пройден при шурфовке центрального бугра гяур-калинской цитадели. В верхних слоях здесь находилось здание VIII в. н. э., ниже которого шли остатки более древних, но также раннесредневековых построек. Ниже этих построек была раскопана комната, возможно относящаяся к парфянскому времени. Стены ее были покрыты белой штукатуркой. Еще ниже шли остатки здания, построенного из прямоугольного сырцового кирпича. Узкие помещения, видимо, имели плоские деревянные перекрытия, рухнувшие во время пожара. На полу этих помещений была найдена многочисленная керамика типа Анау IV и шарообразные глиняные ядра, частично обгоревшие, по-видимому тоже во

---

[3] Там же, стр. 227.

[4] Там же, стр. 226.

[5] Из числа изданных материалов к середине I тысячелетия до н. э., по существу, могут быть отнесены лишь два биконических ядра из камня и глины (там же, табл. 56, *5* и *6*) и, может быть, также бронзовый трехперый втульчатый наконечник стрелы (там же, табл. 51, *7*), хотя подобные наконечники продолжали существовать и в раннепарфянское время.

[6] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия Закаспийской области. «Хлопковое дело», 1924, № 5, стр. 98.

[7] С. А. Ершов. Археология в Туркменской ССР за 20 лет. Изв. Туркм. ФАН СССР, 1944, № 2—3, стр. 32—33.

[8] Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве. Матер. ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 35—41.

[9] Последнее — по словам А. А. Марущенко. В коллекциях музея этот двуперый наконечник отсутствует.

время пожара. В самом низу заложенного шурфа шла мощная платформа высотой не менее 10 м, сплошь выложенная из прямоугольного сырцового кирпича.[10]

Наконец, в северо-западной части цитадели был заложен раскоп, которым руководил Б. Б. Пиотровский.[11] Здесь раскапывались платформы из пахсы и сырцового кирпича, относящиеся ко времени, более позднему, чем середина I тысячелетия до н. э., но в кладке в большом количестве встречались фрагменты керамики типа Анау IV. В выбросах старой траншеи В. А. Жуковского был обнаружен бронзовый двуперый втульчатый наконечник стрелы. Сам культурный слой середины I тысячелетия до н. э. был весьма незначительной мощности и находился непосредственно на материке, будучи сверху перекрыт более поздней глинобитной платформой, возможно относящейся к раннепарфянскому периоду.[12] Помимо цитадели Гяур-Калы, на шахристане этого городища был доведен до материка шурф, начатый еще американской экспедицией.[13] В нем на глубине 9.5 м были также обнаружены фрагменты керамики типа Анау IV, печь типа современного туркменского тандыра и головка от фигурки лошади.

Таким образом, работы 1937 г. сыграли важную роль в изучении древнеземледельческой культуры в дельте Мургаба. Они не только показали, что возникновение Гяур-Калы относится к середине I тысячелетия до н. э., но и позволили говорить, что в это время здесь уже существовало довольно обширное поселение с культурными слоями, имеющими мощность до 3.5 м. Недостатком работ является отсутствие документации и публикаций, что ни в коей мере не возмещается категорически формулированными выводами, недавно появившимися в печати.[14] Появление в 1949 г. статьи Б. Б. Пиотровского, затрагивающей лишь весьма незначительную часть интересующего нас материала, в слабой степени восполняет этот пробел, но уже и она сыграла большую роль в изучении слоев середины I тысячелетия до н. э. на территории Средней Азии, повлияв, например, на уточнение датировки керамики типа Афрасиаб I.

Новый большой материал для изучения древнеземледельческих поселений дали развернувшиеся с 1946 г. работы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) Академии наук Туркменской ССР. В первые годы основное внимание экспедиция уделяла раскопкам древних городищ Нисы, но широкие археологические разведки постепенно охватывали всю территорию Южной Туркмении. В 1946 г. один из отрядов экспедиции, руководимый С. А. Вязигиным, обследовал и описал остатки окружавшей Маргиану стены, построенной в конце III в. до н. э. Антиохом Сотером.[15] Надо сказать, что в опубликованной статье С. А. Вязигина отождествление обследованного им вала со стеной Антиоха слабо аргументировано в силу незначительных масштабов разведочных раскопок и ограниченности числа обследованных памятников. Однако в ходе последующих работ это отождествление полностью подтвердилось и в настоящее время может считаться доказанным.

В 1947 и 1948 гг. производились, правда, довольно ограниченные раскопки на территории городищ Старого Мерва (З. А. Альхамова, С. А. Вязигин), а с 1949 г. началось широкое археологическое исследование земель древнего орошения Маргианы, со-

---

[10] Это здание у Л. И. Ремпеля, по-видимому со слов А. А. Марущенко, описано так: «Нижняя платформа с ланцетовидными стрелами греко-бактрийского времени и со следами гибели цитадели при взятии ее неприятелем» (Л. И. Ремпель. Новые материалы к изучению древней скульптуры южной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 175). Характерный комплекс керамики типа Анау IV, хранящейся в музее, а также прямоугольный формат кирпича показывают, что ни о каком греко-бактрийском времени не может быть и речи. Перед нами характерные слои V—IV вв. до н. э. (см. ниже, ч. I, гл. 2).

[11] Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-Кала. . ., стр. 35—41.

[12] Б. Б. Пиотровский в очень осторожной форме предложил датировать найденный над этой платформой комплекс первыми веками нашей эры (там же, стр. 38). Однако в настоящее время керамика первых веков нашей эры, хорошо датированная монетами, известна во многих частях Гяур-Калы и резко отлична от комплекса, опубликованного Б. Б. Пиотровским. По-видимому, этот комплекс следует относить к более раннему времени.

[13] Краткое описание этого шурфа см.: Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на. Гяур-Кала. . ., стр. 40—41.

[14] А. А. Марущенко. Старый Серахс. Труды Инст. истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 199.

[15] С. А. Вязигин. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. ТЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

средоточенных к северу от гг. Мары и Байрам-Али. Работы 1949 г. (С. А. Вязигин) в основном были ограничены памятниками, зарегистрированными в свое время американской экспедицией (Яз-Депе, Уч-Депе, Гюмиш-Депе, Аравали-Депе), но дали новый весьма ценный материал. С. А. Вязигин отметил, что все эти поселения находятся к северу от стены Антиоха и что некоторые из них имеют крупный центральный холм. Своеобразная крашеная керамика, находимая здесь, по его словам, отличается от керамики Анау III. Среди собранного материала имелись бронзовые наконечники стрел: двуперые втульчатые и трехперые. На основании полученного материала С. А. Вязигин ориентировочно датировал обследованные им поселения концом II тысячелетия—VI—IV вв. до н. э., подчеркивая вместе с тем необходимость дальнейших раскопок.[16]

С 1950 г. основное внимание ЮТАКЭ переключается на Мервский оазис, где под непосредственным руководством М. Е. Массона начинаются систематические раскопки на городищах Старого Мерва и систематические же маршрутные обследования земель древнего орошения. И те и другие дали новый материал для изучения древней Маргианы. Так, в целом ряде шурфов на Гяур-Кале Старого Мерва были встречены характерные керамические комплексы Анау IV, аналогичные опубликованному Б. Б. Пиотровским. В 1950 г. вторично было обследовано Яз-Депе, причем вполне справедливо отмечалось сходство планировки этого поселения и архаических памятников Мисрианской равнины.[17] В 1951 г. разведочные маршруты затронули аравали-депинскую группу памятников, [18] а в 1952 г. была открыта новая группа к северу от колодцев Кишман с остатками наиболее значительного поселения Тахирбай-Депе.[19] В этой последней группе в 1953 г. были произведены раскопки одной гончарной печи. Этими маршрутами в основном были охвачены три группы древнемаргианских поселений, а полученный материал по их топографии, орошению и датировке позволил сформулировать некоторые общие выводы. Так, исследования показали, «что мертвые ныне земли низовьев дельты Мургаба были уже густо заселены в эпоху поздней бронзы—раннего железа, что пора расцвета, когда здесь функционировали ирригационные системы, совпадает со временем сложения союзов общин и возникновения раннеклассового общества, время которого определяется по крайней мере началом I тысячелетия до н. э.».[20]

Таким образом, в основном разведочные работы в этой области были завершены, и назрела необходимость перейти к широким раскопкам, связанным с известными организационными трудностями ввиду расположения памятников в полупустынных районах, но обещавшим богатый и интересный материал. Эти раскопки должны были дать конкретные данные по истории и культуре древнейших земледельцев в дельте Мургаба. С этой целью в 1954 г. были начаты в дельте Мургаба работы XIV отряда ЮТАКЭ под руководством автора настоящих строк. К этому времени значение древнемаргианских памятников вышло за узколокальные границы дельты Мургаба. Были открыты древнейшие культурные слои Самарканда (А. И. Тереножкин)[21] и Кобадиана в долине Кафирнигана (М. М. Дьяконов),[22] материал которых оказался очень близок керамике из Гяур-Калы, изданной Б. Б. Пиотровским. Начавшиеся систематические раскопки древнехорезмийских памятников показали, что и там керамика V в. до н. э. находит прямые аналогии в древнейших слоях городищ Старого Мерва.[23] Обративший внимание на эти совпадения М. М. Дьяконов в специальной статье показал, что древнейший материал столицы Бактрии также восходит к этому же археологическому комплексу, и поставил большой исторический вопрос о том, что вторая четверть I тысячелетия до н. э. была вре-

---

[16] М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. ТЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 204.

[17] Там же, стр. 211.

[18] Там же, стр. 225.

[19] Там же, стр. 212.

[20] М. Е. Массон. О работах Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК. М., 1954, стр. 43.

[21] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950.

[22] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА СССР, № 37, 1953.

[23] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореф. дисс., КСИЭ, XXII, 1955.

менем возникновения крупнейших городских центров Средней Азии, временем развития классовых отношений и сложения древнейшей государственности.[24]

Таким образом, изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба тесным образом связывалось с вопросом о характере культуры Средней Азии середины I тысячелетия до н. э. и с важнейшей исторической проблемой сложения в Средней Азии классового общества и первых государственных образований. Памятники дельты Мургаба представляли тем больший интерес, что древнейшие горизонты Самарканда и Кобадиана перекрыты многометровой толщей позднейших слоев, а в Хорезме пока известен всего один памятник, давший материал оседлой земледельческой культуры середины I тысячелетия до н. э., — Кюзели-Гыр. В дельте Мургаба, как показали археологические разведки, имелись десятки неперекрытых памятников этого времени, и среди полузакрепленных песков сохранялись целые оазисы древней Маргианы. Все это и определило характер работ 1954—1956 гг.

Было намечено начать широкие стационарные раскопки на одном наиболее крупном древнемаргианском поселении, где в первую очередь предполагалось установить стратиграфическую классификацию материала, а затем приступить к широким раскопкам верхнего культурного слоя. Археологическая разведка с небольшими раскопками должна была способствовать выяснению истории всего комплекса древнемаргианских оазисов.

Рис. 1. Лагерь у Яз-Депе.

Характер проведенных работ заключался в следующем. В 1954 г. работы велись в сентябре и октябре. В работах принимали участие начальник отряда В. М. Массон (ЛОИИМК АН СССР), коллекторы Ю. Ф. Буряков (САГУ), К. М. Аминов (САГУ) и шофер К. А. Аскеров. Основные усилия были направлены на раскопки поселения Яз-Депе (34 км к север-северо-за-

[24] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX, 1954.

паду от Байрам-Али), центральное положение и крупные размеры которого позволяли предполагать в нем незаурядный памятник (рис. 1). При комплексном изучении поселения в первый сезон раскопок было поставлено три задачи: 1) получить стратиграфический разрез культурных слоев; 2) начать раскопки верхнего слоя на широкой площади, и 3) установить, были ли в древности укреплены оплывшие холмы поселения, примыкающие к цитадели.

С целью решения первой задачи было заложено два стратиграфических шурфа — шурф № 1 и шурф № 2. В шурфе № 2 четко выделились три стратиграфических комплекса, условно названные снизу вверх Яз I, Яз II и Яз III. Эта стратиграфия в дальнейшем подтвердилась последовательностью слоев в шурфе на раскопе III. Шурф № 1 был пройден на глубину лишь 2 м.

На поселении, кроме шурфов, были заложены также раскопы I, II (Ю. Ф. Буряков) и III (К. М. Аминов). В раскопе I был расчищен край платформы из сырцового кирпича, находящейся в основании цитадели. Несколько комнат расположенного на цитадели монументального здания было вскрыто в раскопе II. На раскопе III обнаружены части двух домов верхнего культурного слоя (Яз III).

В результате работ на раскопе IV установлено, что в более позднюю эпоху своего существования (время Яз II и Яз III) поселение не имело специальных оборонительных укреплений.

Помимо раскопок на Яз-Депе, отряд совершил разведочные поездки на ранее обследованные памятники (тахирбаевская группа, аравали-депинская группа, памятники к северу от Яз-Депе). При этом на поселении Кушбеги была раскопана топочная камера печи для обжига керамики. Наибольший интерес представили разведочные раскопки на поселении Тахирбай 3, где удалось выявить археологический комплекс, ранее неизвестный для дельты Мургаба. Это поселение относится к позднебронзовому веку и является мургабским аналогом этекского комплекса, выделенного Б. А. Куфтиным как Намазга VI.

В 1955 г. работы XIV отряда велись силами Академии наук Туркменской ССР и Ленинградского отделения Института материальной культуры АН СССР и продолжались с 14 мая по 9 июля. В работах отряда участвовали начальник отряда В. М. Массон (ЛОИИМК), заместитель начальника В. И. Сарианиди (ЛОИИМК), археологи С. Н. Юренев (Управление по делам архитектуры Узбекской ССР), Г. Е. Трапезников (САГУ), коллектор Ю. Ф. Буряков (САГУ), шоферы К. А. Аскеров и К. И. Христич. Стационарные раскопки были осуществлены на поселениях Тахирбай 3 и Яз-Депе.

На поселении Тахирбай 3 заложен шурф (С. Н. Юренев) и раскоп I (Ю. Ф. Буряков). На Яз Депе работы велись на раскопе III (С. Н. Юренев) и на раскопе II (В. И. Сарианиди, Г. Е. Трапезников, Ю. Ф. Буряков). Раскоп III имел целью проверить на широком материале стратиграфию культурных слоев. Этот раскоп, доведенный до материка, полностью подтвердил выделение комплексов Яз I, Яз II, Яз III и дал значительный новый вещевой материал. В раскопе II была вскрыта часть дворцового здания, относящегося к поре Яз I, и пробит шурф до материка, установивший мощность платформы в 8 м.

Опираясь на стационарные работы на двух памятниках, отряд провел широкие разведки и разведочные раскопки на ряде других памятников. Были открыты новые памятники типа поселения Тахирбай 3. На Аучин-Депе, памятнике тахирбаевской группы, были заложены два шурфа. Материал для изучения верхнего культурного слоя дали шурфы, заложенные на древнемаргианских поселениях Чурнок, Тахирбай-Депе (Тахирбай 1), северное Уч-Депе, Дашлы 3. В. И. Сарианиди проводил специальное изучение гончарных печей, раскопанных на Аучин-Депе, Чурноке и северном Уч-Депе.

В третий сезон работ, пришедшийся на сентябрь—октябрь 1956 г., в работах участвовали начальник отряда В. М. Массон (ЛОИИМК), археологи В. И. Сарианиди (ЛОИИМК), С. Н. Юренев (Управление по делам архитектуры Узбекской ССР), коллектор И. А. Баишев (ЛОИИМК) и шофер П. Ф. Арефьев. Основные усилия были уделены раскопкам цитадели, где, помимо завершения работ, на раскопе II тщательно исследовалась ее платформа (С. Н. Юренев). При маршрутных поездках была впервые обследована северная часть яз-депинского оазиса, а на поселении Аучин-Депе обнаружено древнее погребение с богатым инвентарем.

Материалы, полученные в ходе работ XIV отряда ЮТАКЭ в 1954—1956 гг., и легли в основу настоящей работы.[25] При этом имелось в виду полное издание и систематизация добытого материала.

Свое развитие археология Средней Азии начинала с изучения архитектурных памятников средневековья. В советский период была открыта блестящая культура среднеазиатской цивилизации III в. до н. э.—III в. н. э., некоторыми исследователями называемая античной. В послевоенные годы стал намечаться особенный интерес к памятникам первобытно-общинного строя, оставшимся слабо изученными, несмотря на ряд выдающихся открытий (мустьерская пещера Тешик-Таш, неолитическая стоянка Джанбас-Кала 4). Нет сомнений, что в этой области будут сосредоточены усилия археологов Средней Азии в ближайшее время. В этой связи в настоящей работе, посвященной одной из областей Средней Азии, материал рассматривался по мере возможности на более широком фоне. Попытки подобного подхода больше, чем что-либо, показывают всю ограниченность имеющегося материала, но тем не менее есть основания намечать постановку некоторых вопросов.

Естественно, что, помимо вопросов хронологии и историко-культурных связей, нельзя было пройти и мимо больших исторических проблем, в частности мимо проблемы распада первобытно-общинного строя, сложения классового общества и государства. Автор полагает, что два последних вопроса найдут свое убедительное решение лишь с обнаружением новых письменных источников, но косвенные данные, доставляемые археологами, и, в частности, мургабский материал сыграют здесь также далеко не последнюю роль.

Рассматривая проблемы древней истории народов Средней Азии, автор старался по мере возможности использовать также и данные, содержащиеся в письменных источниках. Единственное исключение было сделано для Авесты, хотя может быть именно она со временем даст наиболее ценный материал по истории Средней Азии первой половины I тысячелетия до н. э. Советскими исследователями этот материал уже неоднократно использовался для изучения хозяйственной жизни и общественных отношений населения Средней Азии и сопредельных стран.[26] Но филологическая и лингвистическая критика Авесты, несмотря на большое количество работ в этой области, еще относятся к сравнительно мало разработанным областям востоковедения. Поэтому автор счел более осторожным полностью воздержаться от привлечения материалов Авесты, не исключая, разумеется, возможности такого привлечения в дальнейшем. Как известно, некоторые исследователи даже склонны помещать территорию, на которой сложились древнейшие части Авесты, в район Теджена и Мургаба. Возможно, объективное сопоставление независимо разработанных данных археологии и данных, извлекаемых из древнейших текстов Авесты, представит в этом отношении особый интерес.

В заключение автор приносит благодарность всем сотрудникам и рабочим, самоотверженно разделявшим трудности археологических исследований в песках и такырах низовий Мургаба.

---

[25] Предварительное сообщение о работах см.: В. М. Массон. 1) Древнемаргианское поселение Яз-Депе. ИАН ТССР, 1955, № 3; 2) Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, 64, 1956; 3) Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. ИАН ТССР, 1956, № 2; В. И. Сарианиди. Керамические печи древней Маргианы. КСИИМК, 69, 1957.

[26] С. П. Толстов. Черты общественного строя восточного Ирана и Средней Азии по Авесте. История СССР (на правах рукописи), чч. I—II. М.—Л., 1939, стр. 185—188; В. В. Струве. Родина зороастризма. СВ, V, 1948; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956; О. В. Тюрин. Социально-экономические термины в Бисутунской надписи. Труды Инст. языкознания АН СССР, VI, М.—Л., 1956 и др.

ЧАСТЬ I

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

ГЛАВА 1

МУРГАБСКИЙ ВАРИАНТ КУЛЬТУРЫ НАМАЗГА VI

Археологические работы 1954—1956 гг. позволили установить, что освоение земледельцами дельты Мургаба относится еще к поре поздней бронзы. Поселения этого времени можно отнести к мургабскому варианту культуры Намазга VI. Этот комплекс Намазга VI, характеризующий культуру подгорной полосы времени поздней бронзы, был выделен Б. А. Куфтиным при широком стратиграфическом изучении поселения Намазга-Депе. Правильность подобного выделения подтверждается раскопками других памятников подгорной полосы (Теккем-Депе, Янги-калинский могильник). Черты значительного своеобразия, о которых будет сказано ниже, заставляют выделить рассматриваемые памятники в особый мургабский вариант культуры Намазга VI.

В настоящее время в дельте Мургаба известно всего шесть памятников этой культуры. Все они расположены к северу от колодцев Новый Кишман и образуют целый оазис, вытянутый в меридиональном направлении. В настоящее время этот район находится в зоне закрепленных песков, частично развеваемых у колодцев. Наземная разведка ни в 1954-м, ни в 1955 г. не позволила установить, как орошался этот район в древности. Скорее всего следует полагать, что здесь проходил один из рукавов затухающей дельты Мургаба, вдоль которого и располагались земледельческие поселения. Возможно, для орошения поселений и проводились небольшие канавы, но едва ли они достигали значительной величины. Обратимся к описанию самих поселений.

ТАХИРБАЙ 3

Первое исследованное поселение из числа памятников этой культуры — поселение Тахирбай 3 — расположено в 12 км к северу от колодцев Новый Кишман и в 3 км к югу от Тахирбай-Депе, условно названного Тахирбай 1. Поселение Тахирбай 3 вытянуто с юга на север и представляет собой «пятно черепков» на такыре и закрепленных песках, без какого-либо возвышения над окружающей поверхностью. Тем не менее, как показали раскопки, культурные слои здесь достигают мощности 2—2.5 м. Вероятно, это следует объяснять расположением памятника в зоне песчаной аккумуляции, когда накопившийся слой песчаных отложений поднял уровень окружающей поселение местности.

Максимальные размеры поселения 750×300 м. Однако в связи с отсутствием точных границ площадь его трудно определить. С запада и с востока к поселению подходят гряды закрепленных песков. К югу, в 100 м от основного массива поселения, имеется небольшой холмик с тахирбаевским же подъемным материалом. Само поселение имеет более или менее ровную, слегка задернованную поверхность с белыми пятнами размывов, усеянных большим количеством черепков. В норках грызунов, встречающихся по западному краю поселения, видны выбросы золы. Видимо, в последний период существования поселения по его краю располагались отвалы мусора.

Около юго-восточного края поселения находится большое количество обожженных и ошлакованных кирпичей, имевших в тесте примесь мелкорубленого самана. Возможно, это остатки печи для обжига керамики.

Около этих остатков был заложен в 1954 г. разведочный шурф № 1 размером 5.5×3 м, доведенный до глубины 1.1 м. В раскопе встречен угол помещения, стены

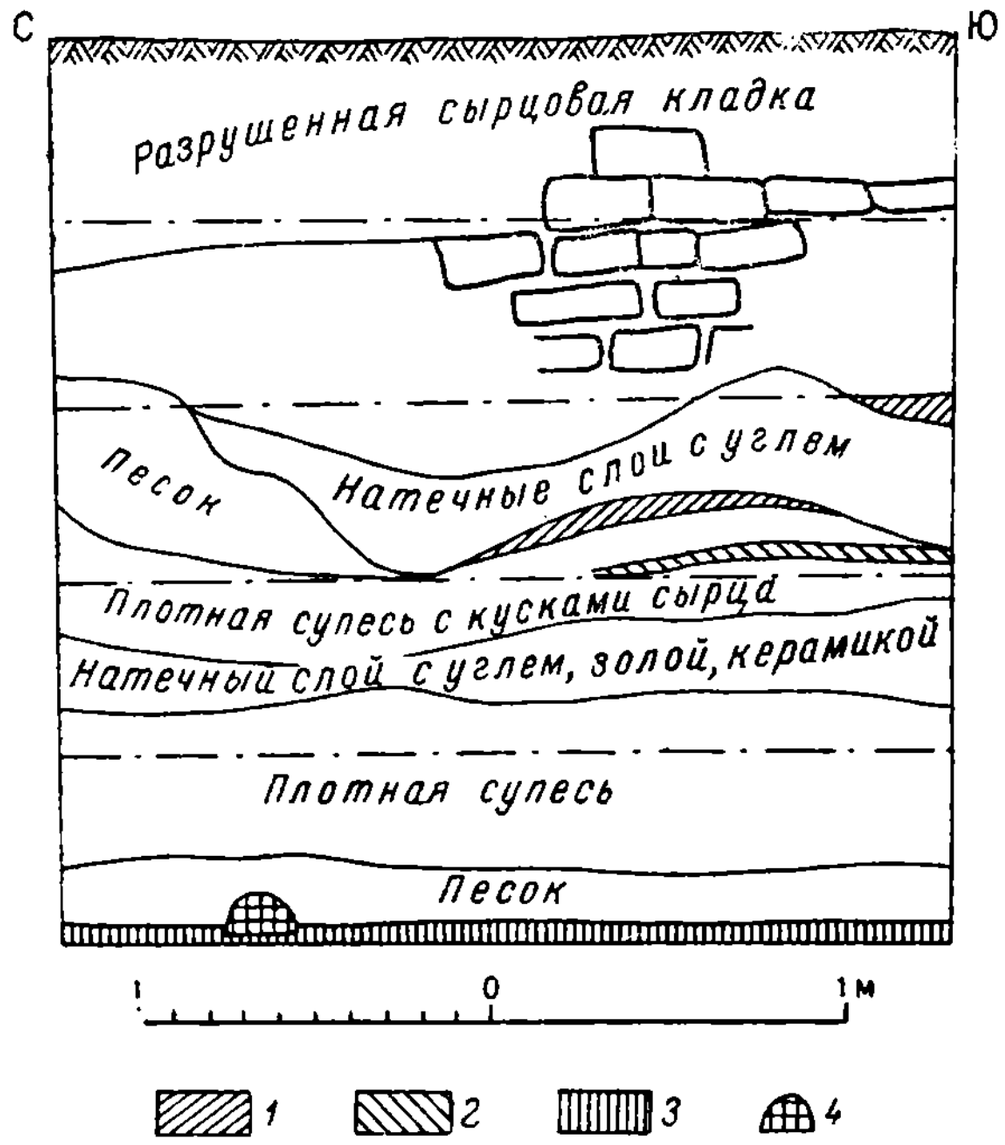

Рис. 2. Профиль восточной стены шурфа № 1 на поселении Тахирбай 3.

1 — богатые включения золы; *2* — сероватая супесь; *3* — белый песок аллювия; *4* — проекция погребения.

которого построены из продолговатого сырцового кирпича. Толщина стены 35—40 см. Удалось замерить лишь ширину и толщину сырцовых кирпичей, соответственно равных 23—24 и 11.5—12—13 см. Пол был встречен на глубине 90—100 см и представлял собой горизонтальные уплотненные (утоптанные?) слои глины и отдельными выщербинами, заполненными песком с золой и частицами угля. Непосредственно под полом идет рыхлый слой с большим количеством золы, а выше завал сырцового кирпича. На полу помещения находилось несколько сосудов, раздавленных рухнувшими стенами. Следовательно, помещение некоторое время стояло запустевшим и на полу накопился слой мусора. Уже на этот слой обвалились верхние части стен (рис. 2).

В 1955 г. шурф № 1 был продолжен на площади 3.5×2.8 м, причем позднее в связи с находкой погребения пришлось сделать прирезку 2×1.5 м. Раскопки велись по ярусам в 50 см. За реперную точку была принята современная поверхность у края шурфа.[1] I и II ярусы были пройдены раскопками 1954 г. В III ярусе шли рыхлые натечные слои с беловатыми известковыми включениями, угольками и зольниками. К концу яруса эти слои значительно уплотнились и в IV ярусе слепились очень плотными слоями с включением кусков сырцового кирпича, угольков и золы. При этом более плотными были слои в северо-восточной части шурфа. Здесь в середине IV яруса был встречен зольник толщиной 6—8 см. В конце яруса пошел слой плотной супеси без значительных включений органических остатков. Этот слой продолжался и на большей части V яруса. В начале яруса был встречен небольшой очажок размером 31××22 см. Стенки его образованы красноватой обгоревшей землей. На дне очажка лежит зола, угольки, трубчатые кости животных. В конце V яруса шурф достиг материка,

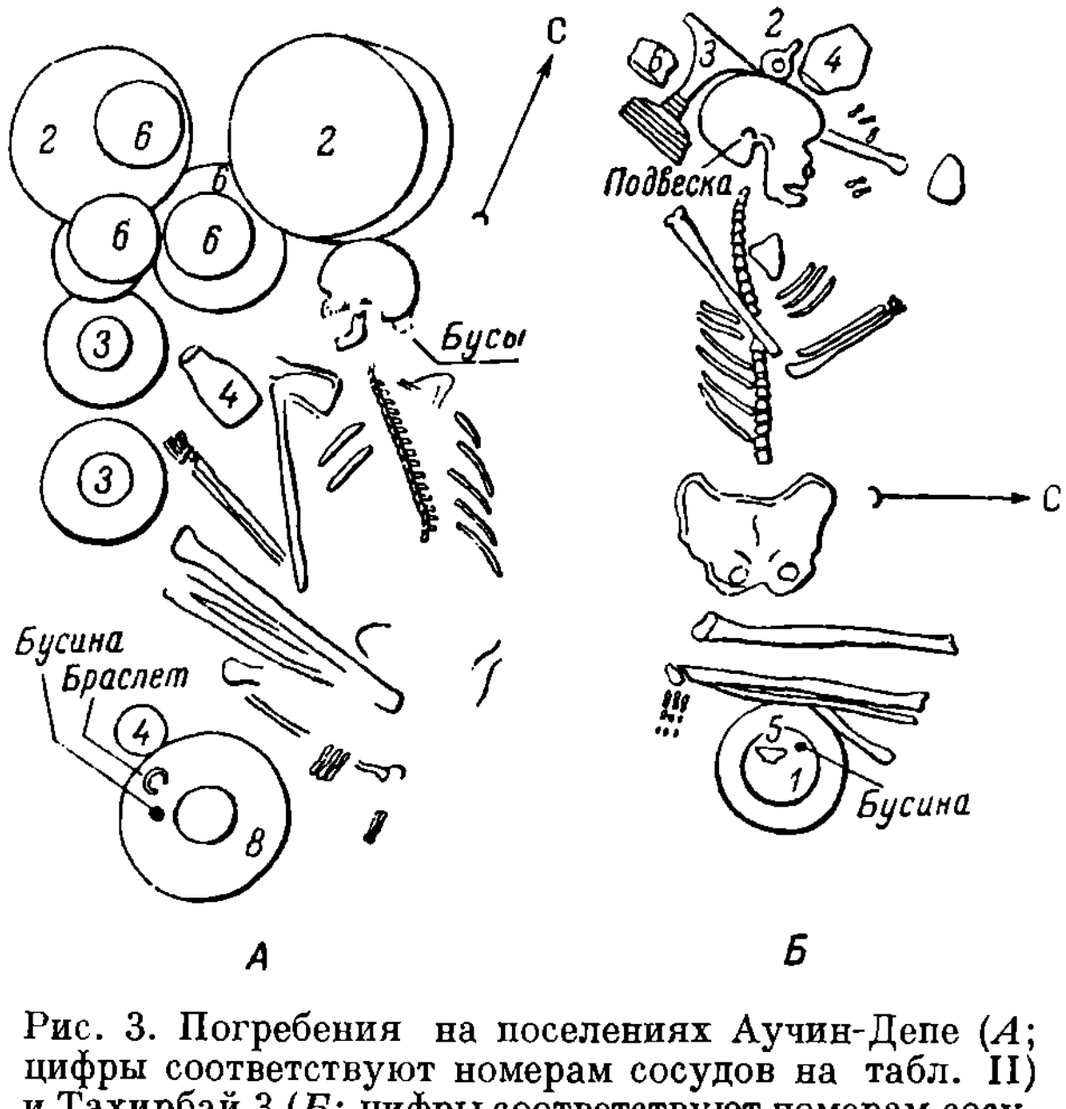

Рис. 3. Погребения на поселениях Аучин-Депе (*А*; цифры соответствуют номерам сосудов на табл. II) и Тахирбай 3 (*Б*; цифры соответствуют номерам сосудов на табл. IX).

представленного песчаными аллювиальными отложениями, причем эти слои идут

[1] Отсчет ярусов велся сверху вниз. Соответственно верхняя часть яруса считалась его началом, а нижняя концом.

в пределах шурфа несколько наклонно с востока на запад.

В конце V яруса было встречено скорченное погребение (рис. 3, Б), ориентированное головой на запад. Костяк лежал на спине, череп был повернут лицом на север. Обе руки согнуты в локтях, причем правая лежала на груди, а левая так, что ее кисть находилась под черепом. Ноги, согнутые в коленях, находились в неестественном вывернутом положении, правая нога лежала на левой. Стопы ног были сильно подтянуты к тазовым костям. Вероятно, труп был положен с согнутыми в коленях и стоящими вертикально ногами. После разложения мягких частей кости ног упали набок.

В ногах у погребенного стоял горшковидный сосуд зеленовато-белой глины. Внутри сосуда находились каменная биконическая поделка (бусина или пряслице), кусок кости животного и небольшая мисочка красноватой глины. В головах стояли сосуды: вазообразный сосуд с ребристым профилем стенок из красной глины, два кубка из серой и желтоватой глины и чайничек из серой глины (табл. IX, *1—6*). У правой височной кости лежала кольцевидная несомкнутая бронзовая подвеска, в результате окисления которой прилегающая часть черепа позеленела.

Могильная яма была вырыта в материковом песке и засыпана (залита?) глиной коричневатого цвета (рис. 4), пронизанной ходами насекомых или червей. По определению В. В. Гинзбурга, череп из этого погребения принадлежит возмужалой особи, видимо мужчине. Череп долихокранный, европеоидный.

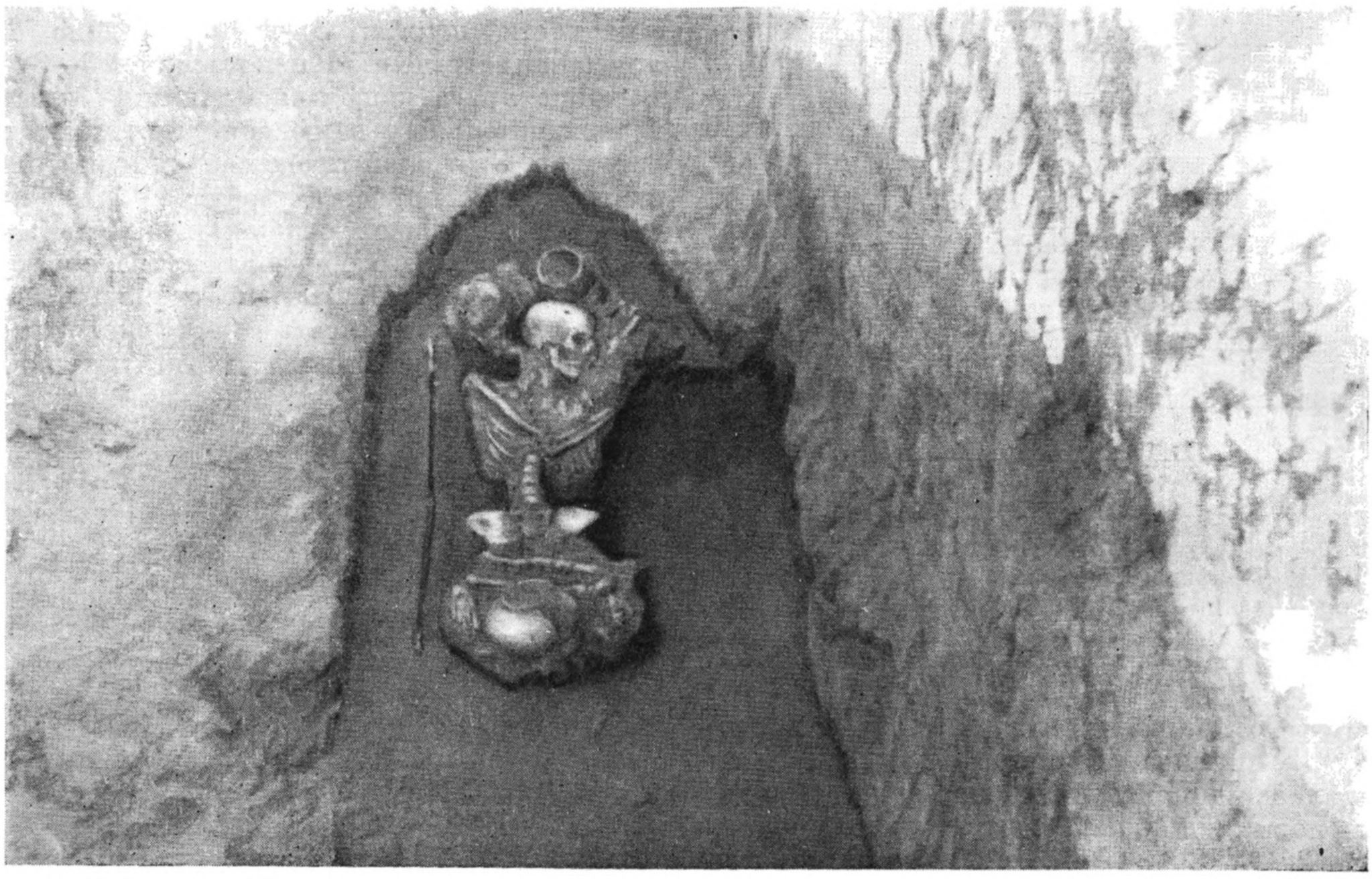

Рис. 4. Погребение в шурфе на поселении Тахирбай 3.

В 1954 г. на западной окраине поселения Тахирбай 3 был заложен шурф № 2 размером 3.5×2 м и доведен до глубины 90 см. В этом шурфе была вскрыта часть помещения из продолговатого сырцового кирпича размером 27×49×10 см. Находки в этом шурфе были бедны и малочисленны.

Кроме нескольких фрагментов керамики, следует отметить крупную бронзовую булавку.

Кроме двух описанных шурфов, в 1955 г. на поселении Тахирбай 3, на его юго-западной окраине, был разбит раскоп I площадью 100 м² (рис. 5). Раскопки как и во всех других случаях при работах XIV отряда, велись по квадратам 2×2 м по ярусам в 50 см. В месте раскопок культурные слои поселения достигали 2 м. Они четко делятся на два стратиграфических комплекса — верхний (I и II ярусы) и нижний (III и IV ярусы).

В верхнем комплексе были встречены остатки строений, но основную часть раскопа занимал прямоугольный двор. Во дворе находилась круглая в плане печь, близко напоминающая современные туркменские тандыры. Как известно, печи,

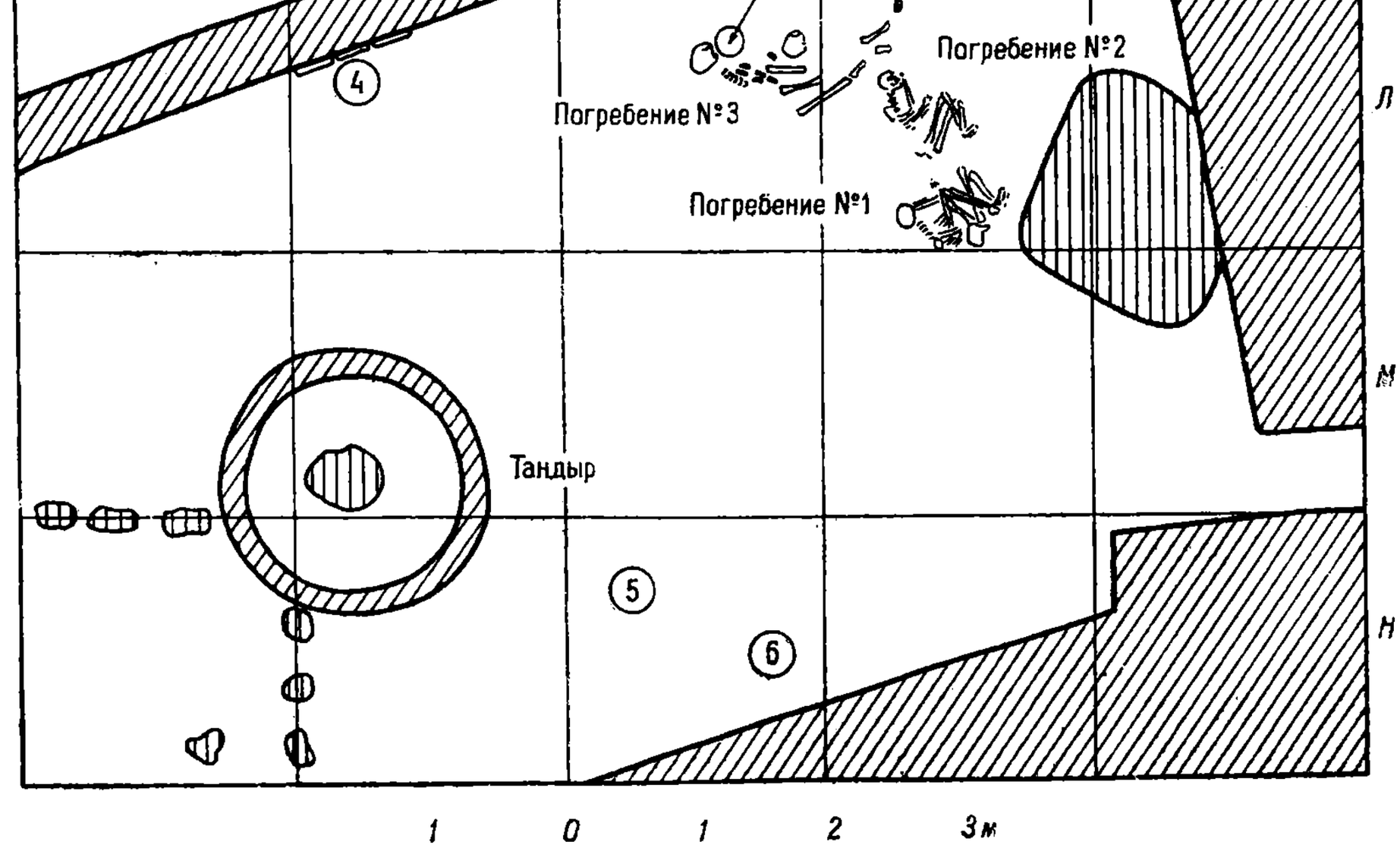

Рис. 5. План раскопа I на поселении Тахирбай 3.

1 — бронзовый наконечник дротика; *2* — горшковидная хумча; *3* — костяной идольчик; *4* — стена, облицованная керамикой; *5* — бронзовый пробойник; *6* — каменное точило. *Вертикальная штриховка* — обгорелая красная глина; *косая штриховка* — глинобитные стены.

напоминающие тандыры, были встречены еще в северном кургане Анау в слоях Анау II, свидетельствуя о весьма древних традициях подобного рода сооружений. Тахирбаевская печь имела наружный диаметр 1.95—1.75 см. Глинобитные стенки ее толщиной 20 см сохранились на высоту 35—40 см. Плоское дно печи было сильно прокалено в центральной части и более слабо по краям. Около печи находились отвалы золы и куски красной прокаленной глины.

В пределах раскопа были выявлены три стены, окружавшие дворик: северная стена толщиной 50—60 см и восточная и южная более толстые, возможно заключающие остатки нескольких стен, пристроенных друг к другу. Стены сложены из сырцового кирпича размером 48(49)×23(24)×11(12) см. Северная стена со стороны дворика в одном месте была облицована фрагментами сосудов, причем на одном из фрагментов имелось нацарапанное изображение лука со стрелой(?). В северо-западной части раскопа, видимо, вскрыт угол большой комнаты. На полу комнаты найдены фрагменты нижней части хума, частично вкопанного в пол, и фрагменты стоящего на полу горшковидного хума. Уровень пола неровный, от 60 до 70 см, но в целом на 15—20 см выше, чем уровень пола дворика. Кроме керамики, на полу комнаты был найден идольчик, вырезанный на трубчатой кости.

Второй стратиграфический комплекс довольно четко отделялся от первого уплотненной забутовкой с большим количеством кусков сырцового кирпича, а иногда просто слоем глинобитной заливки (20—30 см толщиной). В этой забутовке был найден медный наконечник дротика. Слои второго стратиграфического комплекса вскрыты лишь на территории дворика. В основном пройден III ярус и начало IV яруса, и лишь в квадрате Н-13 IV ярус пройден целиком до материка, представленного здесь, так же как и в шурфе, отложениями мургабского аллювия. В этих слоях не было встречено остатков строений. В южной части раскопа отмечено большое количество кусков обгорелой глины и обгорелого сырцового кирпича, представляющих остатки двух очагов. Один из очагов имел подпрямоугольный план, план второго установить не удалось. В целом на всей раскопанной площади III ярус представлен слоями золы, кусками сырцового кирпича, слоями мусора с характерным зеленоватым оттенком. Среди слоев мусора были найдены обуглившиеся зерна пшеницы. В этих слоях в конце III—начале IV яруса были встречены три погребения, и, видимо, остатки четвертого. Все погребения без сопровождающего инвентаря. Находившаяся около черепа погребения № 3 верхняя часть вазообразного сосуда скорее всего принадлежит к числу керамики, встречающейся в культурном слое.

Погребение № 1. Скелет лежит в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Левая рука согнута, кисть ее находится у головы; кисть правой руки, также согнутой, расположена у колена правой ноги. Череп, по определению В. В. Гинзбурга, женский, старческий, европеоидный (средиземноморского типа), долихо-мезокранный.

Погребение № 2. Скелет лежит в скорченном положении, на левом боку, головой на север-северо-запад. Положение рук как в предыдущем погребении. Череп этого погребения принадлежит зрелому мужчине и определен В. В. Гинзбургом как протоевропеоидный, долихокранный тип.

Погребение № 3. Неполное трупосожжение. Положение костяка, видимо, вытянутое, головой на северо-запад. Около тазовых костей лежали отдельно кости четвертого черепа.

Наблюдения по истории поселения, сделанные на раскопе I, можно обобщить следующим образом. В первый период существования поселения здесь, видимо, находилась мало обжитая часть, использовавшаяся для отвалов мусора. Наличие отвалов мусора по краям поселения было отмечено выше, при описании микрорельефа. Несколько позднее это место, также лишенное строительных построек, использовалось как кладбище. Во второй период, возможно после частичной нивелировки и забутовки, здесь были возведены помещения, группировавшиеся вокруг дворика. Следует подчеркнуть, что забутовка и сами стены совершенно четко перекрывают погребения и вопрос о захоронениях под полом полностью исключается. Мы имеем дело с разновременным существованием на одном месте кладбища и жилых строений.

Эти же два периода существования поселения можно отметить и в шурфе, где к пер-

вому периоду относятся остатки комнат в I—II ярусах, а ко второму различные культурные слои III—V ярусов. Погребение в шурфе следует признать одновременным погребениям на раскопе I или чуть более ранним. Мощность и характер культурных слоев показывают, что поселение Тахирбай 3 существовало сравнительно недолго — едва ли больше 200—250 лет.

ТАХИРБАЙ 4

Расположено в 4 км к северу от Тахирбай-Депе (Тахирбай 1)). Представляет собой холмообразное возвышение высотой до 1.5 м, вытянутое с югу на север на 120 м. Около поселения тянутся такыры. В подъемном материале, кроме керамики и обломков медных изделий, много керамических шлаков и керамического брака, причем в некоторых местах их скопление указывает на керамические печи. На поселении была найдена пуговицевидная печатка красного камня и фрагмент торса терракотовой человеческой статуэтки.

ЯКИПЕР-ДЕПЕ

Находится у одноименных колодцев, в 19 км севернее Тахирбай-Депе (Тахирбай 1). Раннее поселение находится здесь к северу от небольшого холмика, дающего средневековый подъемный материал. Керамика лежит прямо на такырах, и поселение не возвышается над окружающей поверхностью (как Тахирбай 3). Поселение имеет размеры: север—юг — около 90 м и запад—восток — от 60 до 75 м в различных местах. На южной окраине поселения четко видны остатки трех керамических печей с кусками шлака и ошлакованными кирпичами.

К югу от холмика со средневековым материалом находится четырехугольное укрепление, также относящееся к средним векам. Видимо, к средним векам относится и холм с керамическими шлаками, расположенный к северо-западу от отмеченного выше холмика. Возможно, в нижних слоях средневекового поселения лежит материал типа Намазга VI.

АУЧИН-ДЕПЕ

Поселение Аучин-Депе расположено в 8 км к востоку от колодцев Тархан, около заброшенного кака (водосборной ямы) того же имени. Аучин-Депе представляет собой всхолмление, возвышающееся над окружающими такырами на 1.6 м. Основной массив поселения имеет в плане подквадратные очертания (рис. 6). От него на запад идет узкий длинный шлейф. Поселение, судя по рельефу, не имело специальных укреплений, но, возможно, внешний край образовывали сомкнутые стены жилых построек. Во всяком случае показательна известная собранность в планировке Аучин-Депе. В середине основного массива местами расположены лишенные находок такыры. Около западного шлейфа раполагалось несколько керамических печей, одна из которых была раскопана. Отдельные печи расположены и на основном массиве поселения.

На Аучин-Депе было заложено для изучения культурного слоя два шурфа. Шурф № 1 имел размеры 2×1.5 м. В I ярусе шла рыхлая земля, пронизанная корешками растений. В конце I яруса и в начале II яруса на всей площади шурфа встретился зольник толщиной 6—10 см. Во II ярусе шел слегка уплотненный культурный слой. В III ярусе его сменил натечный слой с включением органических остатков, угольков и кусочков гипса. В конце III яруса культурные слои кончились, шурф достиг материка. Таким образом, в отличие от поселения Тахирбай 3 окружающий Аучин-Депе рельеф не претерпел со времени существования поселения значительных высотных изменений: мощность культурных слоев в 1.5 м соответствует высоте Аучин-Депе над окружающими такырами.

Шурф № 2, размером 4×2.5 м, был заложен с целью получения материала верхнего слоя. В I ярусе шла мягкая земля с включениями угольков, кусочков гипса, небольших зольников, во II ярусе — плот-

ные натечные слои, находки почти полностью отсутствовали. На этом работы в шурфе № 2 были прекращены.

В керамической печи (рис. 7), раскопанной на Аучине, сохранились топка и

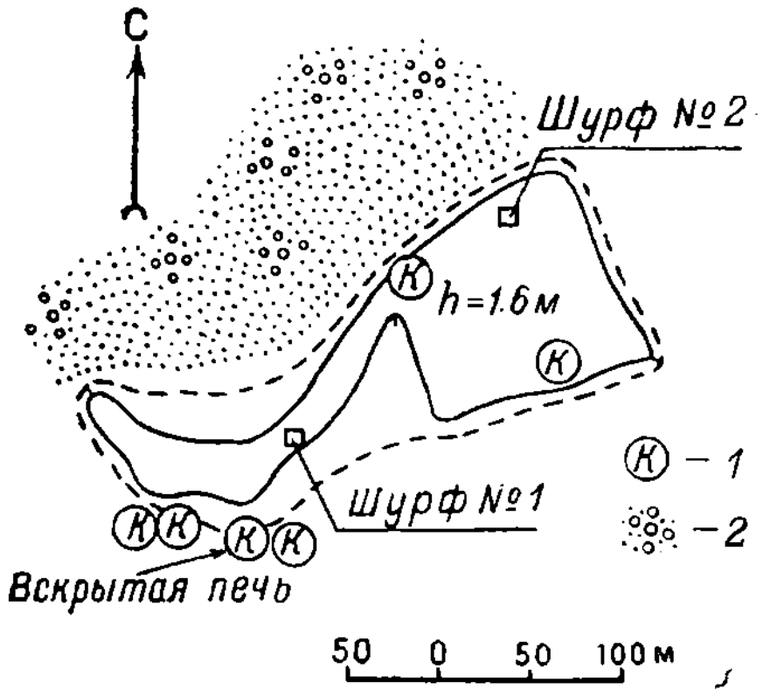

Рис. 6. Аучин-Депе. Глазомерный план.
1 — керамическая печь; *2* — пески.

часть пода обжигательной камеры. Топка была выстроена из сырцового кирпича, насквозь прокалившегося в процессе работы печки, и обмазана в несколько слоев глиняным раствором, также прокалившимся и превратившимся в ошлакованную массу. Для меньшей потери тепла топка была вкопана в землю подобно тому, как это делалось на древнемаргианских поселениях и в более позднее время. Топка имеет подпрямоугольную форму, чуть сужаясь к топочному отверстию. Топку делила на две части тонкая продольная стенка, служившая для поддержания пода обжигательной камеры. Насколько можно судить по сохранившейся части печи, под был сложен из целых кирпичей, поставленных на ребро, опиравшихся одним концом на продольную стенку, другим — на край топки. По обеим сторонам топки и по краям поперечной стенки располагались продухи, подававшие в камеру горячий воздух. Всего, по подсчетам В. И. Сарияниди, таких продухов было 12. Кроме того, три дополнительных продуха было сделано в северной стенке топки. Интересна следующая деталь: упомянутая продольная стенка имеет сверху желобчатое углубление, т. е. этот желоб проходил в центре обжигательной камеры. Назначение подобного устройства остается неясным.

Раскопанная часть печи была заполнена песком и кусками ошлакованной обмазки и кирпича. Найденные в кладке топки фрагменты керамики не оставляют сомнений в одновременности существования печи и самого поселения. Трудно судить о характере перекрытия топочной камеры. В. И. Сарияниди полагает, что оно было купольным,[2] но исходный подпрямоугольный план топки создавал для такого перекрытия известные трудности. Возможно, это был ступенчатый свод.

Значительный интерес представляет также погребение (рис. 3, А), которое было обнаружено на Аучине в 1956 г. при повторном сборе с поселения подъемного материала. Дефляция, разрушившая верхнюю часть культурных слоев Аучина, способствовала обнажению одного сосуда из числа составлявших интвентарь погребения, благодаря чему само погребение и было обнаружено. По положению этого погребения ясно, что оно относится к последнему периоду жизни

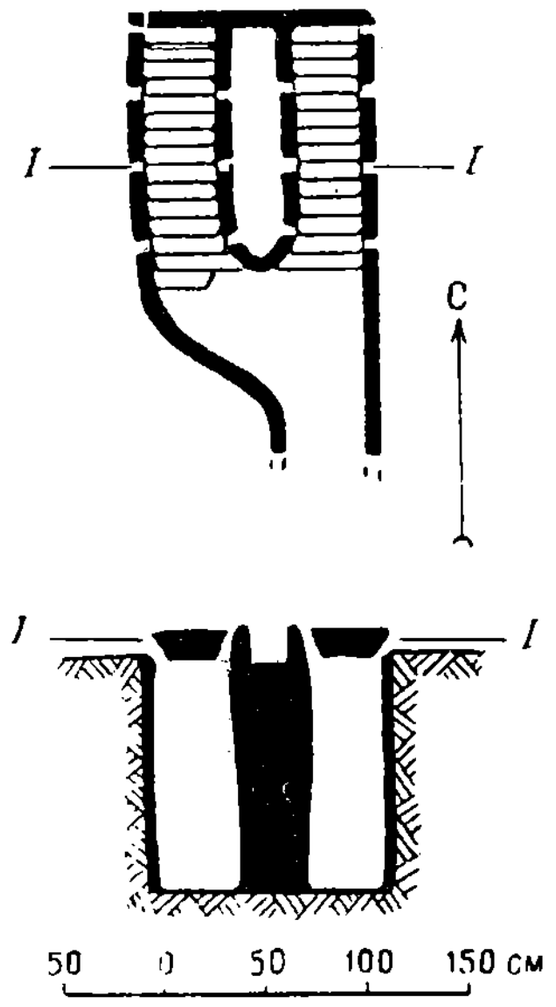

Рис. 7. Керамическая печь на поселении Аучин-Депе.

на поселении Аучин-Депе и, таким образом, датирует время его запустения. Скелет лежал в скорченном положении, на правом боку, с ориентацией головы на север-северо-запад. Обе руки согнуты в локтях и подняты кистями вверх. Это погребение имело относительно богатый инвентарь, в состав

[2] В. И. Сарияниди. Керамические печи древней Маргианы. КСИИМК, 69, 1957.

которого входили прежде всего 14 сосудов, в том числе 6 глубоких чаш (4 небольших и 2 крупных), ваза, 3 яйцевидных сосуда, 2 крынки, шаровидный хумча и сосуд со сливом ручной лепки (табл. II, III). За исключением последнего сосуда, все остальные были сделаны на кругу. Располагались сосуды следующим образом: около правой лопатки лежала упавшая крышка, и около нее стояли 3 яйцевидных сосуда, ваза и 2 крупные чаши, вставленные одна в другую. Над этими сосудами и частично между ними стояли 4 небольших чаши и сосуд со сливом. В ногах находились хумча и крынка, причем внутри хумчи обнаружены биконическая бусина-пряслице из белого камня (табл. IV, *2*) и бронзовый браслет (табл. IV, *6*). Под черепом кучкой лежали 51 бусина, восьмиконечная звезда-подвеска (табл. IV, *3*) и круглая печать-подвеска из яшмовидной породы с изображением с одной стороны поднявшейся змеи, а с другой — геометрического орнамента (табл. IV, *1*). Бусы распределялись следующим образом: сердоликовых — 1, лазуритовых — 7, бирюзовых — 1, гипсовых — 42, в том числе 32 удлиненных пронизки, 3 боченковидных бусины, 4 шариковидных и 3 плоских, в виде колечек. Следует отметить, что гипсовые бусы аналогичны бусам времени Намазга II и III, найденным в погребениях на Кара-Депе у Артыка. Разумеется, это говорит не о хронологических связях, а о старой местной традиции.

Нельзя также не отметить и значительную близость Аучиновского погребения и описанного выше погребения из шурфа на поселении Тахирбай 3. Общность обряда сказывается здесь и в размещении инвентаря. В обоих случаях в ногах помещены сосуды близкой формы (хумча в Аучине и горшковидный сосуд в Тахирбае 3), причем внутри них находятся биконические пряслица-подвески. Основная масса сосудов помещена у головы, причем и на Аучине. и на Тахирбае 3 здесь стоит по одной вазе,

ТАХИРБАЙ 5

Расположено в 4 км к северу от колодцев Тархан. Представляет собой участок такыра с остатками керамических печей и фрагментами керамики. Бóльшая часть поселения занята песками. Среди подъемного материала следует отметить крупный бронзовый наконечник какого-то орудия.

ТАХИРБАЙ 6

Расположено в 14 км к северу от колодцев Тархан. Также представляет собой участок такыра, усыпанный керамикой, около которого расположено небольшое всхолмление, видимо относящееся к средним векам. Кроме керамики поздней бронзы, встречается также средневековая поливная керамика. Следует отметить лавролистный кремневый наконечник стрелы двусторонней обработки.

Переходя к общей характеристике археологического материала, следует отметить, что он распадается на два комплекса, имеющих, судя по всем данным, и временное различие. Более ранним является материал, полученный на поселении Аучин-Депе. Поселение Тахирбай 3 представляет позднюю фазу в развитии мургабского варианта культуры Намазга VI.

Остановимся сначала на материале с Аучин-Депе (табл. I). Керамика в основном красного и розового цвета с зеленовато- или желтовато-белым ангобом. Есть отдельные сосуды с зеленовато-белым черепком. Довольно мало серой керамики. Почти вся посуда сделана на кругу быстрого вращения. Характерной особенностью является спиралевидное завихрение на плоских донцах сосудов, видимо связанное с поворачиванием этих сосудов при снимании с круга. Ножки вазообразных сосудов изготовлялись отдельно от тулова и затем к нему прикреплялись. На нижней части тулова, в месте прикрепления ножки, делались надрезы по сырой глине для лучшего скрепления этих двух частей сосудов.

Формы керамики довольно разнообразны. Это прежде всего вазообразные сосуды, с изогнутым венчиком, на полых ножках. Иногда эти сосуды имели валик, отделяющий ножку от тулова, причем в этом случае ножка сравнительно высока. Наоборот, крупная ваза из погребения весьма приземиста и имеет глубоко чашевидное тулово,

почти идентичное вазам из янги-калинских погребений. Довольно часто встречаются глубокие конусовидные чаши с изогнутым бортиком, как сравнительно небольшие, так и весьма крупные, видимо уже игравшие роль мисок. Наличие этой формы составляет одну из характерных особенностей аучиновского комплекса. На поселении Тахирбай 3 эти чаши отсутствуют — их полностью заменили кубковидные сосуды. Наоборот, эти кубки с характерно скошенной придонной частью почти не встречаются на Аучине. Можно отметить лишь один сосуд, приближающийся к этой форме. Весьма характерны горшковидные хумы с вогнутой выкружкой у дна. Следует указать также на крынки, кубкообразный сосуд на невысоком поддоне, глубокие миски, горшковидные сосуды с носиком. Известный интерес представляют отдельные фрагменты, указывающие на наличие у сосудов ручек. Как известно, отсутствие ручек весьма характерно для керамики энеолита и бронзового века южной Туркмении и северного Ирана. Величина фрагментов не позволяет, к сожалению, установить форму аучиновских сосудов, имевших ручки. Видимо, это были какие-то горшковидные сосуды. В материале подгорной полосы нам известен один небольшой кувшинчик из комплекса времени Намазга V, имеющий грубо сделанную вертикальную ручку, овальную в сечении (раскопки А. Ф. Ганялина 1953 г. на Намазга-Депе). Орнаментированная керамика крайне редка, но тем не менее орнаментированные фрагменты все-таки встречаются. Это прежде всего вертикальные насечки, получившиеся как бы в результате прокатывания орнаментированного валика.[3] Такой орнамент располагался на плечиках горшковидных хумча. Показательно, что подобный орнамент не встречается на керамике Тахирбая 3. Там на горшковидные хумча наносился орнамент из нацарапанных волнистых и прямых параллельных линий. Может быть, подобная разница связана с хронологическими изменениями. И на Аучине, и на Тахирбае 3 имеются нацарапанные изображения елочки, но на Аучине елочка обычно расположена вертикально, а в одном случае рядом с ней было еще какое-то изображение (козел?), к сожалению, не сохранившееся (табл. IV, *5*). На одном небольшом фрагменте имеется изображение, напоминающее рисунок так называемого «лука со стрелой» тахирбаевской керамики (табл. V, *7*).

Вся охарактеризованная выше посуда принадлежит к числу сделанной на гончарном круге. Вместе с тем на поселении Аучин-Депе имеется весьма значительное количество керамики ручной лепки, что составляет, пожалуй, одну из отличительных черт Аучина по сравнению с другими мургабскими поселениями времени Намазга VI. Как отмечалось выше, горшковидный сосуд с небольшим лопаточкообразным сливом был найден в погребении на Аучин-Депе (табл. III, *1*). Сосуд этот леплен от руки, черепок розоватого цвета, снаружи покрыт беловатым ангобом, в тесто подмешана в большом количестве толченая керамика. Сосуд вылеплен довольно грубо, чем отличается от остальной керамики, имеющей тонкие стенки и изящный профиль. Возможно, что данный сосуд принадлежит к числу кухонной посуды, и в таком случае можно указать в качестве аналогии на близкие сосуды из комплекса Намазга IV, найденные Б. А. Куфтиным при раскопках так называемой «площадки с горнами» на Намазга-Депе. Однако сосуды, найденные Б. А. Куфтиным, отличаются значительно бóльшим изяществом, чем аучиновский экземпляр. Близки сосуду из погребения и многочисленные фрагменты керамики ручной лепки, собранные в подъемном материале. Цвет черепка серый, розоватый или красный, лишь в двух случаях отмечен плотный белый ангоб, покрывающий наружную поверхность. Из числа форм можно отметить горшковидные сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком, иногда образующим невысокую шейку. Далее имеются полусферические чаши, возможно имевшие петлеобразные ручки, невысокие плошки и кувшинчик с подкошенной придонной частью. Некоторые фрагменты от придонных частей крупных сосудов свидетельствуют о наличии и у этих сосудов подкошенной придонной части. Найдена также длинная ручка от керамической ложки-льячки, напоминающая аналогичные ложки из комплекса Намазга V. По тесту к этой же группе аучиновской керамики можно отнести и керамические подставки, но наличие на стенках этих подставок характерных концентрических линий заставляет предполагать, что эти подставки

[3] Аналогичный орнамент на керамике Намазга VI см.: R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1908, табл. 14, *4*, *3*.

делались на гончарном кругу. Ряд фрагментов керамики, лепленной от руки, имеет орнамент, сделанный насечками, образующими углы или треугольники. Иногда это просто непонятные фигуры, а в одном случае — параллельные линии, как бы подражающие орнаментации керамики хумча с Тахирбая 3. Один из фрагментов имеет выступающий наружу венчик в виде уплощенного валика, причем по наружному краю этого валика сделаны вертикальные насечки.

Своеобразие этой керамики сразу обращает на себя внимание. Некоторые из ее форм (сосуды с подкошенной придонной частью) как бы подражают посуде, сделанной на гончарном кругу. Орнаментированные фрагменты во многом близки керамике тазабагьябской и андроновской культур. По фактуре и отдельным формам (горшковидные сосуды, полусферические чаши, видимо имевшие ручки) эта группа аучиновской керамики тяготеет к комплексу Яз I. Следует иметь в виду, что среди аучиновской керамики ручной лепки есть несомненно и кухонная посуда времени Намазга VI, но в то же время, как нам кажется, она представляет и какой-то другой комплекс, может быть близкий по времени, и в этой связи особый интерес представляют отмечаемые связи с комплексом Яз I. Можно только пожалеть, что сильная степень развевания культурных слоев Аучина не позволяет надеяться выделить в ходе раскопок этот комплекс, связанный, видимо, с самыми верхними напластованиями. Однако вполне вероятно, что дальнейшее расширение разведочных работ позволит обнаружить памятник, где соответствующие слои менее развеяны.

Кроме керамики, на Аучин-Депе найдены мелкие обломки медных изделий, в том числе, видимо, остатки овальной «печатки» (табл. XII, *8*) типа, характерного для поры развитой бронзы южной Туркмении и северного Ирана. Из каменных изделий следует отметить фрагмент кремневой пластинки, венчик вазообразного сосуда, донце овального стеатитового сосуда и 3 кремневых наконечника стрел. Наконечники стрел двусторонней обработки двух типов: лавролистный наконечник без черешка и черешковые наконечники с шипообразными загнутыми концами (табл. XIII, *10—12*).

Для позднего периода характерен значительный керамический комплекс с поселения Тахирбай 3. Вся керамика, кроме кухонных котлов, изготовлена на гончарном кругу быстрого вращения. На донце, как правило, имеется спиралевидное завихрение, иногда более четкое, иногда еле заметное, как бы заглаженное после снятия сосуда с круга. Черепок в основном имеет розовый или красноватый цвет с различными оттенками до желтого и кремового. Реже встречается серая посуда. Распространен желтовато- или зеленовато-белый ангоб. Ведущими формами можно считать вазообразные сосуды, кубки, горшковидные хумча и керамические подставки.

Вазообразные сосуды имеют чашевидное тулово и высокую полую ножку (табл. X, *4*). Черепок, как правило, имеет красноватый или розовый цвет. Судя по одному фрагменту ножки, были и серые сосуды такой формы, если только данный фрагмент не является керамическим браком. Как и на Аучин-Депе, ножки изготовлялись отдельно. По характеру закраин можно отметить три варианта вазообразных сосудов: с венчиком, плавно загнутым внутрь (табл. VII, *1*), с венчиком, углом выступающим наружу (табл. VII, *3*), и сосуды с уплощенным туловом-чашей и со слегка загнутым внутрь краем венчика (табл. VII, *10*). В верхней части ножки у перехода к тулову имеется один или два небольших валика. Некоторым своеобразием отличается вазообразный сосуд из погребения в шурфе. В известной степени он примыкает к сосудам второго варианта, отмеченного выше, но, кроме верхнего выступа, по наружной стороне тулова он имеет еще два других выступающих ребра. Несколько валиков в верхней части ножки образуют характерную гофрировку. Венчик аналогичного сосуда был найден также в IV ярусе шурфа, что позволяет считать эту форму характерной для первого периода существования поселения. Значительный интерес представляет находка также в IV ярусе венчика вазообразного сосуда с изогнутым бортиком, идентичного материалу с Аучин-Депе. Абсолютное отсутствие таких венчиков в раскопе I и в подъемном материале является одним из аргументов в пользу более ранней датировки Аучин-Депе по сравнению с поселением Тахирбай 3. Обращает на себя внимание значительный диаметр нижней части ножек вазообразных сосудов (17 см и более), что, надо полагать, связано с необ-

ходимостью придать им бóльшую устойчивость при отсутствии в быту стола.

Другой ведущей формой являются кубки в основном биконической формы, с ребром в середине сосуда и наклоном стенок к донцу и венчику (табл. VIII, 5, *6*). Имеются, правда, и отдельные образцы без резкого сужения стенок к венчику. В этом случае стенки кубка выше ребра идут почти вертикально. Один кубок из погребения в шурфе имеет очень низкую посадку, тогда как обычно ребро перелома стенок проходит посредине тулова. Наиболее распространены серые кубки, но встречаются также кубки розовой глины, покрытые снаружи беловатым ангобом.

Весьма характерной для керамики культуры Намазга VI является форма горшковидной хумчи с невысоким горлом, чуть отогнутым наружу венчиком и вогнутой выкружкой в придонной части (табл. V, *1*). На плечиках подобных сосудов иногда встречается нацарапанный орнамент. Следует отметить, что это единственные орнаментированные сосуды среди общей массы керамики Намазга VI. Обычно орнамент наносился гребенчатым инструментом и состоял из нескольких полос параллельных линий, иногда с волнистыми линиями в промежутках между такими полосками (табл. VI, *2*, *5*). В двух случаях встречен орнамент, напоминающий схематическое изображение ветки (табл. VI, *7*, *11*).

Столь же характерной формой являются и керамические подставки, обычно конусовидные, но иногда (для более мелких образцов) с почти вертикальными стенками. На наружной стороне одной подставки, происходящей из подъемного материала, встречено нацарапанное изображение козла. Широкое распространение подставок, вероятно, вызвано теми же причинами, что и крупный диаметр ножек вазообразных сосудов — необходимостью устойчивого положения посуды, стоящей на полу. Вероятно, подставки в основном предназначались для горшковидных хумча и для кубков. Но, возможно, на них ставились также и горшковидные сосуды.

Сравнительно реже, чем сосуды отмеченных выше четырех типов, встречается ремесленная керамика других типов. Среди этих сосудов следует отметить горшковидные сосуды с шарообразным туловом и чуть отогнутой наружу шейкой, отличающейся от хумча меньшей величиной и отсутствием выкружки в придонной части. Встречаются сосуды этой формы как более вытянутые, так и весьма приземистых пропорций, иногда почти лишенные шейки. Можно указать также глубокую миску, крынку, стаканчик и небольшую мисочку из погребения в шурфе. Несколько особняком стоит и серый «чайник» из того же погребения, хотя два фрагмента носиков подобных «чайников» имеются в подъемном материале. Хумы, известные пока лишь по своим венчикам, видимо, или повторяли общие формы хумча, или имели прямой венчик с характерной выемкой ниже закраины.

Кухонная посуда с примесью в тесте толченой керамики представлена плоскими жаровнями и котлами с прямым венчиком и плоским дном. Относящийся к этой группе невысокий сосудик с загнутыми внутрь краями, возможно, являлся светильником.

Раскопки и сбор подъемного материала на поселении Тахирбай 3 дали некоторое количество бронзовых изделий. Весьма характерными являются бронзовые черешковые наконечники дротиков. Черешок для закрепления в расщепленном древке уплощен на конце. Из раскопок и из подъемного материала происходят лезвия ножей, булавки с полусферической головкой, иногда достигающие крупных размеров, и пробойник, квадратный в сечении средней части, но закругляющийся на конце (табл. XIV). Кольцевидная несомкнутая бронзовая подвеска из погребения в шурфе была отмечена выше. Среди мелких обломков бронзовых изделий, собранных на поверхности поселения, можно указать на небольшой штампик (?) с шестилепестковым основанием и куски проволоки, изогнутые под прямым углом. Последние были встречены также в раскопе, и их изогнутость, вероятно, не является случайной.

Из каменных изделий наиболее многочисленны зернотерки различной величины. Встречаются также ступки. В шуфре был найден массивный шаровидный белый камень с перехватом в средней части. По мнению С. Н. Юренева, он мог служить отвесом при ткацком производстве. К каменным поделкам относятся кремневый черешковый наконечник стрелы двусторонней обработки и точило с отверстием для подвешивания. Особый интерес представляет

находка биконических каменных бус или пряслиц. Одна такая бусина была найдена в 1954 г. в шурфе № 2 и в следующий сезон в одном из сосудов погребения в шурфе № 1. Некоторые из бусин имеют выточенный кружковой орнамент: по три кружка с каждой стороны (табл. XIII, *1—3*). Каменным или пастовым изделием является восьмиконечная печатка с ушком для привязывания. Типологически к ней примыкает печатка (или пуговица) из красного камня (пасты?) с поселения Тахирбай 4 (табл. XII, *7*).

Предметы искусства, найденные на поселении Тахирбай 3, сравнительно немногочисленны. Нацарапанные на керамике изображения козла и лука со стрелой (?) упоминались выше. В раскопе I был встречен костяной идольчик, вырезанный на тщательно отшлифованной трубчатой кости животного. Человеческое лицо воспроизведено схематически, но выразительно. Снизу и сверху изображение лица ограничивают орнаментальные полосы, заполненные косой сеткой (табл. XII, *5*).

К числу подъемного материала относятся два фрагмента терракотовых статуэток животных (табл. XV, *3*, *6*) и носик сосуда, оформленный в виде головы змеи (табл. XV, *1*).

Таков в общих чертах археологический материал, характеризующий группу наиболее ранних памятников в дельте Мургаба. При его сравнительно небольшом объеме он все же достаточно выразительно характеризует местную культуру поры поздней бронзы (табл. XVI).

Переходя к вопросам датировки и историко-культурным связям описанных памятников, следует прежде всего напомнить, что он представляет собой мургабский вариант культуры Намазга VI. Именно с памятниками подгорной полосы южного Туркменистана наиболее тесно связан рассматриваемый комплекс и именно туда, на юго-запад, идут наиболее яркие связи и аналогии. Датировка памятников типа Тахирбай 3 и культуры Намазга VI в подгорной полосе является двумя сторонами одного и того же вопроса. Рассмотрим эти связи и аналогии.

Материал культуры Намазга VI известен в настоящее время по целому ряду пунктов. Помимо раскопок на Намазга-Депе (Б. А. Куфтин, 1952),[4] к этому комплексу относятся Янгикалинский могильник (А. Ф. Ганялин, 1951 г.)[5] и поселение Теккем-Депе (А. Ф. Ганялин, 1952 г.).[6] Рассмотрение опубликованного материала с южного кургана Анау позволяет вполне ощутимо выделять и здесь соответствующие культурные слои.

Керамические комплексы рассмотренных выше мургабских поселений и подгорных памятников поры Намазга VI обнаруживают близкое сходство. Совпадают три ведущие формы: горшковидная хумча, вазообразный сосуд и керамическая подставка.[7] Только для комплекса Намазга VI характерно наличие нацарапанного гребенчатого и волнистого орнамента.[8] В равной мере на донцах сосудов Намазга VI имеется спиралевидное завихрение, отмечаемое впервые еще в комплексе Намазга V. Вместе с тем нельзя не отметить и известных различий. Кубок в подгорной полосе для поры Намазга VI известен лишь в Янги-калинском могильнике, но и там его форма отлична от мургабских сосудов. В свою очередь одна из ведущих форм подгорной полосы — чаши со слегка загнутым внутрь венчиком — отсутствует на Мургабе. Несколько отличны и формы вазообразных сосудов. На поселении Тахирбай 3 ножки этих сосудов выше и тулово-чаша более уплощенное, чем, скажем, на Намазга-Депе. Неизвестен на мургабских поселениях и красный ангоб, широко распространенный в подгорной полосе. Все эти особенности позволяют говорить не о простом распространении культуры Намазга VI на дельту Мургаба, а об особом, мургабском варианте, сложившемся здесь.

Вместе с тем отдельные керамические формы мургабских поселений можно возвести еще к комплексу Намазга V. На поселении Тахирбай 3 это фрагменты банкооб-

---

[4] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТССР, 1954, № 1.

[5] М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. ТЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 225; А. Ф. Ганялин. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

[6] А. Ф. Ганялин. Теккем-Депе. Труды Инст. истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. II, Ашхабад, 1956.

[7] R. Pumpelly, ук. соч., т. I, табл. 10, *1*; табл. 11, *6*; стр. 141, рис. 183 и 184.

[8] Там же, табл. 14, *1* и *2*.

разных сосудов и «чайник»,[9] причем последний отличается от материала собственно Намазга V, во-первых, серым цветом (в комплексе Намазга V серая посуда полностью отсутствует) и, во-вторых, более развитой шейкой с отогнутым наружу венчиком. В большей степени сравнение с керамикой Намазга V можно провести для материала с Аучин-Депе. Поскольку здесь имеется горшковидная хумча, это несомненно культура Намазга VI, но целый ряд архаизирующих моментов указывает, что перед нами ранний этап данной культуры. Изогнутый бортик вазообразных сосудов, почти отсутствующий на поселении Тахирбай 3, восходит к изломанному венчику чаш Намазга V.[10] Целые подобные чаши были найдены в погребении на Аучин-Депе. Характерной формой Намазга V следует признать и утяжеленные донца сосудов.

В связи с керамическим комплексом Аучин-Депе необходимо остановиться на одном интереснейшем памятнике подгорной полосы — Алтын-Депе у Меана.

Алтын-Депе расположено в 4 км к востоку от селения Меана. Это крупное поселение эпохи бронзы, его площадь достигает 20 га, а высота над современным уровнем равнины 18.5 м. В 1953 г. на Алтын-Депе были заложены А. Ф. Ганялиным два небольшие шурфа. Оба шурфа прошли двухметровую толщину культурных слоев, характеризовавшихся отсутствием расписной керамики, и углубились в слои, где стала встречаться расписная керамика типа Намазга IV. Такая стратиграфия позволяла, казалось бы, полностью отнести верхний двухметровый культурный слой Алтын-Депе к комплексу Намазга V. Однако общий облик керамики верхнего слоя Алтын-Депе несколько отличен от великолепной посуды Намазга V, хорошо известной по раскопкам на Намазга-Депе. На Алтын-Депе широко распространена посуда розоватых тонов черепка, встречаются керамические подставки — форма, характерная уже для комплекса Намазга VI, но полностью отсутствующая в более ранних слоях. Поэтому вполне естественным является предположение, что Алтын-Депе пришло в запустение несколько позже Намазга-Депе, когда уже начали намечаться характерные черты керамики Намазга VI. Кроме того, следует иметь в виду, что в настоящее время археологическое изучение подгорной полосы позволяет намечать для эпохи энеолита и бронзы своеобразные культурные микрорайоны. Такими двумя районами для поры позднего энеолита (Намазга II) являются район Анау-Кара-Депе у Артыка—Намазга-Депе, с одной стороны, район Яссы-Депе у Душака—Илгынлы-Депе—Геоксюр, с другой. Вполне вероятно, что эти различия сохранялись и в эпоху бронзы и своеобразие верхнего комплекса Алтын-Депе следует относить за счет местной специфики. Нам кажется, что в действительности имело место сочетание как местной специфики, так и несколько более длительного существования Алтын-Депе по сравнению с Намазга-Депе. Керамика мургабского Аучин-Депе находит целый ряд аналогий в керамике верхнего слоя Алтын-Депе, хотя в общем отличается от последней. Так, на Алтын-Депе имеется кубковидный сосуд на невысоком поддоне, совершенно идентичный аучиновскому, часто встречаются банковидные сосуды. По сути дела материал Аучин-Депе более сближается с керамикой Алтына, чем с комплексами Намазга VI, хотя и не дает полной идентичности. Это раннее положение аучиновского комплекса прекрасно характеризуется инвентарем погребения, раскопанного в 1956 г. на Аучин-Депе. Из четырнадцати сосудов шесть (глубокие чаши) по своей форме относятся к комплексу Намазга V, хотя и отличаются от собственно намазгинских экземпляров розовым цветом черепка (черепок сосудов Намазга V зеленовато-белый). Четыре других сосуда (ваза, хумча и крынки) и бронзовый браслет целиком уже можно относить к комплексу Намазга VI.

Как известно, слои Намазга VI в подгорной полосе имеют мощность около 6 м (Теккем-Депе, Намазга-Депе), причем основной материал происходит из верхнего слоя, а нижние слои лишь едва затронуты разведочными шурфами. Можно предполагать, что дальнейшие раскопки позволят наметить эволюцию керамики уже внутри

---

[9] Б. А. Литвинский. Намазга-Депе. СЭ, 1952, № 4, рис. 5, 16 и 17; В. М. Массон. Расписная керамика южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, табл. XXXVII, *7*, *9*.

[10] Б. А. Литвинский, ук. соч., рис. 5, 12; В. М. Массон. Расписная керамика. . ., табл. XXXVII, *2*.

комплекса Намазга VI, и тогда естественно ожидать, что нижние слои этого комплекса во многом сблизятся с материалом верхнего слоя Алтын-Депе, а общее деление Намазга VI на ранние и поздние слои будет соответствовать мургабским комплексам Аучина и Тахирбая 3.

Находят близкие параллели в подгорной полосе и другие материалы мургабских поселений. Восьмиконечная печатка с Тахирбая 3 близка печатке из комплекса Намазга V, у которой более резко выражена крестообразная форма.[11]

Металлическая колесовидная печатка, идентичная найденной на Аучине, опубликована у Пампелли в числе материалов из южного холма Анау.[12] Она найдена на террасе В на уровне +21 фут, что, как показывает изучение материала, соответствует переходным слоям от комплекса Намазга V к Намазга VI. К ранним этапам Намазга VI, судя по стратиграфии, относятся найденные на той же террасе черешковый кремневый наконечник стрелы,[13] почти идентичный аучиновским наконечникам, и биконическая каменная бусина с кружковым орнаментом,[14] ничем не отличающаяся от таких бусин с Тахирбая 3. Бронзовый браслет из аучиновского погребения совершенно аналогичен браслетам, найденным в погребениях времени Намазга VI в Янги-калинском могильнике и на Намазга-Депе. Таким образом, принадлежность нашего материала, при всех его локальных особенностях, к комплексу Намазга VI не вызывает сомнений.

Датировка культуры Намазга VI может определяться двумя путями: во-первых, местом этой культуры в общей стратиграфии южной Туркмении и, во-вторых, теми связями, которые эта культура имеет с памятниками других культур.

В общей стратиграфии слои Намазга VI лежат непосредственно над слоями комплекса Намазга V, что прекрасно показано раскопками Б. А. Куфтина на Намазга-Депе. Связи и аналогии этого последнего комплекса достаточно определенно указывают на верхние слои Шах-Тепе (IIа) и Гисара (IIIB и C), которые следует датировать, вопреки наметившейся в последнее время тенденции к излишнему заглублению, временем около начала II тысячелетия до н. э.[15] Слои Намазга VI в свою очередь непосредственно перекрыты слоями с грубой расписной керамикой, идентичной мургабскому комплексу Яз I. Такая последовательность имела место в верхнем раскопе на южном бугре Анау, как то показывает детальное рассмотрение отчета г. Шмидта, и на поселении Елькен-Депе у Каушута (неопубликованные раскопки А. А. Марущенко, 1953 г.). Как будет рассмотрено ниже, нет оснований датировать комплекс Яз I временем, более ранним, чем начало I и самый конец II тысячелетия до н. э. Таким образом, комплекс Намазга VI зажимается стратиграфически в пределах середины и второй половины II тысячелетия до н. э.

Следует отметить, что в целом комплекс Намазга VI является ярким и типично местным явлением южной Туркмении, что хорошо видно по керамическому материалу. Возможно, близкие связи обнаружатся в северном Иране, особенно в Хорасане, отделенном от наших памятников лишь сравнительно легко проходимыми хребтами Копет-Дага, когда там будут обнаружены памятники соответствующего времени. Но пока после Гисара III в археологии северо-восточного Ирана зияет значительная лакуна, доходящая чуть ли не до раннего средневековья, да и само Тепе-Гисар, так же как Шах-Тепе и Тюренг-Тепе, нельзя считать вполне хорасанскими памятниками, поскольку они сильно тяготеют к районам центрального Ирана. Но отдельные предметы комплекса Намазга VI находят аналогии в материале соседних культур.

С одной стороны, культура Намазга VI обнаруживает связи с комплексами поры развитой бронзы. Выше уже указывалось на определенные аналогии между мургабским материалом и комплексом Намазга V («чайники» и металлические печати). Эти аналогии можно распространить и на Гисар III, где металлические печати почти идентичны анауским и намазгинским.[16] В серой керамике самого верхнего слоя Тепе-Гисара (Гисар IIIC) имеется форма «чайника», отличающегося от тахирбаевского

---

[11] Там же, стр. 48, рис. 12.
[12] R. Pumpelly, ук. соч., т. I, стр. 152, рис. 256.
[13] Там же, стр. 166, рис. 384.
[14] Там же, стр. 161, рис. 320.
[15] В. М. Массон. Расписная керамика. . .
[16] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, рис. 118 (H 2697) и др.

более цилиндрическим горлом.[17] Эта форма является одной из ведущих для верхнего слоя Шах-Тепе (Шах-Тепе IIа),[18] причем следует иметь в виду, что в целом шах-тепинские комплексы обнаруживают бóльшие связи с южнотуркменистанским материалом, чем комплексы Тепе-Гисара. В свете таких ранних аналогий, видимо, не случайно то обстоятельство, что «чайник» с поселения Тахирбай 3 был найден в погребении в нижних слоях поселения и эта форма, очень редкая для керамики Намазга VI, совершенно отсутствует среди керамики из верхних слоев того же поселения.

Другим очень характерным элементом являются крупные биконические каменные бусы Намазга VI и, в частности, бусы с кружковым орнаментом. Аналогичные бусы известны из верхнего слоя Шах-Тепе, где они, правда, не орнаментированы.[19] Бусы же из комплекса Гисар IIIC имеют совершенно такой орнамент, как и южнотуркменистанские образцы.[20] Вообще подобный орнамент был широко распространен в Гисаре IIIC, где он встречается также на алебастровых сосудах и костяных изделиях.[21] Биконические каменные бусины были распространены и в слое Шах-Тепе IIа.[22] Опять-таки эти параллели дают именно верхние слои обоих памятников, и, кроме подобных ранних аналогий, можно указать на пастовые конические бусины с точно таким же кружковым орнаментом из цинцикарского погребения в Закавказье, относимого Б. А. Куфтиным к началу I тысячелетия до н. э.[23] Поделка из серого камня, напоминающая половину шаровидной бусины, с совершенно идентичным кружковым орнаментом, известна и в слое I ахеменидских Суз, который датируется, по Р. Гиршману, VII—VI вв. до н. э.[24]

Целый ряд других материалов также показывает, что отмеченные выше аналогии следует рассматривать как сохранение древних традиций и что в целом культура Намазга VI относится к более позднему времени, чем Гисар IIIC и Шах-Тепе IIа, датировка которых не выходит за пределы начала II тысячелетия до н. э.

Весьма характерной формой в этом отношении является серп из южного холма Анау, относящийся, как это можно сейчас установить, к культуре Намазга VI. Конец серпа, прикреплявшийся к рукоятке, резко загнут, подобно тому как это мы видим на серпах некрополя А в Сиалке (1200—1000 гг. до н. э.).[25] Эта характерная особенность, отличающая данные серпы как от кавказских [26] и восточноевропейских, [27] так и андроновских, встречающихся в Средней Азии на территории Киргизии,[28] заставляет не только сближать Сиалковский некрополь А и культуру Намазга VI хронологически, но также поставить вопрос и об общности форм металлических изделий центрального Ирана и южной Туркмении. В слоях Намазга VI на Теккем-Депе А. Ф. Ганялиным была найдена часть прекрасно полированной каменной булавы шаровидной формы, с шейкой у основания. Эта сравнительно поздняя форма может быть сопоставлена с одной из булав Бессарабского или Бородинского клада, датированных Тальгреном 1300—1100 гг. до н. э.,[29] с чем согласилась недавно О. А. Гракова.[30]

---

[17] Там же, табл. XLI (H 4296).

[18] J. A r n e. Excavations at Shah-Tepe. The Sino-Swedish Expedition. Publication 27 VII. Archaeology, V, Stockholm, 1945, стр. 198—199, табл. XXXIII, рис. 234, 235; D. E. M c C o w n. The Comparative Stratigraphy of Early Iran. University of Chicago, Studies in Ancient Oriental Civilization, № 23, 1942, рис. 18, стр. 60.

[19] J. A r n e, ук. соч., табл. LXXVI, рис. 600a и b.

[20] E. S c h m i d t. 1) Tepe Hissar Expedition 1931. The Musseum Journal, v. XXIII, 4. Philadelphia, 1933, стр. 435; 2) Excavations at Tepe Hissar, стр. 232, табл. LXX (H 2788).

[21] E. S c h m i d t. Excavations. . ., табл. CXLIII, CXLI, CXXXIX.

[22] J. A r n e, ук. соч., стр. 287, табл. LXXVI, рис. 600a и b.

[23] Б. А. К у ф т и н. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, табл. XXXIII.

[24] R. G h i r s h m a n. Village perse-achéménide. Mémoires de la Mission archéologique en Iran, t. XXXVI, Paris, 1954, табл. LII, 1016.

[25] R. C h i r s h m a n. Fouilles de Sialk, v. II. Musée du Louvre, Série archéologique, t. V, Paris, 1939, табл. XL, S 467 и XLVII, S 675a.

[26] Б. А. К у ф т и н. Археологические раскопки в Триалети, I, табл. XLVII.

[27] A. M. T a l l g r e n. La pontide préscythique après l'introduction des métaux. Eurasia septentrionalis antiqua, II. Helsinki, 1926, стр. 191, рис. 107.

[28] К. В. С а л ь н и к о в. Бронзовый век южного Зауралья. МИА СССР, № 21, 1951, рис. 14, *1*, *2*; А. Н. Б е р н ш т а м. Опыт классификации археологических находок (в Чуйской долине, 1941 г.). МИА СССР, № 14, 1950, табл. XXXV и XXXVI.

[29] A. M. T a l l g r e n, ук. соч., стр. 142.

[30] О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Бес-

Листовидные черешковые наконечники стрел из кремня, обнаруженные нами на мургабских поселениях, находят отдаленные прототипы в верхнем слое Гисара, где они более архаичны и приземисты.[31] Сама форма весьма поздняя и распространена в Поволжье и Казахстане во второй половине II тысячелетия до н. э. и даже в начале I тысячелетия, встречаясь при раскопках позднеандроновских поселений.[32]

Наконец, при раскопках поселения Тахирбай 3, так же как при раскопках южного холма Анау и Теккем-Депе, в слоях культуры Намазга VI была найдена керамика, близкая андроновской посуде (табл. XI, *3*). Исторической интерпретации этих находок мы коснемся ниже, но здесь отметим, что сам факт хронологически указывает на время, никак не более раннее, чем середина половины II тысячелетия до н. э. Если рассматривать южнотуркменистанские находки с точки зрения хронологической схемы, предложенной К. В. Сальниковым, то находимую в слоях Намазга VI керамику андроновского типа следует относить к алакульской стадии (последняя четверть II тысячелетия до н. э.). Между прочим, несомкнутое кольцо, использованное в Тахирбаевском погребении как подвеска, близко напоминает несомкнутые кольца из Вуадильского могильника в Фергане, относящегося к ферганскому варианту андроновской культуры.[33]

Тахирбаевские наконечники дротиков с их характерным уплощением черенка очень близки небольшим ножам катакомбной и полтавкинской культур,[34] причем, поскольку ножи подобного типа распространены и в Казахстане,[35] возможно, что в основе отмечаемого сходства лежат какие-либо реальные связи древних очагов металлургии. Однако следует оговориться, что, несмотря на значительное внешнее сходство, назначение тахирбаевских изделий было все-таки иным, чем в катакомбной и полтавкинской культурах: они несомненно являются наконечниками дротиков.

Наконец, несколько, казалось бы, отдаленные по территориальному положению, но вполне определенные и, может быть, не случайные аналогии находит материал мургабских памятников поздней бронзы в долине Инда. Отмечавшиеся выше биконические бусины-пряслица с характерным орнаментом из трех кружков найдены в Лохумджо-Даро в слое послехарапповской культуры Джхукара.[36] Каменные и керамические (черного цвета и лощеные, т. е., возможно, подражающие каменным) биконические бусины-пряслица вообще широко распространены в слоях[37] культуры Джхукара как на Лохумджо-Даро, так и на Чанху-Даро.[38] В этой связи интересно, что среди печатей этой культуры имеется одна, рисунок которой идентичен восьмиконечной звезде-подвеске, найденной в погребении на Аучине.[39]

Весьма показательно, что тип вазы из Тахирбаевского погребения с ее широкой в основании ножкой и непропорционально по сравнению с этой ножкой небольшой чашей крайне близок второму типу ваз из могильника R37 в Хараппе.[40] Важно отметить, что могильник R37 принадлежит если не к послехарапповскому времени, то во всяком случае к поздним этапам развития культуры Хараппы и, как отмечает М. Уилер, этот тип ваз крайне редок среди находок на территории поселений Мохенджо-Даро и Хараппы.[41] Близкой формы вазы

сарабский клад. М., 1949, стр. 28; булаву см. табл. XVII.

[31] E. Schmidt. Tepe Hissar..., табл. CXLIII.

[32] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА СССР, № 24, 1954, стр. 236; О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА СССР, № 21, 1951, стр. 170, рис. 19.

[33] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, 63, 1956, стр. 90, рис. 40.

[34] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА СССР, № 46, 1955, стр. 53, рис. 12, *2* и *3*.

[35] А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX, 1951, рис. 6, *1*. Орудия близкого типа известны также из Ферганы и Ташкентской области.

[36] N. C. Majumdar. Explorations in Sind. Memoirs of the archaeological Survey of India, № 48, Delhi, 1934, табл. XXXIII, стр. 58; S. Piggott. Prehistoric India to 1000 b. c. London, 1952, стр. 224, рис. 27.

[37] N. C. Majumdar, ук. соч., стр. 52.

[38] E. Makkay. Chanhu-Daro. Excavations, 1935—1936. New Haven, 1943, табл. LXXXVII, *14*, *17*, *21*, стр. 208.

[39] Там же, табл. L, *13*, стр. 292.

[40] R. E. Wheeler. Harappa 1946. The Defences and Cemetery R 37. Ancient India, 1947, № 3, табл. XLVI, *2*, рис. 12. IIc; IId; IIi; IIh.

[41] Там же, стр. 104.

были недавно найдены в Харапповском могильнике в Рупаре.[42]

Как известно, хронологическое определение конца культуры Хараппы вызывает некоторые разногласия исследователей. Если первоначально Э. Маккей определял гибель Мохенджо-Даро XVII в.,[43] то впоследствии большее распространение получила датировка конца культуры Хараппы временем около 1500 г. до н. э.[44], правда, быть может, не без влияния попыток исторически истолковать гибель древнейших городов Индии как прямой результат арийского завоевания. Хотя в настоящее время имеется тенденция относить конец Хараппы опять ко времени между 1950 и 1750 гг. до н. э., однако надо сказать, что старая датировка, так же как и сближение культуры Джхукара с временем арийского завоевания, является в значительной мере более вероятной.

Во всяком случае постхарапповская культура Джхукара, видимо, должна датироваться серединой II тысячелетия до н. э. Этим положено начало заполнению почти тысячелетней лакуны в археологии северо-западной Индии.

Изложенные выше данные позволяют относить культуру, представленную комплексом Намазга VI, к середине и второй половине II тысячелетия до н. э. Учитывая, что раскопки в дельте Мургаба дают достаточно большой материал для последовательной характеристики значительного отрезка времени, нам представляется возможным предложить несколько более дробные даты, не снимая оговорки относительно всей условности и предварительности подобных дат. Поселение Аучин-Депе мы предполагаем датировать временем около 1600—1300 гг. до н. э., а поселение Тахирбай 3, как поздний этап мургабского варианта Намазга VI, — около 1300—1000 гг. до н. э. Не исключено, что эти даты потребуют некоторого занижения и что Аучин-Депе надо будет относить к 1700—1400 гг, а Тахирбай 3 соответственно к 1400—1100 гг. до н. э.

---

[42] Indian Archaeology, 1954—1955. New Delhi, 1955, табл. VIII, *A*.

[43] Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 31, 129.

[44] См.: предисловие В. В. Струве к русскому переводу цитировавшейся выше книги Э. Маккея, стр. 13—14; В. С. Воробьев-Десятовский. Древняя Индия. В кн.: Очерки истории древнего Востока. Л., 1956, стр. 190.

ГЛАВА 2

СТРАТИГРАФИЯ ЯЗ-ДЕПЕ

Выше был рассмотрен материал, характеризующий культуру дельты Мургаба в пору поздней бронзы. Культура последующих периодов представлена в обследованном районе значительно бóльшим числом поселений, причем целый ряд этих поселений имеет многометровые толщи культурных наслоений, раскопки которых позволяли надеяться, на получение четкой стратиграфии — одного из первых условий классификации археологического материала. Объектом для проведения стратиграфических раскопок было выбрано Яз-Депе как наиболее крупный памятник из числа других древнемаргианских поселений. Результаты раскопок оправдали ожидания, и уже в первый сезон работ удалось выделить четкие стратиграфические комплексы, условно названные Яз-Депе I, Яз-Депе II и Яз-Депе III. Перейдем к археологическому обоснованию этой стратиграфии.

Поселение Яз-Депе, подробное описание которого будет дано ниже, состоит из цитадели и расположенных вокруг нее оплывших бугров поселения. Главное значение для установления стратиграфии имеют раскопки на крупном всхолмлении к югу от цитадели. Последовательность культурных слоев была здесь установлена в раскопе III и в шурфе № 2. Дополнительные сведения дали работы на раскопе IV. Массовый археологический материал для характеристики раннего комплекса Яз-Депе I был получен в результате раскопок на цитадели (раскоп II).

Шурф № 2 был заложен в 1954 г. на южной окраине южного бугра поселения, где культурные слои имеют наибольшую толщу. Холм, образованный этими слоями, возвышается здесь на 5 м над окружающей поверхностью. Эта наивысшая точка бугра была принята за нулевую отметку, и от нее в дальнейшем велся отсчет всех глубин как в шурфе № 2, так и в раскопах III и IV. Первоначально материал фиксировался по ярусам — 0.5 м каждый ярус (рис. 8).

Материал Яз-Депе III дали I—IV ярусы шурфа № 2, где слои характеризовались следующим образом. Сразу же после снятия рыхлого дернового слоя в южной части шурфа была обнаружена глинобитная стена, идущая с востока на запад и имевшая толщину 1.5—2 м. К северу от этой стены шурф прошел культурные слои внутри помещения или скорее всего уже вне дома (двор, улица?), поскольку не было обнаружено четкого горизонта пола. Значительная толщина глинобитной стены также указывает на то, что она скорее всего являлась именно внешней стеной дома. В конце II—начале III яруса к северу от стены проходил четко выраженный мусорный слой с большим количеством характерных зеленоватых прослоек — результат гниения органических остатков. В этом слое встречено большое количество фрагментов керамики и костей животных. Над этим слоем шел слой рыхлых натеков — результат размыва толстой глинобитной стены. Показательно, что здесь нет каких-либо следов обвала, а, видимо, имел место постепенный оплыв заброшенных помещений — обстоятельство, весьма существенное для характеристики последнего этапа в жизни поселения. Слои IV яруса содержат частично смешанный материал и, по существу, образуют переход от Яз-Депе III к Яз-Депе II. К последнему комплексу в шурфе относится материал V—X

ярусов и, видимо, начала XI яруса. В стратиграфическом отношении эти слои можно разделить на две части. В V—VIII ярусах шурф прошел сквозь оплывшую глинобитную стену, расширяющуюся книзу и шедшую с северо-запада на юго-восток чуть наискось по отношению к стенкам шурфа. С одной стороны стена имеет более вертикальную грань (внутренняя часть помещения?), а другая грань сильно оплыла, и стена значительно расширяется сверху вниз, образуя два уступа (наружная грань?). По обеим сторонам стены находятся рыхлые слои мусора с включением зеленоватых прослоек. В середине VII яруса проходит зольный слой, видимо, отмечающий один из горизонтов пола. Все эти слои имеют чуть наклонное положение, повышаясь у граней стены. Слои VIII—XI ярусов занимают почти строго горизонтальное положение, являясь примером ненарушенной стратиграфии. Строительных остатков здесь не было обнаружено, хотя и встречались отдельные куски сырцового кирпича. Видимо, шурф, сократившийся по площади, прошел вне пределов стен, существовавших в эту пору домов. То же явление может быть отмечено и для слоев Яз-Депе I, занимающих в основном XII—XIV ярусы. Трудно судить о точной стратиграфической границе комплексов

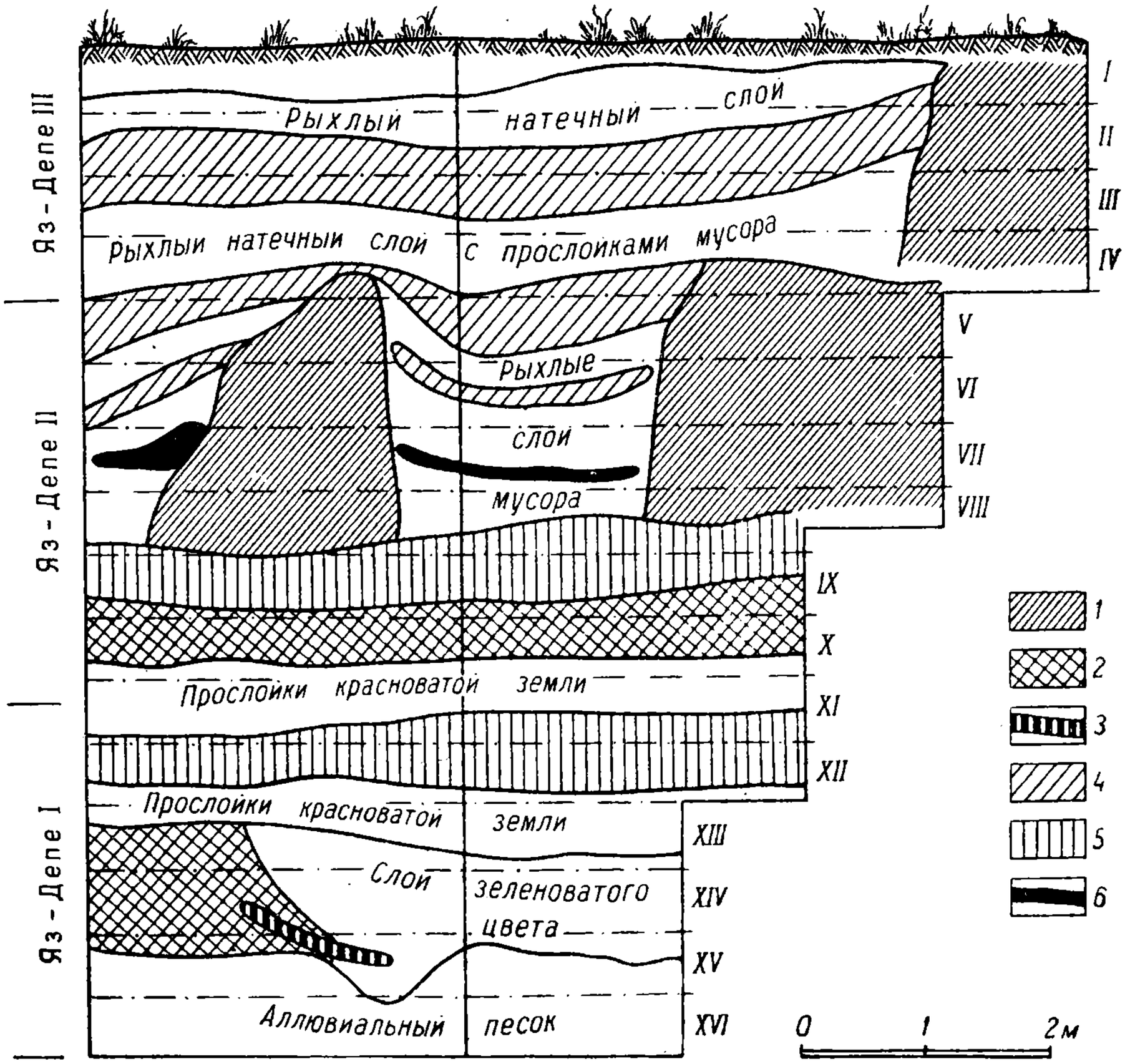

Рис. 8. Профиль северной и восточной стен шурфа № 2 на Яз-Депе.

1 — глинобитная стена в разрезе; *2* — плотный натечный слой с кусками сырца; *3* — слой затвердевшей глины; *4* — рыхлые слои мусора с зеленоватыми прослойками; *5* — плотный натечный слой с зеленоватыми прослойками; *6* — слои, насыщенные золой и угольками.

Яз-Депе I и Яз-Депе II. Неперемещенный материал Яз-Депе I был встречен уже в конце XI яруса. Видимо, прослойки красноватой земли конца X и большей части XI яруса относятся к Яз-Депе II, а плотные натечные слои XII яруса, частично заходящие в конец XI яруса, уже целиком принадлежат комплексу Яз-Депе I. Материк в шурфе представлен серо-желтым песком, характерным для аллювиальных отложений Мургаба. Лежащие на аллювии культурные слои иногда углублены в него в виде различных ям. Показательно, что в рассматриваемом шурфе культурные слои кончились лишь на глубине 7.5 м, в то время как данное всхолмление возвышается над окружающей поверхностью всего на 5 м. Иными словами, со времени существования древнейшего поселения на Яз-Депе, т. е., как будет показано выше, почти за 3000 лет, окружающая равнина подняла свой уровень на 2.5 м, что, видимо, следует связывать с происходившими здесь процессами эоловой аккумуляции, а также частично и с размывом оплывших бугров самого поселения.

Некоторый материал, дополнительный к шурфу № 2, дает стратиграфия раскопа IV (рис. 9), заложенного поблизости от этого шурфа. Этот раскоп имел основной целью исследовать вопрос о наличии или отсутствии на поселении специальных оборонительных сооружений и поэтому более детально будет рассмотрен в следующей главе, а здесь остановимся лишь на его стратиграфии. Раскоп был заложен по склону поселения сверху вниз, и поэтому в его южной части довольно скоро были достигнуты древние слои. Материалы Яз III встретился лишь в северной части раскопа, где он связан с мусорными слоями II—IV ярусов, довольно четко отделяющимися от плотных натечных слоев V—VI ярусов (а также частично и IV яруса), связанных уже с материалом Яз II. Материал Яз I в южной части раскопа был встречен уже в IX ярусе, и принадлежность к комплексу Яз I X—XI ярусов с мощными зольными прослойками не вызывает сомнения. Таким образом, при общей нулевой отметке видно, что слои Яз I в раскопе IV начинаются несколько на большей высоте, чем в шурфе № 2. Уровень материка в раскопе IV не был достигнут.

Четкая стратиграфия, полностью соответствующая стратиграфии шурфа № 2, была установлена в раскопе III (рис 10). Уровень поверхности земли здесь на 1.5 м ниже соответствующего уровня у шурфа № 2, и поэтому раскопки начались сразу с IV яруса. На площади 200 м^2 были раскопаны остатки жилых строений времени Яз III (IV—V ярусы), сохранившихся, однако, очень плохо и не дающих исчерпывающего представления о планировке домов. Поэтому в 1955 г. этот раскоп на площади 100 м^2 был продолжен как стратиграфический (линии квадратов 20—24). Материал, относящийся к комплексу Яз II, шел на глубине с VI по X ярус. Комплекс Яз II отделяется от комплекса Яз III вполне четко уровнем полов верхнего здания, хотя эта граница и не составляет единой горизонтальной линии. Всю толщу культурных слоев, относящихся к Яз II, можно разделить на три стратиграфических горизонта, имеющих в различных частях различную толщину. К третьему горизонту относятся VI—VII ярусы большей части раскопа (линии квадратов О, Н, М и Л). На севере этот горизонт понижается и в линии квадратов К захватывает также частично VIII ярус. Соответственно ко второму горизонту относятся VIII—IX ярусы в южной части раскопа и IX ярус в северной линии квадратов К. В первый горизонт можно выделить натечные слои и зольники X яруса.

В пределах третьего горизонта были встречены остатки глинобитных стен, позволяющие утверждать, что в северо-западной части раскопа располагались какие-то помещения. Однако плохая сохранность этих сильно оплывших стен позволяет лишь предположительно высказаться о характере планировки. При постройке здания поры Яз III стены более раннего времени были частично снивелированы и частично использованы в качестве фундамента. Поэтому можно предполагать, что планировка здания третьего горизонта Яз II в какой-то мере напоминала планировку здания, существовавшего здесь в пору Яз III. Видимо, в северо-западной части раскопа находилось большое помещение, в котором было свыше десяти хумча, стоявших в ряд на глиняной приступке, вытянутой с востока на запад. Как показывает огромное количество черепков от крупных хумов, найденных в квадратах Л-20, Л-21, Л-22, К-20, К-21 и К-22, это помещение скорее всего играло роль какого-то хранилища. Помимо хумов и хумча, здесь най-

дено большое количество фрагментов более мелкой посуды, в том числе несколько целых образцов. В квадратах К-22, Л-22 и М-22, видимо, проходила западная стена этого помещения. Непосредственно к западу от этой стены расчищен небольшой очаг. Части очень плохо сохранившихся глинобитных стен, встреченные в северо-восточном отрезке раскопа (квадраты К-23, К-24, Л-23, Л-24), позволяют предполагать, что здесь также находились небольшие помещения. В V ярусе квадрата Л-22 в 1955 г. было расчищено погребение. Скелет лежал на левом боку, головой на юго-восток, в скорченном положении. Ноги согнуты в коленях и прижаты к груди. Кисти рук, согнутые в локтях, вытянуты по направлению к голове. Перед лицом расположен небольшой сосудик, на венчике которого лежат фаланги пальцев обеих рук. Около головы — обломок зернотерки, а под головой — камень, видимо служивший курантом, одна поверхность которого сработана. По определению В. Я. Зезенковой, череп относится к долихоцефальному средиземноморскому типу и принадлежит подростку 17—18 лет, очевидно женщине. Последнее может быть подтверждено и археологическим инвентарем, так как зернотерка скорее всего была орудием домашней женской работы. Как антропологический тип, так и сам обычай захоронения в пределах поселения несомненно является сохранением традиций южнотуркменских племен энеолита и бронзового века.

Интересен вопрос о стратиграфическом положении погребения. Могильная яма была вырыта в культурном слое, целиком относящемся к комплексу Яз II. Но к этому же комплексу можно отнести и небольшой сосудик, обнаруженный в погребении. Если это не вторичное использование ранней посуды, то погребение следует относить к поздней поре Яз II, когда рассматриваемое здание третьего горизонта уже пришло в запустение. В заплывшем помещении и была выкопана могила, некоторое время спустя перекрытая возведенным на этом месте зданием Яз III. Именно такой представляется по раскопкам Кара-Депе у Артыка (слой Намазга III) история находящегося на поселении некрополя времени ранней бронзы. В пользу той точки зрения, что аналогичное положение имело место и на Яз-Депе, говорит положение рассматриваемого погребения, находившегося на глубине 15—20 см ниже уровня пола здания Яз III. Маловероятно, что здание функционировало в момент захоронения трупа.

Здание второго горизонта заполнено рыхлым комковатым завалом, в верхних частях которого встречаются куски мятой глины (пахсы), являющейся дополнительным аргументом в пользу предположения о нивелировке стен в пору Яз III. В южной части раскопа, на линиях квадратов Н и О, второй горизонт Яз II образован рыхлыми натечно-надувными слоями с зеленоватыми прослойками мусора. Остатков глинобитных стен здесь не было обнаружено. Вероятно, как и в пору Яз III, в этой части раскопа находился двор.

Первый горизонт Яз II характеризуется весьма малым количеством строительных остатков. Небольшие части стен, сложенных из сырцового кирпича и сохранившихся в высоту на 30—40 см, отмечены в квадратах Н-20 и К-24. Видимо, находившиеся здесь здания были сильно разрушены еще в древности, и данная площадь некоторое время представляла собой необжитый участок Яз-Депе. Почти на всей площади раскопа первый горизонт представлен плотными натечными слоями, в которых иногда встречаются куски сырцового кирпича. С конца IX яруса и особенно в X ярусе многочисленными становятся зольники, часто занимающие довольно большую площадь. Особенно большим (до 15 м²) был зольник в северо-восточной части раскопа с центром в квадрате Л-23. В этих слоях, выделяемых нами в первый горизонт, строительные остатки не были встречены. Нельзя не заметить, что два горизонта Яз II со строительными остатками (второй и третий) полностью соответствуют двум частям, на которые можно было разделить слои Яз II в шурфе № 2.

Слои Яз I раскапывались уже на сокращенной площади раскопа в 36 м² (квадраты Л-21, Л-22, Л-23, М-21, М-22, М-23, Н-21, Н-22, Н-23). В XI ярусе шли горизонтальные натечные слои с угольными и белыми известковыми включениями, иногда перемежающиеся тонкими зольниками. Местами земля обожжена огнем и имеет красноватый цвет. По существу, этот слой стратиграфически продолжает слой X яруса и отличается от него лишь составом находок: в массовом количестве появляется лепленная от руки керамика типа Яз I, решительно преобладающая над ремесленной посудой. Это очень

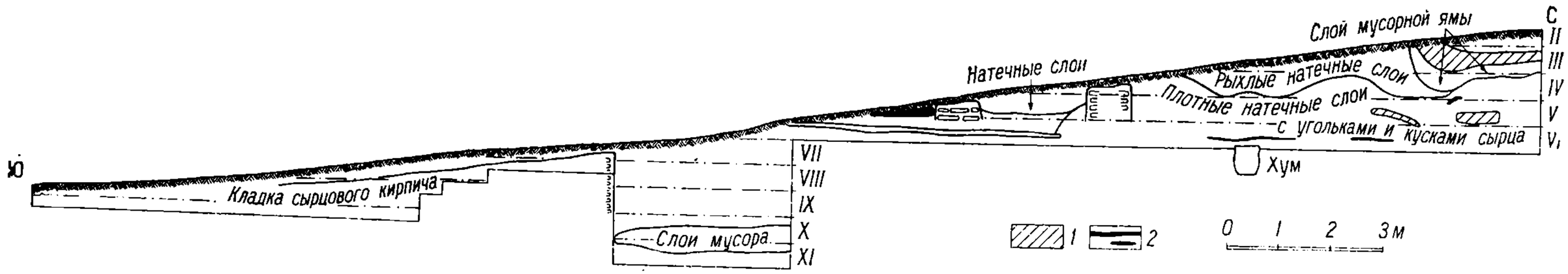

Рис. 9. Профиль западной стены раскопа IV на Яз-Депе.

1 — слои с зеленоватыми прослойками; *2* — слои золы и горелой земли.

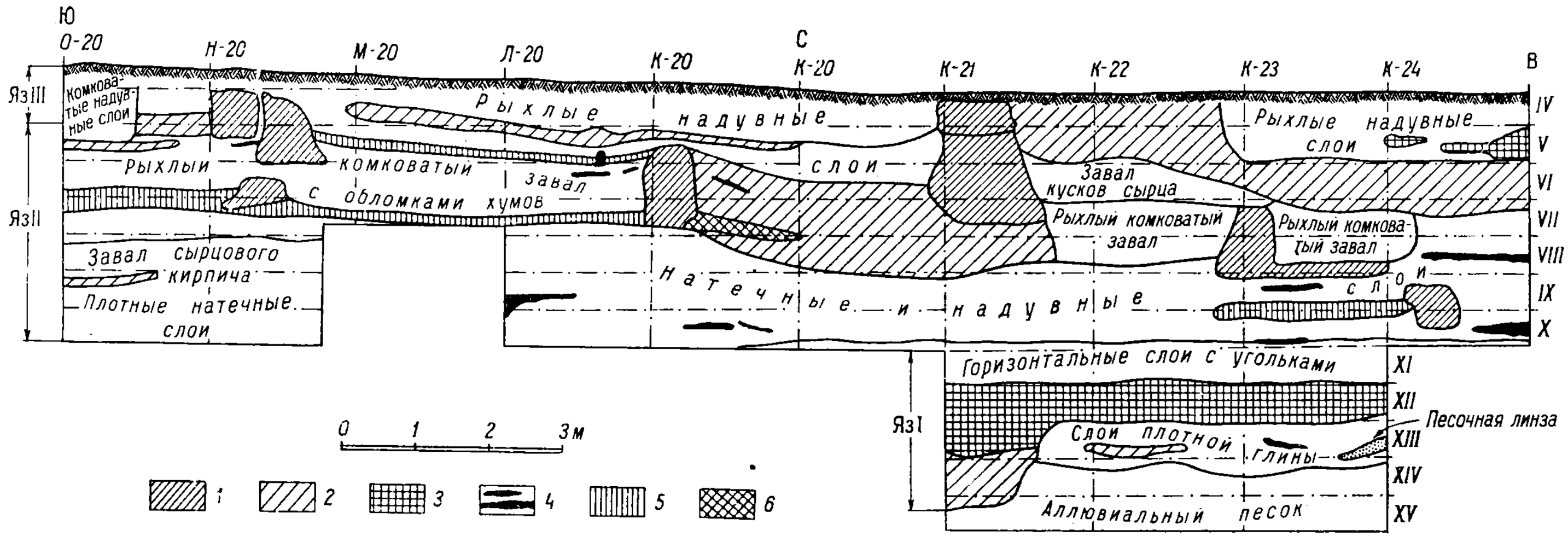

Рис. 10. Профиль западной и северной стен раскопа III на Яз-Депе.

1 — сырцовые и глинобитные стены; *2* — слои с зеленоватыми прослойками; *3* — плотная глина с включениями сырца; *4* — слой с золой и угольками; *5* — земля с известковыми прослойками; *6* — оплывшая глина.

важный момент, указывающий на прямую генетическую связь Яз I и Яз II. По существу, X и XI ярусы представляют один и тот же период в жизни поселения, когда на его северной окраине находился слабо обжитой участок, вскрытый в раскопе III. Аналогичный вывод можно сделать на основании изучения слоев и в шурфе № 2. В XII ярусе шли слои плотной глины с большим количеством кусков сырцового кирпича. Было ясно, что это остатки какого-то строительного горизонта, и действительно в квадрате М-21 были встречены остатки глинобитной кладки, сохранившейся в высоту на два кирпича. Удалось взять промеры лишь двух сторон кирпича: ширины — 30—32 см и толщины — 9—10 см. Но уже эти размеры позволяют считать, что перед нами обыкновенный продолговатый кирпич, характерный для всех трех яз-депинских комплексов.

Конец XII и весь XIII ярус на большей части раскопа представлены слоями очень плотной глины, по всей видимости являющейся заливкой фундамента здания XII яруса. Этот «фундамент» покоится в свою очередь на песчано-глинистых отложениях мургабского аллювия. Здание XII яруса наиболее древнее в этой части яз-депинского поселения. В пору существования этого здания была устроена мусорная яма, обнаруженная в квадрате Л-21. Дно ее врыто в материк и достигает начала XV яруса. Яма заполнена рыхлыми слоями с большим количеством зеленоватых прослоек. В ней встречено много костей животных и фрагментов керамики. Как было отмечено выше, ямы, углубленные в материк, характерны и для шурфа № 2.

Помимо раскопок на поселении, большой археологический материал дали работы на цитадели. При раскопках монументального здания (раскоп II) был получен прекрасный керамический комплекс времени Яз I, что является датировкой постройки. В верхних частях завала, заполняющего здание, встречается также небольшое количество керамики Яз II, но четкой стратиграфии нет. Лишь привлечение стратиграфических наблюдений, сделанных на поселении, позволяет правильно понять историю цитадели.

Таковы в общих чертах стратиграфические данные, на которые опирается предлагаемое выделение трех археологических комплексов. Как можно видеть, основные опорные точки, шурф № 2 и раскоп III, дают прекрасную горизонтальную стратиграфию, не нарушенную позднейшими ямами и перестройками. Четкость этой стратиграфии при тщательном отборе материала по глубинам обусловливает уверенность, с которой в настоящее время можно выделить предметы комплексов Яз I, Яз II и Яз III. Массовость материала (для Яз II и Яз III в раскопе III и для Яз I в раскопе II), полученного на Яз-Депе, позволяет устранять отдельные случайно перемещенные черепки. Переходим к описанию выделенных комплексов.

ЯЗ-ДЕПЕ I

Основой для характеристики комплекса Яз-Депе I явились материалы раскопа III. Количественно значительный материал, полученный при раскопках цитадели, был привлечен в той мере, в какой он контролировался находками из нижних слоев стратиграфического раскопа.

Имеющийся материал позволяет рассматривать этот наиболее ранний яз-депинский комплекс пока лишь как единое целое. Однако есть основания предполагать, что при более широких раскопках удастся выделить внутри этого комплекса более дробные членения. Так, весьма заметно резкое увеличение количества сделанной на кругу посуды в XI ярусе раскопа III, представляющем вполне обособленный культурный слой. Вероятно, именно такое увеличение керамики, сделанной на круге, составляет одну из черт, характеризующих поздний этап Яз I, предшествующий непосредственно комплексу Яз II, где уже почти полностью отсутствуют сосуды, лепленные от руки. Однако более конкретно характеризовать отдельные этапы внутри комплекса Яз I пока не представляется возможным.

По техническим признакам вся керамика Яз I может быть разделена на две группы: на изготовленную на гончарном круге и на лепленную от руки. Остановимся сначала на посуде первой группы. Стратиграфические данные раскопа III показывают, что она существует начиная с самых нижних слоев Яз I, представленных на Яз-Депе.

Черепок сосудов первой группы красноватого цвета, глина хорошо отмучена, обычно

без посторонних примесей. Снаружи сосуды, как правило, покрыты зеленовато- или желтовато-белым ангобом. Наиболее распространенными формами керамики этой группы являются кубок (табл. XXIX, *3*, *8*) и хумы или скорее всего хумча. Кубки имеют прямой венчик и скругленный переход ко дну. Иногда в месте перехода к округлению намечается небольшое ребро, однако не получающее вполне четкого выражения. Интересно распределение ангоба, покрывающего кубки: он нанесен лишь на верхние две трети сосуда, в то время как нижняя часть кубка сохраняет красный цвет черепка. Подобная двуцветность характерна для керамики Яз II и Яз III и составляет один из признаков, указывающих на техническую связь яз-депинских комплексов. Обращает на себя внимание также тот факт, что имеется несколько фрагментов от кубков аналогичной формы и также сделанных на круге, но с тестом серого цвета. Хумча (или сосуды для хранения), сохранившиеся только во фрагментах, имели сравнительно большой диаметр устья, невысокую шейку и отогнутый наружу венчик, иногда моделированный в виде валика, иногда приобретающий в разрезе более прямоугольные очертания. Последний вариант, вероятно, послужил прототипом для крючкообразных венчиков хумов и хумча Яз II. Указанием на подобную генетическую связь этих двух комплексов является наличие у некоторых хумча рельефного пояска, идущего по плечикам сосуда. Следует отметить, что у некоторых образцов имеются на плечиках две параллельные нацарапанные линии (табл. XXIV, *4*).

Другие формы посуды, сделанной на гончарном круге, встречаются более редко. Здесь следует отметить небольшой горшкообразный сосуд (табл. XXIX, *10*) — форму, продолжающую существовать и в комплексе Яз II. Стенки его снаружи имеют ребристую поверхность, придонная часть подточена ножом. Сосуд этот найден на полу одного из помещений раскопа II, так что его принадлежность к комплексу Яз I не вызывает сомнений.

Делались на гончарном круге также чаши и глубокие миски, профиль венчика которых идентичен профилю кубков. В раскопе III найден венчик сосуда типа тагары (табл. XXVIII, *4*) и, что весьма знаменательно, керамическая подставка (табл. XXVIII, *11*), идентичная формам, известным для мургабского варианта Намазга VI. Общее количество керамики, сделанной на круге, как можно видеть из табл. 1, весьма невелико в XIII—XII ярусах раскопа III и значительно увеличивается в XI ярусе. Такое же сравнительное обилие этой керамики характерно и для материала из раскопа II, что дает основание синхронизировать эти комплексы. Обращаясь к табл. 1, следует отметить, что приведенные здесь проценты характеризуют лишь состав находок в слое, а не соотношение видов посуды в быту населения. Следует отметить, например, что фрагменты от нижних частей расписных сосудов в таблице попадают в графу нерасписных и соответственно процент расписной керамики надо увеличить вдвое за счет соответствующего уменьшения процента керамики нерасписной. Так, например, в XIII ярусе следует считать 12% расписной и 70% нерасписной посуды. Поэтому, повторяем, данная табличка может быть использована лишь для характеристики культурного слоя при сравнении его со слоями других памятников, если там будет проведен соответствующий подсчет. На материалах раскопа II на

Таблица 1

Слой	Керамика, вылепленная от руки						Керамика, изготовленная на гончарном круге		Всего
	серая		расписная		нерасписная				
XI ярус	124	16.5%	22	3%	491	66%	110	14.5%	747
XII ярус	19	10%	8	4%	152	78%	15	8%	194
XIII ярус	39	12.5%	18	6%	239	76%	17	5.5%	313
Общее количество фрагментов и средний процент	182	14.5%	48	4%	882	70%	142	11%	1254

цитадели аналогичный подсчет не был сделан по той причине, что здесь имеется примесь керамики типа Яз II, стратиграфически не расчлененной с более ранним материалом.

Керамика второй группы, т. е. лепленная от руки, по внешним признакам может быть разделена на три подгруппы: расписную, нерасписную и с черепком серого цвета. Объединяет эти три подгруппы, помимо ручной лепки, также состав черепка, обычно содержащий значительную примесь толченой керамики. Мы остановились на такой классификации по внешним признакам, поскольку она более удобна при археологической обработке материала. О классификации, основанной на рассмотрении как форм, так и назначения сосудов, будет сказано ниже. Одним из наиболее ярких признаков, определяющих весь комплекс Яз I, является наличие расписной керамики. Формы этой посуды очень ограничены и, по существу, сводятся к двум: 1) различные вариации горшковидных кубков и 2) горшковидные хумы и хумча с венчиком, слегка отогнутым наружу. Примером полной формы хума может явиться сосуд, найденный в 1954 г., с высоким кольцевым поддоном и четырьмя пуговицеобразными выступами-упорами, расположенными на плечиках под венчиком (табл. XXV). Фрагменты таких, можно сказать, котлообразных хумов были найдены в раскопе III и в шурфе № 2. Реже хумы имели петлеобразные ручки (видимо, четыре), иногда уплощенные в сечении. Эта форма известна также для серой и нерасписной посуды. Расписывавшиеся сосуды покрывались зеленовато-белым ангобом, игравшим роль фона. Иногда этот фон приобретал желтые и кремовые оттенки. Роспись производилась красновато-коричневой или коричневой краской также варьирующих оттенков (табл. XXXI). Реже встречаются такие цвета, как темно-красный или темно-малиновый, причем последний является очень нестойким: он легко смывается с черепка.

Мотивы росписи довольно однообразны и почти целиком сводятся к ряду треугольников, обращенных вершиной вверх и образующих фриз в верхней части сосуда. Крупные сосуды — хумы и хумча — расписывались следующим образом. По краю венчика или ниже его шли одна или две прямые линии. Прямая линия проводилась и посредине тулова. Между этими линиями помещались треугольники, образованные сочетанием различных элементов росписи. Иногда это просто параллельные прямые линии, пересекающиеся у вершины (табл. XVII, *17*), иногда поперечные черточки разделяют пространство между этими линиями на мелкие клетки (табл. XVIII, *1*; XX, *16*). Весьма характерным приемом является помещение между линиями крупных точек или бусин (табл. XVIII, *3*), как называл их в свое время Г. Шмидт, описывая близкий орнамент на керамике Анау I. Показательным является также разделение треугольника на ромбы, заполненные в шахматном порядке или штриховкой и точками-бусинами (табл. XVII, *1*), или сплошной заливкой. Своеобразным «собранием» почти всех вариантов росписи Яз I является упоминавшийся выше целый сосуд, найденный в 1954 г., фриз которого образует четыре треугольника, заполненные неповторяющимся орнаментом (табл. XXV). Несомненно, росписи этого сосуда было уделено особое внимание, поскольку даже на пуговицеобразные выступы нанесена сетчатая роспись. Единичен фрагмент венчика, видимо, небольшого хума, на плечиках которого сразу ниже закраины нанесены широкие, косые мазки (табл. XIX, *1*) — орнамент, напоминающий роспись крупных тагар в комплексах типа Намазга IV.

По существу, те же самые мотивы характеризуют и роспись горшковидных кубков. Как и на хумах, здесь на венчике или ниже его идет прямая линия и приблизительно посредине тулова параллельно ей — вторая. Между ними заключались треугольники, обычно расположенные вершинами вверх, хотя известны и единичные исключения. Могут быть отмечены следующие варианты заполнения треугольника в расписной керамике Яз-Депе:

1) треугольник образован несколькими параллельными линиями, пересекающимися или смыкающимися у вершины (табл. XVII, *4*; XIX, *10*);

2) просветы между этими параллельными линиями поперечными черточками разделены на мелкие ромбы (табл. XVII, *5*; XVIII, *7*);

3) эти просветы заполнены точками-бусинами (табл. XIX, *4*);

4) треугольник заштрихован косыми линиями (табл. XX, *22*);

5) треугольник заштрихован перекрещивающимися косыми линиями, образую-

щими, таким образом, мелкую сетку, — наиболее распространенный вариант (табл. XX, *5*, *10*);

6) треугольник заполнен ромбами, закрашенными сплошной заливкой или косой штриховкой в шахматном порядке; иногда в незакрашенных ромбах помещаются точки-бусины (табл. XVII, *2*; XIX, *5*, *9*);

7) основной треугольник разбит внутри на более мелкие, причем часть этих мелких треугольников имеет косую штриховку (табл. XIX, *8*).

По существу, этим исчерпываются известные варианты росписи на керамике Яз I.

Как можно видеть, варианты эти ограничены и роспись в целом довольно примитивна. Из единичных мотивов можно указать на широкую полосу, ниже которой находится треугольник, и на треугольники, обращенные вершинами в разные стороны и обрамленные по краям точками-бусинами.[1]

Сосуды с черепком серого цвета снаружи часто слегка залощены и имеют почти черный цвет.

Для керамики этой подгруппы также характерны две отмеченные выше формы — горшковидного кубка (табл. XXI, *2*, *11*, *14*; XXX, *1*) и хумов и хумча с отогнутым наружу венчиком и петлеобразной ручкой, иногда имеющей одну или две продольных ложбинки (табл. XXII, *1*, *2*, *6*). Фрагмент дна на высоком кольцевом поддоне (табл. XXI, *7*) указывает на то, что форма отмечавшегося выше крупного сосуда 1954 г. была повторена в серой посуде. Хумы и хумча украшались налепными валиками, иногда располагавшимися один под другим (табл. XXI, *5*; XXII, *4*). Видимо, сосуду этого типа принадлежит фрагмент с нацарапанным гребенчатым орнаментом, близко напоминающим материал мургабского варианта Намазга VI (табл. XXI, *12*). Горшкообразные кубки варьируют в размерах, но в общем весьма невелики. Широко распространена форма полусферической чаши с округлым или плоским дном и с горизонтальной ручкой, овальной в сечении (табл. XXI, *4*). Трудно судить, имели эти сосуды одну ручку или две. Более крупные полусферические сосуды с тонкими стенками и со слегка изогнутым венчиком мы склонны считать мисками (табл. XXI, *15*). Весьма редким является кувшинчик с вертикальной ручкой, овальной в сечении (табл. XXII, *5*).

Среди довольно многочисленной группы нерасписной посуды с розовым или желтоватым цветом черепка легко выделить кухонную посуду. Она представлена котлами и жаровнями. Котлы имеют высокое горло, прямой или чуть отогнутый венчик и ниже покатых плечиков почти цилиндрическое тулово. Часто котлы украшались налепами валиков с защипами, сделанными пальцами (табл. XXII, *3*). Видимо, некоторые котлы имели небольшой сливик и вертикальные ручки. Жаровни в виде больших дисков с невысокими бортиками были обычно закопчены изнутри (табл. XXIII, *4*).

Кроме кухонной посуды, к группе нерасписной керамики относятся плусферические чаши с прямым или чуть отогнутым венчиком (табл. XXIII, *7*). Наиболее же часто встречаются в этой группе хумы и хумча, имеющие ту же форму, что и расписные и серые хумы. Как и те, они часто снабжены петлеобразными ручками (табл. XXIII, *2*). Иногда хумы украшены отрезками налепных валиков-жгутов подобно кухонным котлам. В одном случае мы видим налеп в форме «пряжки» (табл. XXIII, *1*). Интересно, что один образец имеет на плечиках приостренный валик (табл. XXIII, *5*), напоминая в этом отношении материал комплекса Яз II. Лепными были крышки обычно большого диаметра и значительной толщины. Судя по диаметру, они предназначались для хумов. По ручкам крышки можно разделить на два вида: с петлеобразной ручкой, обычно овальной в сечении (табл. XXVIII, *10*), и с ручкой в виде кубического выступа (табл. XXVII, *5*, *9*), имеющего с четырех сторон вмятины, сделанные пальцами, для удобства при поднятии крышки. На верхней стороне крышки иногда прочерчены прямые, радиально расходящиеся линии (табл. XXVII, *4*, *10*). Из редких форм этой группы можно указать на кувшинообразный сосуд с высоким горлом (табл. XXIII, *6*), но без ручки и маленькую плошку — возможно, игрушечный сосудик. Единственным экземпляром представлен крупный полусферический сосуд с овальным дном и четырьмя вертикальными ручками.

Классифицируя сосуды по назначению, мы сохраняем утвердившееся в литературе деление на «столовую посуду» и на хозяй-

---

[1] См.: В. М. Массон. Поселение поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба, КСИИМК, 64, 1956, стр. 63, рис. 23.

ственную.[2] К числу первой следует отнести кубки, видимо употреблявшиеся для питья и соответственно этому более тщательно отделывавшиеся. Кубки были трех видов: серые с залощенной поверхностью, сделанные на гончарном круге или расписные, светлой глины. Чаши, изготовлявшиеся из серой или светлой глины, как правило, не расписывались. При значительном наклоне стенок с наружной стороны роспись, видимо, с точки зрения древних керамистов, не достигала своего назначения, а при росписи внутри легко стиралась.

Вероятно, лишь в поздний этап существования комплекса Яз I стали появляться чаши, сделанные на гончарном круге. Как характерную черту следует отметить, что серые полусферические чаши имели горизонтальные ручки. Этими двумя формами, если не считать не получившего развития кувшина, по существу, и исчерпывается столовая посуда. Возможно, что двойное назначение — и непосредственно для еды, и для хозяйственных нужд — имели миски. К хозяйственной посуде, помимо котлов и жаровен, принадлежали хумы и хумча, причем большая поверхность, особенно у первых, представляла широкие возможности для росписи посуды. Однако парадные расписные хумы встречаются сравнительно редко и были, надо полагать, более дорогими. Распределение форм по описанным выше группам и подгруппам видно из табл. 2.

При составлении таблицы наличие определенной формы в той или иной группе и подгруппе основывалось на существовании не менее пяти экземпляров сосудов данного типа.

Помимо посуды, комплекс Яз I представлен довольно значительным числом бронзовых изделий. Однако, поскольку почти все эти изделия происходят с цитадели, следует считать, что они в основном относятся уже к заключительным этапам бытования рассматриваемого комплекса. Это иголки (табл. XXXIII, *1*), прямоугольные в сечении шилья, пробойники с расширением посредине, видимо отделяющим рабочую часть от черенка (табл. XXXIII, *7*), нашивные бляшки с петелькой (табл. XXXIII, *2*), несомкнутый браслет (табл. XXXIV, *24*) и черешковый нож (табл. XXXIII, *11*). Двуперые бронзовые наконечники стрел представлены двумя типами: черешковые с шипообразно загнутыми концами (табл. XXXIII, *3*, *4*, *8*) и лавролистные с выступающей втулкой (табл. XXXIII, *5*, *9*, *10*). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наконечник первого типа, найденный в раскопе IV (табл. XXXIV, *7*), более массивен и груб, чем наконечники, найденные на цитадели, но является ли это показателем хронологических изменений или связано с какими-либо другими причинами, в настоящее время судить трудно. В слоях Яз I в раскопе III была найдена каменная булава (табл. XXXII, *4*), а на цитадели — многочисленные ядра для пращи, обычно имеющие биконическую форму, более или менее резко выраженную (табл. XXXII, *1—3*, *5—7*, *9*). Эти ядра изготовлялись обычно из обожженной глины, но известны также каменные экземпляры, отличающиеся великолепно отшлифованной поверхностью. Праща была известна в Средней Азии, видимо, еще с позднего неолита (Чопан-Депе), а в ахеменидское время сами пращники и действия пращой неоднократно упоминаются письменными источниками.[3] Видимо, из пращи был пущен камень, тяжело ранивший Александра Македонского при осаде Кирополя.[4]

Таблица 2

	Формы сосудов	1-я группа	2-я группа		
			расписная	серая	нерасписная
Столовая	Кубок	—	—	+	—
	Чаша	—	—	+	+
	Миска	—	—	+	+
Хозяйственная	Хумча	+	+	+	+
	Хум	—	+	+	+
	Котел	—	—	—	+
	Жаровня	—	—	—	+

[2] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореф. дисс., КСИЭ, XXII, 1955; В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

[3] Курций, V, 8, 3—4.

[4] Арриан. Анабасис, VII, 3, 3.

ЯЗ-ДЕПЕ II

Ввиду сравнительно нечеткой стратиграфии раскопа II на цитадели материал следующих двух комплексов, Яз-Депе II и Яз-Депе III, описывается главным образом на основе данных, полученных на стратиграфическом раскопе. Как можно было видеть, слои этого раскопа, относимые к комплексу Яз II, стратиграфически в свою очередь подразделяются на три горизонта, соответственно которым мы и рассмотрим имеющийся материал, хотя в целом в пределах всех трех горизонтов отмечается значительная общность.

Керамика первого горизонта отличается от посуды слоев Яз-Депе I прежде всего по технике изготовления: почти вся она изготовлена из гончарном круге. Хотя, как отмечалось выше, в XI ярусе процент керамики Яз I, сделанной на круге, значительно увеличивается, эта смена все-таки в целом производит впечатление скачка в развитии производства. Соответственным образом меняются и керамические формы, испытывая влияние бóльших технических возможностей, представляемых гончарным кругом. В первую очередь это сказывается на их, если можно так сказать, геометризации, подчеркивании различных ребер и углов. Исчезает и шамотная примесь: черепок сделан из хорошо отмученной глины. Сосуды обычно покрывались беловатым ангобом. Расписная керамика в слоях Яз II отсутствует. На наш взгляд, они трансформировались в появившиеся в X—IX ярусах банкообразные сосуды со скошенной придонной частью, известные в среднеазиатской археологической литературе под именем цилиндро-конических сосудов. В первом горизонте известны как более крупные, так и небольшие сосуды этой формы, причем скошенная придонная часть у тех и других часто делается чуть выпукло (табл. XXXIX, *7*). Стенки, обычно почти прямые, лишь слегка вогнуты в середине, где у некоторых образцов намечается валик. По сравнению с более четкими профилями аналогичных сосудов из более верхних ярусов банкообразные сосуды первого горизонта выглядят более примитивными и архаическими.

Горшкообразный сосуд, выполненный на гончарном круге, почти полностью повторяет аналогичную форму Яз I, причем переход к изготовлению этих сосудов на круге наметился, как мы видели, еще в пределах именно комплекса Яз I. Под влиянием перехода к изготовлению на гончарном круге чаши получили ребра, разделяющие вертикальные стенки, и подкос, идущий к плоскому дну. Это ребро снаружи служило и как бы делителем верхней части, покрытой беловатым ангобом, и нижней неангобированной, сохраняющей красновато-кремовый или просто кремовый цвет черепка. Изнутри чаши ангобировались полностью. Вместе с тем некоторые чаши еще не получили этого ребра и имеют скругленные стенки, возвращающие их к прототипу из слоев Яз I. Аналогичное разделение наружной стороны сосуда на ангобированную и неангобированную части отличает и крупные сосуды, видимо предназначавшиеся для хранения продуктов и имеющие цилиндрическую форму.

Изготовлялись на гончарном круге и хумы, и хумча, причем, насколько можно судить по имеющемуся материалу, они явились развитием горшковидных хумов Яз I и получили ребро в нижней части. Венчики хумов имели характерный крючкообразный профиль, и под венчиком часто шел налепной валик или иногда делался выем. Этот налепной валик очень характерен для керамики первого горизонта. Весьма показательными для генетической связи керамики Яз I и Яз II являются высокие кольцеобразные поддоны, изготовленные на гончарном круге, фрагменты которых найдены в X—IX ярусах. Снаружи хумы и хумча покрывались беловатым ангобом. В одном случае на белом ангобе черной краской был нанесен какой-то знак, напоминающий птичий след (табл. XXXIX, *3*). Продолжением старых традиций является и наличие плоской крышки (табл. XL, *10*). Изготовлялись на гончарном круге и какие-то сосуды в виде усеченного конуса, хотя, возможно, некоторые фрагменты, на основании которых можно судить об этих сосудах, принадлежат коническим крышкам, распространенным во втором и третьем горизонтах.

Крупные чаши с изогнутым венчиком из комплекса Яз I, названные нами мисками, приобрели венчик, завершающийся валиком, и перелом стенок при подкосе ко дну.

Ручная лепка сохранилась лишь для кухонных котлов, которые известны для

первого горизонта. В тесте котлов замешивалась дресва. Первый тип котлов представлен небольшим горшковидным сосудом с двумя полуовальными налепами и двумя горизонтальными выступами-держалками. Если налепы, возможно, служили для удобства переноса сосуда, то выступы, на наш взгляд, предназначались для устойчивости сосуда, ставившегося на очаг, когда его нижняя часть (до выступов) опускалась в очажное отверстие. Второй тип, известный только по фрагментам, представляет собой небольшие сосуды строго цилиндрической формы, с плоским дном.

Рис. 11. Золотая серьга из раскопа III на Яз-Депе.

Из других предметов следует отметить найденный в X ярусе двуперый бронзовый наконечник стрелы с выступающей втулкой.

Все эти формы сосудов получили свое дальнейшее развитие в керамике, происходящей из второго горизонта. Банковидные сосуды становятся как бы более вычурными: подкос ко дну приобретает вид вогнутой выкружки, более заметен прогиб стенок к центру, заостряется ребро, разделяющее две части сосуда. Вместе с тем здесь появляются кубовидные сосуды, имеющие прямые стенки и скошенную придонную часть. Скорее всего эти сосуды должны рассматриваться как генетически связанные с кубковидными сосудами Яз I, и отсутствие соответствующей переходной формы в материале первого горизонта следует объяснять лишь ограниченностью этого материала. Сохраняются горшковидные сосуды, которые в средней части приобретают ребро, разделяющее стенки и придонную часть, — нововведение, связанное с изготовлением сосудов на гончарном круге. Чаши (табл. XXX, *4*) сохраняют форму, характерную для посуды первого горизонта, хотя более мелкие образцы дают иногда особые варианты: небольшой полусферической чаши и чаши с валикообразным венчиком.

Хумы и хумча сохраняют характерный для комплекса Яз II крючкообразный профиль или иногда профиль значительно выступающего наружу валика. Судя по найденным фрагментам, имелись хумы цилиндрической формы. Налепные валики ниже венчика почти не встречаются. На двух фрагментах хумов сделаны черной краской какие-то знаки (табл. XXXIX, *8*). Возможно, поздним пережитком кольцевидных поддонов является невысокая кольцевидная ножка но, судя по величине фрагмента, она принадлежала сравнительно небольшому сосуду. Крючкообразный профиль венчика или профиль в виде значительно выступающего наружу валика имели миски, повторяющие форму аналогичных сосудов первого горизонта.

Крупные сосуды для хранения продуктов (хумы и хумча), имевшие цилиндрическо-коническую форму, во втором горизонте иногда получают подчеркнутое ребро и валикообразный венчик, причем в некоторых случаях видно, что этот венчик произошел в результате все большей загнутости и «прилипания» крючкообразного венчика. Сохраняются, судя по фрагментам, неясные в целом конусовидные сосуды, хотя наряду с ними появляются также и конусовидные крышки с выступом-«ручкой» в верхней части (табл. XXXVIII, *16*). Первоначально в ходе раскопок возникло предположение о том, что это были своеобразные кубки, однако нам кажется более вероятным их использование в качестве крышек.

Кухонные котлы по-прежнему изготовлялись от руки и сохраняли цилиндрообразную форму.

В целом те же формы варьируют и в керамике третьего горизонта. Отметим лишь некоторые новые черты. Банковидные сосуды с подкошенной придонной частью получают все более заостренное ребро, и иногда придонная часть становится очень невысокой; сосуд как бы «садится» вниз (табл. XXXVII, *7*). Появляется новая форма банкообразного сосуда с расширяющимся верхом (табл. XXXVII, *1*). Показательные изменения происходят в форме чаши. Венчик чаши иногда приобретает изгиб, а иногда исчезает излом, разделяющий вертикальные стенки и скос придонной части. В шурфе № 2 в VI ярусе, соответствующем стратиграфически второму горизонту Яз II в раскопе III, был найден фрагмент двуперого втульчатого бронзового наконечника стрел (табл. XXXIV, *18*). В раскопе III во втором горизонте обнаружены золотая серьга-подвеска и часть железного топора (табл. XXXV, *4*), по форме идентичного топорам из слоя Яз III. Бусина состоит из изогнутого

стержня, на конец которого были напаяны три полых цилиндра, причем их шапковидные навершия во всех трех случаях напаяны отдельно. В вертикальных швах между цилиндриками имеется мелкая зернь, а сверху — три крупных зерна (рис. 11).

ЯЗ-ДЕПЕ III

Комплекс Яз III характеризуется на основе материалов из раскопа III и шурфов №№ 1 и 2. В целом он совершенно четко продолжает традиции Яз II, особенно керамика из третьего горизонта. Сохраняются появившиеся в этом горизонте банкообразные сосуды, расширяющиеся кверху. Снаружи эти сосуды покрыты зеленовато-белым ангобом при сохранении изнутри красновато-кремового фона черепка. Судя по фрагментам, эти сосуды были разных типов. Иногда они делаются более цилиндрическими, иногда имеют прогиб у расширения верхней части. У банкообразных сосудов подкошенная придонная часть обычно столь невысока, что практически сосуды этого типа близки к плоскодонным сосудам без подкоса (табл. XXX, *5*). Многие экземпляры имеют резкое заостренное ребро. Посредине тулова обычно проходит несколько рельефных поясков. Интересное, как бы обратное изменение претерпевают чаши: они теряют ребро и, как в Яз I, становятся полусферическими (табл. XLI, *6*), иногда с поверхностью, ребристой от прикосновения пальцев при вращении круга. Такие чаши изнутри и снаружи целиком покрывались беловатым ангобом, но один фрагмент, в верхней части покрытый ангобом, имеет характерную полосатую окраску.

От чаш четко стали отличаться небольшие тарелочки с отогнутыми бортиком (табл. XXX, *2*). Иногда они совсем не покрывались ангобом и сохраняли цвет черепка. Миски, сохранив свою форму, имеют венчик уже в виде уплощенного валика (табл. XLI, *1*). Этот характерный признак всего комплекса Яз III особенно четко выступает у хумов и хумча. Наиболее распространенным и, так сказать, классическим типом хумов и хумча Яз III является сосуд с цилиндрическим туловом и подкошенной придонной частью (табл. XLII, *8*). Иногда небольшое сужение наблюдается у горла, завершающегося венчиком в виде уплощенного валика, четко сменяющего крючкообразную форму венчиков хумов Яз II. Этот уплощенный валик более аморфен у хумча и имеет более четкие грани у крупных хумов. Есть также хумча с невысокой шейкой и венчиком, слегка отогнутым наружу. Редко, как бы сохраняя старые традиции, появляются крючкообразные венчики.

По сравнению с комплексом Яз II в Яз III отсутствуют котлообразные сосуды, но, может быть, что объясняется некоторой неполнотой материала. Из более редких форм можно отметить небольшую чашечку и фрагмент «донца» конической крышки (табл. XLI, *26*). От руки по-прежнему лепились цилиндрические кухонные котлы диаметром 27—40 см.

Помимо керамики, в слоях Яз III найдены каменные зернотерки, куранты, глиняные шарики для пращи, камешки для растирания красной краски. Растиралась эта краска на лопатках животных, причем одна такая лопатка была найдена вместе с этими камешками (табл. XXXVI, *2*). В слое Яз III был найден также «клад» железных изделий — тесла и проушные, видимо, боевые топоры (табл. XXXV, *1—3*), причем, возможно, один конец их был заострен, а другой притуплен. Наконец, следует отметить, что при расчистке площадки раскопа III для полевого музея был найден трехперый бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой (табл. XXXIV, *14*). По условиям нахождения его следует относить к комплексу Яз III.

ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ ЯЗ-ДЕПЕ И СИНХРОННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Охарактеризованные выше яз-депинские комплексы представляют большой интерес именно своей последовательностью, раскрывающей непрерывную линию развития культуры. Анализ стратиграфии слоев и содержавшегося в этих слоях материала позволяет утверждать, что между этими слоями и комплексами не было сколько-

нибудь значительного хронологического перерыва. Таким образом, комплексы Яз-Депе имеют первостепенное значение для установления относительной хронологии археологических материалов. Значительно сложнее дело обстоит с проблемой хронологии абсолютной. При раскопках Яз-Депе не было найдено объектов, имеющих бесспорную абсолютную датировку, скажем, древних монет или печатей. Однако сравнительное рассмотрение яз-депинской стратиграфии и археологических комплексов Средней Азии и соседних стран, а также определение возможной абсолютной датировки отдельных археологических предметов позволяют предложить для наших комплексов и некоторые абсолютные даты. Несколько забегая вперед, следует сказать, что комплексы Яз II и Яз III содержат материал, давно уже известный в археологии. Это Анау IV в южной Туркмении, Кобадиан I в Бактрии, Кюзели-Гыр в Хорезме и Афрасиаб I в Согде. Поэтому вопросы датировки двух верхних комплексов Яз-Депе неразрывным образом связаны с проблемой датировки всех названных археологических комплексов Средней Азии. Рассмотрим существующие точки зрения по этой проблеме.

Впервые подобный комплекс был обнаружен еще в 1904 г., при раскопках американской экспедиции на холмах Анау, где он был соответственно назван Анау IV. Г. Шмидт датировал комплекс Анау IV временем 1000—500 гг. до н. э.,[5] справедливо указывая на нахождение в этом комплексе наконечников стрел так называемого скифского типа. Тридцать пять лет спустя С. П. Толстовым было открыто в Хорезме городище Кюзели-Гыр, с которым хронологически сближалось также другое городище — Калалы-Гыр 1. По поводу датировки этого городища С. П. Толстов писал следующее: «. . .характер керамики Кюзели-Гыра, сделанной на ручном круге и сопровождаемой находками стрел скифского типа, восходящего к V в. до н. э., позволяет считать эти городища наиболее ранними из нашей серии, возможно, восходящими к ахеменидскому времени».[6] В обобщающей работе С. П. Толстова о древнем Хорезме эта формулировка подверглась некоторым изменениям. Тип наконечников стрел, найденных на Кюзели-Гыре, считается восходящим к VI—IV вв. до н. э. Однако С. П. Толстов оговаривается, что наличие тонкостенной красноангобированной керамики и отсутствие двуперых наконечников стрел раннего типа не позволяют особенно завышать возраст этих памятников.[7]

Следующим по времени является открытие А. И. Тереножкиным на городище древнего Самарканда комплекса Афрасиаб I. Первоначально А. П. Тереножкин неверно относил этот комплекс к греко-бактрийскому времени (III—II вв. до н. э.), хотя и подчеркивал его архаический облик, восходящий к культурам типа Анау и Гисара.[8] Позднее А. И. Тереножкин уже датирует комплекс Афрасиаб I ахеменидским временем. Однако надо подчеркнуть, что как следует из приложенной синхронистической таблички, А. И. Тереножкин относил Афрасиаб I к позднеахеменидскому времени, т. е., видимо, к V— IV вв. до н. э.[9]

Большое значение для изучения этого вопроса сыграла публикация Б. Б. Пиотровским части материала из раскопок 1937 г. на Гяур-Кале в Старом Мерве. На основании находки двуперого втульчатого наконечника стрелы, обнаруженного, правда, в отвалах старой траншеи, Б. Б. Пиотровский отнес комплексы типа Анау IV ко второй четверти I тысячелетия до н. э.[10] Эта датировка оказала в дальнейшем значительное влияние на исследователей, занимавшихся культурой этого времени.

Первым из этих исследователей следует назвать М. М. Дьяконова, который в ходе раскопок под его руководством в северной Бактрии в 1950—1951 гг. обнаружил комп-

---

[5] H. Schmidt. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv. В кн.: R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1908, стр. 186.

[6] С. П. Толстов. Древности верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 179.

[7] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77; датировка Кюзели-Гыра VI—IV вв. до н. э. повторена в книге «По следам древнехорезмийской цивилизации» (М.—Л., 1948, стр. 93).

[8] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 1, стр. 128.

[9] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950. На стр. 153 при описании сако-ахеменидского периода VI—IV вв. до н. э. Афрасиаб I в Согде сопоставляется с Бугурлюком II в Чаче.

[10] Б. Б. Пиотровский. Разведочные раскопки на Гяур-Кала в Старом Мерве. Матер. ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 41.

лекс Кобадиан I,[11] опубликовал его, а затем посвятил специальную работу памятникам подобного типа.[12] Уже при публикации материала М. М. Дьяконов испытывал некоторые колебания в датировке, определяя хронологические пределы Кобадиана I то как VII—V, то как VI—IV, то как VII—IV вв. до н. э.[13] При этом М. М. Дьяконов ссылался на вышеотмеченный хорезмийский материал и на датировку Афрасиаба I А. И. Тереножкиным. Однако здесь же М. М. Дьяконов оговаривался, что сходные материалы с Гяур-Калы Б. Б. Пиотровский датировал VII—VI вв. до н. э. В заключение М. М. Дьяконов пишет, что Кобадиан I «следует датировать VI—IV вв. до н. э., хотя возможна и более раняя датировка».[14] В дальнейшем эта датировка была еще несколько углублена, причем, по-видимому, помимо влияния даты Б. Б. Пиотровского, здесь сыграло известную роль и стремление найти в имеющемся археологическом материале памятники доахеменидской Бактрии. В упоминавшейся выше сводной статье М. М. Дьяконов в своей датировке ссылается на архаический облик двуперых наконечников стрел и пишет следующее: «Можно с уверенностью сказать, что основной комплекс вещей Кобадиан I, равно как и возведение здания, относится именно к этому времени (VII—VI вв.). Возможно, что верхние наслоения в завалах комнат и особенно в помещении II относятся к более позднему времени (V—IV вв.?).»[15]

В свою очередь датировка комплекса Кобадиан I стала фигурировать в литературе как некий абсолютный критерий. Так, М. Г. Воробьева, отнеся комплекс Кюзели-Гыра к V в. до н. э. (быть может, самому концу VI в. до н. э.), оговаривает, что в других районах Средней Азии близкая к кюзели-гырской керамика датируется VII—IV вв. до н. э.[16] В принципе ту же самую датировку для Анау IV—VII—IV вв. до н. э. — дал и А. А. Марущенко.[17] Таковы в общих чертах существующие точки зрения по вопросу о датировке археологических комплексов, дающих аналогии яз-депинским комплексам II и III. Необходимо подчеркнуть при этом следующее существенное обстоятельство. Стратиграфия всех отмеченных памятников оставалась неразработанной, поскольку все они содержали обычно один, реже два культурных слоя. Раскопки же на Яз-Депе, намечая колонку относительной хронологии различных керамических форм, позволяют прокорректировать соотношение между собой всех этих памятников.

Обращаясь к вопросу о датировке яз-депинских комплексов, надо прежде всего указать на следующую особенность комплекса Яз III. В состав керамических форм этого комплекса входит, как отмечалось, тарелочка с изогнутыми бортиками. Эта форма весьма близка аналогичным тарелочкам из раннепарфянских слоев Нисы и Гяур-Калы, что свидетельствует о значительно более поздней дате комплекса Яз III. В раннепарфянской керамике Мерва сохраняется и такой характерный для яз-депинской керамики прием, как окрашивание верхней части сосуда белым ангобом при сохранении в нижней части красноватого цвета черепка. При шурфовке шахристана Гяур-Калы, произведенной ЮТАКЭ в 1953 г., в районе шурфа № 4 американской экспедиции был обнаружен характерный комплекс типа Яз III, лежавший непосредственно на материке и перекрываемый слоями раннепарфянского времени. Но вместе с тем следует подчеркнуть, что Яз-Депе, как и подавляющее большинство других древнемаргианских памятников, имеющих материал типа Яз III, расположено к северу от стены Антиоха, возведенной в конце III в. до н. э. Эта стена фиксирует границы нижнемургабского оазиса III в. до н. э., и таким образом совершенно ясно, что наши памятники в это время уже находились в запустении.

Другим весьма характерным комплексом яз-депинской стратиграфии является комплекс Яз-Депе I. Как показывает стратиграфия южного холма Анау[18] и Елькен-Депе

---

[11] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА СССР, № 37, 1953. В том же издании см. статью Н. Н. Забелиной «Раскопки на городище Калаи-Мир».

[12] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX, 1954.

[13] М. М. Дьяконов. Археологические работы. . ., стр. 275, 282, 285.

[14] Там же, стр. 282.

[15] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества. . ., стр. 135.

[16] М. Г. Воробьева, ук. соч., стр. 84.

[17] А. А. Марущенко. Хосров-Кала. Труды Инст. истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 127.

[18] В. М. Массон. Расписная керамика южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

у Каушута, слои типа Яз I подстилаются слоями времени Намазга VI. При этом, хотя различия керамики Намазга VI и Яз I очень велики, нет никаких оснований полагать, что между этими комплексами существует значительный разрыв, еще не заполненный археологически.[19] Тем самым датировка Намазга VI, определенная в предшествующей главе как середина и вторая половина II тысячелетия до н. э., дает нижнюю границу хронологии комплекса Яз I.

Керамика типа Яз-Депе I среди керамических комплексов соседних территорий представляет собой довольно обособленное явление. Полусферические чаши с горизонтальной ручкой находят себе прямые параллели в материале культуры архаического Дахистана.[20] Причем весьма интересно то обстоятельство, что и в Дахистане и в Маргиане эти чаши имеют серый цвет. Однако сосуды с Мадау-Депе сделаны на гончарном круге, а яз-депинские образцы — ручной лепки. Сходство форм столь велико, что можно даже поставить вопрос, не подражают ли маргианские сосуды своим западным прототипам. Ответить на этот вопрос пока трудно, поскольку эта форма не обнаружена в подгорной полосе, где в пору Яз I серая посуда более редка, чем в Маргиане. Серые чаши с ручкой на Мадау-Депе были обнаружены во втором строительном комплексе, так что, надо полагать, они относятся к поздним этапам существования культуры архаического Дахистана, приблизительно к первой трети I тысячелетия до н. э. Можно также добавить, что как на Яз-Депе, так и в культуре архаического Дахистана были распространены плоские крышки с петлеобразной ручкой.[21]

Некоторые аналогии расписная керамика Яз I находит в материалах из первого слоя ахеменидского поселения в Сузах, датируемого Р. Гиршманом VII—VI вв. до н. э. Расписная посуда в этом слое весьма немногочисленна и представляет собой уже исчезающее явление, в более поздних слоях она практически отсутствует. Роспись производилась красной краской на кремовом фоне. Мотивы росписи мало варьируют, и заштрихованные треугольники[22] идентичны соответствующей росписи яз-депинской посуды. Р. Гиршман справедливо подчеркивает связь этой сузианской посуды с керамикой Сиалковского некрополя В. Поддерживая такое сопоставление, следует подчеркнуть, что в сиалковских материалах мы имеем дорогую посуду из богатых погребений, а в Сузах — обычный рядовой материал из культурного слоя поселения. В более древнем некрополе А преобладала серо-черная и красная посуда, расписная керамика здесь крайне редка.[23] Зато подлинный расцвет расписной посуды наблюдается в некрополе В, где роспись производилась темно-красным (так называемый цвет винного осадка) на светло-коричневом или желтоватом фоне.[24]

Разумеется, не может быть и речи о полном сопоставлении яз-депинской росписи и богатой расписной керамики Сиалка, тесно связанной с более древними традициями и широко использующей антропоморфные и зооморфные мотивы. Однако простые мотивы росписи вроде заштрихованных треугольников,[25] так же как и сама гамма росписи, отличаются значительной близостью в обоих памятниках.

В своей первоначальной публикации Р. Гиршман датирует некрополь В X—IX вв. до н. э., и хотя против этого возражал недавно К. Шефер,[26] в целом эта старая датировка может считаться сохранившей свое значение.[27] Об этом, в частности, свидетельствует обнаружение керамики этого типа в слоях Суз, датирующихся в основном VI в. до н. э., поскольку датировка I слоя также и VII в. до н. э. мало обоснована.[28] Можно считать, что находки в Сузах представляют

---

[19] Следует подчеркнуть, что слои времени Яз I, раскопанные на Яз-Депе, судя по материалу, относятся к поздней фазе бытования комплекса подобного типа. Ранние слои с керамикой типа Яз I здесь не были обнаружены. См. главу 1 второй части (стр. 120).

[20] В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана. . ., рис. 29, *13*, *16* и 41.

[21] Там же, рис. 29, *12*, 5, *8*.

[22] R. Ghirshman. Village perse-achéménide. Mémoires de la Mission archéologique en Iran, t. XXXVI, Paris, 1954, табл. XXXIII, *3*.

[23] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. II. Paris, 1939, стр. 7.

[24] Там же, стр. 29.

[25] Там же, табл. XIV, *8*.

[26] C. Schaefer. Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, стр. 477. Некрополь В отнесен к 1250—1100 гг. до н. э.

[27] D. E. McCown. Relative Stratigraphy and Chronology of Iran. Relative Chronologies of Old World Archeology. Chicago, 1954, стр. 65.

[28] Между расписной керамикой Сиалка и Суз, видимо, существовало еще некоторое переходное звено. См. нашу рецензию на «Village perse-achéménide» (СА, 1957, № 2).

последнюю фазу развития этой сравнительно поздней расписной керамики Ирана, расцвет которой представлен некрополем В. Приводя все эти аналогии, следует вместе с тем подчеркнуть, что посуда Сиалка и Суз в отличие от яз-депинской расписной керамики изготовлялась на гончарном круге.

Определенный интерес для целей датировки представляет и сравнительно немногочисленная коллекция бронзовых предметов Яз I. Выше уже отмечалось, что она относится к поздней поре бытования этого комплекса и, следовательно, датирует его верхние пределы. Нашивные бляшки с петелькой представляют собой полную аналогию материалам карасукской культуры (XII—VIII вв. до н. э.) [29] и позднеандроновского Алексеевского поселения.[30] Шилья с расширением в середине, разделяющим рабочую часть и черешок, известны в андроновской культуре,[31] где они, видимо, повторяют форму, занесенную в Поволжье с Северного Кавказа.[32] Правда, в отличие от яз-депинских образцов эти шилья в сечении не уплощенные, а квадратные. Аналогичные северокавказским бронзовые шилья мы находим в Сиалковском некрополе А (XII—XI вв. до н. э. по Г. Гиршману).[33] Наконец, особый интерес представляют найденные на Яз-Депе наконечники стрел, на которых следует специально остановиться ввиду их большой важности для вопросов относительной и абсолютной хронологии.

Как известно, в литературе довольно подробно разработана классификация и хронология бронзовых наконечников стрел для степных пространств юга европейской части СССР.[34] Эта классификационная шкала начала применяться и для материалов Средней Азии, когда здесь стали появляться бронзовые втульчатые наконечники стрел. Сейчас совершенно ясно, что эти наконечники стрел употреблялись не только кочевыми племенами, но и оседлым населением Средней Азии и соседних стран.[35] С количественным увеличением среднеазиатских находок представляется возможность наметить относительную хронологию бронзовых наконечников стрел в конкретных условиях Средней Азии и сопоставить ее со «скифской шкалой». Принципы разработки такой хронологии будут отличны от примененных в причерноморской Скифии. Там многочисленные серии находок, происходящие из курганов, датированных привозными греческими вещами, легли в основу выработанной классификации. В Средней Азии раскопки курганов этого времени еще незначительны, а сами курганные комплексы не имеют четкой хронологической опоры. Основы относительной хронологии в Средней Азии заложены в стратиграфических наблюдениях на памятниках с многометровой культурной толщей. Для первой половины и середины I тысячелетия до н. э. такие возможности представляет стратиграфия Яз-Депе. Сравнение яз-депинских комплексов и синхронных археологических материалов из других районов Средней Азии и соседних стран дает возможность составить таблицу относительной хронологии. Нахождение в этих комплексах бронзовых наконечников стрел и составляет материалы для создания относительной хронологии этого вида вещественных памятников. Хотя материалы еще в многом ограничены, но некоторые общие закономерности уже намечаются. На основании синхронистической таблицы археологических комплексов нами составлена таблица распространения бронзовых наконечников стрел в районах Средней Азии,[36]

---

[29] С. В. Киселев. 1) Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 155, табл. IV, *16*; 2) Древняя история Южной Сибири. МИА СССР, № 9, 1949, стр. 77, табл. XII, *25*, *26*.

[30] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 110, рис. 35 и 36; стр. 112.

[31] С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV, 1951, стр. 155, рис. 24.

[32] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА СССР, № 46, 1955, стр. 56.

[33] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, табл. XXXIX, S 459; табл. XLI, S 499.

[34] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Сб. «Техника обработки камня и металла», М., 1930; П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954; А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Там же; P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

[35] М. М. Дьяконов. Археологические работы. . ., стр. 280; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 43; В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана. . ., стр. 437.

[36] Материалы из курганов кочевников сознательно опущены, поскольку ввиду малочисленности

населенных оседлыми племенами; и смежных территорий Ирана и Афганистана (рис. 12).

Наиболее ранние наконечники стрел, происходящие из верхних слоев времени Яз I, представлены черешковыми наконечниками с шипообразно загнутыми концами и двуперыми втульчатыми. Первые представляют собой весьма архаическую форму, видимо являющуюся металлическим подражанием кремневым черешковым наконечникам в дельте Мургаба, обнаруженным на поселениях времени Намазга VI. Типологически близкие наконечники стрел происходят из Бешташенского могильника поры поздней бронзы и раннего железа в Закавказье.[37] В этом районе подобные наконечники стрел вскоре приобрели очень изящные формы с длинным черешком и длинными узкими шипами, каковы, в частности, наконечники стрел из Кармир-Блура с именами Аргишти и Сардури II.[38] Наконец, следует указать на черешковый наконечник стрелы из андроновского могильника у селения Канай, который, правда, имеет более приземистые формы, чем яз-депинские наконечники, но несомненно восходит к этой же типологической группе.[39]

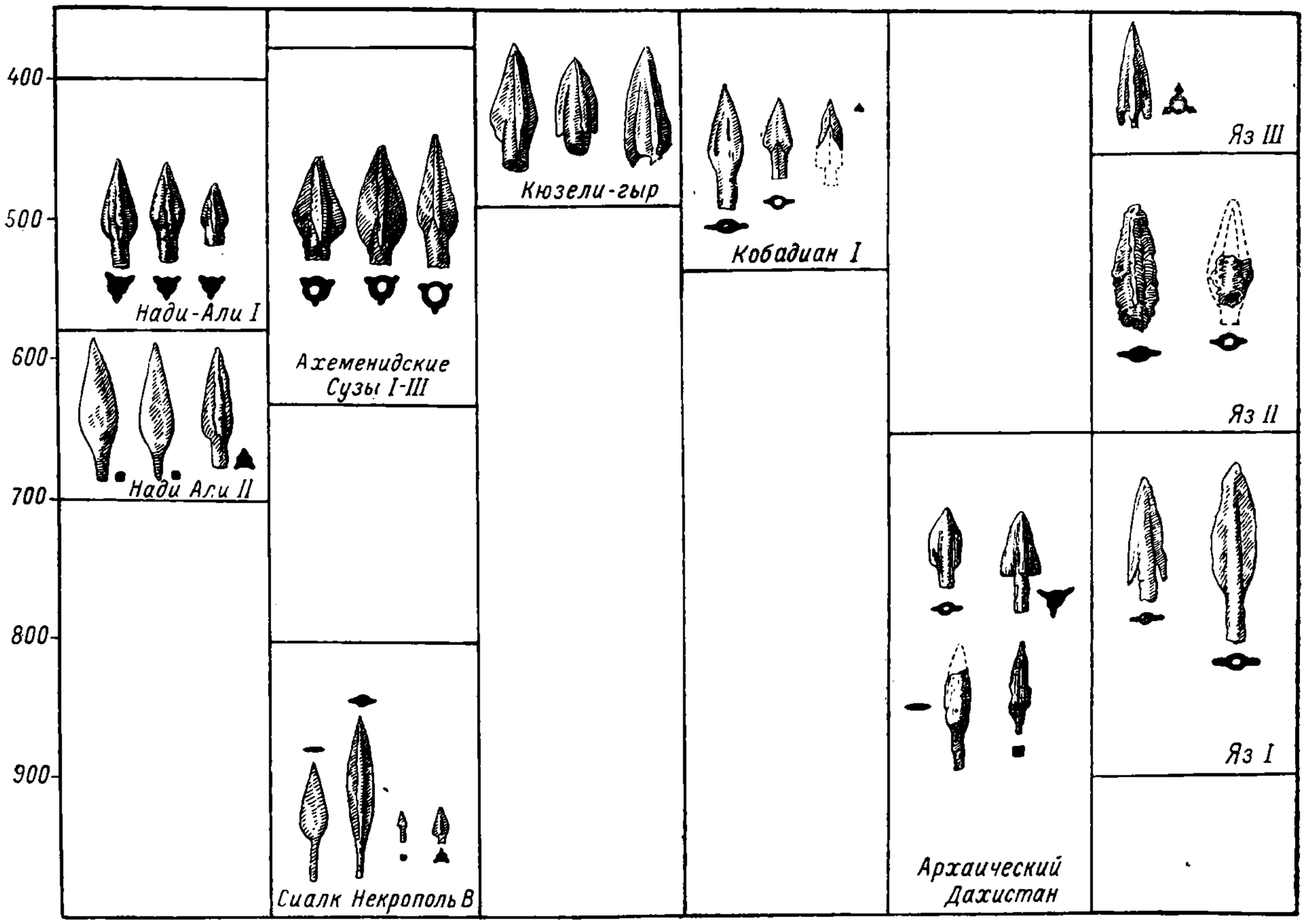

Рис. 12. Бронзовые наконечники стрел из Средней Азии, Ирана и Афганистана.

раскопок этих курганов их хронология будет во многом зависеть от датировки оседлых культур.

[37] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 68, рис. 85.

[38] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, III. Ереван, 1955, стр. 40, рис. 29, 30.

[39] С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК, 64, 1956, стр. 53, рис. 21, *3*.

В этих же слоях Яз I появляются и двуперые втульчатые наконечники стрел, которые, как отмечает А. А. Иессен,[40] скорее всего восходят к форме втульчатого копья. В пользу этого предположения можно привести один из наконечников, найденных на цитадели Яз-Депе, являющийся по своей форме как бы уменьшенной моделью копья (табл. XXXIII, 5). Эти двуперые втульчатые наконечники стрел были встречены и в слоях Яз II, причем даже в поздних фазах этого комплекса. К комплексу Яз III относится уже трехперый наконечник со скрытой втулкой и опущенными вниз приостренными концами перьев. Богатая коллекция трехперых наконечников стрел как со скрытой, так и с выступающей втулкой была найдена при раскопках хорезмийского поселения Кюзели-Гыр,[41] керамический комплекс которого почти полностью идентичен посуде Яз III.

Таким образом, можно считать, что намеченная по скифским материалам смена двуперых наконечников стрел трехперыми имела место и в оседлых областях Средней Азии, что, надо полагать, объясняется тесными связями этих областей с кочевыми племенами степей. Это заключение подтверждает методическую допустимость использования для Средней Азии датировок, выработанных на причерноморских материалах с учетом некоторых конкретных местных особенностей. Из этих конкретных особенностей, видимо, уже сейчас можно отметить сравнительно долгое бытование двуперых наконечников. Они встречены в поздних слоях Яз II и в комплексе Кобадиан I, в основном совпадающем с нашим материалом Яз III. Поскольку Яз III представлен всего одним строительным комплексом и непосредственно предшествует раннепарфянским слоям, следует считать, что и конец комплекса Яз II не следует отодвигать особенно вглубь. Показательно также, что при раскопках Гяур-Калы в слоях с керамикой Яз III были найдены как трехперые, так и двуперые бронзовые наконечники стрел. Двуперый бронзовый наконечник стрелы найден и на хорезмийском городище Кой-Крылган-Кала, где он не может быть датирован более ранним временем чем IV—III вв. до н. э.[42] Вероятно, с накоплением материала можно будет наметить различие в форме для более ранних и более поздних двуперых наконечников стрел.

Трехперые бронзовые наконечники стрел в Средней Азии неоднократно встречаются в слоях III—II вв. до н. э. Вместе с черешковыми железными они были найдены в северном доме Старой Нисы, где археологические слои датируются монетами III—II вв. до н. э. Эти наконечники более миниатюрны, чем крупные наконечники стрел Яз III или Кюзели-Гыра. Сохранение бронзовых трехперых стрел в первые века до нашей эры и даже во II—III вв. н. э. отмечал в свое время на хорезмийских материалах и С. П. Толстов,[43] но последняя из этих дат, видимо, требует дальнейшего уточнения.

Как же в связи с этими сопоставлениями можно датировать яз-депинские наконечники? Как отмечалось выше, черешковые наконечники Яз I представляют весьма архаическую форму, и надо полагать, что сопровождающие их двуперые втульчатые наконечники являются наиболее ранними во всей серии этого типа. На Северном Кавказе такие наконечники впервые появляются в памятниках новочеркасской группы, датированной А. А. Иессеном VIII—началом VII в. до н. э.[44] Видимо, соответствуют такой датировке и все более увеличивающиеся в числе находки двуперых втульчатых наконечников стрел на позднеандроновских памятниках.[45]

В причерноморской Скифии с конца VI в. до н. э. получают широкое распространение господствующие в V в. до н. э. трехперые наконечники стрел с выступающей или скрытой втулкой,[46] аналогичные наконечнику из слоя Яз III и, как справедливо отмечал еще С. П. Толстов, стрелам Кюзели-Гыра. Однако трехперые наконечники стрел, правда, иных форм, составляют около половины наконечников уже в Келермесском

---

[40] А. А. Иессен, ук. соч., стр. 120—121.

[41] С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 195, рис. 3.

[42] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 88, рис. 24.

[43] Там же, стр. 32—33, 111, рис. 26.

[44] А. А. Иессен, ук. соч., стр. 121, 127.

[45] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 108, рис. 33, *1*, *2*; С. С. Черников. 1) О работах Восточно-Казахстанской экспедиции, стр. 52, рис. 19; 2) Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, 53, 1954, стр. 44, рис. 23, *7*. Такой наконечник стрелы был найден и в Вуадильском могильнике Ферганы.

[46] П. Д. Либеров, ук. соч., стр. 154, 156.

кургане, датируемом первой половиной VI в. до н. э.[47] Видимо, был прав Б. Н. Граков, писавший о распространении трехперых втульчатых наконечников стрел из Скифии на соседние территории.[48] Появление в Средней Азии трехперых наконечников в сравнительно поздних комплексах как будто подтверждает эту точку зрения. Однако, помимо северного влияния со стороны кочевых племен, здесь могли сказаться и южные связи среднеазиатских областей. Мы имеем в виду характер наконечников стрел, употреблявшихся на территории Ирана и Афганистана.

Наибольший интерес здесь представляет набор наконечников стрел в могилах Сиалковского некрополя В (X—IX вв. до н. э.). Здесь особенно многочисленны лавролистные черешковые наконечники, уплощенные или с ребром в центре.[49] Эта ранняя форма появляется и в культуре архаического Дахистана,[50] тесно связанной с иранскими памятниками, и в нижних слоях Нади-Али.[51] Более редки пирамидальные черешковые наконечники, также встречающиеся на памятниках архаического Дахистана.[52] И, наконец, особый интерес представляет единичный экземпляр трехперого втульчатого наконечника стрел в Сиалке.[53] Видимо, эти наконечники появляются в наиболее поздних могилах некрополя В, но трудно судить об этом, поскольку в отчете Р. Гиршмана издан инвентарь лишь наиболее богатых захоронений этого могильника. Именно трехперые втульчатые наконечники сменяют черешковые лавролистные стрелы в Нади-Али [54] и образуют большой и разнообразный набор в ахеменидских Сузах, встречаясь здесь во всех трех слоях (VII—начало IV в. до н. э.).[55] Видимо, распространение трехперых втульчатых наконечников стрел составляло характерную особенность памятников Ирана, в то время как в Средней Азии, возможно не без влияния кочевых племен, были довольно широко распространены двуперые втульчатые наконечники.

Суммируем наблюдения, связанные с датировкой комплексов Яз-Депе. Комплекс Яз III непосредственно предшествует раннепарфянским слоям III—II в. до н. э., обнаруживая связи с керамикой этого времени. Наконечник стрелы из этого комплекса может быть отнесен к V в. до н. э. Наиболее ранний комплекс Яз I стратиграфически следует за слоями Намазга VI, относящимися к середине и второй половине II тысячелетия до н. э. Расписная керамика, появляющаяся в этом комплексе после долгого перерыва в пору Намазга V и VI, где расписная посуда отсутствует, может быть сопоставлена с расписной керамикой, появляющейся в Иране в X—VII вв. до н. э. (некрополь В Сиалка, ахеменидские Сузы I). Наконечники стрел из верхних слоев Яз I можно относить к VIII—VII вв. до н. э. На основании этих данных, учитывая то, что яз-депинская стратиграфия основана на последовательной смене строительных комплексов (Яз I — видимо, два комплекса, Яз II — два комплекса и Яз III — один комплекс), мы предлагаем следующие датировки рассмотренному материалу: комплекс Яз-Депе I — 900—650, комплекс Яз II — 650—450 и комплекс Яз III — 450—350 гг. до н. э. В предыдущих публикациях комплекс Яз-Депе III датировался лишь одним IV веком до н. э.[56] Датировку эту, видимо, следует несколько удревнить. Разумеется, эти датировки в значительной степени условны, но эта условность отражает состояние изученности имеющихся материалов.

---

[47] А. А. Иессен, ук. соч., стр. 112.
[48] Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 76.
[49] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, стр. 46.
[50] В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. Изв. АН ТССР, 1953, № 1, рис. 1.
[51] R. Ghirshman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. Revue des Arts Asiatiques, t. XIII, № 1, Paris, 1939, стр. 18.
[52] В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана. . ., рис. 15, 36.
[53] R. Ghirshman. 1) Fouilles de Sialk, табл. XCII, *17*, *18*; 2) Village. . ., стр. 55.
[54] R. Ghirshman. Fouilles de Nad-i-Ali. . ., стр. 16.
[55] R. Ghirshman. Village. . ., стр. 55, табл. XXXVI, XLIV.
[56] См. наши статьи: ИАН ТССР, 1955, № 3, стр. 7; 1956, № 2, стр. 21. В последней статье оговорена возможность такого понижения.

ЯЗ-ДЕПЕ И СИНХРОННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Наметив таким образом хронологические пределы яз-депинских комплексов, мы можем перейти к рассмотрению других одновременных памятников Средней Азии под углом зрения яз-депинской стратиграфии и яз-депинских датировок. Конечно, нет никакого основания возводить эту стратиграфию, а тем более датировки, условность которых постоянно следует иметь в виду, в какой-то непогрешимый абсолют, но тем не менее смена комплексов, намеченная при раскопках Яз-Депе, отражает определенные общие закономерности, тем более, что в других местах Средней Азии стратиграфия памятников первой половины I тысячелетия не разработана почти совершенно, что естественно увеличивает значение мургабского материала, позволяющего лучше понять ранее известные археологические комплексы и объекты.

Естественно начать этот обзор с Гяур-Калы — величественных развалин столицы парфянской Маргианы. Керамический материал из раскопок цитадели Гяур-Калы в 1937 г., и в той части, в какой он был издан Б. Б. Пиотровским, и в той, в какой он хранится в фондах Музея краеведения в Ашхабаде, в основном принадлежит комплексу Яз III, что прежде всего хорошо видно по характерным венчикам хумов и хумча в виде уплощенных валиков. Характерно широкое распространение конических крышек, которые, однако, на Яз-Депе в слое Яз III сравнительно редки. Крышки с Гяур-Калы часто достигают значительных размеров. В керамике с цитадели Гяур-Калы имеются некоторые черты, как бы восходящие к комплексу Яз II. Так, некоторые венчики уже потеряли резкую крючковидность, стали уплощаться, но еще не дали, так сказать, «классического» уплощенного валика. Подкос у некоторых банкообразных сосудов довольно крут, что более характерно для Яз II. Все эти элементы в целом как бы образуют переход от комплекса Яз II к комплексу Яз III, близко напоминая в этом отношении материал из верхних слоев поселения Тахирбай-Депе (Тахирбай 1, см. следующую главу). Поскольку культурные слои с керамикой типа Анау IV достигают на цитадели Гяур-Калы не менее 3 м, можно предполагать, что они содержат по крайней мере два строительных комплекса. Вполне допустимо, что нижний соответствует переходу от Яз II к Яз III, а верхний — собственно Яз III, но имеющийся материал не дает возможности проверить это предположение. Показательно, что в интересующих нас слоях были найдены как трехперые, так и двуперые втульчатые наконечники стрел. Как кажется, это может служить одним из подтверждений сказанного выше о сравнительно поздней верхней границе бытования двуперых втульчатых стрел у оседлого населения Средней Азии.

На основании раскопок на цитадели Гяур-Калы можно нарисовать следующую картину существовавшего здесь поселения V—IV вв. до н. э. Это поселение занимало всю территорию позднейшей цитадели, т. е. его площадь была не менее 14 га. Центром этого поселения являлась цитадель, в основании которой, как и на Яз-Депе, лежала мощная платформа из сырцового кирпича, на которой стояло какое-то здание. Остатки цитадели ныне представляют высокий холм в ее центре и занимают площадь несколько более 0.5 га. Видимо, такова и была площадь цитадели города V—IV вв. до н. э. Таким образом, совершенно ясно, что на территории позднейшего Мерва (а скорее всего это название как собственное имя населенного пункта существовало уже тогда) в V—IV вв. до н. э. существовало крупное поселение, центром которого была цитадель, стоящая на мощной кирпичной платформе. Это было одно из наиболее крупных поселений древней Маргианы, и если учесть, что в V—IV вв. до н. э. яз-депинская цитадель пришла в запустение, а жизнь на другом крупном поселении — Аравали-Депе — прекратилась, то можно сказать, что в IV—V вв. до н. э. поселение древнего Мерва начало приобретать главенствующее значение.[57]

Однако интересующий нас археологический материал встречается также и на территории шахристана древнего Мерва. В различных местах заложенные шурфы в своих нижних ярусах, выходящих уже на материк, дают керамику типа Яз III. До-

[57] Возможно, тогда оно и получило свое название по имени области Моуру — Маргианы — Маргуш, подобно тому как столица Бактрии называлась Бактра. В IX—VII вв. до н. э. это имя, возможно, прилагалось к Яз-Депе, бывшему тогда центром оазиса.

вольно значительный культурный слой, содержавший характерный комплекс типа Яз III, встречен в том районе шахристана, где в 1904 г. был заложен четвертый шурф американской экспедиции.[58] В некоторых других шурфах, в частности к востоку от цитадели, на территории так называемого «квартала мукомолов» III—IV вв. н. э., были встречены также характерные крючкообразные венчики типа Яз II, не связанные, к сожалению, со сколько-нибудь значительным культурным слоем. Вполне возможно, что на территории шахристана Гяур-Калы небольшое поселение или отдельные дома существовали уже в пору Яз II. Но широкое заселение этих районов начинается лишь со времени Яз III, когда соответствующий материал встречается уже во многих местах и образует значительные по мощности культурные слои. Можно считать, что уже в IV в. до н. э., если не раньше, жизнь выходит за границы основного поселения, определенного выше как занимающее площадь около 14 га, и начинается сложение того грандиозного поселения, размеры которого впоследствии удивляли многих исследователей.

В середине I тысячелетия уже существовал серахский оазис, что должно было быть связано с созданием здесь развитой системы каналов, выведенных из Теджена. К сожалению, ограниченный характер имеющегося археологического материала не позволяет сделать конкретные сопоставления с яздепинской стратиграфией. В 1956 г. К. Адыковым был обследован бугор Мавляк-Депе, расположенный в 45 км по дороге из Серахса на Мерв. Здесь в подъемном материале была собрана керамика типа Яз III. При разведочной шурфовке, произведенной А. А. Марущенко на городище Старого Серахса. культурный слой с керамикой типа Анау IV был обнаружен на территории шахристана, а также на цитадели. На последней А. А. Марущенко относит к ахеменидскому времени невысокий глинобитный вал, обнаруженный им в штольне.[59] Далее А. А. Марущенко называет этот вал уже стеной и пишет: «Обнаружение стен этого возраста в основании южного холма цитадели с бесспорностью указывает, что в ахеменидское время Старый Серахс был уже городом».[60] Однако едва ли можно считать, что наличие вала доказывает существование в эту пору цитадели. Цитадели середины I тысячелетия до н. э. всегда имеют в основании мощные платформы. Глинобитный же вал мог окружать и простое поселение. Мощность слоя типа Анау IV в Старом Серахсе невелика — всего 70 см. Вполне возможно, что центром серахского оазиса в VI—IV вв. до н. э. было крупное поселение с цитаделью. Но располагалось ли оно на территории городища старого Серахса или где-либо в другом месте, пока трудно сказать.

Далее следует обратиться к подгорной полосе южной Туркмении, где интересующий нас материал дали раскопки южного бугра Анау (Р. Пампелли, 1904 г.) и Ельken-Депе у Каушута (А. А. Марущенко, 1953 г.). Материалы работы А. А. Марущенко пока, к сожалению, не опубликованы, и поэтому в основном придется опираться на материал, добытый американской экспедицией. Несмотря на то, что слои Анау IV являются кроющими для южного холма, материал этот сравнительно невелик. Определение стратиграфии южного холма базируется на верхнем раскопе. Здесь слой Анау IV был всего около 1.5 м (от +52 до +47 футов). Ниже на протяжении около полуметра шел материал Анау IV, смешанный с керамикой типа Яз I.[61] Далее начи-

---

[58] Не вызывающий сомнений комплекс типа Яз III, в частности с такой характерной формой, как тарелочка с изогнутым бортиком, был найден при шурфовке этого района во время работ ЮТАКЭ в 1953 г. В 1937 г. здесь также была встречена керамика типа Анау IV и головка фигурки лошади (см.: Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве. Матер. ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 41). Последнее по характеру исполнения тесно связано со скульптурой более позднего времени (см., например: С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 78; опубликованные здесь головки коней с Джанбас-Калы близко напоминают мервскую находку, поэтому вполне возможно, что данная находка перемещена и из более верхних слоев). Однако среди находок 1937 г. имеется также фрагмент уплощенной в сечении ручки, что совершенно нехарактерно для яз-депинской керамики. Не исключено, что комплекс 1937 г. несколько позднее верхних слоев Яз-Депе.

[59] А. А. Марущенко. Старый Серахс. Труды Инст. истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 174, 197—199, табл. 16. Следует отметить, что «методика» пробивания штольни в виде узкой норы едва ли является допустимой при изучении многослойных городищ Средней Азии.

[60] Там же, стр. 198.

[61] H. Schmidt. Archaeological Excavations in Anau and old Merv. В кн.: R. Pumpelly, ук. соч., т. I, стр. 106—108.

нается чистый слой типа Яз I. Строительных остатков здесь обнаружено не было. Керамика вся сделана на круге и имеет красный или желтоватый черепок.[62] Снаружи сосуды покрывались зеленовато-белым, а также, в отличие от Яз-Депе, красноватым ангобом. Среди форм можно отметить венчики в виде уплощенных валиков типа Яз III, принадлежавшие небольшим сосудам, которые Г. Шмидт называет котлообразными (форма А). Идентична яз-депинской посуде форма банкообразного сосуда с подкошенной придонной частью.[63] Видимо, конической крышке принадлежит один из двух фрагментов, которые Г. Шмидт относит к группе подставок.[64] Но довольно показательны и различия с яз-депинскими комплексами. Прежде всего в слоях Анау IV найдена горловина кувшина с ручкой,[65] что может найти свои аналогии в культуре архаического Дахистана, но никак не в мургабском материале. Весьма отличны хумы. Они имели не цилиндрическую, а яйцевидную форму,[66] сближаясь в этом отношении с парфянскими хумами Нисы. Венчики хумов в виде валика, уплощенного по вертикали, а не по горизонтали, как на Яз-Депе, также восходят к парфянской керамике.[67] Особенно характерной для Анау можно считать форму венчика с горизонтальной верхней частью, видимо приспособленной для крышки.[68] Такие венчики часто встречаются и на Елькен-Депе и могут считаться одной из типичных форм для подгорной полосы.

Помимо керамики, в слоях Анау IV были найдены фрагменты железного ножа, железных серпов и бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой[69] и опущенными вниз заостренными концами лопастей. Хотя Г. Шмидт определил этот наконечник как весьма раннюю форму,[70] но это едва ли так. Ближайшей аналогией к нему можно указать наконечник стрелы из комплекса Яз III и тем самым датировать его V—IV вв. до н. э. Таким образом, первое заключение, которое можно сделать на основании рассмотрения комплекса Анау IV, это то, что данный материал сравнительно поздний, синхронный в основном мургабскому Яз III. Об этом свидетельствует и наконечник стрелы, и аналогии с раннепарфянскими хумами и, как кажется, появление такой поздней формы, как кувшин с ручкой. Но поскольку на южном холме Анау есть также слои Яз I, следует ожидать, что здесь были и слои времени Яз II, возможно, приходящиеся на уровень между 43 и 47 футами. Не исключено, что если бы Г. Шмидтом было сделано более дифференцированное по слоям издание керамики, соответствующий комплекс можно было бы наметить уже при имеющемся материале. Второе, что обращает на себя внимание, это заметное отличие от древнемаргианского материала. Мы имеем в виду и красный ангоб, и форму хумов. Материал южного холма Анау дает, таким образом, представление о новом варианте керамики середины I тысячелетия до н. э.— варианте, который следует называть парфянским.

Надо полагать, что конкретные черты парфянского варианта четче выступят при издании результатов раскопок на Елькен-Депе. Это крупнейшее городище подгорной полосы было, видимо, подобно Яз-Депе, своеобразным центром большой области, скорее всего всей северной Парфии. В середине I тысячелетия до н. э. оно, как и раньше, состояло из цитадели и примыкающего кольца поселения.[71] Для цитадели был использован бугор, образованный более древними культурными слоями. Для нивелировки поверхности холма на его вершине была возведена невысокая платформа из сырцового кирпича. Однако насколько можно судить по раскопкам А. А. Марущенко, располагавшиеся на цитадели здания почти полностью уничтожены. На поселении, видимо также укрепленном, открыты следы железоделательного производства. Судя по керамическому материалу, жизнь на Елькен-Депе прекращается несколько позднее по сравнению с Яз-Депе. Около Елькен-Депе расположены небольшие холмы, ви-

---

[62] Там же, стр. 145—149.

[63] Там же, стр. 147, рис. 224.

[64] Там же, стр. 147, рис. 228. Какому сосуду принадлежал другой фрагмент (там же, стр. 148, рис. 229), неясно.

[65] Там же, стр. 147, рис. 227, форма *F*. Она вызвала удивление и Г. Шмидта.

[66] Там же, табл. 19, *5*.

[67] В. М. Массон. Хумы Нисы. ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 418.

[68] H. Schmidt. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv. В кн.: R. Pumpelly, ук. соч., т. I, стр. 148, рис. 230.

[69] Там же, стр. 156, рис. 288, табл. 39, *7*.

[70] Там же, стр. 185.

[71] История Туркменской ССР, т. I. Макет. Ашхабад, 1955, стр. 40—41.

димо являющиеся остатками отдельных домов и также относящиеся к середине I тысячелетия до н. э. Небольшое поселение существовало в это время и на находившейся неподалеку Хосров-Кале.[72]

Другим крупным центром подгорной полосы в это время было Улуг-Депе (или Яссы-Депе) у Душака. Находящееся здесь поселение возникло по крайней мере в пору Намазга II (IV тысячелетие до н. э.), и многометровые культурные слои образовали высокий холм,[73] возможно укрепленный в ахеменидское время. Во всяком случае керамика Анау IV здесь очень многочисленна в подъемном материале, поскольку позднее Яссы-Депе уже не обживалось. Типом небольшого поселения без цитадели, помимо южного бугра Анау, может явиться также Яшули-Депе у Гяурса, в нижних слоях которого залегает керамика типа Яз I.

Более мелкие памятники середины I тысячелетия до н. э. довольно часто встречаются на территории подгорной полосы. Так, к западу от Артыка расположено четыре небольших холма, дающих подъемный материал типа Анау IV и Яз-Депе I. Около холмов видны остатки четырехугольного укрепления размером около 45 ×45 м. В пределах укрепления встречается керамика главным образом типа Анау IV. Видимо, остатками подобного укрепления времени Анау IV является поселение Дашлы у аула Изгант к западу от Ашхабада. Здесь поселение середины I тысячелетия до н. э. примыкает к небольшому более древнему холму, образованному культурными слоями времени Намазга I (IV тысячелетие до н. э.).

Наконец, могут быть отмечены еще два небольших оазиса, относящихся к рассматриваемому времени. Один из них располагался в низовьях р. Чаача. Исследованные в 1951 г. С. А. Ершовым находящиеся здесь памятники дали в подъемном материале керамику типа Анау IV и Яз-Депе I. Это Сарык-Депе, Чемче-Депе, Куш-Депе и Хайрак-Депе. В настоящее время воды р. Чаача разбираются в среднем течении и района расположения этих памятников почти не достигают. Другой, видимо более крупный, оазис может быть отмечен в районе современного г. Теджена. Небольшие холмы с керамикой типа Яз-Депе III имеются к северо-западу от г. Теджена и к юго-востоку от него вдоль дороги, идущей из Теджена на Серахс. В последнем районе имеются следы оплывших каналов, возможно относящихся к середине I тысячелетия до н. э.

Таковы в общих чертах памятники южной Туркмении середины I тысячелетия до н. э.

Следующей областью Средней Азии, обнаруживающей тесные связи с древней Маргианой, является Хорезм. Среди древних памятников Хорезма наиболее близкие аналогии яз-депинскому материалу дает городище Кюзели-Гыр, обследованное С. П. Толстовым еще в 1939 г. и тогда же вместе с городищем Калалы-Гыр 1 отнесенное им к числу памятников середины I тысячелетия до н. э.[74] Как показали позднейшие исследования, Калалы-Гыр 1 в значительной мере следует относить к числу памятников более позднего периода[75] и в настоящее время именно Кюзели-гырское городище является типичным для характеристики материальной культуры Хорезма середины I тысячелетия до н. э.[76] В 1953—1954 гг. на этом городище были произведены широкие раскопки, но полный отчет о них еще не опубликован.

Как сообщает С. П. Толстов, при этих раскопках было установлено наличие двух культурных слоев. Нижний слой характеризуется сырцовым кирпичом 47—50×23—25×12—13 см, овальными башнями, двукамерными очагами-печами. В верхнем слое квадратный кирпич принимает уже размеры 39—40×39—40×10—12 см; здесь раскопаны прямоугольные башни, круглые и овальные, открытые очаги.[77] Однако различий в керамическом материале между этими двумя слоями уловить не удалось, и поэтому обратимся к сжатой, но вполне четкой характеристике хорезмийской посуды этого времени, которую дает М. Г. Воробьева. Ознакомление с составленной

---

[72] А. А. Марущенко. Хосров-Кала, стр. 125, 143, табл. I.

[73] План и профиль городища см.: М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 13, 14, рис. 3.

[74] С. П. Толстов. Древности верхнего Хорезма, стр. 179.

[75] Д. Дурдыев. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР. Автореф. дисс., М., 1954, стр. 8.

[76] Ср.: М. Г. Воробьева, ук. соч., стр. 84.

[77] С. П. Толстов. 1) Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 193—195; 2) Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1951—1954 гг. ВИ, 1955, № 3.

М. Г. Ворбьевой таблицей (рис. 13) ясно показывает, что кюзели-гырский комплекс полностью соответствует нашему комплексу Яз III, хотя в целом формы посуды производят впечатление несколько огрубевших по сравнению с изящной керамикой Яз-Депе.[78] Следует вместе с тем отметить и некоторые черты своеобразия керамики Кюзели-Гыра. Сюда прежде всего следует отнести красноватый ангоб, почти не встречающийся на одновременной посуде Маргианы.

Далее, своеобразной и несколько архаичной является форма кубков с подкошенной придонной частью,[79] хотя возможно, что в Хорезме она заменила отсутствующие в кюзели-гырском комплексе банкообразные сосуды с подкошенной придонной частью. Однако все эти черты своеобразия, вполне естественные при значительной территориальной отдаленности, не снимают положения о крайней близости материала Кюзели-Гыра к комплексу Яз III. Это подтверждается и находками на Кюзели Гыре исключительно трехперых наконечников стрел с небольшой выступающей втулкой или без нее, датирующихся в пределах в основном V, но частично IV в. до н. э.[80] Датирует кюзели-гырский комплекс V в. до н. э. и М. Г. Воробьева. Однако несколько смущающим моментом является наличие в верхнем слое Кюзели-Гыра квадратного сырцового кирпича, на территории южной Туркмении появляющегося лишь в парфянское время. В Маргиане во всех комплексах, которые, казалось бы, есть основания считать позднеахеменидскими (Яз III, цитадель Гяур-Калы), также пока наблюдается лишь прямоугольный сырцовый кирпич. Правда, вполне возможно, что переход к кирпичу нового формата, переход, связанный, на наш взгляд, с внедрением каких-то новых пропорций и единиц измерения в архитектуре, начался еще в конце правления Ахеменидов, и городище Кюзели-Гыр является лишь первым памятником, где этот переход удалось уловить. Об этом, казалось бы, свидетельствуют раскопки и Нади-Али, и Сеистана, к которым мы вернемся ниже и где в середине I тысячелетия до н. э. квадратный кирпич, правда небольшого, «бактрийского» формата сосуществовал с прямоугольным. В равной мере в керамике Кюзели-Гыра, идентичной, по С. П. Толстову, для обоих слоев, не улавливается каких-либо поздних влияний. Однако пока факт существования квадратного кирпича в V—IV вв. до н. э. не будет подтвержден раскопками еще в каком-либо пункте, датировка верхнего слоя Кюзели-Гыра вызывает некоторые сомнения, тем более, что на городище имеется гончарный квартал раннекангюйского времени (III—II вв. до н. э.).[81] Не одновременен ли он так называемому верхнему слою Кюзели-Гыра?

Что же касается основного кюзели-гырского комплекса, то в той мере, в какой соответствующий материал опубликован, его можно относить к V и к началу или к первой половине IV в. до н. э. В связи с довольно характерным обликом керамики этого комплекса встает вопрос и о его генезисе в целом. Вот что пишет по этому поводу М. Г. Воробьева, тщательно исследовавшая древнехорезмийскую керамику: «Сравнительно высокий уровень керамического производства. . . прослеживающийся по керамике с Кюзели-Гыра, указывает на то, что обнаруженная на городище культура восходит к более раннему времени. В материале из различных мест Хорезма встречались наконечники стрел VII—VI вв до н. э. Это дает возможность рассчитывать обнаружить и поселения соответствующего времени, к которому С. П. Толстов предположительно относит начальные этапы „архаической“ культуры Хорезма».[82]

Происхождение кюзели-гырского комплекса прежде всего могло быть местным, хорезмийским. Этому, однако, в значительной мере противоречит облик более древней

---

[78] М. Г. Воробьева, ук. соч., рис. 1; см. наш рис. 13, *8* и *9* — банкообразные сосуды с расширяющимся верхом Яз-Депе; *10* — крышка яз-депинского типа. Характерная форма венчиков как мисок (*2*), так хумов и хумча (*1*, *3*, *6*) ясно свидетельствует о том, что это комплекс типа Яз III. Об этом же говорят и полусферические чаши (*3*—*4*), которые М. Г. Воробьева называет мисками. Кухонные котлы Кюзели-Гыра, изображение которых не приведено, имели подобно яз-депинским ручки-выступы (там же, стр. 73).

[79] Там же, стр. 75, рис. 1, *1* и *2*. К сожалению, оба сосуда немного реконструированы.

[80] Мы имеем в виду трехперые наконечники стрел со скрытой втулкой и опущенными вниз концами перьев. См.: С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, рис. 3, *4*, *8*, *10*; П. Д. Либеров, ук. соч., № 108; см. также: R. Rau, ук. соч., табл. XXII.

[81] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 105.

[82] М. Г. Воробьева, ук. соч., стр. 84.

культуры Хорезма. Во второй половине II тысячелетия до н. э. здесь население жило в поселениях, состоявших из нескольких землянок. Посуда лепилась от руки, имела довольно несложные формы и украшалась нарезным и штампованным орнаментом. Судя по предметам материальной культуры, объединяемым С. П. Толстовым в амирабадскую культуру, в VIII—VII вв. до н. э. в отношении керамики значительных изменений не произошло.[83] Между тем прямо на юг от Хорезма происходило закономерное развитие керамических комплексов, одну из стадий которого повторила посуда Кюзели-Гыра, а традиция возведения домов из прямоугольного сырцового кирпича здесь насчитывала уже много веков. Мы имеем в виду подгорные оазисы Копет-Дага и плодородную дельту Мургаба, причем следует подчеркнуть, что кюзели-гырский материал значительно более близок Маргиане, чем, скажем, Парфии, в той мере, в какой последняя представлена для интересующего нас времени раскопками южного холма Анау и Елькен-Депе. Поэтому, как кажется, появление в Хорезме столь характерной керамики и прямоугольного сырцового кирпича есть прямой результат маргиано-парфянского культурного влияния. Надо подчеркнуть, что отнюдь не следует понимать этот тезис сугубо механически и схематически. К середине I тысячелетия до н. э. в Хорезме, как показали последние исследования С. П. Толстова, уже были достигнуты значительные успехи в развитии искусственного орошения, в это время здесь окончательно формируется новый земледельческий оазис. Нет ничего удивительного, что с развитием архитектуры из более развитых областей был заимствован уже давно сложившийся там формат кирпича, а с развитием ремесла оттуда же, с юга, вместе с гончарным кругом проникли и характерные формы посуды. Было ли связано это культурное влияние с политическим объединением среднеазиатских областей в составе державы Ахеменидов или древней Бактрии, пока трудно сказать. Но, возможно, М. Г. Воробьева права, ожидая обнаружения в Хорезме памятников, непосредственно предшествующих Кюзели-Гыру и датируемых VI в. до н. э.

Другой областью Средней Азии, где обнаружен материал середины I тысячелетия до н. э., является древняя Бактрия с открытым М. М. Дьяконовым комплексом Кобадиан I. С исторической точки зрения изучение материала этого времени представляло наибольший интерес именно здесь, но, к сожалению, комплекс Кобадиан I весьма невелик и не все связанные с ним вопросы достаточно ясны. Выше мы цитировали взгляды М. М. Дьяконова на датировку этого комплекса. Что же нового в этот вопрос может внести яз-депинская стратиграфия?

Раскопки Н. Н. Забелиной на городище Калаи-Мир, где собственно и был открыт комплекс Кобадиан I, позволяют наметить некоторую внутреннюю стратиграфию в пределах времени существования этого комплекса.[84] Существовавшее здесь здание было возведено непосредственно на материке, без какого-либо фундамента, и низшая отметка пола равна 5.05 м. Между тем, уже на уровне 4.0 м расположен пол так называемой комнаты с кобуром, относящейся к греко-бактрийскому времени, т. е., видимо, к III—II вв. до н. э.

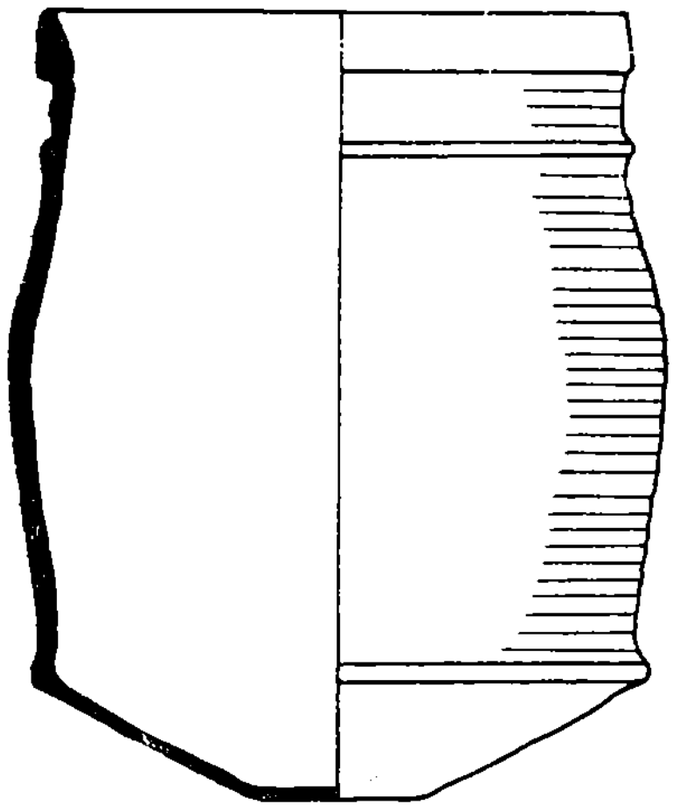
Таким образом, интересующие нас слои невелики: практически они равны 1 м. Можно сказать, что рассматриваемое древнее здание имело два периода существования. К концу первого периода рухнула северная стена здания, раздавившая на полу помещения III несколько сосудов с пищей, которые, таким образом, датируют время обрушения стены. В связи с этим в помещении I появилась поздняя поперечная стена толщиной 80 см, которая образовала новое помещение II. Жизнь в этом помещении продолжалась много позднее, чем в других, что отразилось, в частности, и в составе материала. Соответственно помещение II имеет три уровня пола: 4.75, 4.5 и 4.3 м, почти подходя, таким образом, к уровню III—II вв. до н. э. Керамика Кобадиана I (рис. 14), опубликованная, к сожалению, лишь частично, находит аналогии в комплексе Яз III. Это видно, например, по венчикам в виде уплощенных валиков.[85] Однако здесь, видимо, были хумча с крючкообразными венчиками. От-

---

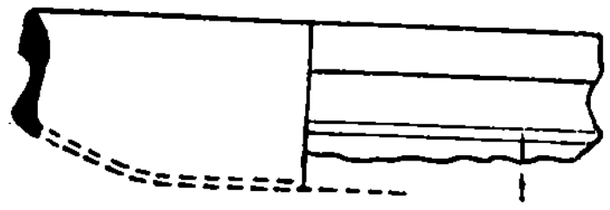
[83] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 69—70.

[84] М. М. Дьяконов. Археологические работы. . ., стр. 273—275; Н. Н. Забелина. Раскопки на городище Калаи-Мир. МИА СССР, № 35, 1953, стр. 295—300.

[85] См.: М. М. Дьяконов. Древняя Бактрия. Сб. «По следам древних культур», М., 1954, стр. 320; см. также: Э. Гулямова, Е. А. Давидо-

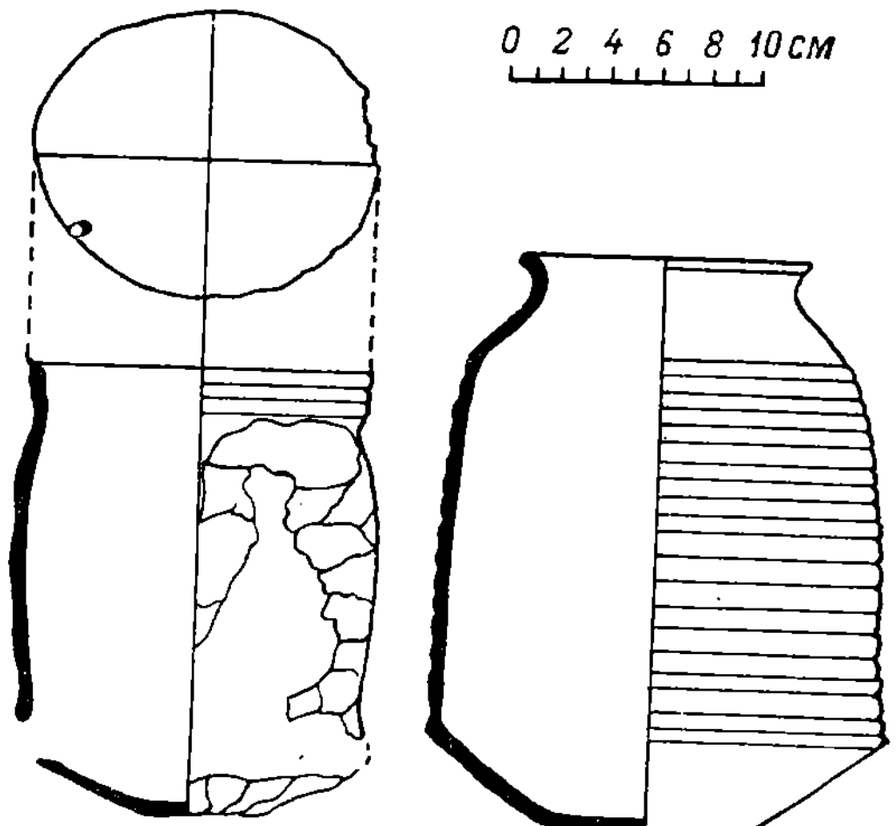

0 10 20 см

2

0 2 4 6 8 10 см

3

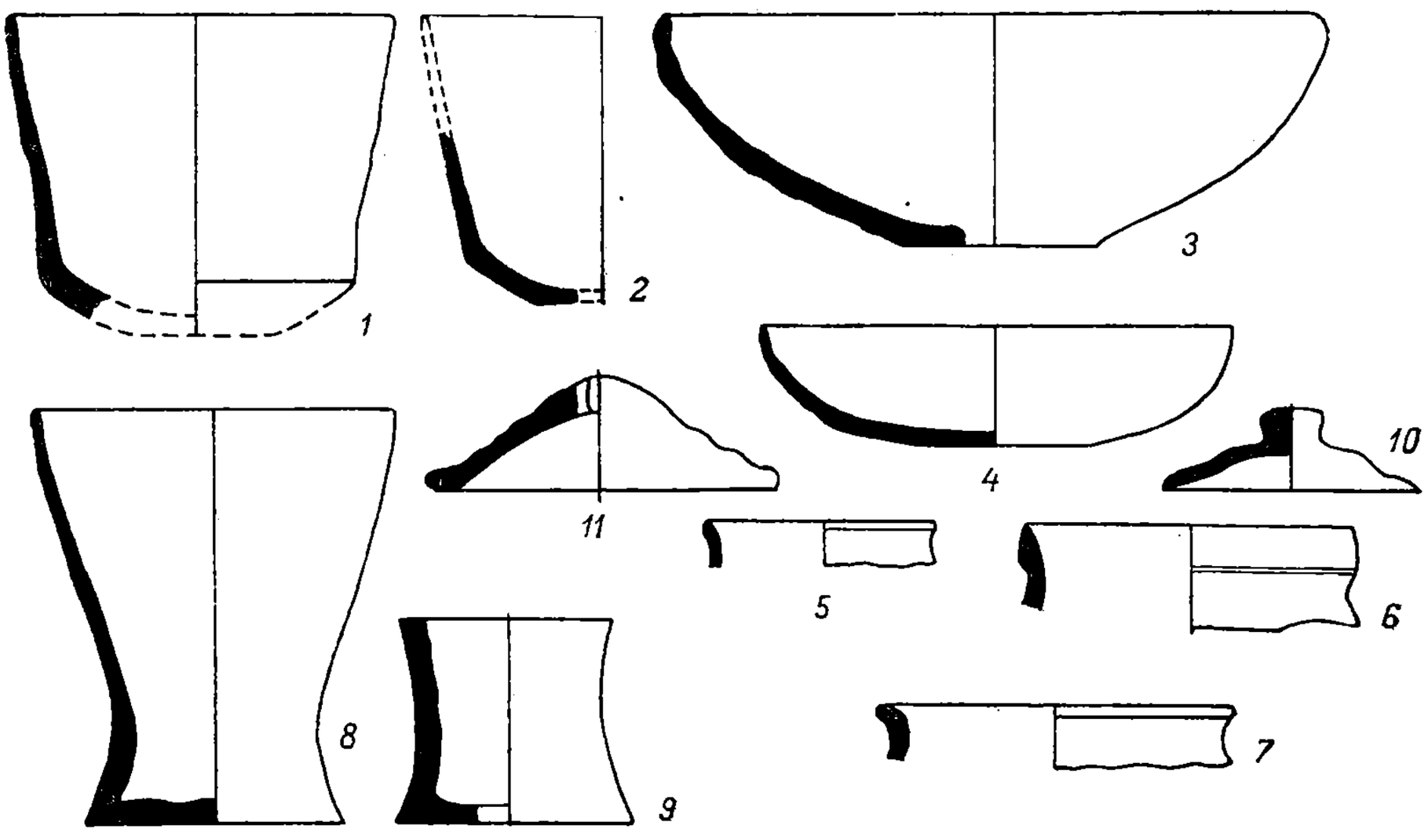

Рис. 13. Керамика с поселения Кюзели-Гыр.

метим, что, как и маргианская керамика, посуда Кобадиана I покрыта белым или желтоватым ангобом.[86] Черт своеобразия здесь как будто больше, чем в Кюзели-Гыре. Так, вполне оригинальными являются конические сосуды, названные М. М. Дьяконовым ми-

Рис. 14. Керамика комплекса Кобадиан I.

сками, и сосуды с цилиндрическим туловом и овально-выпуклой, очень развитой придонной частью.

Не вполне ясными являются размеры сырцового кирпича времени Кобадиан I. М. М. Дьяковнов писал, что это был квадратный кирпич со стороной 34—36×11—12 см.[87] Однако непосредственно производившая раскопки Н. Н. Забелина пишет в своем отчете следующее: «По сильно деформированным и заплывшим очертаниям кирпичей, которые можно было проследить только в обрезах, удалось установить, что постройка была сложена из сырцового кирпича размером 36×36×12 см».[88] Естественно, такое сообщение заставляет использовать данные о размерах кирпича с известной осторожностью. Далее Н. Н. Забелина сообщает, что единственная стена, прослеженная в плане, это ремонтная (поздняя) стена в помещении I, где будто бы тоже был квадратный кирпич размером 32—35—26×?×12 см.[89] Здесь обращает на себя вни-

вич, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956, стр. 15, табл. 4, *18*.

[86] М. М. Дьяконов. Древняя Бактрия, стр. 320.

[87] М. М. Дьяконов. Археологические работы. . ., стр. 274.

[88] Н. Н. Забелина, ук. соч., стр. 295.

[89] Там же, стр. 299.

мание, во-первых, вопросительный знак вместо второй цифры. Следовательно, надо полагать, установить квадратный кирпич с измерениями в с е х сторон и здесь не удалось. Во-вторых, весьма знаменательной является цифра 26 см. Это ширина обычного продолговатого кирпича Яз-Депе, из которого могла быть сложена эта стена в 80 см толщиной (52 см кирпич в длину+26 см кирпич в ширину). Разумеется, подобные рассуждения еще не являются абсолютно достоверными выводами, но вполне возможно, что и в Бактрии в середине I тысячелетия до н. э. был распространен продолговатый кирпич, который затем (в пределах комплекса Кобадиан I?) сменяет квадратный кирпич специфического «бактрийского» формата.[90] Надо надеяться, что раскопки, проведенные в более благоприятных условиях, чем городище Калаи-Мир, разрешат этот вопрос. Дело в том, что располагавшийся на этом городище в XIX в. большой пруд способствовал его сильнейшему заболачиванию и изучение сырцовой архитектуры, особенно в нижних слоях городища, было связано со значительными трудностями.

Для датировки комплекса Кобадиан I большое значение имеют найденные здесь бронзовые наконечники стрел. Их всего три: один трехгранный втульчатый и два также втульчатые, но двуперые. Первый наконечник, к сожалению, сильно разрушен, но М. М. Дьяконов, видимо, прав, когда предполагает его сходство с наконечниками стрел с Кюзели-Гыра.[91] В своей другой работе М. М. Дьяконов подчеркивает, что трехгранный наконечник сильно разрушен и сосредоточивает свое внимание на двух других, один из которых, имеющий ромбическую форму, он датирует VII в. до н. э.[92] Однако следует оговориться, что прежде всего все эти три наконечника найдены в одинаковых стратиграфических услових и, видимо, относятся к одному времени, а трехгранный наконечник скорее всего следует называть трехперым. Далее М. М. Дьяконов, датируя ромбический наконечник VII в. до н. э., несомненно имеет в виду аналогичную форму европейской Скифии, но, во-первых, именно эта закономерность (ромбоидальность как ранний признак) пока не прослеживается на материалах Средней Азии, а во-вторых, и в Причерноморье подобные наконечники стрел сохраняются до VI в. до н. э.[93]

Важную роль, на наш взгляд, в датировке древнейшего слоя Калаи-Мира играет намечаемая Н. Н. Забелиной внутренняя стратиграфия. В наиболее долго существовавшем помещении II, по словам М. М. Дьяконова, «наряду, с „баночной" керамикой имелась и тонкостенная, дающая переходные формы к керамике III—II вв. до н. э.».[94] Действительно, в сводной таблице мы видим найденные в помещении II полусферические чаши, идентичные формам Яз III, и такие же чаши, но с поддоном, т. е., по существу, уже связанные с более поздней керамикой Бактрии.[95] Как отмечалось выше, помещение II и стратиграфически образует постепенный переход от древнебактрийского здания к «комнате с кобуром» (III—II вв. до н. э.).

Суммируя все эти замечания, можно предположить следующее соотношение комплексов Яз-Депе и Кобадиана I. Основное здание Кобадиана I с находками двуперых и трехперых наконечников стрел, сосудов с валиковидными и крючкообразными венчиками соответствует концу Яз II и большей части Яз III, поздний этап Кобадиана I (помещение II, полусферические чаши) — концу Яз III и, видимо, частью более позднему времени, не представленному в яз-депинской колонке. Основной комплекс Кобадиан I, видимо, относится к V—первой половине IV в. до н. э. Нахождение двуперых наконечников стрел, казалось, должно было бы говорить также и о второй половине VI в. до н. э. Но, с одной стороны, трудно было ожидать, чтобы небольшое сырцовое здание существовало так долго, с другой стороны, вспомним, что еще в слоях позднего Яз II (на Яз-Депе и, видимо, в Гяур-Кале)

---

[90] Как известно, квадратный кирпич Парфии и Хорезма варьирует вокруг размера 40—40 см, в то время как в Бактрии был больше всего распространен кирпич 34×34 см. См.: Е. Е. К у з ь м и н а, С. Б. П е в з н е р. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобадшах. КСИИМК, 64, 1956, стр. 79.

[91] М. М. Д ь я к о н о в. Археологические работы. . ., стр. 280.

[92] М. М. Д ь я к о н о в. Сложение классового общества. . ., стр. 135.

[93] См., например: П. Д. Л и б е р о в, ук. соч., № 31.

[94] М. М. Д ь я к о н о в. Археологические работы. . ., стр. 275; Н. Н. Забелина пишет: «Из керамики встречались только фрагменты тонкостенной посуды (пиалы, тарелочки)» (ук. соч., стр. 299).

[95] МИА СССР, № 35, табл. XII, *15* и *18*.

встречались двуперые наконечники стрел. Во всяком случае Кобадиан I — это ахеменидское время, и культуру доахеменидской Бактрии в узком смысле этого слова еще предстоит открыть.

Калаи-Мир не было единственным поселением в долине нижнего Кафирнигана в середине I тысячелетия до н. э., хотя возможно, что оно уже тогда играло роль своеобразного центра. Керамика типа Кобадиан I была найдена в 1952 г. при шурфовке поселения Мунчак-Тепе, расположенного выше по течению этой реки. Видимо, в V—IV вв. до н. э. долина Кафирнигана была освоена уже весьма широко.

Как обратил внимание уже М. М. Дьяконов, материал типа Кобадиан I находит близкие аналогии в керамике, происходящей из Балхского городища, являющегося развалинами древних Бакср. Здесь при шурфовке городища, произведенной в 1947 г., была найдена керамика, оставшаяся непонятной для руководившего раскопками Д. Шламберже, но правильно определенная М. М. Дьяконовым в цитировавшейся выше сводной статье.[96] Примененную Д. Шламберже методику изучения этого важнейшего городища никак нельзя признать удачной. Вместо организации одного или двух-трех крупных стратиграфических раскопов было заложено 59 узких колодцеобразных шурфов, и в результате реальная стратиграфия и историческая динамика поселения остались во многом непонятными.[97] К комплексу типа Кобадиан I принадлежит керамика, выделенная Д. Шламберже в группу b.[98] Черепок сосудов этой группы розовый, ангоб белый. Сосуды имеют разную форму с подкошенной придонной частью.[99] Опубликованный материал весьма незначителен и может быть в равной степени сопоставлен как с комплексом Яз II, так и с комплексом Яз III. Однако само обнаружение материала подобной древности на территории древней столицы Бактрии представляет несомненный интерес. Керамика подобного типа происходит из шурфов №№ 35 и 46, заложенных на территории Бала-Хисара, мощного укрепленного городища, занимающего площадь около 140 га. В южной части этого городища находится цитадель. Керамика типа Кобадиан I была найдена непосредственно ниже пятиметрового средневекового слоя, что позволяет предполагать значительную мощность культурных слоев Балах-Хисара, относящихся к середине I тысячелетия до н. э.[100] Шурфы №№ 35 и 46 расположены друг от друга на расстоянии около полукилометра, что говорит о большой площади поселения, существовавшего здесь в VI—IV вв. до н. э. Скорее всего оно занимало уже всю площадь Бала-Хисара, являющегося руинами величественной столицы древней Бактрии. Продолжение здесь археологических работ представляет несомненный интерес, а применение современной методики позволит изменить точку зрения о мнимой археологической бесперспективности Балхского городища, высказанную в свое время А. Фуше и по сути дела повторенную Д. Шламберже.

Аналогичный яз-депинским комплексам материал был открыт и в столице другой крупной среднеазиатской области на городище Афрасиаб, развалинах древней столицы Согда, называемой греческими авторами Маракандой. Мы имеем в виду выделенный А. И. Тереножкиным комплекс Афрасиаб I.[101] Керамика этого комплекса, за исключением кухонных котлов, сделана на круге, имеет светло-красный черепок и беловатый ангоб. Из форм можно отметить банкообразные сосуды с подкошенной придонной частью, различные чаши и цилиндрические хумы с венчиком в виде валика, обычно уплощенного (табл. XLIV). Помимо

---

[96] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества. . ., стр. 134—135.

[97] См. критику М. М. Дьяконова (там же, стр. 134). Специальная работа, посвященная исторической топографии Балха (R. S. Young. The South Wall of Balkh-Bactra. AJA, v. 59, № 4, 1955), лишний раз показывает всю мизерность конкретных археологических данных.

[98] D. Schlumberger. La prospection archéologique de la Bactres (printemps 1947). Syria, XXVI, 1949, стр. 181, 188.

[99] Там же, стр. 181, рис. 6. М. М. Дьяконов (Сложение классового общества. . ., стр. 135, рис. 5) ошибочно относит к этому же времени и тагарообразный сосуд, найденный в шурфе № 5 на тепе Заргарон в средневековом слое.

[100] Опубликованные Д. Шламберже сосуды были найдены в шурфе № 35 на глубине 7.25—7.50 и 8—8.2 м. Этот шурф был доведен до глубины 8.65 м, но материка еще не достиг. Значительная высота городища Бала-Хисар позволяет ожидать обнаружения здесь не только мощного слоя середины I тысячелетия до н. э., но и более ранних культурных напластований.

[101] А. И. Тереножкин. 1) Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 128; 2) Согд и Чач, стр. 155.

керамики, были найдены также бронзовое зеркало, железные лопаточка и серп, стеклянные и пастовые бусы. Как отмечалось выше, первоначально А. И. Тереножкин был склонен относить комплекс Афрасиаб I к III—II вв. до н. э., но затем пересмотрел свою точку зрения и отнес его к V—IV вв. до н. э.[102] Довольно четкие керамические аналогии с комплексом Яз III позволяют при данном этапе наших знаний считать эту датировку вполне приемлемой, что не исключает возможности обнаружения на Афрасиабе и более древних слоев. Открытие этих слоев, надо надеяться, последует при дальнейшем расширении археологических исследований на территории древнего Согда. На территории Афрасиаба комплекс Афрасиаб I является наиболее древним и происходит из слоев, перекрытых культурными и строительными остатками более позднего времени. Поэтому здесь не удалось изучить древнюю архитектуру, хотя бы в такой степени, как на городище Калаи-Мир. А. И. Тереножкин сообщает о существовании в эту пору глинобитных и сырцовых построек, но не приводит данных о размерах сырцового кирпича.[103] Более важно то обстоятельство, что в пору Афрасиаб I было обжито все городище и площадь поселения V—IV вв. до н. э. можно определить в 218.2 га. Таковы еще во многом скудные данные по памятникам Согда и Бактрии. Скудность этих материалов в основном связана с тем, что интересующие нас слои в этих областях обычно являются перекрытыми: интенсивная жизнь продолжалась здесь из века в век на одном и том же месте. Это обстоятельство несомненно затрудняет археологические раскопки слоев середины I тысячелетия до н. э. на больших площадях.

Если в Бактрии и Согда пока не обнаружено памятников середины I тысячелетия до н. э., не перекрытых более древними слоями, то исследования на территории Сеистана, древней Дрангианы, в этом отношении оказались более удачными. Может быть, это связано с менее устойчивым характером ирригации в районе озера Хильменд, где, видно, как и в Средней Азии, имели место перемещения орошаемых площадей, и археолог может найти неперекрытые памятники различной древности. Таким неперекрытым памятником оказалось тепе Сурх-Даг около Нади-Али и афганском Сеистане, где в 1936 г. Р. Гиршманом был заложен стратиграфический раскоп, достигший глубины 12.5 м, но не доведенный до материка, поскольку само тепе имело высоту 31 м. Об этих работах опубликовано предварительное сообщение,[104] за которым, к сожалению, не последовало полное издание добытого материала. Это традиционное «к сожалению» здесь тем более уместно, что вплоть до последнего времени археология Афганистана, да и прилегающих районов Индии для середины I тысячелетия до н. э., по существу, остается «белым пятном».

Раскопками были вскрыты две архитектурные конструкции, причем верхняя была названа Нади-Али I, а нижняя — Нади-Али II. Верхняя постройка, по существу, представляла собой остатки фундамента, так как сами стены стоявшего на нем здания почти полностью разрушились и от них сохранились лишь куски штукатурки с росписью белой и голубой краской. Массивная платформа, видимо, лежала и в основании здания Нади-Али II. Здесь, по свидетельству Р. Гиршмана, был употреблен кирпич как сырцовый, так и обожженный, причем двух размеров: 35×35×9 и 57×28×9 см. Оба размера легко узнать: первый — это характерный «бактрийский» формат, а второй — типичный кирпич ахеменидской и доахеменидской Маргианы. Поскольку есть все основания считать второй формат более древним, можно полагать, что в Сеистане в пору Нади-Али II начинается смена продолговатого кирпича квадратным.

Что же представляет собой сам материал, который А. И. Тереножкин уже сопоставлял с комплексом Афрасиаб I.[105] Керамика Нади-Али I сделана на круге, черепок красный и серый. Одна из трех опубликованных форм очень близка банкообразным сосудам

---

[102] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 153, синхронистическая таблица.

[103] Там же, стр. 155. На стр. 157 в прим. 24 А. И. Тереножкин отмечает, что, возможно, в пору Афрасиаб I уже существовал и обожженный кирпич. Судя по раскопкам Нади-Али в Сеистане, в подобном предположении нет ничего невероятного, хотя в яз-депинских комплексах жженый кирпич пока не обнаружен.

[104] R. Ghirshman. Fouilles de Nad-i-Ali. . ., стр. 10—22.

[105] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 155—156.

с подкошенной придонной частью, хотя в отличие от среднеазиатской керамики имеет выступ у дна.[106] Были найдены также трехперые наконечники стрел с выступающей втулкой.

Значительно более интересен комплекс Нади-Али II. Здесь сохраняется керамика, существовавшая и в верхнем слое, но в отличие от посуды верхнего слоя керамика комплекса Нади-Али II украшена нацарапанным орнаментом (вернее знаками).[107] Кроме этого, Р. Гиршман выделяет красную посуду, очень редкую серую, представленную двумя формами, и расписную. Формы серой или серо-черной посуды представлены сосудом, близким банкообразному с подкошенной придонной частью,[108] и фрагментом слива-носика от сосуда типа знаменитых расписных сосудов Сиалковского некрополя В.[109]

Расписная посуда представлена двумя формами: невысокими пузатыми горшочками с отогнутым наружу венчиком и крышкой в виде перевернутого конуса, близко напоминающей по форме крышки Яз II и Яз III. Роспись производилась красным цветом различных вариантов, желтым и черным, причем особенно была распространена, по Р. Гиршману, полихромная роспись. Мотивы сравнительно просты: прямые или ломаные линии, треугольники и круги. На одном горшочке на плечиках, видимо, были нарисованы треугольники, заштрихованные косой сеткой.[110] Весьма интересен и в какой-то степени, быть может, странен набор наконечников стрел. Здесь резко преобладают плоские лавролистные наконечники стрел с небольшим квадратным в сечении черешком — форма, несомненно очень архаическая. Однако наряду с ними и здесь были встречены трехперые втульчатые наконечники стрел.

Архаические черты всего комплекса Нади-Али II несомненны. Связь с некрополем В в Сиалке отмечал еще Р. Гиршман. Со своей стороны укажем, что один из сосудов по форме может восходить к комплексу Намазга VI.[111]

Вместе с тем находки так называемых скифских наконечников стрел не позволяют значительно заглублять дату. Аналогии с яздепинской керамикой приводились выше. Отметим, что и сам принцип росписи горшочков может в какой-то мере напоминать комплекс Яз I. Но эта роспись — пережитки каких-то уходящих традиций, и в этом отношении она может быть сопоставлена с росписью керамики из первого слоя ахеменидских Суз, которая также изготовлена на круге и с которой нади-алинская посуда, видимо, не случайно перекликается в ряде элементов. Р. Гиршман предлагает датировать Нади-Али II VIII в. до н. э., а Нади-Али I — ахеменидским временем вообще.[112] Последняя датировка в принципе не вызывает возражений, но если в слое Нади-Али II действительно найдены трехперые наконечники стрел, то дату этого слоя надо сдвинуть во всяком случае до VII в. до н. э., когда, видимо, подобные наконечники начинают встречаться в ахеменидских Сузах. Однако возможно, что подобные наконечники в слое Нади-Али II относятся к поре запустения основного здания и не связаны с основным комплексом. Это значительно лучше могло бы объяснить всю стратиграфию.

Следует отметить, что Нади-Али не одинок и в последнее время аналогичные слои были открыты в Мундигаке, где раскопаны относящиеся к этому времени помещения с глинобитными стенами.[113]

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Сурх-Даг — несомненно незаурядный памятник. В VII—VI вв. до н. э. здесь располагались монументальные здания, а сам холм, как отметил Р. Гиршман, являлся своеобразной цитаделью. В нижнем здании найдены золотые украшения, а стены здания Нади-Али I были украшены росписью. Не являлся ли Сурх-Даг развалинами резиденции ахеменидского сатрапа Дрангианы, а до этого резиденцией какого-либо местного владетеля?[114] По общему

---

[106] R. Ghirshman. Fouilles de Nad-i-Ali. . ., табл. III, *8*.

[107] Опубликованные Р. Гиршманом образцы (там же, табл. IV, *55*, *70*) напоминают трезубую тамгу кушан.

[108] Там же, табл. IV, *67*. Если продолжить аналогию, то своей архаичностью этот сосуд напоминает еще неразвитые формы из X яруса стратиграфического раскопа на Яз-Депе.

[109] Там же, табл. IV, *85*.

[110] Там же, табл. IV, *82*.

[111] Там же, табл. IV, 75.

[112] Там же, стр. 20, 22.

[113] J. M. Casal. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak. 1951—1954. Arts Asiatiques, t. 1, fasc. 3, Paris, 1955, стр. 176—178.

[114] Басилею — столицу Дрангианы IV в. до н. э. — упоминает Арриан (Анабасис, III, 25, 7). О термине βασίλεια см. ч. II, гл. 3 настоящей работы.

облику памятника это вполне вероятно, но окончательно этот вопрос может разрешить составление археологической карты Сеистана.

Таковы соотношения яз-депинских комплексов и известного в настоящее время археологического материала из оседлых областей сопредельных территорий. Результаты проведенных сопоставлений в общей форме могут быть резюмированы сводной синхронистической таблицей (табл. 3).

Таблица 3

Гг. до н. э.	Средняя Азия				Иран	Афганистан
	Маргиана	Бактрия	Хорезм	Согд		
400	Яз III	Кобадиан I	Кюзели-Гыр	Афрасиаб I	Сузы III	
500	Яз II				Сузы II	Нади-Али I
600					Сузы I	
700	Яз I					Нади-Али II
800					Сиалк VI (некрополь B)	
900						

Помимо выводов по относительной хронологии, приведенной выше, обзор позволяет поставить и некоторые историко-культурные вопросы. Несмотря на сравнительно ограниченный характер материалов, совершенно ясно намечается близость керамики Согда, Хорезма, Парфии, Бактрии и Маргианы в середине I тысячелетия до н. э. Приемы изготовления и все основные формы здесь настолько близки между собой, что когда обращаешься к различиям всех этих комплексов между собой, то приходится удивляться не самому наличию этих различий, а их крайней незначительности. Весьма характерная и своеобразная керамика в VI—IV вв. до н. э. была распространена во всех основных районах оседлой земледельческой культуры Средней Азии. Северной границей распространения этой керамики являются, с одной стороны, районы, занятые кочевыми племенами, а с другой стороны, периферийные области вроде Чача и Ферганы.

В современной Ташкентской области, древнем Чаче, в начале I тысячелетия была распространена культура, близкая по типу андроновской культуре Сибири. Видимо, в занятиях местного населения все бóльшую роль стало играть земледелие, что в конечном итоге привело в первых веках до и после нашей эры к сложению высокоразвитой для своего времени оседло-земледельческой культуры Каунчи, историческая характеристика которой была чрезмерно архаизирована Г. В. Григорьевым.[115] Однако генезис этой культуры плохо изучен.

В 1940 г. А. И. Тереножкиным была выделена бугурлюкская культура, характеризуемая поселениями с землянками и, возможно, уже с постройками из сырцового кирпича. Керамика лепилась на шаблоне от руки из хорошо отмученной глины, и поверхность ее часто расписывалась полосками красного ангоба — традиция, частично сохранившаяся в пору Каунчи.[116] Датировка бугурлюкской культуры еще не вполне ясна. Первоначально А. И. Тереножкин справедливо сопоставлял бугурлюкскую керамику с лепленной на матерчатом шаблоне керамикой усуней и датировал Бугурлюк III—II или III—I вв. до н. э.[117] Позднее тот же автор, отмечая бóльшую архаичность бугурлюкской керамики по сравнению с усунь-

[115] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 158.

[116] А. И. Тереножкин. 1) Согд и Чач, стр. 153—155; 2) Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 10, стр. 32.

[117] А. И. Тереножкин. 1) Памятники. . ., стр. 33; 2) Каунчи-Тепе. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 8, стр. 85—86.

ской, отнес Бугурлюк к IV—III вв. до н. э.[118] Все эти даты весьма условны, но совершенно ясно, что бугурлюкская культура характеризует уровень развития Чача, когда здесь начала складываться оседло-земледельческая культура, архаизируемая сильным влиянием кочевых соседей. Появление в Бугурлюке расписной керамики, что, видимо, следует сопоставить с наличием росписи на сакской посуде,[119] может быть результатом влияния оседло-земледельческой культуры Ферганы.

Развитие этой культуры в Фергане отличается значительным своеобразием. К середине I тысячелетия здесь относится эйлатанский тип керамики, названный так по поселению Эйлатан, впервые обследованному Б. А. Латыниным.[120] В это время преобладает керамика ручной лепки, часто имеющая по желтоватому фону красную роспись, что типологически близко напоминает расписную керамику Яз I. Однако формы ферганской керамики совершенно отличны от маргианской посуды. Появляется и первая посуда, изготовленная на круге, причем сам круг, вероятно, является результатом заимствования у южных соседей Ферганы (Согд, Бактрия). Значительный материал для характеристики этого времени дал Актамский могильник у г. Фергана. Здесь найдены различные железные изделия и трехперые бронзовые наконечники стрел,[121] что позволяет датировать этот могильник V—IV вв. до н. э. Таким образом, Фергана также выпадает из числа областей, имевших в середине I тысячелетия до н. э. характерную керамику баночного типа.

На юге мы имеем, с одной стороны, комплекс Нади-Али, а с другой стороны недавно изданные Р. Гиршманом результаты исследования поселения ахеменидского времени, в основном синхронного Яз II и Яз III.[122] Керамика ахеменидских Суз изготовлена на гончарном круге, но все формы сосудов резко отличны от одновременной посуды Средней Азии. Совпадения могут быть отмечены лишь для мотивов росписи на посуде из первого слоя и в ребристости внешней поверхности сосудов, сделанных на круге. Эта сузианская керамика продолжает, надо полагать, во многом традиции эламского времени. Больше совпадений со Средней Азией дает посуда Нади-Али, но и она не позволяет безоговорочно включать район Сеистана в область распространения керамики баночного типа. Кроме того, Нади-Али, Сузы, а также район Сиалка образуют обширную область распространения трехперых наконечников стрел в VIII—V вв. до н. э., т. е. тогда, когда в Средней Азии бытуют двуперые втульчатые наконечники.

С чем же можно связывать такое единообразие керамического инвентаря Согда, Хорезма, Парфии, Бактрии и Маргианы? В первую очередь оно свидетельствует о большой культурной общности этих основных районов оседлой земледельческой культуры Средней Азии. Но эта культурная общность столь значительна, что заставляет предполагать наличие еще и каких-то иных, более глубоких причин. Генезис этой баночной керамики из более древних прототипов может быть установлен пока лишь для Парфии и Маргианы. В Хорезм эти формы проникли с юга, возможно в пору вхождения в политическую систему Ахеменидов. Труднее утверждать это для Согда и Бактрии, где не исключено открытие местных культур, если не полностью аналогичных, то во многом близких комплексу Яз I. Учитывая предложенную выше датировку времени сложения комплекса с баночной керамикой в яз-депинской стратиграфии (VII в. до н. э.), можно предложить для объяснения этой поразительной культурной близости еще одну гипотезу.[123] Не связано ли это явление с вхождением всех указанных областей в политическое объединение древней Бактрии в VII—VI вв. до н. э.? Разрешить этот вопрос могут лишь дальнейшие археологические исследования и в первую очередь на территории Согда и самой Бактрии.

---

[118] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 155.

[119] МИА СССР, 14, 1950, табл. XL, *1*.

[120] Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане. ИГАИМК, 110, 1935, стр. 141. Первоначально датировка этой керамики была крайне занижена, но позднее находка расписного сосуда в могиле сакского времени (А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА СССР, № 26, 1952, стр. 200, рис. 83) и другие работы позволили исправить хронологию. См.: Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореф. дисс., Л., 1954, стр. 8; Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации. . ., стр. 17.

[121] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-тамский могильник. КСИИМК, 69, 1957.

[122] R. Ghirshman. Village. . .

[123] Высказана А. М. Беленицким при обсуждении нашего доклада о Яз-Депе в Секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР.

ГЛАВА 3

ТОПОГРАФИЯ И ОРОШЕНИЕ ДРЕВНЕМАРГИАНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Археологический материал, стратиграфически расчлененный в результате раскопок на Яз-Депе, имеет соответствия в материале большого количества памятников, расположенных в дельте Мургаба. Если верны предложенные выше хронологические определения яз-депинских комплексов, то эти памятники относятся ко времени авестийского Моуру, клинописного Маргуш и поэтому, по античному наименованию области, названы нами древнемаргианскими.

Большинство древнемаргианских поселений расположено вне современной зоны орошения, часто в полосе полузакрепленных песков (рис. 15). Эти памятники могут быть разбиты на три группы, видимо соответствующие трем ирригационным системам древности. Это восточная группа, или тахирбаевская, центральная, или яз-депинская, и западная, или аравали-депинская. Как правило, эти группы являются археологически «стерильными», в них отсутствуют памятники, относящиеся к более позднему времени, чем яз-депинские комплексы. Отсутствие здесь земледелия и в настоящее время обеспечивает относительно полную сохранность памятников, не запахиваемых и не разбираемых на удобрение. В этом отношении почти целиком сохранившиеся оазисы доахеменидской Маргианы представляют несомненный исторический интерес.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению отдельных групп памятников, следует отметить, что здесь, так же как в культуре архаического Дахистана, существует два типа поселений. К первому типу относятся обычно крупные по площади поселения, состоящие из ряда оплывших бугров, группирующихся около высокого холма, являющегося остатками цитадели. Поселения второго типа не имеют цитадели и состоят из одного или нескольких бугров различной величины. Следует отметить, что поселения второго типа значительно варьируют как по своей планировке, так и по размерам, но плохая сохранность развеянных и часто наполовину занесенных песком памятников заставляет воздержаться от более дробной классификации, придерживаясь отмеченных двух типов.

Восточная, или тахирбаевская, группа названа так по имени наиболее крупного поселения — Тахирбай-Депе, расположенного в 15 км к северу от колодцев Новый Кишман. Выявленные здесь древнемаргианские поселения занимают пространство с севера на юг около 11 км и с запада на восток около 6 км. Весь этот район в настоящее время занят полузакрепленными песками. Отдельные песчаные гряды часто наполовину покрывают древние поселения, и поэтому выявленное количество поселений ни в коей мере нельзя считать окончательным. В целом древнемаргианский тахирбаевский оазис занимает южную часть описанного выше оазиса поры поздней бронзы, и одно из поселений поздней бронзы — Тахирбай 3 — попало в пределы древнемаргианского оазиса, хотя и не было перекрыто более поздними слоями. Следует отметить, что все древнемаргианские поселения находятся к северу от стены Антиоха, остатки которой в виде оплывшего вала были отмечены в 3 км к северу от колодцев Кишман.

В тахирбаевской группе памятников пока не было обнаружено каких-либо следов древних каналов. Видимо, их оплывшие русла скрыты песками, полностью занимающими

территорию древнего оазиса. Наиболее крупным поселением и, вероятно, древним центром оазиса было Тахирбай-Депе, названное Тахирбай 1. Центром поселения является подквадратный в плане холм высотой 6—6.5 м и размерами по верху около 40×50 м. Холм по всем данным представляет собой остатки небольшой цитадели. Въезд на цитадель располагался на севере и сейчас отмечен удлиненной лощиной — промоиной. С запада к цитадели примыкает оплывший бугор поселения, постепенно понижающийся до равнины, усеянной фрагментами керамики. Этот бугор тянется от цитадели на запад на расстояние до 150 м. Высота бугра небольшая — 1.5—1 м над окружающими таки-

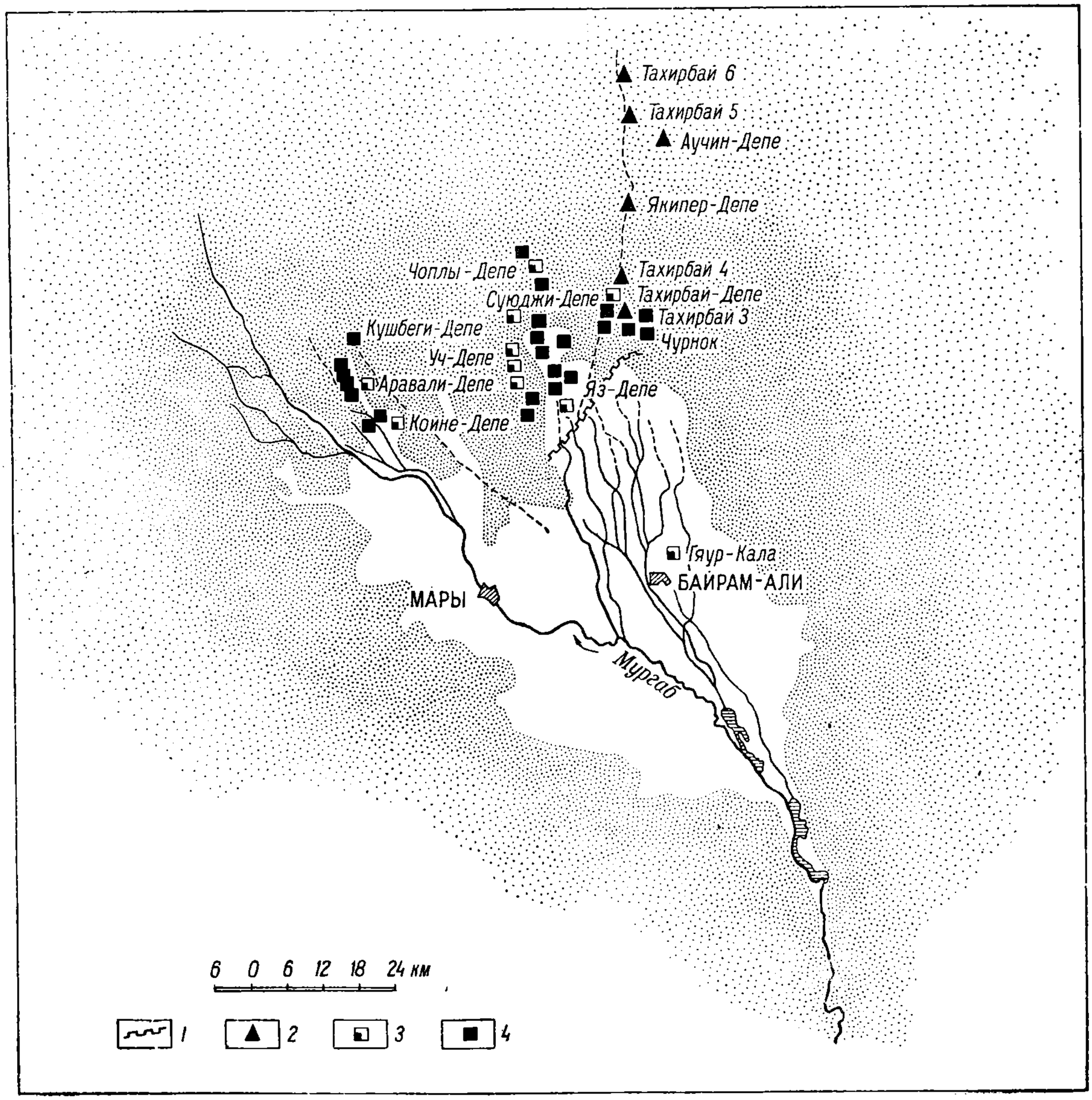

Рис. 15. Расположение памятников в дельте Мургаба. Схема.

1 — стена Антиоха (III в. до н. э.); *2* — поселения позднебронзового века; *3* — древнемаргианские поселения с цитаделью; *4* — древнемаргианские поселения без цитадели.

рами. Несколько небольших оплывших бугров такой же высоты расположены к юго-западу от цитадели и почти смыкаются с краем ее шлейфа. В подъемном материале встречены куски керамических шлаков и керамики Яз II и Яз I. Для выяснения вопроса о времени сложения крупного поселения на месте Тахирбай-Депе в 1955 г. на бугре к западу от цитадели был заложен шурф размером 4×2 м. В I ярусе шли рыхлые натечно-надувные слои с большим количеством костей животных и фрагментов керамики. Конец I яруса, весь II и начало III яруса занимают более плотные натечно-надувные слои с кусками сырцового кирпича и угольками. Количество керамики резко уменьшается. В начале, а в некоторых местах в середине III яруса пошел рыхлый песок и под ним — аллювиальная глина. Таким образом, культурные слои здесь оказались сравнительно небольшой мощности и в отличие от слоев на Яз-Депе не прошли ниже уровня окружающей равнины.

Встреченные фрагменты керамики находят близкие аналогии в керамике Яз-Депе. Большое количество крючкообразных венчиков хумов и хумча указывает, что весь материал I и II ярусов шурфа целиком принадлежит к комплексу Яз II. Появляются венчики в виде уплощенных валиков, что соответствует переходу от Яз II к Яз III. Несколько фрагментов, встреченных в III ярусе, в том числе часть расписного сосуда (табл. XLIII, *1*), принадлежат уже к комплексу Яз I, но собственно культурный слой Яз I здесь отсутствует. Эти находки не более как отдельные вкрапления в культурный слой Яз II, хотя и показательно, что они встречены непосредственно над материком. Материал, полученный в шурфе, позволяет сделать некоторые выводы по истории Тахирбай-Депе. Прежде всего, на что уже указывал и подъемный материал, Тахирбай как крупное поселение существовал лишь в пору Яз II. В пору Яз III поселение уже пришло в запустение. Вместе с тем время Яз II было также периодом, когда Тахирбай-Депе сложилось как крупное поселение. Раскопки показали, что именно материал Яз II лежит непосредственно на материке и тем самым фиксирует момент сложения около цитадели Тахирбай-Депе обжитых бугров поселения.

Видимо, небольшое поселение существовало здесь в пору Яз I и его частично нарушило возникающее поселение Яз II, поскольку именно в нижних слоях шурфа была найдена керамика Яз I. Неясным остается вопрос о характере культурных слоев и соответственно о времени возникновения цитадели Тахирбай-Депе. Можно предположить, что при ее постройке был перекрыт холм, оставленный культурными слоями небольшого поселения Яз I, на наличие которого указывают находки в III ярусе шурфа.

На других поселениях тахирбаевской группы цитадели отсутствуют. Небольшие бугры, около которых расположены всхолмления некоторых наиболее крупных поселений, не могут считаться остатками цитаделей. Бесцитадельные поселения представлены или невысокими (до 1—1.5 м) всхолмлениями, или просто большим пятном керамики, разбросанной на такырах. В обоих случаях трудно определить границы поселения или дать описание характерных черт. Возможно, что некоторые поселения, выделенные сейчас как различные, в древности смыкались в один крупный поселок. Густота расположения древнемаргианских поселений показывает, что тахирбаевская группа памятников является остатками многолюдного, процветавшего оазиса, в жизни которого значительную роль играли различные ремесла, что видно по многочисленным керамическим и железным шлакам, находимым на поселениях. В связи с этим обстоятельством в тахирбаевской группе были проведены раскопки нескольких печей для обжига керамики.

Еще в 1953 г. была вскрыта крупная керамическая печь на небольшом поселении, расположенном в 2.5 км к югу от Тахирбай-Депе и условно названном Т а х и р б а й 2. Здесь сохранилась только топка, образующая в плане круг с диаметром около 5 м. На высоте около 1 м от пола топки в стороны отходят 16 каналов-продухов. Под обжигательной камеры совершенно не сохранился. В завале печи найдены многочисленные фрагменты керамики, в том числе и бракованной, позволяющей относить функционирование печи к поре Яз III. К этому времени, судя по подъемному материалу, относится и прилегающее поселение.

В 1955 г. две керамические печи несколько лучшей сохранности были раскопаны на поселении Ч у р н о к (по карте Атлы-Депе), находящемся в 4.5 км к северу от

колодцев Кишман. Поселение это вытянуто с юго-востока на северо-запад на 400 м. Бугры, образованные культурными слоями, весьма невысоки, и в основном поселение представлено керамическими россыпями на такырах. В северной части поселения расположен бугор высотой около 4.5 м.

Рис. 16. Раскопки керамической печи на Чурноке.

В плане бугор овальный и производит несколько странное впечатление почти полным отсутствием поъемного материала, в обилии встречающегося на поселении. Не исключено его более позднее происхождение по сравнению с остальным поселением (курган? сторожевая вышка?).

К юго-востоку от этого холма видны остатки целого ряда керамических печей, две из которых и были раскопаны в 1955 г. (рис. 16). Обе печи, различаясь своими размерами, оказались почти идентичными по устройству (рис. 17, *2*.)[1]

Топки печей, имевшие в разрезе колоколообразную форму, были вырыты в земле, обложены изнутри кирпичом и покрыты толстым слоем глиняной промазки с примесью самана. В настоящее время кирпичи и особенно промазка представляют собой плотно сцементировавшуюся массу большой прочности. Топочный канал чуть понижался к центру, но обрывался значительно выше дна топки. В верхней части топки, в сторону от нее, отходят семь каналов, открывавшихся в поде обжигательной камеры и служивших для подачи горячего воздуха. Два канала на некотором расстоянии от топки соединяются и имеют в поде камеры общее выводное отверстие. Как показывают сохранившиеся остатки, обжигательная камера имела в плане круглую форму и легко могла быть перекрыта куполом.

Вторая печь, располагавшаяся в нескольких метрах к северу от первой, имела одиннадцать каналов для вывода в обжигательную камеру горячего воздуха. При этом один

[1] В. И. Сариянниди. Керамические печи древней Маргианы. КСИИМК, 69, 1957.

из каналов проходил над топочным отверстием, чем достигалось наиболее рациональное распределение жара по всей площади пода. Обе печи отличаются продуманностью и четкостью устройства. Непонятным лишь остается вопрос об устройстве слишком глубокой топочной камеры без обеспечения хорошей воздушной вентиляции. Возможно,

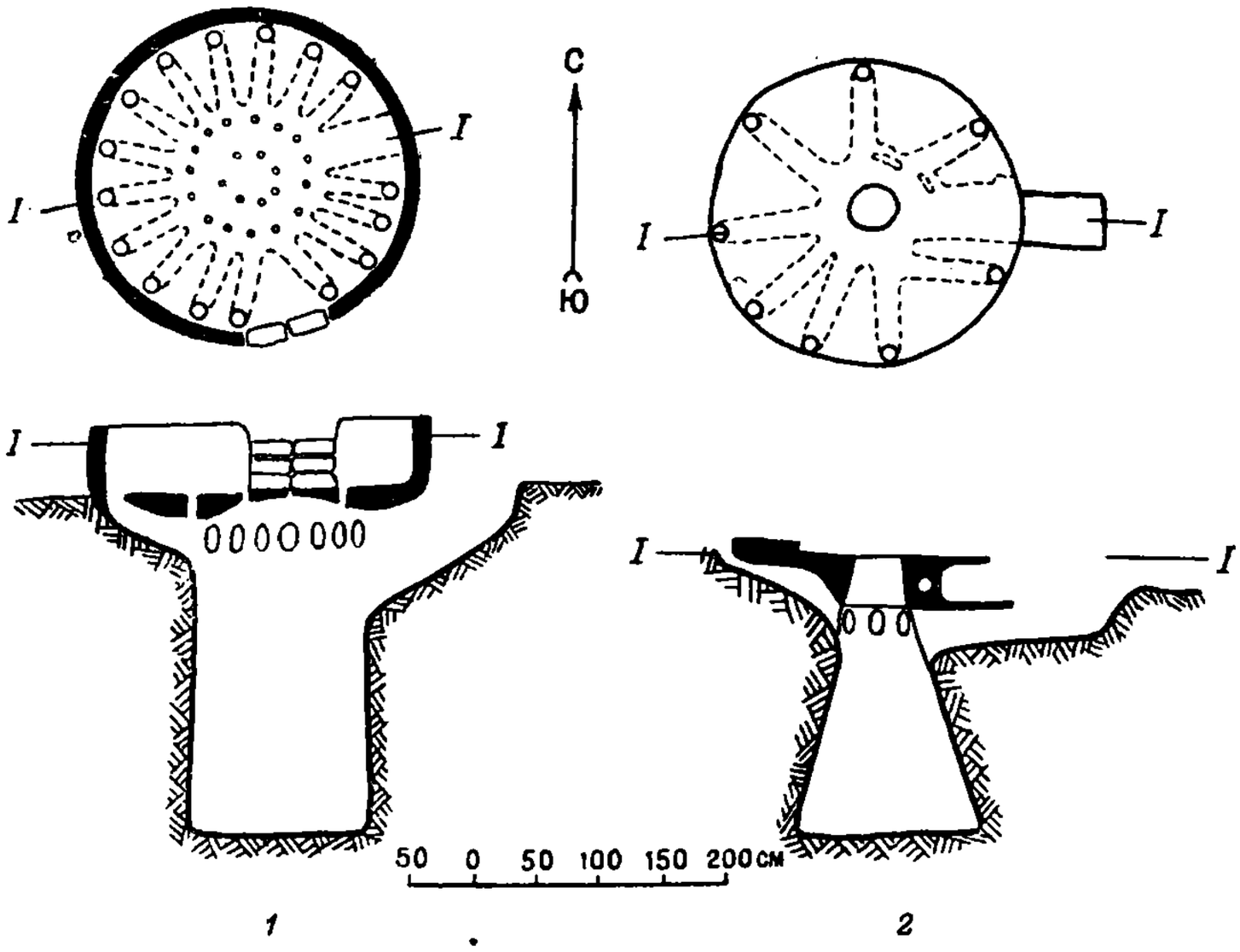

Рис. 17. План и разрез печи № 1 с Уч-Депе (*1*) и печи № 1 с Чурнока (*2*).

глубина топки была связана с большим количеством топлива, которое приходилось закладывать (сухой кустарник?). При раскопках в печи № 1 были найдены обуглившиеся куски саксаула.

В песке, заполнявшем топки обеих печей, найдены куски жженого (обгорелого в ходе работы печи?) кирпича и фрагменты керамики, позволяющие относить эти печи к поре Яз III. На это же время указывают и подъемный материал Чурнока, и керамика из небольшого шурфа, заложенного к востоку от упомянутого выше бугра. Большое количество железных шлаков указывает на то, что на Чурноке существовало также и железоделательное производство, но обнаружить следы самой мастерской пока не удалось.

Наиболее значительной группой древнемаргианских поселений является, пожалуй, центральная, или яз-депинская. Центральное поселение этой группы — само Яз-Депе — было вместе с тем и самым крупным из числа других поселений всех трех групп. Например, цитадель Яз-Депе занимает площадь около 1 га, почти вдвое превосходя площадь второго по величине древнемаргианского памятника — Аравали-Депе. Не подлежит сомнению, что в определенный период Яз-Депе играло роль центра всей Маргианы, и это не удивительно, так как именно здесь располагается наиболее богатый древнемаргианский оазис.

Основной артерией орошения яз-депинского оазиса являлся крупный магистральный канал, русло которого в настоящее время прослеживается в ряде мест довольно четко. Местное население называет этот канал Гати-Акар. Канал имеет общее направление в основном с севера на юг, и его русло местами достигает 5—8 м ширины и 2—3 м глубины. По обе стороны от магистрального канала отходят отводные арыки, непосредственно орошавшие поля. Эти арыки отходят как под острым, так и под прямым углом к руслу основного канала. В нескольких случаях от магистрального канала отходят и более крупные арыки, уходящие на поселения, расположенные в стороне от основного русла. Следует отметить, что район

центральной группы древнемаргианских памятников (собственно говоря, район к западу и северо-западу от Яз-Депе) вторично осваивался под земледелие в более позднее

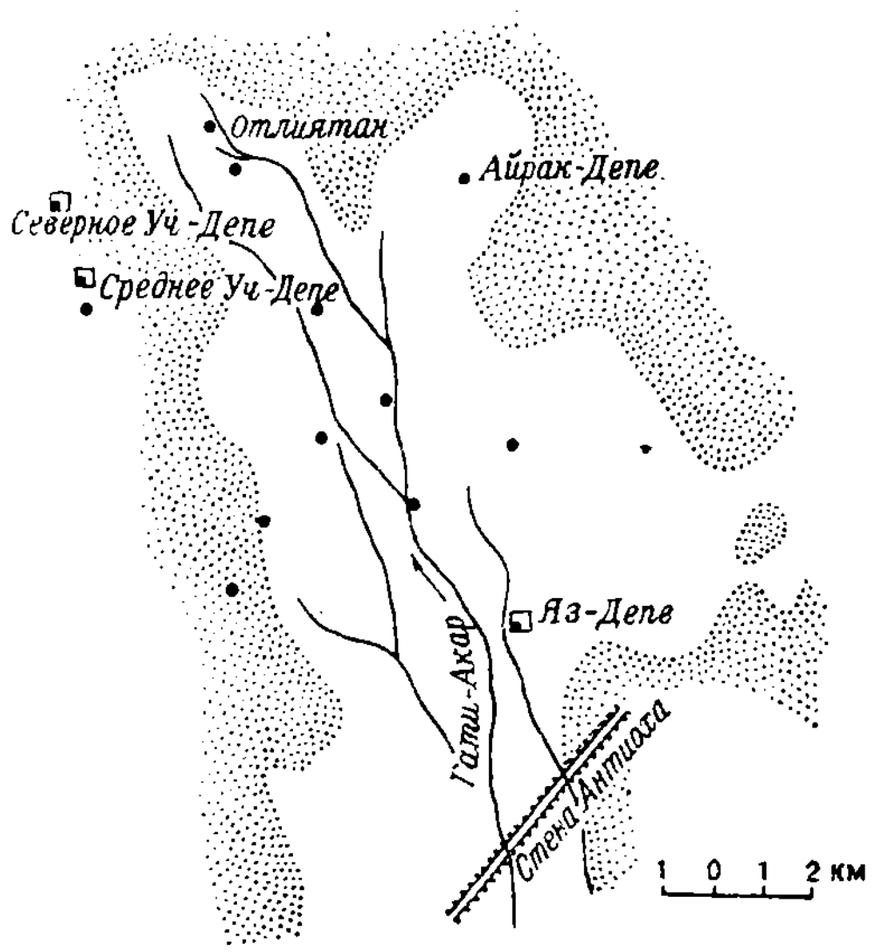

Рис. 18. Южная часть яз-депинского оазиса. Схема.

время. Ко времени I—V вв. н. э., судя по подъемному керамическому и нумизматическому материалу, относится существование крепости Гебеклы, эффектно выделяющейся крутыми склонами оплывших стен рядом с пологим, как бы распластанным вширь профилем Яз-Депе. Для орошения прилегающего к Гебеклы района был проведен новый канал, шедший через Мунон-Депе параллельно руслу канала Гати-Акар (нужно заметить, что борозды этих полей в настоящее время хорошо видны в районе Яз-Депе) (рис. 18). По рассказам местных жителей, вода по руслу Гати-Акара пропускалась еще недавно и поэтому вопрос о том, являются ли эти поля древними, остается пока открытым.

Другим важным моментом является соотношение памятников яз-депинской группы и стены, построенной Антиохом. Именно в районе к югу и юго востоку от Яз-Депе остатки этой стены прослеживаются особенно четко. Подавляющее число поселений, в том числе все наиболее крупные, находятся к северу от этой стены, вне пределов оазиса III в. до н. э. Несколько небольших поселений в виде «пятен керамики» на такырах, расположенных к югу от стены, в непосредственной от нее близости, не меняют общей картины. Такая топография памятников является решающим аргументом в пользу предложенного С. А. Вязигиным отождествления указанного выше вала со стеной, построенной Антиохом в начале III в. до н. э.

Рассмотрение памятников центральной группы естественнее всего начинать с самого Яз-Депе. Поселение расположено в 34 км к север-северо-западу от Байрам-Али и состоит из цитадели и примыкающих бугров поселения (рис. 19). Цитадель имеет в плане форму прямоугольника со срезанным углом и достигает в высоту 12 м (рис. 20). В середине восточного фаса находился центральный въезд, отмечаемый сейчас широкой лощиной. Узкая, но довольно глубокая лощина имеется и в северо-западном углу цитадели, но остается не вполне ясным, был ли здесь дополнительный небольшой

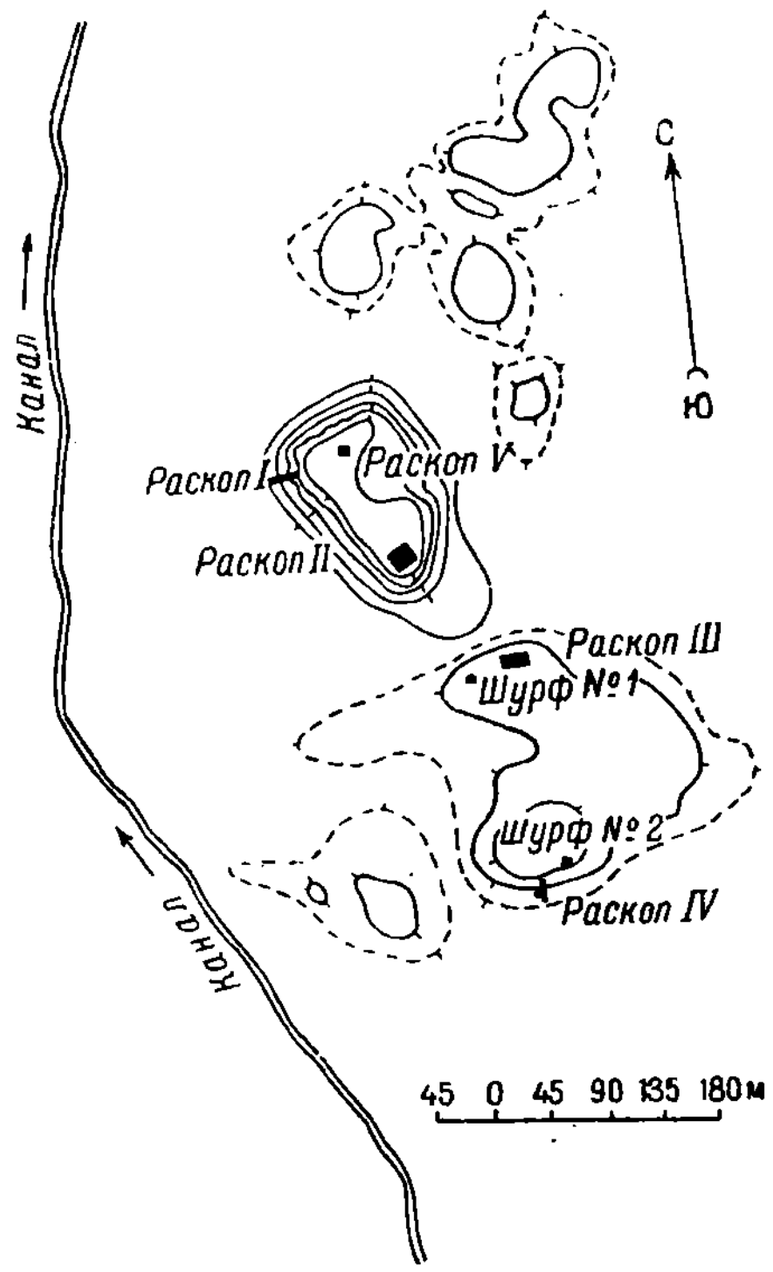

Рис. 19. Яз-Депе. Глазомерный план.

въезд, или мы имеем дело с одним из видов позднего разрушения памятника. Во всяком случае возможность устройства въезда в углу цитадели вызывает большие сомнения. Не-

большие выступающие всхолмления на северном и особенно на западном фасе цитадели было бы соблазнительно считать остатками башен, но, к сожалению, большая степень оплыва стен не позволяет решить этот вопрос. Значительный шлейф примыкает к цитадели с юга, и можно предполагать, что здесь с внешней стороны цитадели располагались жилые постройки.

Бугры поселения высотой до 4 м расположены к югу и северо-востоку от цитадели.

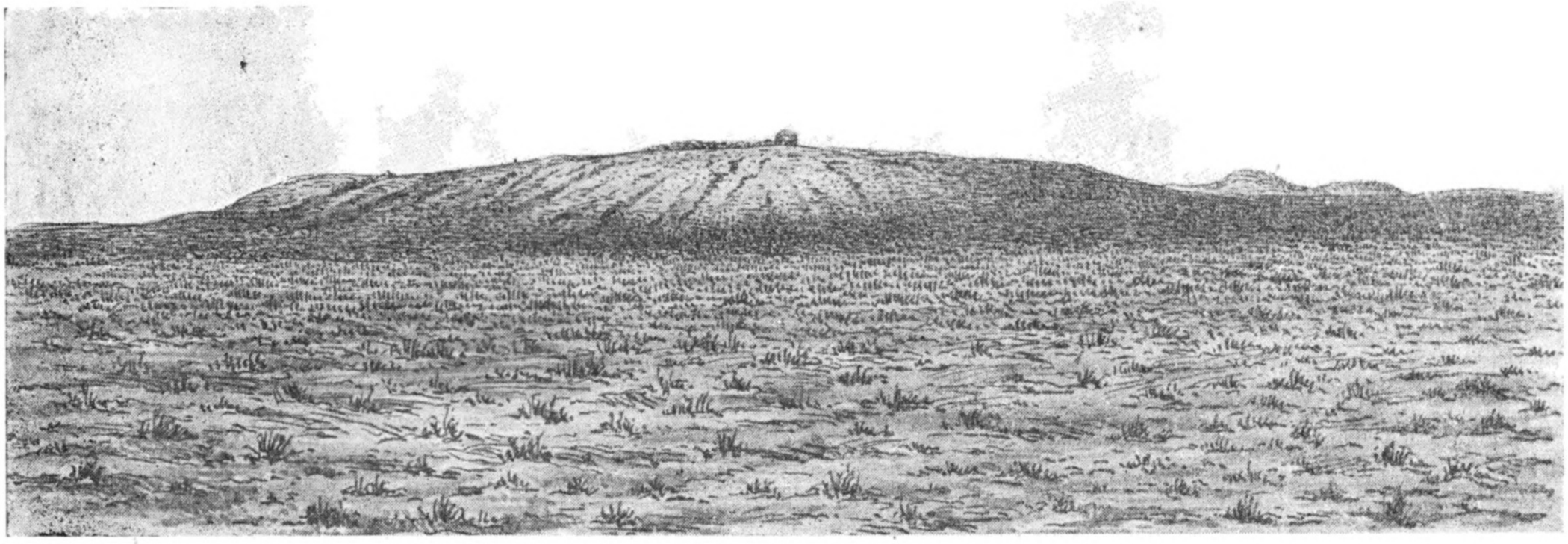

Рис. 20 Цитадель Яз-Депе.

Они имеют неправильные очертания и не составляют единого массива. Например, большой разрыв образуется между южной и северо-восточной группой бугров. Цитадель и основной массив поселения занимают площадь около 16 га. Однако небольшие всхолмления, усеянные фрагментами древнемаргианской керамики, распространены на значительно большей территории. В частности, в 400 м к северу от цитадели после значительного перерыва, образованного пространством, совершенно лишенным следов древней жизни, располагались керамические печи, представляя собой как бы отдельный «квартал», отнесенный в сторону от основного поселения.

Раскопки на поселении были сосредоточены на южном массиве, где два стратиграфических разреза, осуществленных на крайних точках поселения, должны были ответить на вопрос о времени сложения поселения и его возможном росте. С целью изучения жилых зданий верхнего слоя был заложен раскоп III площадью 200 м², а для изучения важной проблемы наличия или отсутствия фортификации предназначался раскоп IV. Следует отметить, что уже характер рельефа поселения говорил об отсутствии таких укреплений. Работы на раскопе IV обнаружили лишь тонкие стенки жилых строений на краю поселения поры Яз III и Яз II. В южной части раскопа, в значительной мере уже в конце склона, неожиданно была встречена массивная кладка из сырцового кирпича размером 55×10×11 см, сохранившаяся на 1 м в высоту и до 6 м в длину. В раскопе был расчищен внутренний угол этого массивного сооружения, имеющий около 90°. Внешний край кладки из-за значительного разрушения не может быть точно установлен. Стратиграфически положение этой кладки определяется достаточно четко. Культурные слои, дающие материал Яз II, перекрывают ее. Основанием своим кладка стоит на культурных слоях, содержащих материал Яз I, который встречается и рядом с кладкой в IX ярусе (сама кладка занимает VIII—IX ярусы). Поэтому можно вполне определенно сказать, что эта кладка была возведена в самом конце поры Яз I, когда уже намечался переход к материалу Яз II. Значительно хуже обстоит дело с вопросом об ее назначении. Эта кладка могла быть или частью крепостной стены, или частью (фундаментом) какого-то массивного здания, располагавшегося в пору Яз I на краю поселения. Последнее предположение кажется нам более вероятным, ибо для стены, обводящей сравнительно небольшое поселение, даже,

вернее, его участок, данная кладка имеет непомерно большую толщину. Однако окончательно решенным этот вопрос считать нельзя до проведения более широких раскопок. В итоге выводы, полученные на раскопе IV, в свете основной поставленной задачи можно формулировать следующим образом. В пору Яз III и Яз II южный массив

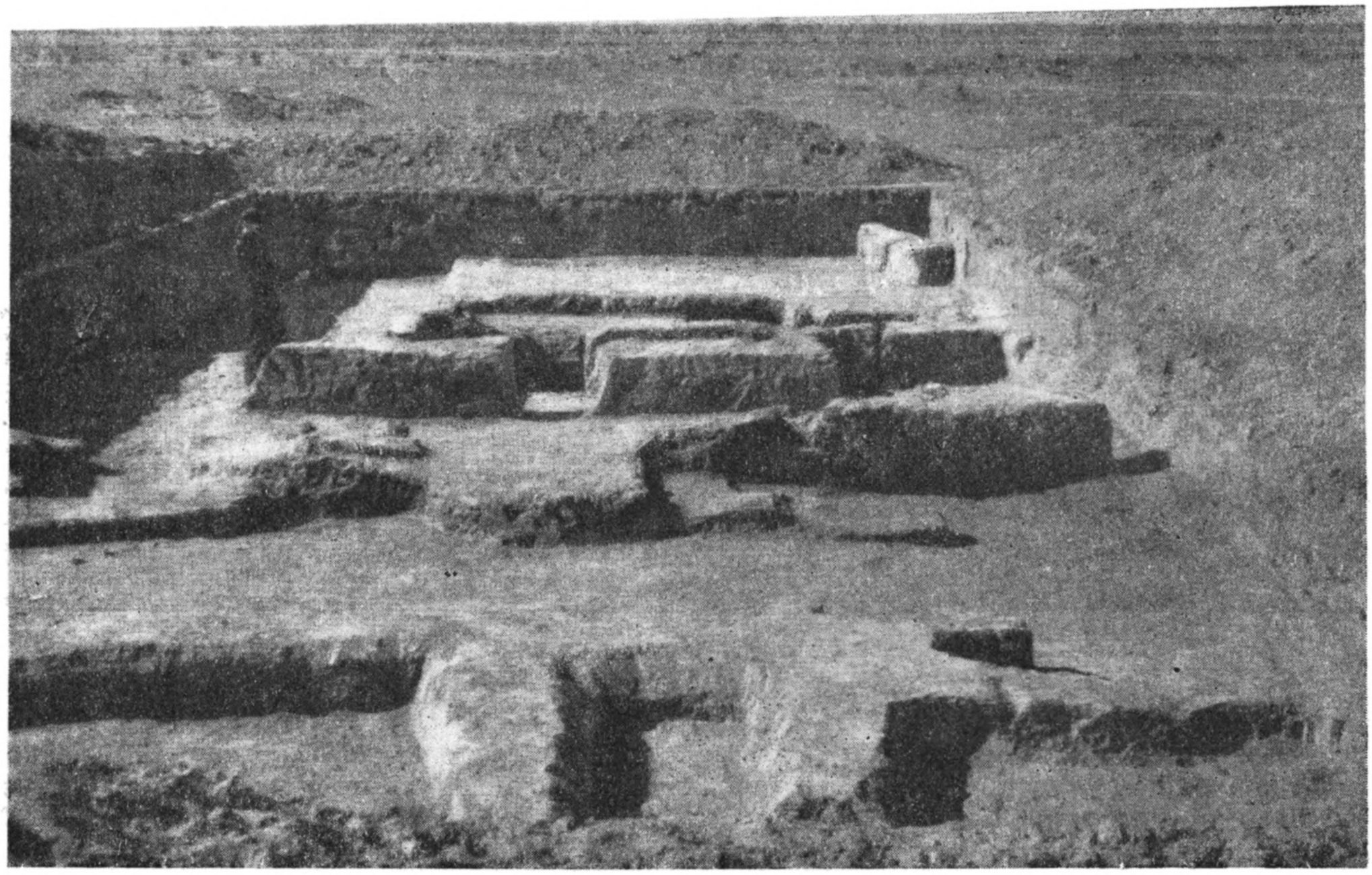

Рис. 21. Общий вид раскопа III на Яз-Депе.

поселения Яз-Депе не имел специальных оборонительных сооружений. Имеется возможность допускать существование крепостной стены в поздний период Яз I. Эта стена (или сооружение) скоро пришла в упадок, и одинаковая высота сохранности кладки показывает, что здесь имело место специальное разрушение верхней части кладки для общей нивелировки.

Небезынтересную картину жизни на поселении в поздний период существования дали результаты работ на раскопе III. Здесь в 1954 г. на площади в 200 м² были вскрыты остатки жилых строений (рис. 21). Однако очень плохая сохранность стен этих строений (25—40 см от уровня пола) не позволила составить четкого впечатления о характере планировки. Стены были в основном глинобитными, но некоторые сложены из сырцового кирпича размером 53×28(29)××12(13) см. В тесто кирпичей обильно замешан саман, да и сам формат является весьма обычным для всех слоев Яз-Депе. Стены обычно очень тонки, 35—40 см, и когда для их постройки употреблялся кирпич, то он клался продольно направлению стены и толщина последней составлялась из ширины кирпича и глиняной обмазки. Некоторые из глинобитных стен имеют значительно бóльшую ширину — 50—70 см и до 1 м. Можно полагать, что это были наружные стены домов. Незначительная толщина большинства стен показывает, что помещения были невысокие и, по всей видимости, имели плоские перекрытия, хотя никаких следов этих перекрытий не сохранилось. Полы в отдельных местах имеют глиняную обмазку, но в большинстве случаев это просто утоптанная поверхность.

Обращаясь к планировке раскопанных помещений, можно высказать предположение, что здесь имеются остатки трех отдельных

зданий (рис. 22). В северо-западной части раскопа находится небольшая часть одного здания, а бóльшую часть раскопа (линия 20—26) занимают остатки второго здания. Значительная часть стены, разделяющей эти два здания, позволяет предположить, что одно здание было пристроено к другому. В восточной части раскопа по линиям 27 и

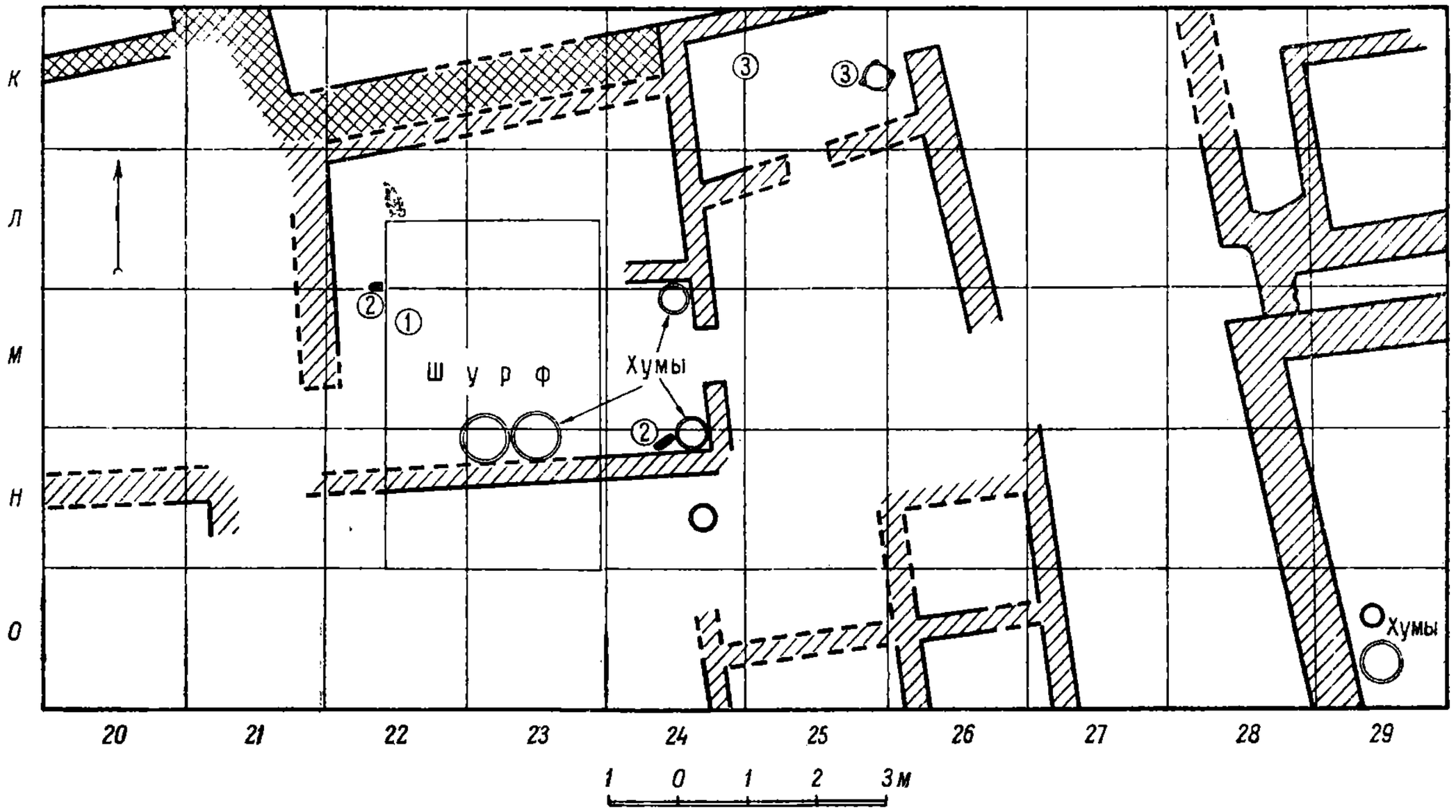

Рис. 22. План помещений верхнего слоя (Яз III) в раскопе III на Яз-Депе.

1 — клад железных предметов; *2* — зернотерки; *3* — кухонный котел.

стены. Венчик их отбит, но стенки сохранились в высоту до 1 м. Эти хумы вкопаны в пол на глубину до 60 см, т. е. значительно выше подкошенной придонной части. Первоначально в полу были вырыты две овальные ямы. Затем в них вставлены хумы и пространство между стенками хумов и ямы было залито жидкой глиной. Что хранили

частично 28 проходила, видимо, небольшая улочка, отделявшая второе здание от третьего. Это третье здание также лишь частично затронуто раскопками. Таким образом, достаточно широко было раскопано лишь второе здание, но и его южная граница осталась неясной. Удалось установить назначение отдельных частей этого здания. Так, крупное подквадратное помещение в центре раскопа (кв. кв. Л-22, Л-23, М-22, М-23) несомненно играло роль склада. Это помещение, видимо, было разделено на две части узкой перегородкой. У восточной стены помещения по обеим сторонам прохода стояли два небольшие хумча (высотой 50 см). Подкошенная придонная часть хумча для большей устойчивости вкопана в пол. Два значительно более крупных хума находились у южной

в этих хумах и хумча, сказать трудно. К моменту раскопок они были заполнены рыхлой землей и на самом дне — глинобитными натеками. В этом же помещении найдены одна целая зернотерка, два куска от двух других зернотерок и курант. У южной стены около двух больших хумов на полу кучкой лежали 48 шариков. Шарики грубо слеплены из необожженной глины, имеют диаметр 3—3.5 см и, видимо, предназначались для пращи. Наконец, около западной стены также на полу найдена куча окислившихся железных предметов, среди которых можно определить долота и проушные топоры. Все предметы сильно окислились и распались на части. По фрагментам, образующим проушины, можно определить, что топоров было не менее шести штук.

В юго-западной части раскопа в квадратах О-20—24 располагалось широкое коридорообразное помещение или скорее всего внутренний дворик. Здесь были найдены разбитые донные части хумов, фрагменты кухонных котлов, небольшие очажные пятна.

Видимо, роль кухни играло также помещение, бóльшая часть которого приходится на квадрат К-25. Здесь был найден один почти целый большой кухонный котел, имеющий форму, характерную для комплекса Яз III, и сложенные в кучу фрагменты другого котла той же формы, но значительно большей величины. Встреченные обгорелые куски сырцового кирпича, видимо, подставлялись под дно котлов. В этом же помещении был найден фрагмент железной поделки, напоминающей ручку ножа.

Назначение помещений, находившихся к югу от «кухни», остается не вполне ясным. Здесь были найдены фрагмент каменной ступки, два фрагмента камней с отшлифованной поверхностью и интересная «терка», предназначенная для растирания красной краски. Собственно «теркой» служила лопатка какого-то животного. Для растирания применялся небольшой камешек, рабочая поверхность которого оказалась прекрасно отшлифованной. Как лопатка, так и рабочая поверхность камешка сохранили следы красной краски, напоминающей охру. Следует отметить, что подобный камешек со следами красной краски был найден также в квадрате М-20. Для чего употреблялась растиравшаяся краска, неизвестно, во всяком случае не для посуды, которая в эту пору была полностью нерасписной.

Следует отметить, что в ряде мест были найдены овальные керамические диски, сделанные из черепков посуды. Диаметр дисков 3—3 ½ см. По одному из высказанных в специальной литературе мнений, подобные изделия, распространенные очень широко, считаются заготовками для пряслиц. Возможно, что в ряде случаев подобное допущение имеет свои основания, но на Яз-Депе совершенно неизвестны керамические диски с центральным отверстием. Поэтому можно только присоединиться к тем исследователям, которые видят здесь фишки для какой-нибудь игры.[2]

Третье здание, расположенное на восточном краю раскопа, было затронуто нами лишь частично. Обращают на себя внимание толстые глинобитные стены юго-восточного помещения. Оно, видимо, тоже играло роль склада: здесь найдено огромное количество фрагментов хумов и хумча, а два сосуда были вкопаны в пол. Вкопаны эти сосуды глубоко, так что наружу выступал лишь невысокий край бережка.

В целом раскопки жилых помещений слоя Яз III почти не выявили целых сосудов или сосудов, разбитых так, что при реставрации собрался бы совершенно целый сосуд. Исключение составляют упомянутый выше кухонный котел и один банкообразный сосуд с подкошенной придонной частью, найденный в «складе» второго здания. На наш взгляд, это явление не случайно и связано с историей разрушения раскапывавшихся помещений. Стратиграфия и состав находок ясно показывают, что они не погибли в силу каких-либо катастрофических причин, а были оставлены населением, унесшим с собой и почти весь хозяйственно-бытовой инвентарь. При раскопках не обнаружено ни строительных завалов, указывавших бы на рухнувшие стены, ни остатков деревянного перекрытия. Непосредственно над полом находятся глинистые натечные слои, а выше идет рыхлый натечно-надувной слой. Эти данные позволяют нарисовать картину запустения здания в следующем виде. Жители покинули дома и унесли с собой все хозяйственные вещи, за исключением крупных хумов и хумча, может быть, уже тогда имевших трещины. Было разобрано и деревянное перекрытие, представляющее в этих пустынных местах особую ценность. И сейчас можно видеть повсюду в южной Туркмении, как у заброшенных домов в первую очередь забираются деревянные части. Лишенные перекрытий стены начали оплывать и раздуваться ветрами, очень сильными в районе Яз-Депе, и заброшенные помещения постепенно заполнились рыхлыми натечно-надувными слоями. Совершился этот процесс довольно быстро, ибо в этих слоях также встречается исключительно керамика комплекса Яз III. Какие-либо поздние примеси отсутствуют. Такой картине, казалось бы, противоречит находка клада железных изделий и кучки глиняных шариков, но поскольку последние были сделаны даже не из обожженной глины, они не представляли

---

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 146—147.

особого интереса и могли быть просто забыты. Во всяком случае данные стратиграфии и отсутствие сосудов склоняют нас именно к нарисованной выше картине.

Обратимся к характеристике раскопок, проведенных на цитадели. Здесь было заложено два раскопа: раскоп I на северо-западном фасе и раскоп II в южной части цитадели. За полевой репер, от которого вниз шел отсчет ярусов, была принята наиболее высокая точка, оказавшаяся в пределах раскопа. Первый раскоп, осуществленный в виде траншеи шириной 2 м, должен был осветить вопросы фортификации цитадели, а во втором раскопе предполагалось начать широкое вскрытие помещений, расположенных внутри цитатели, причем выбранная для раскопа наиболее высокая часть цитадели позволяла предполагать, что здесь находилось одно из центральных зданий (рис. 23).

Работы на раскопе I заняли сравнительно небольшое время, так как скоро обнаружилось, что склоны цитадели представляют собой размытую кирпичную кладку, не дающую нигде вертикали древней стены. В результате многолетних разрушений кирпичная кладка образовала пологий наклон, постепенно сходящий на нет. Кладка эта сложена из продолговатого сырцового кирпича, уже известного по раскопкам в других точках Яз-Депе. Кладка была прослежена в высоту на 6 м. Первоначально предполагалось, что это остатки окружавшей цитадель стены. Однако посетивший в 1954 г. раскопки Яз-Депе Б. Б. Пиотровский отметил, что скорее всего это край платформы. Проведенные затем работы полностью подтвердили это предположение. На месте раскопа I массивная кладка была расчищена в длину на 26 м. Обнаружена массивная сплошная кладка и в основании помещений, вскрытых на раскопе II. Дополнительные раскопки по изучению кладки платформы были произведены в 1956 г. В ходе этих работ удалось установить, что с наружной части платформы в ее основании проходил довольно широкий (до 5 м) горизонтальный глинобитный уступ. Наличие этого уступа или площадки хорошо фиксируется сейчас по горизонтальным натечным слоям. Назначение этой площадки, обнаруженной на западном и северном фасе цитадели, остается неясным. Некоторой аналогией ей может служить аналогичный уступ у основания стен Старой Нисы,[3] но там он был более узок.

Кладка платформы, видимо, не была сплошной, а образовывала своеобразное «сетчатое» строение, где участки, выложенные регулярной кладкой, чередовались с участками, явно забутованными, в которых кирпич располагался как попало. Уточнить вопрос о форме и размерах этих участков можно будет лишь при более широких раскопках. Таким образом, можно считать, что в основании цитадели Яз-Депе лежит мощная платформа из сырцового кирпича. Именно эта платформа подняла цитадель над окружающей местностью. Шурф на раскопе II показал, что платформа в этом месте имеет высоту 8 м и ее основание покоится на аллювиальных материковых отложениях, идентичных слоям, встреченным на поселении в раскопе III и шурфе № 2. Какие-либо культурные слои здесь отсутствуют:[4] платформа возведена непосредственно на материке. Это очень важное обстоятельство позволяет заключить, что цитадель была возведена в одно время с поселением, а именно в пору Яз I.

Сейчас трудно судить, имелась ли по краю платформы цитадели еще и оборонительная стена. Каких-либо остатков такой стены пока не обнаружено: видимо, она была полностью смыта, что говорило бы о ее сравнительно небольшой величине. О значимости размыва памятников Маргианы можно судить и на основании раскопок стены цитадели Гяур-Калы, производившихся ЮТАКЭ в 1955—1956 гг. (руководитель раскопа З. Усманова). Здесь было установлено, что в основании стены цитадели лежит мощная платформа шириной до 40 и. даже до 60 м. На этой платформе в парфянское время располагался целый многокомнатный дом. Однако величина размыва была настолько велика, что в настоящее время смыта не только крепостная стена, проходившая по краю этой платформы, кольцом охватывавшей гяур-калинскую цитадель, но и часть парфянского здания. Для изучения цитадели Яз-Депе эти раскопки представляют интерес еще в одном отношении. Кольцо мощной платформы, по верху которой, ви-

---

[3] В. А. Левина. Стена и башня «Старой Нисы». ТЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

[4] Существование таких подстилающих платформу слоев мы предполагали в 1954 г. См.: ИАН ТССР, 1955, № 3, стр. 6.

димо, проходила ныне не сохранившаяся стена, служившая для защиты гарнизона от ядер и стрел, представляет собой прямую аналогию фортификации яз-депинской цитадели. В этом нельзя не видеть продолжения одних и тех же архитектурно-фортификационных традиций, развивавшихся на территории Маргианы.[5]

У подножия платформы в раскопе I была обнаружена керамика Яз III в слоях натеков и небольших завалов, отмечающих начало запустения цитадели. Расположение здесь этой керамики показывает, что запустение началось еще в пору Яз III. Это наблюдение полностью соответствует факту отсутствия в подъемном материале с цитадели сколько-нибудь больших количеств керамики Яз III.

Для изучения характера культурного слоя в северной части цитадели здесь в 1956 г. был заложен раскоп V площадью 100 м². Очень бедный культурный слой здесь сохранился на высоту 30—45 см. Были отмечены куски сырцового кирпича, но расчистить какую-либо определенную планировку не удалось. Видимо, здесь располагались какие-то небольшие постройки, сильно разрушенные временем. Фрагменты керамики принадлежат к раннему Яз II и частично к комплексу Яз I.

Наиболее крупная площадь была вскрыта на раскопе II, где, как отмечалось выше, характер рельефа позволял ожидать остатки какого-либо монументального здания. Действительно, остатки такого здания были открыты в результате работ на раскопе II (рис. 24). Можно полагать, что вскрыто около половины площади этого здания. С северо-запада оно, видимо, выходило во двор, которому в настоящее время соответствует понижение, переходящее на востоке в лощину на месте древнего въезда. На юго-западе раскоп был доведен до края цитадели, где началась кирпичная кладка платформы. Культурные слои идут здесь с значительным уклоном, и планировку помещения, находившегося на краю платформы, проследить не удалось. На юго-востоке здание не докопано, но можно предполагать, что здесь будут продолжаться узкие коридорообразные помещения. Наконец, на юго-востоке большое продолговатое помещение, видимо, образовывало край раскапывавшегося нами здания. Заложенный еще дальше на юго-восток раскоп площадью 100 м² показал, что там отсутствуют остатки сколько-нибудь крупных архитектурных сооружений. Обнаруженные в этом раскопе остатки небрежно возведенных построек относятся ко времени Яз II и сохранились очень плохо. Отметим, что и здесь раскоп был доведен до края цитадели, где, так же как и в других местах, расчищена кладка платформы и не обнаружено никаких остатков оборонительной стены. Обратимся к краткому описанию вскрытых помещений.

Помещение № 1 дало наиболее интересные находки. Стены помещения сохранились неплохо — в юго-восточной части на высоту до 1.8 м. По характеру заполняющих слоев помещение можно разделить на две части. В северо-западной половине помещения во II и в первой половине III[6] яруса шел плотный завал сырцового кирпича, причем встречались большие куски кирпича в вертикальном положении. Во второй половине III яруса и в большей части IV яруса шел плотный натечно-надувной слой с отдельными кусками сырцового кирпича. В конце IV и в V ярусе сначала вскрывался небольшой завал мелких кусков сырцового кирпича, а ниже его — рыхлый натечно-надувной слой с большим количеством золы, угля, костей животных и фрагментов керамики. На уровне 237 см (середина V яруса) была отмечена утоптанная площадка пола, ниже которой начиналась кирпичная выкладка платформы.

В юго-восточной половине помещения при сохранении стратиграфии нижних слоев отсутствовал мощный кирпичный завал II—III ярусов. На основании этого можно сделать вывод, что когда в северо-западной части рухнули верхние части стен и, видимо, свод, юго-восточные стены еще стояли и лишь постепенно были разрушены под действием ветра и вод. Наибольшее количество находок сделано в слое непосредственно под полом в конце IV и в V ярусе, причем эти находки особенно густо концентрировались в юго-восточной части помещения. Здесь

---

[5] Вопрос о дате стены-платформы гяур-калинской цитадели не вполне ясен. Судя по указанному зданию, в раннепарфянский период она уже существовала, но время постройки ее еще не установлено.

[6] При описании слоев, вскрытых на раскопе II, мы опускаем повсюду описание первых 15—20 см, представлявших собой, как правило, рыхлые слои, разрушенные выветриванием.

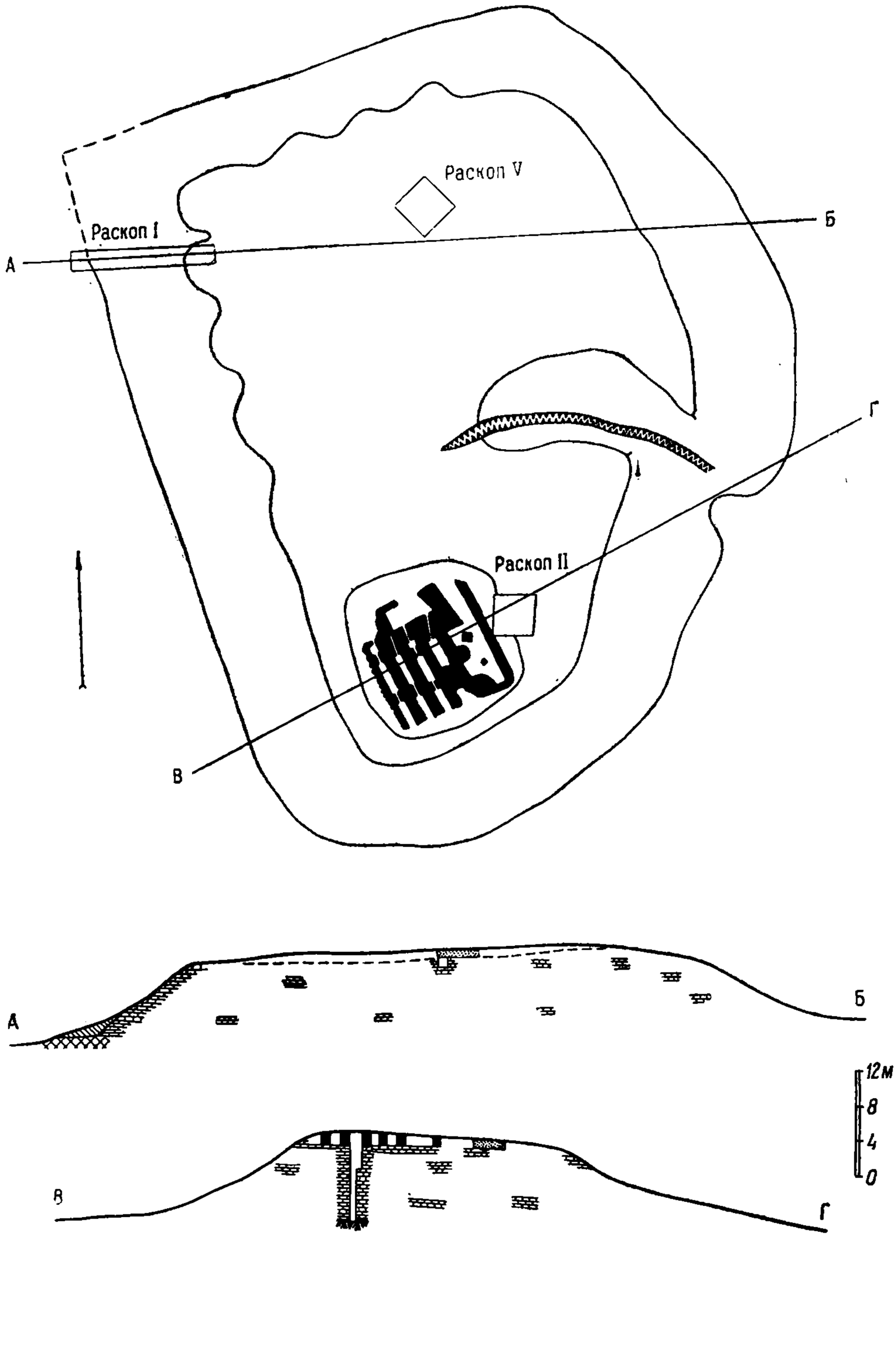

Рис. 23. План и разрезы цитадели Яз-Депе.

1 — культурный слой; *2* — глинобитные промазки; *3* — кладка сырцового кирпича; *4* — завал сырцового кирпича; *5* — сырцовые стены в разрезе, *6* — аллювиальные слои.

пол покрывали многочисленные зольники, беспорядочно валялись кости животных (так, в квадрате Н-11 в V ярусе было найдено 187 костей и фрагментов костей животных), а в квадрате Н-12, видимо, находился примитивный очаг. Многочисленные фрагменты керамики, в том числе от кухонных котлов и жаровен, целиком относятся к комплексу Яз I. Помимо керамики, в помещении № 1 были найдены 3 керамических и 2 каменных биконических ядра, 3 бронзовых наконечника стрел, а также бронзовые шило и нашивная бляшка-пуговица.

Плотным завалом сырцового кирпича было заполнено помещение № 2. Этот завал шел

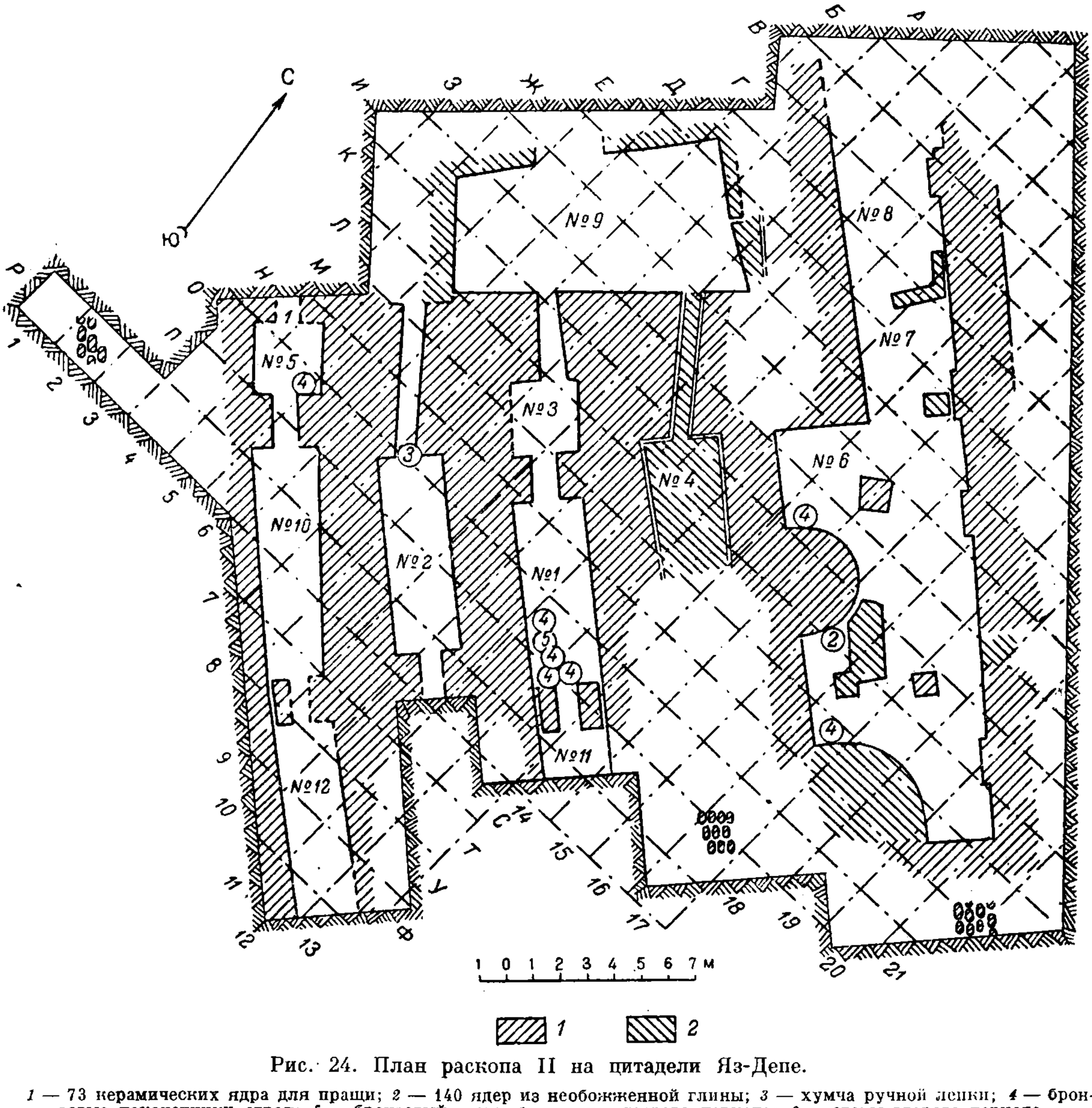

Рис. 24. План раскопа II на цитадели Яз-Депе.

1 — 73 керамических ядра для пращи; *2* — 140 ядер из необожженной глины; *3* — хумча ручной лепки; *4* — бронзовые наконечники стрел; *5* — бронзовый нож. *1* — стены первого периода; *2* — стены второго периода.

во II, III и первой половине IV яруса. Со второй половины IV яруса его сменяют натечно-надувные слои с известковыми прослойками, угольками, небольшими зольниками, кусками красной обгорелой земли. Найденные в помещении № 2 фрагменты керамики типа Яз I и кости животных были сравнительно немногочисленны.

В истории помещения № 3 можно наметить два этапа существования. В первый этап это было небольшое, подквадратное в плане помещение. Во второй этап бóльшая часть помещения была заложена сырцовым кирпичом и оно превратилось в узкий проход шириной 65—70 см. Этот проход являясь остатками рухнувшего свода. Находки, сделанные в помещении № 4, начиная со II яруса ограничивались исключительно фрагментами хумов, причем в отдельных случаях их количество становилось столь значительным, что можно было бы говорить не о завале сырца, а о завале сырцового

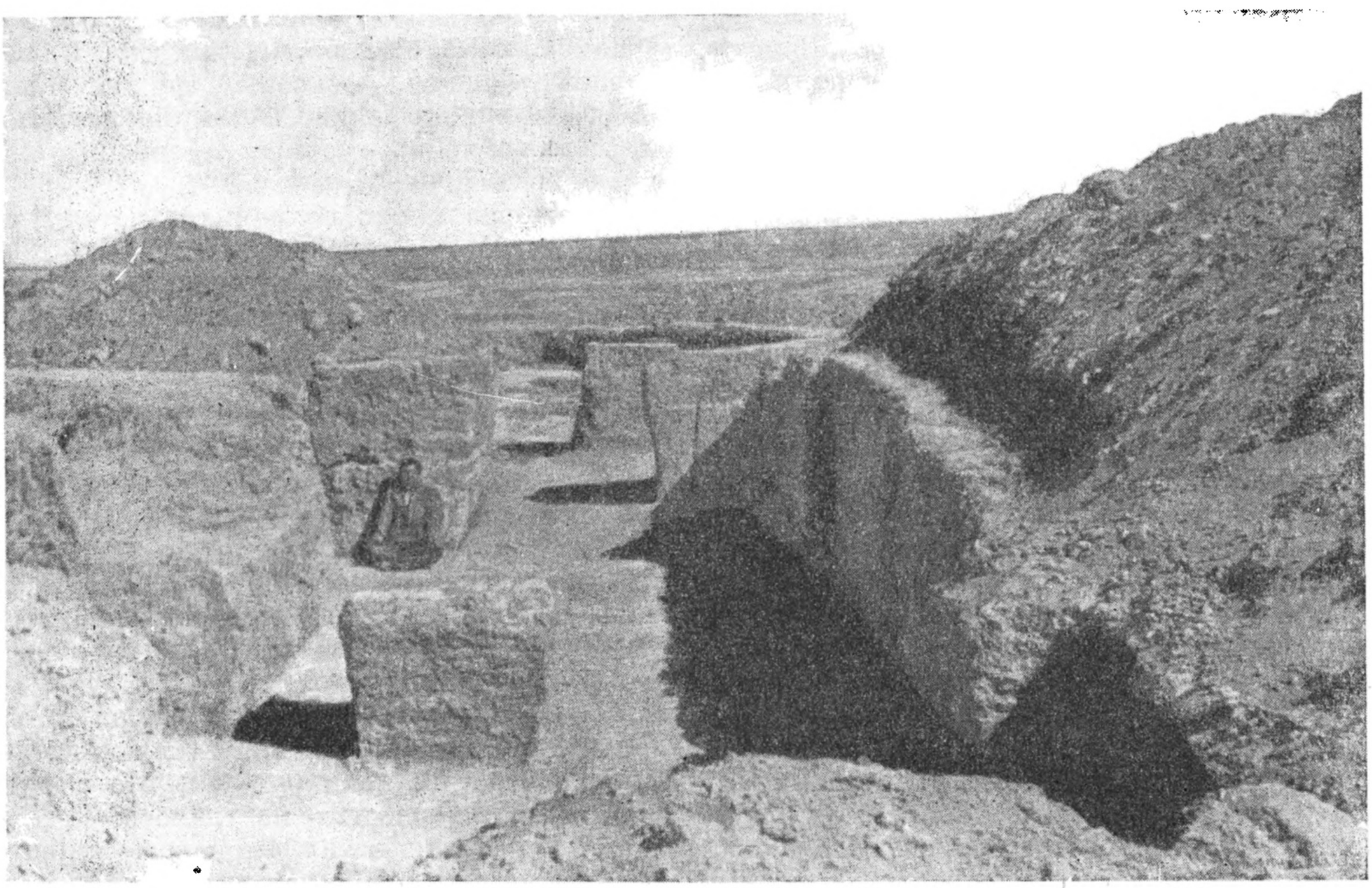

Рис. 25. Общий вид раскопа II на Яз-Депе.

во II—III ярусах заполнен завалом сырцового кирпича, а с IV яруса—натечно-надувными слоями, в которых встречались куски сырцового кирпича. К V ярусу эти слои стали более рыхлыми, в них встречались угольки и фрагменты посуды типа Яз I.

Вскрытое неполностью помещение № 4 весьма показательно как своей стратиграфией, так и составом находок. Абсолютный уровень пола этого помещения около 240 см. Сразу же над уровнем пола начинается плотный завал сырцового кирпича, продолжающийся до самого верха. Слежавшиеся кирпичи с трудом поддавались удару киркой, а часто можно было видеть, как рядом расположено несколько кирпичей в вертикальном положении, вероятно, кирпича и фрагментов хумов. Наряду с этим следует отметить, что это был именно завал кусков хумов, а не раздавленные целые сосуды. Таким образом, ясно, что во второй период существования раскапываемого здания помещение № 4 было забутовано и заполняющие его сырцовые кирпичи и куски хумов принадлежат именно этой забутовке.

Подквадратную планировку имеет и помещение № 5, с той разницей, что оно до конца осталось незастроенным. II—III ярусы в помещении № 5 были заполнены завалом сырцового кирпича, но уже с конца III яруса начинаются натечно-надувные слои с линзами желтого барханного песка. Помимо обычной керамики и костей животных, в помещении № 5 было найдено 98

керамических ядер биконической формы, причем 84 из них лежали кучкой в северо-западной части помещения у угла прохода.

Наиболее значительное по своей величине помещение № 6 (рис. 25) в первый этап своего существования было еще более крупным. Помещения №№ 7 и 8, описание которых последует ниже, образовались именно в результате перестройки большого зала, которым являлось помещение № 6. Видимо, в это же время в юго-восточной части был построен овальный выступ, а к уже существовавшему полукруглому выступу пристроена стена, образовавшая в пределах зала еще одно небольшое помещение.

Для заполняющих помещение № 6 культурных слоев характерно отсутствие плотных завалов крупных кусков сырцового кирпича. Завалы мелких обломков сырца идут в III ярусе у стен и поднимаются к IV ярусу в центральной части помещения. Ниже и выше их идут натечно-надувные слои различного характера. Для слоев IV—V ярусов показательно большое количество золы, углей, а местами и зеленоватых прослоек — результаты гниения органических остатков. Пол был неровным и в основном отмечен на уровне 218—220 см. Он состоял из нескольких слоев глиняных промазок, сохранившихся, однако, далеко не везде. Сравнительно рыхлые слои, заполнявшие помещение № 6, содержали огромное количество костей животных и фрагментов керамики. Встречались также обломки зернотерок и курантов. Известный интерес представляет находка двух бронзовых наконечников стрел. Специфическими находками помещения № 6 являлись своеобразные керамические кубы и ядра из необожженной глины. Фрагменты первых встречались в различных местах раскопа II, но в особенно большом количестве были найдены именно в рассматриваемом помещении. По рыхлой структуре с большой примесью сгоревшего в процессе обжига самана они напоминают жженые кирпичи парфянского времени. Сохранился один целый куб размером $16 \times 16 \times 10$ см, с небольшим углублением с одной стороны. Ряд изделий имел, видимо, и иную форму. Назначение их совершенно неясно, и напрашивающееся определение их как культовых предметов также мало способствует выяснению дела.

Овальные ядра из необожженной глины диаметром 6—10 см в других помещениях совершенно не встречались. В помещении № 6 их было найдено 139, причем эту цифру надо увеличить, так как часть ядер была разбита еще в древности. Почти все ядра были найдены в небольшом помещении, образованном позднейшей пристройкой, которое, видимо, и являлось своеобразным складом. Назначение ядер, как кажется, военное, но как их бросали — руками или с помощью какой-либо, пусть самой примитивной машины, — сказать трудно. Были найдены в помещении № 6 и биконические ядра для пращи — четыре каменных и одно керамическое.

Довольно плохо сохранились стены помещения № 7 и особенно помещения № 8. В этом месте поверхность дает значительный уклон и раскопки начинались с конца II яруса.

В помещении № 7 сравнительно небольшой завал сырцового кирпича шел в середине III яруса. В натечно-надувном слое, правда, также встречались небольшие куски сырцового кирпича. Слои над полом, так же как и в помещении № 6, были очень рыхлыми, содержащими большое количество золы и угля. Помимо многочисленной керамики и костей животных, здесь найдена часть каменной зернотерки.

Та же стратиграфия характерна и для помещения № 8. Возможно, часть помещения была застроена, но определить это с достаточной достоверностью не удалось. В середине помещения завал сырцового кирпича вообще отсутствовал. Не упоминая обычных находок, отметим биконические ядра для пращи — четыре каменных и два керамических.

Наиболее долго жизнь продолжалась в помещении № 9, где четко устанавливаются два этапа существования. В первый этап это скорее всего было не помещение, а крупный двор, в который выходили проходы из помещений №№ 2, 3 и 5. Во второй этап пол был поднят на 60—70 см и находился на уровне начала III яруса. С трех сторон возведены стены, но по непонятным причинам они были построены под разными углами и в плане помещение № 9 приобрело довольно странную форму. С этим вторым этапом связано большое количество керамики типа раннего Яз II, найденной в этом помещении.

Характер культурных слоев в помещениях №№ 10 и 12 весьма близок между со-

бой. После рыхлых натечно-надувных слоев над уровнем пола здесь шел завал мелких и крупных кусков сырцового кирпича. Находки были, особенно в помещении № 12, весьма немногочисленны и ограничивались керамикой типа Яз I.

Таковы в общих чертах результаты работ на раскопе II. Сделанные в процессе этих работ наблюдения позволяют частично воссоздать как историю существования раскапывающегося здания, так и историю его разрушения. В истории существования здания вполне отчетливо наблюдаются два этапа. В первый этап непосредственно на мощной платформе из сырцового кирпича, составляющей основу цитадели, было возведено монументальное здание. В его юго-западной части тремя (быть может, и четырьмя) рядами располагались неширокие продолговатые и квадратные помещения, соединенные узкими проходами. Эти помещения своими проходами выходили скорее всего во двор, располагавшийся к северу от них и частично застроенный во второй этап существования здания. В северо-восточной части находился большой прямоугольный зал шириной 7 м и длиной не менее 26 м. На его восточной стене располагалось четыре прямоугольных выступа, игравших декоративную роль. В восточной же стене было два узких прохода. На западной стене находился полукруглый выступ диаметром 4 м.

Во втором этапе произошел ряд перестроек внутри здания. Некоторые квадратные помещения в его юго-западной части были заложены и превращены в узкие проходы (например, помещение № 3). Наиболее значительные изменения произошли в большом зале. Северо-западная часть зала была наполовину сокращена массивной пристройкой к юго-западной стене (рис. 26) и разделена поперечными стенками на небольшие комнатки (помещения №№ 7 и 8). В юго-восточной части к полукруглому выступу пристроена небольшая комнатка. Проходы восточной стены подверглись закладке. Вероятно, в это же время в середине зала были поставлены два квадратных столба из сырцового кирпича.

В этот же второй этап было заложено помещение № 4, так же как, видимо, и другое помещение, лежавшее к югу от него. С чем связана эта закладка, судить трудно, но невольно возникает мысль о возможных перестройках во «втором этаже», для которого заложенные помещения могли служить своеобразной платформой. Не возвышалась ли здесь какая-либо башня, венчающая архитектурный облик всего здания? В таком случае можно объяснить и появление в комнате № 6 сегментовидной пристройки, являвшейся как бы одним из краев этой второй платформы. Значительные изменения произошли и в северной части здания: располагавшийся здесь двор был превращен в крупное помещение. В связи с этим заложены северные проходы в помещении № 2 и, видимо, также в помещении № 10.

Характер культурных слоев, заполняющих помещения рассматриваемого здания, позволяет вполне определенно восстановить историю его разрушения. Первоначально в заброшенных помещениях, где на полу лежала битая посуда, кости животных, глиняные ядра и изредка более ценные предметы, как например бронзовые наконечники стрел, начали накапливаться надувные и натечные слои глины и песка. Во многом эти слои образовывались за счет размыва сырцовых стен. После довольно значительного промежутка времени, когда эти слои достигли высоты около 1 м, рухнули верхние части размытых стен и в ряде помещений сырцовые своды. При этом образовался значительный завал сырцового кирпича, отмечавшийся выше, при описании помещений.

Какова же относительная хронология раскапывавшегося здания? Многочисленные находки на уровне пола совершенно ясно показывают, что второй этап его существования в основном относится к поре Яз I. Преобладает керамика этого комплекса и в завале помещений, где лишь в незначительной степени имеется посуда типа раннего Яз II. Лишь в помещении № 9, видимо наиболее долго обживавшемся по сравнению с другими, среди находок было особенно много керамики этого типа.

По значительному проценту, который составляет посуда, сделанная на гончарном круге, среди общей массы керамики Яз I этот второй этап здания можно синхронизировать с XI ярусом стратиграфического раскопа на поселении. На основании такого сопоставления можно заключить, что первый этап существования монументального здания на цитадели одновременен строительным остаткам Яз I, встреченным в XII ярусе этого раскопа. Поскольку монументальное

здание было возведено непосредственно на платформе, можно заключить, что возникновение поселения Яз-Депе и возведение здесь цитадели были явлениями если не одновременными, то весьма близкими друг к другу во времени.

Не вполне ясным остается вопрос о назначении рассмотренного выше здания. не было ли оно местом проживания гарнизона цитадели. Труднее судить о назначении здания в первый этап его существования. Здесь в основном приходится исходить из характера планировки. Несомненно, что какую-то особую роль играл большой зал, назначение которого во второй этап, видимо, резко изменилось. Вероятно, с этой осо-

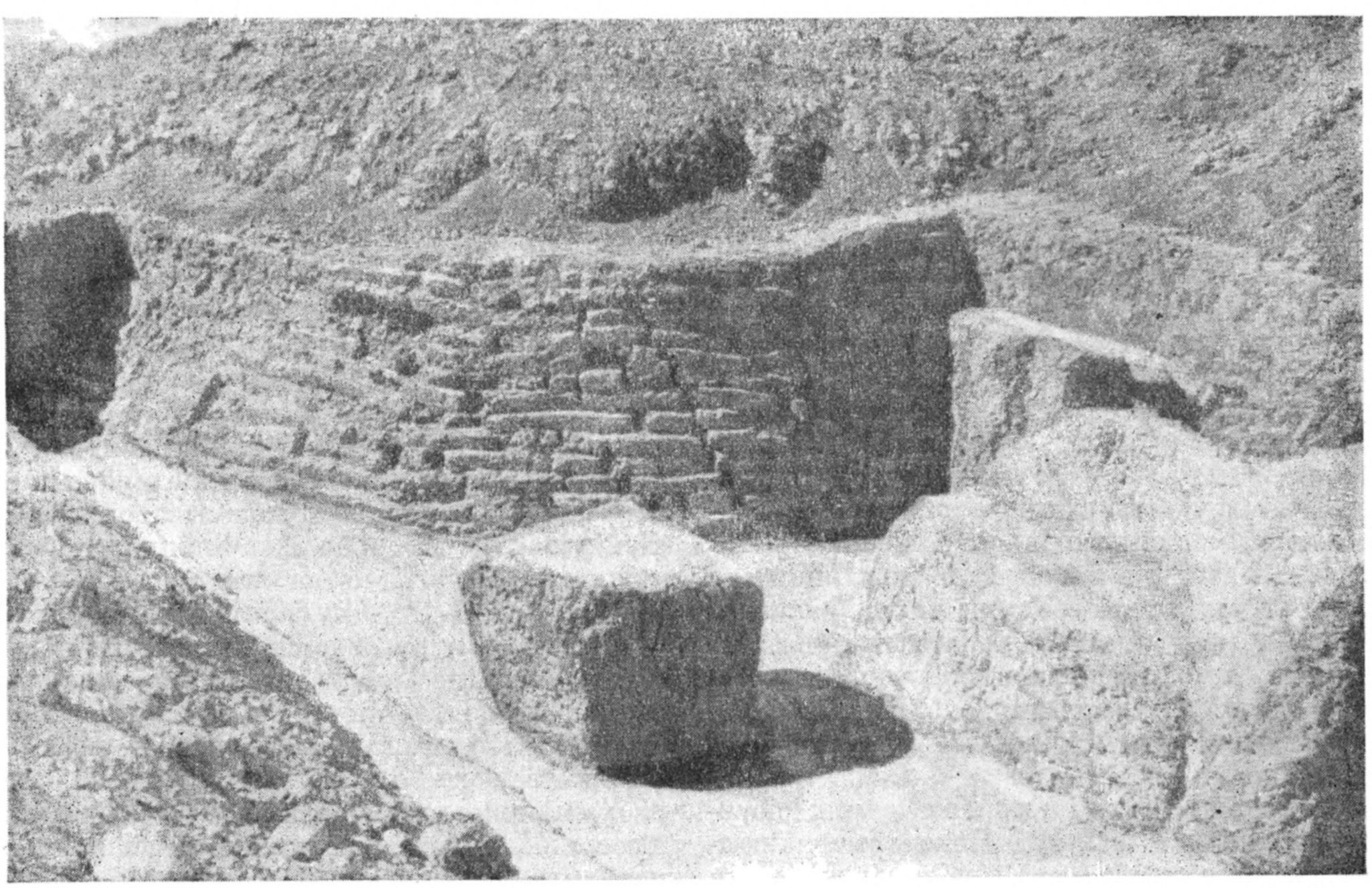

Рис. 26. Сегментовидная пристройка в здании на цитадели Яз-Депе.

Монументальный характер его архитектуры выступает достаточно ясно по сравнению с остатками жилых строений, вскрытых на поселении в раскопе III. Характер завала сырцового кирпича позволяет утверждать, что узкие коридорообразные помещения этого здания были перекрыты сводами из сырцового кирпича. Перекрытие большого зала было скорее всего плоское, с использованием балок. Культурные остатки на полу помещений показывают, что во второй этап своего существования здание, особенно большой зал, использовалось под жилье. В связи с такими массовыми находками, как запасы крупных глиняных ядер и ядер для пращи, можно поставить вопрос, бой ролью и связано возведение в зале полукруглых выступов, о назначении которых можно лишь строить самые различные предположения. Здание, занимавшее значительную часть цитадели и расположенное в самом ее высоком месте, надо полагать, не было рядовой постройкой. Скорее всего это остатки храма или дворца. Более вероятным нам кажется именно второе предположение. Узкие коридорообразные помещения юго-западной части здания находят аналогии в планировке некоторых дворцовых сооружений Древнего Востока. Далее весьма существенно то обстоятельство, что на платформе яз-депинской цитадели было лишь одно крупное здание. Как по-

казали разведочные раскопки (раскоп V и др.), в других местах цитадели нет следов сколько-нибудь значительных архитектурных сооружений. Видимо, здесь располагались хозяйственные и иные подсобные постройки, тонкие стены которых почти полностью разрушились.

Открытие яз-депинского «дворца» представляет большой интерес для истории архитектуры Средней Азии. Несомненно это наиболее ранний памятник среднеазиатской монументальной архитектуры из числа известных в настоящее время. Вероятно, монументальная сырцовая архитектура Яз-Депе является одним из предшественников архитектуры парфянской Нисы, где эллинистические влияния тесно переплелись с местной основой. Но наряду с этим весьма интересной является проблема об истоках архитектуры яз-депинской цитадели. Как нам кажется, в принципе нельзя исключать возможность опосредствованного влияния монументального строительства Месопотамии и Элама, где храм или дворец, возведенный на мощной платформе, играл столь заметную роль. Однако есть основания ставить вопрос и о развитии местных традиций в широком смысле этого слова. Пока нам главным образом известна архитектура лишь жилых домов, принадлежавших многочисленным земледельческим общинам южной Туркмении, Ирана и Белуджистана, образовывавших в IV—II тысячелетиях до н. э. как бы своеобразный пояс вокруг городских цивилизаций Месопотамии и Инда. Реконструкция фортификационных сооружений слоев Гисар III, данная в издании Э. Шмидта,[7] является почти произвольным вымыслом, хотя само по себе существование подобных построек в этот период является вполне допустимым.

Постепенно начинает накапливаться материал по архитектуре зданий в рассматриваемых районах, бывших, видимо, святилищами и храмами. Вероятно, небольшим своеобразным святилищем была комната со стенной росписью, с деревянными столбами, вскрытая Б. А. Куфтиным в энеолитическом слое IV тысячелетия до н. э. на холме Яссы-Депе у Каахка.[8] Величина этого святилища вполне соответствует характеру памятника, который, вероятно, является остатками дома одной большой патриархальной семьи. Возможно, более сложную планировку имело святилище Кара-Депе, бывшего крупным поселением уже в пору энеолита.[9] О характере планировки этого святилища судить пока еще трудно, но показательно уже само положение его на поселении. Оно занимало наиболее высокую точку поселения, подымаясь над остальными частями на 4—6 м. Правда, это возвышение было образовано более мощными, чем в других частях поселения, культурными слоями, но уже сам выбор подобной высокой точки весьма характерен.

Интересные результаты дали недавние раскопки французской экспедиции на поселении Мундигак в южном Афганистане, хотя не все еще вопросы достаточно ясны.[10] Здесь в конце III—начале II тысячелетия на высоком холме, образованном культурными наслоениями и значительно возвышающемся над остальной территорией поселения, было построено монументальное здание, украшенное по фасаду сомкнутыми колоннами, так называемой гофрировкой. Производивший раскопки Ж. М. Касаль вполне справедливо приходит к выводу, что это здание не является фортификационными сооружениями. На наш взгляд, это скорее всего было именно центральное святилище Мундигака, общинный храм, и отсутствие в нем терракотовых статуэток еще ничего не говорит. Характерной является сама планировка здания. В следующий период это здание было забутовано и на нем, как на платформе, воздвигнуто новое здание, также являющееся по всем данным остатками святилища. Следует отметить, что подобное сохранение культовых сооружений на одном и том же месте весьма характерно для Средней Азии, да и для всего Ближнего Востока. Таким образом, в Мундигаке монументальное здание занимало наиболее высокий холм и уже начало складываться подобие искусственной платформы.

---

[7] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, стр. 170, рис. 94.

[8] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТССР, 1954, № 1, стр. 26.

[9] В. М. Массон. Джейтун и Кара-Депе. СА, 1957, № 1, стр. 151—152.

[10] J. M. Casal. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak. 1951—1954. Arts Asiatiques, t. I, fasc. 3, Paris, 1955; см. также предварительные сообщения в журнале «Afghanistan», 1952, № 4, стр. 41—48; 1955, № 3, стр. 19—24; Comptes rendus de l'Académie inscriptions et belles-lettres, 1952, jullet—octobre, стр. 382—388.

В этой связи нельзя не вспомнить поселение Тюренг-Тепе под Астрабадом, верхний культурный слой которого также относится к концу III и, видимо, в известной мере к началу II тысячелетия до н. э. Центральной частью поселения здесь являлся холм высотой 36 м. Заложенные американской экспедицией шурфы и штольни показали, что в верхних слоях этого холма идет почти сплошная кладка сырцового кирпича.[11] Возможно, это были остатки платформы, на которой располагалось какое-то важное для всего населения здание. Отметим, что Тюренг-Депе, как показывает, например, сравнение с Шах-Тепе, расположенном в этом районе, было крупным поселением, видимо игравшим роль своеобразного центра для всей области.

В южной Туркмении пока не открыто храмов и общинных святилищ поры развитой бронзы, но общий характер развития культуры делает вполне вероятным их обнаружение на крупных поселениях в слоях Намазга IV или V.

Как показывает археология Месопотамии, первоначально архитектурными центрами древнеземледельческих поселений были именно храмы, сначала без платформы, а потом и поднятые на высокую платформу (периоды Убейд и Урук), и лишь позднее появляется дворец правителя, расположенный в цитадели (Джемдет-Наср). Как писал в свое время К. Маркс, характеризуя так называемую азиатскую форму общинной собственности, «часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу. . . а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа — бога».[12] Именно результатом коллективного труда общинников являются храмы древней Месопотамии. Как нам кажется, имеющиеся археологические данные намекают на то, что подобный процесс возведения общинами храмов и племенных святилищ как символа своего единства имел место в III—II тысячелетиях в Иране, Афганистане и южной Туркмении. Архитектурные традиции, сложившиеся в ходе строительства этих храмов, и в первую очередь сам принцип расположения здания на естественной или искусственной платформе могли быть использованы строителями древнемаргианских цитаделей. Поскольку широкие археологические работы в данных районах только еще начинают развертываться, в данном вопросе приходится ограничиться подобными общими соображениями.

Вернемся к раскопкам на Яз-Депе. В результате двух проведенных сезонов уже можно наметить некоторые общие контуры истории этого наиболее крупного древнемаргианского поселения. Уже в пору Яз I поселение почти полностью сложилось в пределах ныне прослеживаемых границ. В это же время была возведена и мощная платформа цитадели с монументальным зданием, являющимся скорее всего остатками дворца. Если синхронизировать остатки жилого строения XII яруса раскопа III с первым этапом существования этого монументального здания, то более нижние культурные слои (XIII и часть XIV яруса), вероятно, оставлены населением, принимавшим участие в строительстве цитадели. Это строительство несомненно было многолетним и весьма трудоемким мероприятием. В конце периода Яз I на южной окраине поселения возводится какая-то монументальная постройка или крепостная стена. До этого времени Яз-Депе не имело оборонительных сооружений. В переходный период от Яз I к Яз II и эта постройка, и монументальное здание на цитадели приходят в запустение. В пору раннего Яз II цитадель еще обжита почти полностью, за исключением развалин старого дворца, остававшегося незастроенным. Яз-Депе поры Яз II и Яз III не имело оборонительных сооружений. В пору развитого Яз II прекращается полностью жизнь на цитадели, хотя еще функционирует поселение. Запустение последнего скорее всего было связано с уходом населения.

Яз-Депе как бы прикрывало с юга весь центральный оазис. К северу от Яз-Депе располагались многочисленные поселения, наиболее крупные из которых были сосредоточены на северо-западе, где находятся три памятника, так и названные местным населением — Уч-Депе, или «три холма». Эти памятники расположены уже в зоне полузакрепленных песков, и поэтому следы

---

[11] F. R. Wulsin. Excavation at Turang Tepe. Suppl. to the Bull. of Amer. Inst. for Persian Art and Archaeology, 2, № 1, New York, 1932.

[12] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Партиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 7.

древней ирригации здесь прослеживаются довольно плохо. Наиболее значительным является северное Уч-Депе (рис. 27), представляющее собой ряд невысоких всхолмлений, группирующихся вокруг цитадели, имеющей высоту около 6 м. Цитадель подпрямоугольна в плане. С северо-запада имеет длинный шлейф. Въезд в цитадель был, видимо, расположен на северо-востоке. Бугры поселения не сосредоточены в одном месте, а расположены весьма разобщенно, причем наиболее удалены от цитадели южные бугры. При проведении обследования Уч-Депе сразу же обратило на себя внимание большое количество керамических шлаков, а при более детальном осмотре в двух местах были обнаружены остатки и самих керамических печей. В этом отношении наибольший интерес представляет группа печей, находящихся к юго-западу от цитадели. Всего здесь удалось насчитать остатки восьми горнов, причем несомненно часть печей оказалась занесенной наступающими песками. Весь этот район буквально усеян крупными фрагментами керамики, керамическими шлаками и своеобразными глиняными кольцами, на которых мы остановимся ниже. Видимо, в непосредственной близости от печей находились также мусорные свалки, куда выкидывалась разбитая посуда и отходы производства. Поскольку проведенные раскопки показали, что более нижние культурные слои также содержат остатки керамического производства, есть все основания полагать, что мы имеем дело со своеобразным ремесленным центром мастеров-керамистов, в известной мере с прототипом гончарных кварталов античных и средневековых городов Средней Азии. Ввиду большого интереса, который представлял данный участок поселения, здесь были проведены небольшие раскопки под руководством В. И. Сарианиди. Раскопано две печи, причем одна из них сохранилась особенно хорошо. Тип печей повторяет описанные выше горны с поселения Чурнок.

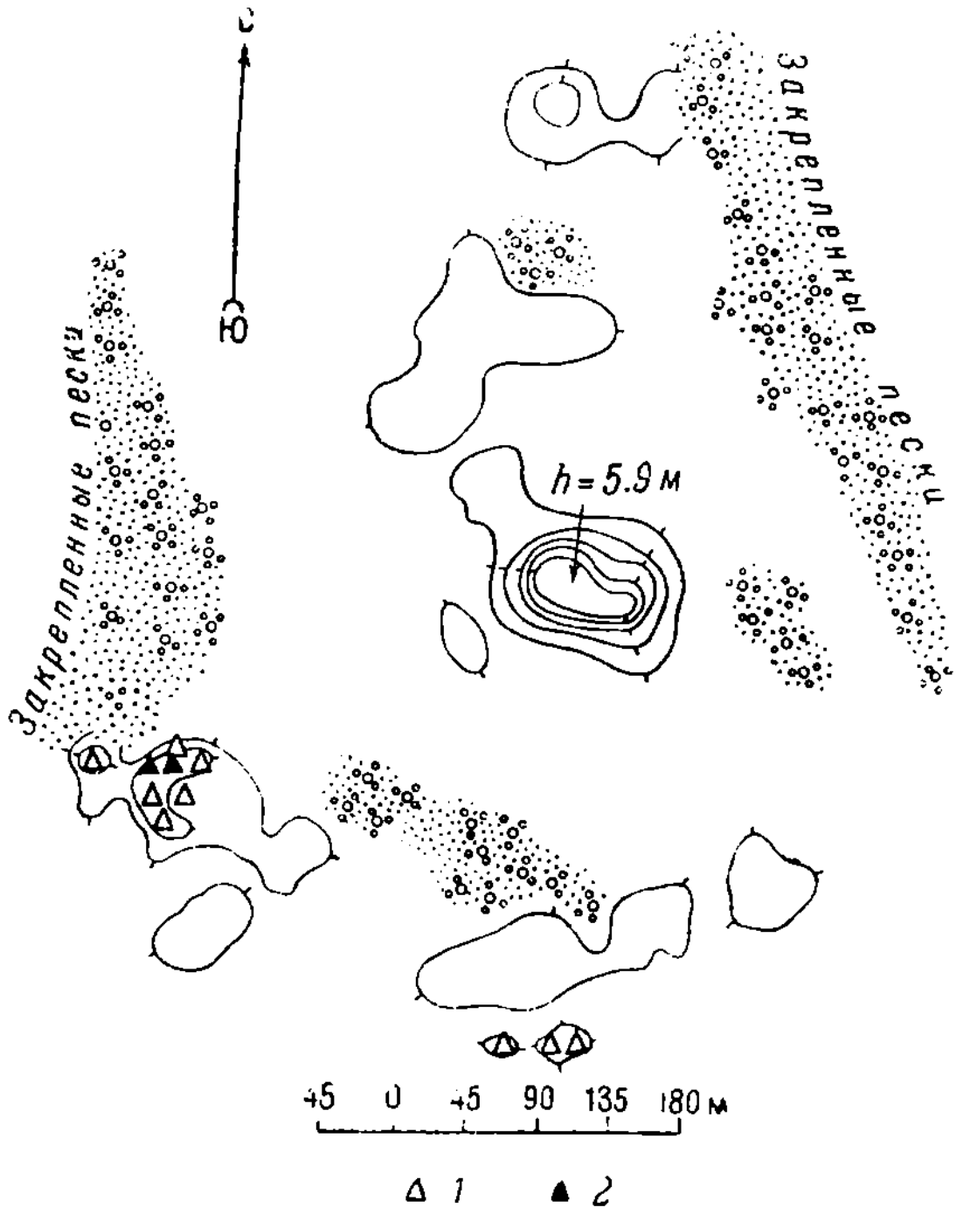

Рис. 27. Северное Уч-Депе. Глазомерный план. Горизонтали проведены через 1 м.

1 — керамические печи; *2* — раскопанные керамические печи.

Печь № 1 (рис. 17, *1*) отличающаяся меньшими размерами, имеет обжигательную камеру, стенки которой сохранились на высоту до 60 см. Стена камеры была сложена из кусков сырцового кирпича и вместе с обмазкой имеет толщину около 50 см. С внутренней стороны камера покрыта толстым (15—17 см) слоем ошлакованной глиняной обмазки, причем в глиняный раствор были замешаны также куски сырцового кирпича. В южной части горна находилось загрузочное отверстие, оказавшееся заложенным кусками сырцового кирпича 32×?×12 см и 36×?×12 см, т. е., видимо, фрагментами того стандартного продолговатого кирпича, который типичен для Яз-Депе. В этой связи интересно отметить, что внутри обжигательная камера была пустой, если не считать одного банкообразного сосуда, нескольких комков глины и фрагментов глиняных колец. Совершенно ясно, что отверстие заложили не потому, что печь была загружена готовой продукцией. Вероятно, здесь мы имеем дело с тем же фактом, что и в верхнем здании на яз-депинском раскопе III: поселение было оставлено жителями, а не погибло в силу каких-либо катастрофических причин. Уходившие гончары заложили отверстия своих печей, и они постепенно были занесены песком.

Но вернемся к описанию печи. В поде обжигательной камеры для подачи из топки горячего воздуха имелось три ряда отвер-

стий: 16 крупных отверстий у самой стены, представляющих выходы продуктов того же типа, что и на печах Чурнока, и 2 круга более мелких вертикальных отверстий в центре камеры. Первый круг состоял из 7 отверстий, а второй из 16. Диаметр этих мелких отверстий 4—5 см. По наблюдениям В. И. Сарияниди, некоторые из крупных отверстий закладывались комками глины. Сам под обжигательной камеры имел толщину 20 см и состоял из нескольких слоев промазки, ставшей в результате ошлакования настолько крепкой, что она с трудом поддавалась удару киркой. Несомненно, что этот под с успехом выдерживал тяжесть готовой продукции, причем своеобразную разгрузочную роль при этом играли патрубки. Сама топка была вырыта в земле, т. е. в данном случае в культурном слое. Наклонное топочное отверстие находилось на юго-востоке, причем, как и на Чурноке, глубина топки по сравнению с краем топочного отверстия была весьма значительна.

Особо следует остановиться на найденных глиняных кольцах. На многих из них сохранились отпечатки донец или, реже, венчиков сосудов. Это указывает на их назначение. Сделанные из сырой глины кольца подкладывались под посуду, расставляемую в горне для обжига. В процессе обжига посуды они обжигались вместе с ней. Эти кольца предназначались лишь для сосудов небольшого диаметра.

Найденные при раскопках печи фрагменты керамики, в том числе, что особенно важно, фрагменты сделанной на круге, но еще не обожженной посуды, ясно указывают на то, что время существования печи целиком относится к поре Яз III. Вместе с тем раскопки, связанные с выяснением устройства топки, затронули более нижние культурные слои, где уже встречаются характерные крючкообразные венчики комплекса Яз II. Как уже отмечалось, в этих нижних слоях также были найдены следы гончарного производства.

В полтора раза более крупной была печь № 2, раскопанная на Уч-Депе. Обжигательная камера здесь не сохранилась, и была расчищена лишь топка, в верхней части которой веерообразно раходились 26 патрубков. По наблюдениям В. И. Сарияниди, эта печь предназначалась для обжига крупной посуды. При ее раскопках найдены многочисленные фрагменты хумов, хумча и крупных кухонных котлов характерной цилиндрической формы.

Раскопки двух печей, так же как сбор подъемного материала и небольшая разведочная зачистка, показали, что северное Уч-Депе функционировало в пору Яз III и Яз II.

Среднее Уч-Депе состоит из высокого (7.1 м) оплывшего холма размером по верху около 25×30 м. Возможно, что этот холм является остатками цитадели. К востоку от него тянутся россыпи керамики на такырах — остатки поселения. Сколько-нибудь значительные всхолмления здесь отсутствуют. Подъемный материал в основном дает керамику Яз II, но есть также и фрагменты посуды Яз I.

Небольшой, сильно оплывший холм высотой около 3.3 м образует южное Уч-Депе. Подъемный материал здесь дает керамику Яз III, Яз II и в весьма незначительном количестве Яз I. К северу от этого холма располагаются небольшие бугры, густо усыпанные керамикой. По всем данным южное Уч-Депе является остатками безцитадельного укрепления.

Довольно значительным поселением было Сулуджи-Депе, расположенное в 5 км к северу от северного Уч-Депе. Центральный массив поселения образуют бугор высотой до 5.5 м и примыкающие к нему с севера менее значительные всхолмления. Центральный массив занимает площадь около 65×70 м. К югу и к северо-западу от него тянутся площади такыров, усеянные керамикой. К востоку от центрального массива находится бугор высотой около 1.5 м, а к северо-востоку — более крупное всхолмление высотой до 2.5 м. Расстояние до северо-восточного бугра 100 м. Оба бугра густо усеяны фрагментами керамики, но отделены от центрального массива ровным пространством такыров, совершенно лишенных культурных остатков. Таким образом, Сулуджи-Депе, так же как и северное Уч-Депе, имеет сильно разбросанную планировку.

Помимо отмеченных выше памятников, в яз-депинской группе имеется значительное число более мелких поселений, в центре которых иногда находится небольшое всхолмление. Иногда же эти поселения представлены «пятном керамики» на ровной поверхности такыра. Некоторые небольшие памятники, называемые нами поселениями,

несомненно являются остатками отдельно стоящих домов. Такие дома часто можно встретить на берегах арыков к северу от Яз-Депе. Иногда рядом с ними расположены керамические печи. Отметим некоторые более значительные поселения яз-депинского оазиса.

В северной части оазиса, в 3.5 км к востоку от Уч-Депе, расположен бугор, называемый Отлиятан. Высота бугра 3.5 м. С востока к нему примыкает поселение, а с юга подходит четко прослеживающийся канал. От канала в обе стороны отходят более мелкие арыки и видны поля, разделенные валиками на отдельные участки. Подъемный материал составляет керамика Яз II, но имеются также фрагменты посуды, относящейся к комплексу Яз I. Тот же состав подъемного материала обнаруживается на небольшом бугре, расположенном к северу от Отлиятана. Прилегающее поселение здесь очень незначительно, высота бугра 2.8 м.

Целая группа древнемаргианских поселений, обследованных к северу от Яз-Депе, была условно названа по имени самого северного из них, Айрак-Депе — Айрак 1, 2 и т. д. Поселение Айрак 4 находится в 3 км к северу от Яз-Депе и представляет собой многочисленные фрагменты керамики, усеивающие поверхность такыра. В подъемном материале имеются зернотерки и керамические шлаки. Керамика Яз III и изредка Яз II.

В 6 км к северу от Яз-Депе находится поселение Айрак 3, представленное оплывшим бугорком высотой около 2 м. Около бугра видна мелкая арычная сеть. В подъемном материале встречаются керамические шлаки, кусочки бронзы и многочисленная керамика, относящаяся к комплексам Яз III и Яз II.

По составу подъемного материала известный интерес представляет поселение Айрак 2, расположенное в 2 км к северу от предыдущего. Оно, как и Айрак 4, представляет собой пространство, густо усеянное фрагментами керамики. С запада и с востока от поселения проходят каналы. Размеры поселения с запада на восток около 200 м. Обращают на себя внимание остатки крупных керамических печей с большими отвалами шлака. Керамика, собранная на поселении, относится в основном к комплексу Яз III, но имеется также и посуда Яз II. Обращают на себя внимание венчики хумов, видимо яйцевидной формы, напоминающие хумы парфянской Нисы. Сам венчик имеет в разрезе форму уплощенного валика с верхней горизонтальной поверхностью. Такие венчики хумов отсутствуют среди многочисленной коллекции керамики из раскопок Яз-Депе, но известны в комлплексе Анау IV из подгорной полосы (южный бугор Анау, Елькен-Депе). С чем следует связывать наличие подобных венчиков на поселении Айрак 3, пока неясно. Возможно, что это поселение содержит материал, относящийся к более позднему времени, чем Яз III, где подобные венчики хумов еще отсутствуют. Но этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

Наконец, собственно Айрак-Депе получило условное название Айрак I. Здесь находилось в древности древнемаргианское поселение, оставившее фрагменты керамики типа Яз II и Яз III. Как и на предыдущем поселении, имеются венчики хумов, близко напоминающие материал Анау IV. В средние века здесь был построен небольшой четырехугольный караван-сарай, и средневековые слои частично перекрыли древнемаргианское поселение.

Проведенная в 1956 г. разведка показала, что древнемаргианские поселения находятся и на значительном расстоянии к северу от Уч-Депе. Приведем описание наиболее крупных из этих памятников, следуя в описании с юга на север.

Поселение Отлиятан 2 расположено в 2—3 км к северу от поселения, называемого собственно Отлиятан. Оно состоит из четырех оплывших бугров, занимающих в плане подквадратную площадь со сторонами, равными 300—320 м. Наиболее высокий северо-восточный бугор имеет высоту 4.8 м. Между буграми находятся значительное понижение и местами небольшие такыры, обычно усеянные керамикой. Подъемный материал представлен в основном керамикой Яз II и в значительно меньшей степени фрагментами посуды типа Яз I и Яз II. Встречены керамические шлаки.

В 8 км к север-северо-востоку от этого поселения расположен бугор поселения Отлиятан 3. Он находится к востоку от дороги, ведущей на колодцы Адам-Басан. Отлиятан 3 вытянуто с запад-северо-запада на восток-юго-восток на 320 м. Западная часть поселения более возвышенная.

здесь находится бугор высотой 2.6 м. На восток от него идут постепенно понижающиеся всхолмления. Однако вокруг на такырах лежит очень много керамики, что указывает на широкие границы обживания. На юго-восточной окраине поселения большое скопление керамических шлаков указывает на наличие одной или нескольких керамических печей. В подъемном материале резко преобладает посуда Яз II, хотя на западном бугре есть и типа Яз I (не образовался ли этот бугор за счет лежащих в его основании более ранних слоев?). Самая поздняя встреченная здесь керамика соответствует переходу от Яз II к Яз III, напоминая в этом отношении комплекс верхних слоев поселения Тахирбай-Депе (Тахирбай I). Особый интерес среди подъемного материала представляет ножка от небольшого вазообразного сосуда, в значительной мере напоминающего одну из ведущих форм керамики Намазга VI. Ее находка, возможно, свидетельствует о существовании здесь поселения уже в пору поздней бронзы.

Непосредственно на колодцах Адам-Басан расположено поселение, названное нами А д а м - Б а с а н 1. Находящийся здесь небольшой по площади бугор имеет крутые (возможно, частично обкопанные) склоны и высоту 3.2 м. К югу и к юго-востоку от бугра находятся такыры с невысокими (до 0.5 м) всхолмлениями, густо усеянными керамикой. Керамика эта принадлежит комплексам Яз II и Яз I. Встречаются также керамические шлаки.

В 1 км к северо-востоку от этого поселения находится поселение А д а м - Б а с а н 2. На его восточной окраине расположен бугор высотой 4.65 м. С востока, юго-востока и северо-востока к нему примыкают шлейфы, постепенно понижающиеся и переходящие в керамику, лежащую прямо на такырах. Поселение имеет размеры с севера на юг 130 м и с запада на восток около 100 м. В южной его части — остатки постройки из жженого кирпича и средневековая поливная керамика. Основной подъемный материал состоит из керамики типа Яз II и Яз I и незначительного количества керамических шлаков.

Небольшим было полузанесенное песками поселение А д а м - Б а с а н 3, расположенное в 1 км к юг-юго-востоку от Адам-Басан 1. Высота оплывшего бугра 3.64 м. К бугру примыкали шлейфы которые местами видны в выдувах между песками. Наряду с керамикой типа Яз I и Яз II встречаются керамические шлаки.

В 3 км к северу от колодцев Адам-Басан, к востоку от дороги, идущей на колодцы Хаятлы и далее на Таип, находится поселение Ч о п л ы - Д е п е. 1. Центром его является оплывший холм высотой 3.36 м, к востоку от которого расположено более низкое всхолмление, вытянутое с запада на восток на расстояние около 110 м. На юго-восточной окраине поселения отмечено скопление керамических шлаков, указывающих на место древнего производства керамики. Среди подъемного материала, представленного в основном керамикой типа Яз II, имеется также небольшое количество фрагментов посуды Яз I и ножка небольшого вазообразного сосуда, аналогичная находке, сделанной на поселении Отлиятан 3.

В 7 км к северу от колодцев Адам-Басан находится поселение Ч о п л ы - Д е п е 2. Из числа памятников, расположенных севернее уч-депинской группы, это наиболее крупное поселение, и, видимо, оно имело небольшую цитадель в западной части. Сейчас эта цитадель представлена бугром со сторонами, равными по верху 40 и 35 м и имеющим 4.38 м в высоту. В плане этот бугор четырехугольный, но откуда был въезд, неясно, хотя восточный склон, более пологий, чем остальные, указывает на возможность его нахождения на востоке. Именно с востока и северо-востока примыкают холмы, вытянутые в направлении запад—восток на расстояние около 110 м. Отдельный бугор расположен к северу от цитадели. Подъемный материал дает керамику типов Яз-II и Яз-I, причем последняя в особенно большом количестве встречается на цитадели, что, возможно, свидетельствует о раннем времени ее возведения. Интересно, что керамический шлак встречается как на цитадели, так и на поселении.

И, наконец, самой северной точкой язделинского оазиса, видимо, является Д а ш л ы, расположенное в 2.5 м к югу от колодцев Хаятлы. Оно представляет собой бугор высотой 2.8 м, вытянутый с северо-запада на юго-восток почти на 230 м, при поперечных размерах около 80 м. В юго-восточной части поселения, судя по скоплению шлака, видимо, находилась гончарная печь. Встречающаяся керамика — только типа Яз II.

Закончив на этом краткое описание памятников яз-депинской группы, перейдем к характеристике поселений аравали-депинского оазиса (рис. 28).

Эта наиболее западная группа древнемаргианских поселений, названная аравали-депинской, находится на правом берегу Мургаба, к северу от селения Акибай. Поселения расположены вдоль русла канала, ныне носящего название Гуни-Яб. Южная часть памятников этой группы (Гюмиш-Депе, Койне-Депе) находится в пределах орошаемых ныне земель колхоза имени Ленина Сакар-Чагинского района. Древнее русло канала, по существу, является продолжением канала, орошающего сейчас хлопковые поля колхоза. Можно считать, что и место вывода этого канала из Мургаба соответствует в известной степени головной части древнемаргианского арыка. В таком случае общая длина главного канала аравали-депинского оазиса будет составлять около 36 км. Сам аравали-депинский оазис в настоящее время представляет вытянутую с юга на север, вдоль русла основного канала, узкую полосу (2—3 км шириной), окруженную полузакрепленными песками. От главного канала (глубина 1.5—2 м, ширина 5—6 м) отходят более мелкие арыки, орошавшие уже непосредственно поля. Сами поля разделены валиками на отдельные участки, что, вероятно, связано с характером орошения. Арыки эти в основном отходят под острыми углами, что связано с общим характером оазиса, имевшего незначительную ширину. К северу от Кушбеги-Депе следы древних арыков исчезают, и проходящее в этом районе одно из старых русел Мургаба, видимо, отмечает северную границу оазиса. Вместе с тем планировка оросительной сети аравали-депинского оазиса ясно показывает, что во время существования этого оазиса направление главного русла Мургаба в основном соответствовало теперешнему положению.

Перейдем к характеристике памятников оазиса. Из числа известных в настоящее время наиболее южными являются Гюмиш-Депе и Койне-Депе.

Г ю м и ш - Д е п е расположено среди хлопковых полей, и выделяющиеся из окружающей зелени белесые склоны холма, вероятно, послужили поводом для подобного названия (Серебряный холм). Холм овальный в плане и имеет высоту около 4 м. Поражает крайняя малочисленность подъемного материала. Прилегало ли раньше к этому холму поселение или нет, в настоящее время судить трудно, поскольку все занято хлопковыми полями. Однако среди борозд также не удалось обнаружить какой-либо керамики.

В совершенно иных условиях — посреди полузакрепленных песков — расположено

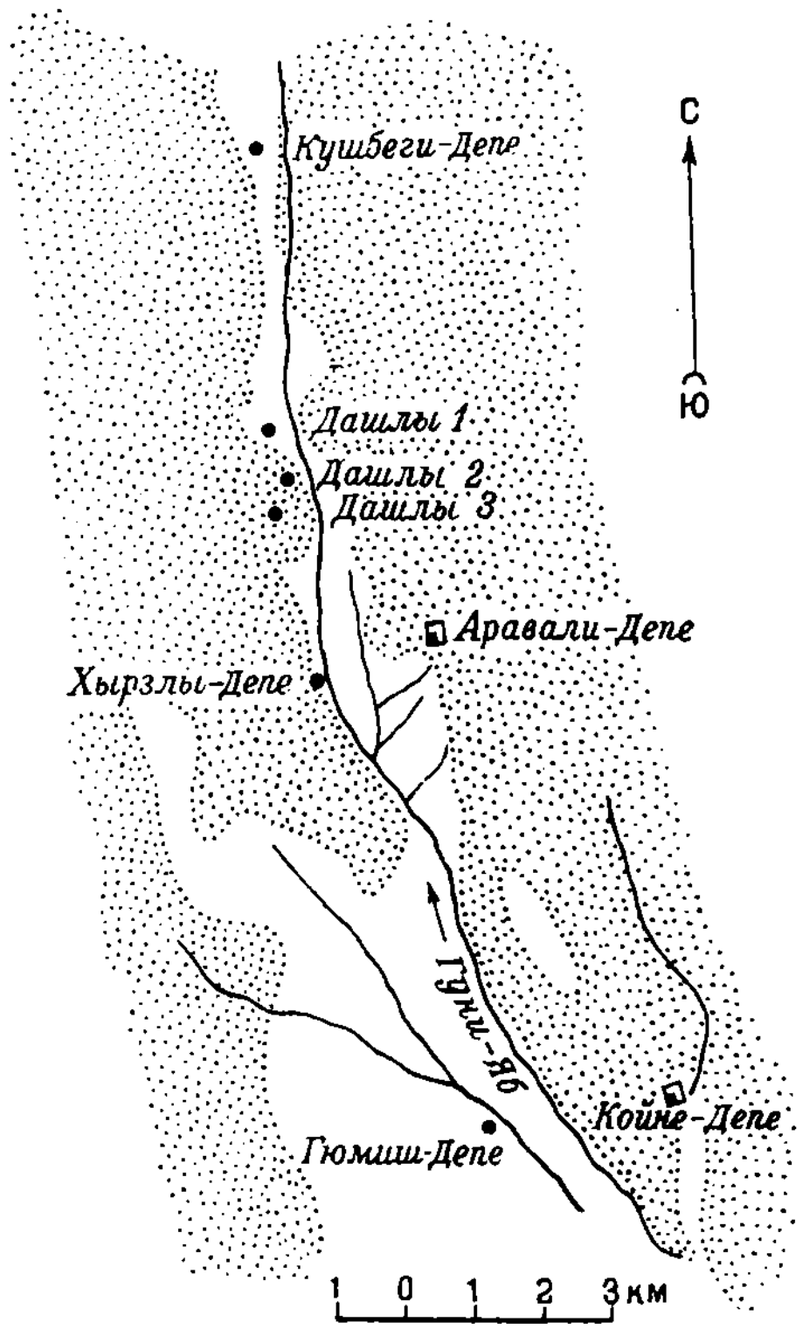

Рис. 28. Аравали-депинский оазис. Схема.

К о й н е - Д е п е. К Койне-Депе отходило специальное ответвление от главного канала. Этот памятник можно отнести к числу поселений, имевших цитадель, хотя в данном случае эта цитадель сравнительно небольшая. В настоящее время бугор цитадели имеет высоту 3.5 м и подпрямоугольный план, вытянутый с юга на север, общими размерами по верху около 30×20 м. Въезд на цитадель был с юга, где к цитадели примыкает большой бугор поселения, уходящий широким шлейфом на запад. Непосредственно к западу также находятся бугры, но значительно более низкие, чем основной

массив поселения. Возможно, что такие бугры находились и к северу, но там в настоящее время вплотную подходят пески. Упомянутый выше канал проходит к западу от цитадели, и со стороны поселения к нему примыкают поля, разделенные на участки невысокими валиками. Среди подъемного материала встречаются керамические шлаки. Собранная на Койне-Депе довольно много-

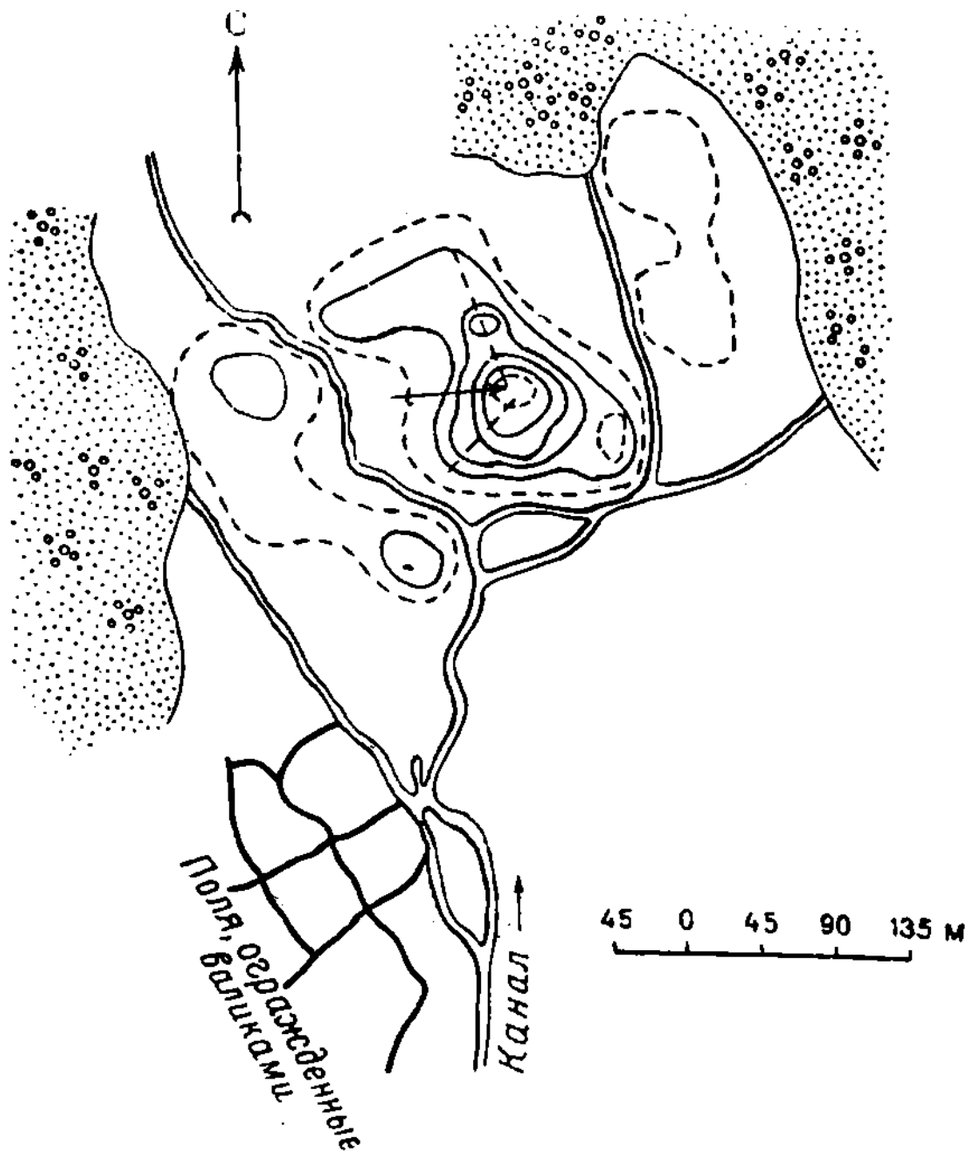

Рис. 29. Аравали-Депе. Глазомерный план. Горизонтали проведены через 2 м.

численная керамика целиком принадлежит к комплексам Яз II и Яз III. Совершенно не встречена керамика Яз I.

Наиболее крупным поселением и, видимо, древним центром оазиса было Аравали-Депе (рис. 29). Центральную часть поселения занимает бугор цитадели высотой около 10 м. На северо-запад и на восток от этого бугра отходят довольно высокие шлейфы, видимо остатки сооружений, непосредственно примыкающих к цитадели и составляющих основное ядро поселения. С юга, востока и запада эту основную часть поселения огибают арыки. За арыками к востоку и к западу также располагаются бугры поселения, но уже сравнительно невысокие. Арык, доставлявший воду на Аравали-Депе, подходил к поселению с юга, будучи уже вторичным ответвлением одного из боковых каналов Гуни-Яба. Вдоль этого арыка располагались отдельные дома и непосредственно к каналу примыкали поля, разделенные валиками на отдельные участки и близко напоминающие в этом отношении систему орошения поселений архаического Дахистана, например Изат-Кули. В целом площадь, занятая поселением Аравали-Депе, составляет около 7 га. Подъемный материал Аравали-Депе, как с цитадели, так и с поселения, представляет собой керамику типа Яз I и Яз II. Количество керамики Яз I особенно велико. Как показал разведочный шурф, заложенный на поселении, к западу от цитадели слои Яз I здесь являются самыми верхними и, видимо, восточная часть поселения в пору Яз II не обживалась. В связи с этим обстоятельством здесь было бы интересно провести широкие раскопки для изучения планировки жилых домов этого времени. Показательно полное отсутствие керамики типа Яз III — явление, повторившееся и на ряде других поселений аравали-депинского оазиса.

Самым северным из этих поселений, как отмечалось уже выше, является Кушбеги-Депе. Это довольно высокий (около 6.5 м) оплывший бугор, вытянутый с юга на север. На восток и юго-восток отходят небольшие шлейфы, переходящие в россыпь керамики на такырах, образуя очень небольшое прилегающее поселение. К западу от Кушбеги-Депе в направлении с юга на север проходит канал шириной около 15 м и глубиной 50—70 см. В 1954 г. на западном склоне Кушбеги-Депе удалось расчистить топку небольшой керамической печи. Топка эта овальная в плане, размером 2.25 × × 1.75 см. Стенки топки сохранились в силу расположения на склоне неравномерно — от 0.5 до 1 м. Уже на этой высоте заметно закругление стен топки, видимо переходящее в свод. Топка эта была врыта в культурный слой в один из поздних периодов существования поселения. Стенки и пол топки обмазаны несколькими слоями глиняной обмазки с саманом. В ходе работы печи обмазка эта оплаковалась и в настоящее время представляет собой плотную сцементированную массу. В подъемном материале Кушбеги-Депе встречается керамика типа Яз I и Яз II. В 1951 г. здесь был найден бронзовый двуперый наконечник стрелы с выступающей втулкой.

На западной окраине аравали-депинского оазиса расположена группа памятников, объединенных общим названием «Дашлы» («каменный»), видимо происходящим от большого количества усеивающей их обожженной керамики. Местное население иногда выделяет Улу-Дашлы и Кичи-Дашлы, но ввиду нечеткости этого выделения и противоречий в показаниях различных лиц эти памятники были условно названы (с севера на юг) Дашлы 1, Дашлы 2 и Дашлы 3. Наиболее значительное из них поселение Дашлы 1 состоит из трех оплывших холмов, вытянутых в линию почти по прямому направлению с юга на север. Все они имеют довольно большие оплывы и шлейфы. Наиболее высокий холм расположен на юге и имеет высоту 3.2 м. Наиболее низкий северный бугор находится у берега магистрального канала Гуни-Яб. Общее расстояние от южного холма до северного около 320 м. Ни один из них ни в коей мере нельзя считать остатками цитадели, хотя само по себе поселение Дашлы 1 было довольно значительно. В подъемном материале, кроме посуды типа Яз I и Яз II (рис. 30), встречены также керамические шлаки.

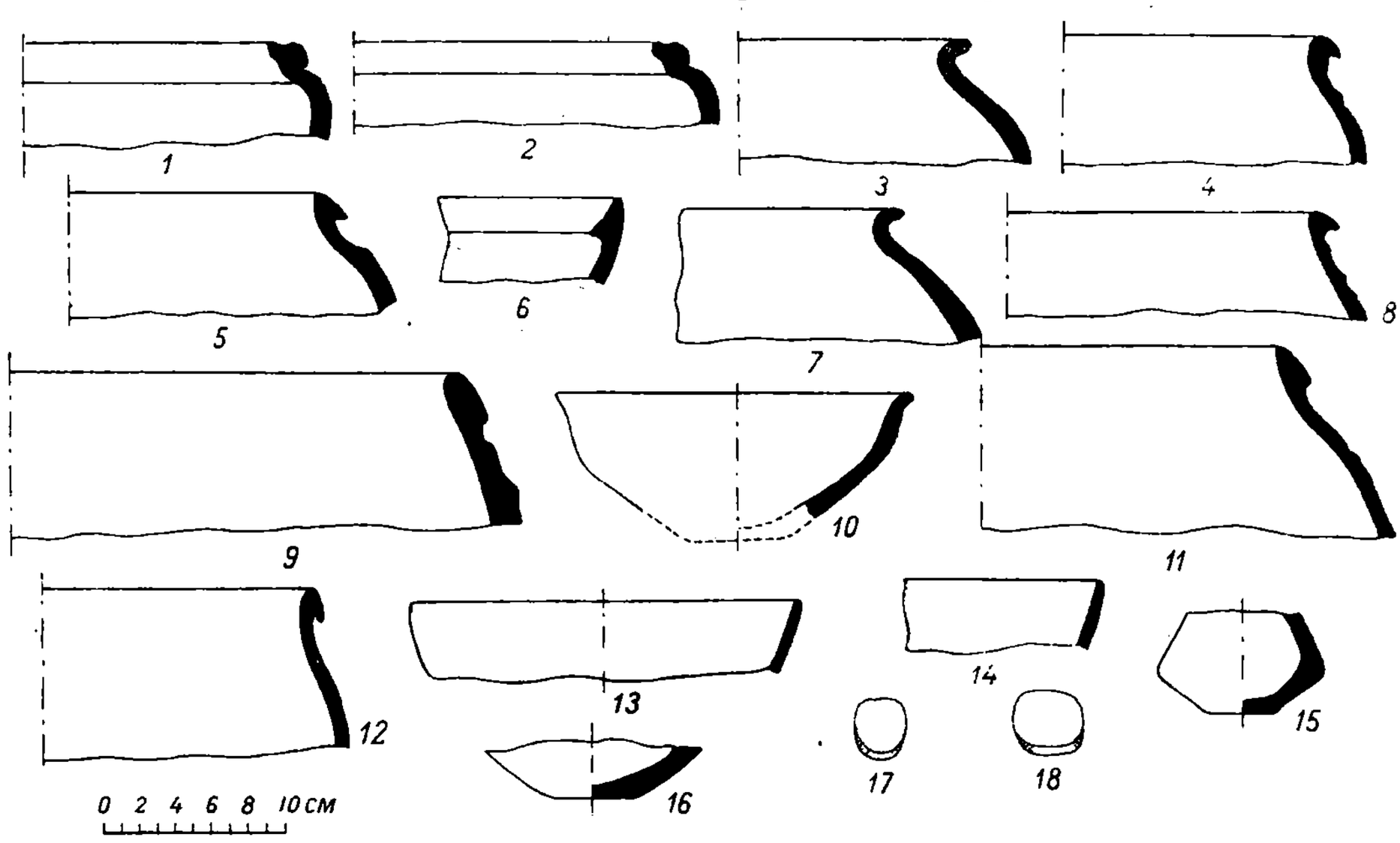

Рис. 30. Керамика с поселения Дашлы 1.

Очень небольшим было поселение Дашлы 2, представленное невысокими буграми и керамикой, разбросанной прямо на такыре. Поселение вытянуто с юга на север на расстояние около 90 м. Расположено поселение на берегу небольшого арыка. Магистральный канал Гуни-Яб проходит много восточнее. Поселение Дашлы 2 несколько выделяется своим подъемным материалом, в котором решительно преобладает керамика Яз III.

Поселение Дашлы 3 состоит из основного холма высотой около 3 м и сильно оплывших более низких бугров, примыкающих к нему с юга, востока и севера. Основной холм, подпрямоугольный в плане, имеет по верху размеры около 27×13 м. Небольшое всхолмление находится и к западу от основного бугра, но уже на довольно значительном расстоянии. С юго-востока к поселению подходит арык, затем дважды разветвляющийся и огибающий поселение с двух сторон. Примыкающие к арыку поля, разделенные валиками на участки, особенно хорошо видны к востоку от поселения. Подъемный материал с поселения составляет керамику типа Яз II и несколько в меньшей степени Яз I. Разведочный шурф, заложенный к северу от основного бугра, также показал, что верхний слой поселения относится к комплексу Яз II.

Небольшое тепе, расположенное к югу от Дашлы 3, у некоторых местных жителей носит название Хызыли-Депе. Оно находится к западу от магистрального канала Гуни-Яб и представляет собой холм, вытянутый с юга на север на 30 м. Высота его около 3 м. С востока на расстоянии до 100 м к холму примыкает площадь, усеянная керамикой, среди которой встречаются также многочисленные керамические шлаки. С запада тепе огибает канал, к которому Хызыли-Депе образует довольно крутой склон. Подъемный материал составляет керамика комплексов Яз II и Яз III.

Таковы наиболее значительные поселения аравали-депинского оазиса, собственно те поселения, которые имеют более или менее высокие бугры, или являющиеся остатками цитадели, или скрывающие под собой многометровую толщу культурных слоев Яз I и Яз II. Небольшие поселения в виде «пятен керамики» на такырах часто встречаются по берегам многочисленных арыков, бороздящих территорию оазиса. Видимо, это остатки одного-двух небольших домов земледельцев, обрабатывающих поля. Их расположение показывает, что в древности аравали-депинский оазис представлял собой сплошь обжитую территорию, где среди зелени садов и полей, кроме описанных поселений, то и дело встречались отдельные строения.

Выше были кратко охарактеризованы три древнемаргианских оазиса в той мере, в какой эта характеристика могла быть сделана на основании проведенных работ. Важное историческое значение изучения этих оазисов не оставляет сомнений. Подобно тому, как беркут-калинский оазис в Хорезме раскрывает картину развития общества в раннее средневековье, три древнемаргианских оазиса переносят нас в период вхождения Средней Азии в состав ахеменидской державы, а частично и к более раннему времени. Не нарушенные проникновением более поздних культур, археологически не тронутые лежат среди барханов сыпучих песков и плоских площадок такыров оазисы ахеменидской Маргианы, позволяя представить картину жизни целой области или во всяком случае большей ее части. Это обстоятельство имеет тем более важное значение, что памятники оседлых областей Средней Азии, которые можно было бы отнести к середине I тысячелетия до н. э., пока насчитываются единицами и разбросаны на огромной территории. Поэтому несомненно, что дальнейшее изучение древнемаргианских оазисов может дать большой и разнообразный материал для решения целого ряда исторических вопросов. Однако и приведенные исследования уже позволяют наметить некоторые общие закономерности развития древнемаргианских оазисов.

Как было показано выше, земледельческие поселения поры поздней бронзы располагались длинной полосой к северу от колодцев Кишман. К сожалению, современное развитие песчаного рельефа не позволяет судить о характере орошения в этом районе. Можно вполне допускать, что для полива полей проводились небольшие каналы, поскольку в подгорной полосе, откуда, по всем данным, пришли эти земледельческие общины, выведение первых арыков относится, видимо, еще к поре энеолита.

Резкие изменения происходят в пору Яз I. Старый тахирбаевский оазис приходит в запустение. Как показывают проведенные разведочные раскопки на Тахирбай-Депе и сбор подъемного материала с других древнмаргианских поселений восточного оазиса, в пору Яз I здесь не существовало сколько-нибудь значительных поселений. Зато далее к западу, в дельте Мургаба возникают два новых земледельческих оазиса — яз-депинский и аравали-депинский. Создание этих оазисов было связано с проведением магистральных каналов, сухие русла которых носят соответственно названия Гати-Акар и Гуни-Яб. Верхние части этих каналов в настоящее время находятся в зоне современных культурных земель, и русла современных каналов постепенно переходят в русла каналов древнемаргианских. Последние представляют собой как бы высохшую хвостовую систему современных каналов. Аналогичное соотношение можно наблюдать в Хорезме. Поэтому можно с известной долей вероятности допускать, что начало древних магистральных каналов соответствует головным сооружениям современных арыков. В таком случае длина древнего Гуни-Яба будет около 36 км, а Гати-Акара, в известной мере являющегося продолжением современного арыка Ак-Мурад, — около 55 км. Тот факт, что магистральные каналы древнемаргианских оазисов яв-

ляются именно каналами, а не боковыми протоками мургабской дельты, совершенно ясно показывает их внешний вид. Они неширoки, имеют точно спланированное, иногда почти вытянутое по прямой русло (недаром один из каналов назван современным населением Гуни-Яб, или «прямой канал»), по берегам их лежат большие отвалы земли, выброшенной при очистке.

Имеющийся материал ясно показывает, что яз-депинский и аравали-депинский оазисы существовали уже в начале I тысячелетия до н. э. Яз-Депе почти полностью сложилось в тех размерах, которые определяют в настоящее время центральное ядро этого поселения. Рядом с поселением была построена мощная цитадель на высокой кирпичной платформе. В это время Яз-Депе было наиболее крупным древнемаргианским поселением и играло роль своеобразной столицы. Наличие керамики типа Яз I в подъемном материале с Отлиятана и Уч-Депе показывает, что земледельческие поселения существовали также и на севере яз-депинского оазиса.

В начале I тысячелетия до н. э. уже существовали почти все известные поселения аравали-депинского оазиса, а само Аравали-Депе уже сложилось как крупное поселение, позднее даже несколько сократившее свою площадь.

Время Яз II было временем наибольшего подъема обследованных древнемаргианских оазисов. Продолжают процветать яз-депинская и аравали-депинская группы. Правда, забрасывается монументальное здание на цитадели Яз-Депе, но это обстоятельство, видимо, является следствием каких-то частных, не вполне ясных нам событий. Возможно, центром оазиса со времени развитого Яз II становится северное Яз-Депе. Как бы возрождается тахирбаевский оазис, правда отступивший несколько на юг по сравнению с оазисом времени Намазга VI. Складывается крупное поселение на месте Тахирбай-Депе, и, как показывает подъемный материал, существует целый ряд других поселений. Это возрождение не могло происходить без развития ирригационной сети, и надо надеяться, что дальнейшие работы все-таки обнаружат ее остатки. Пока можно лишь высказать следующее соображение, основанное на принципах аналогии с существующей оросительной сетью. Если рассматривать тахирбаевскую ирригационную сеть как продолжение современной, подобно тому как это имеет место в двух других оазисах, то следует отметить, что наполнение водой этой сети уже связано с существованием подпорной плотины в районе Султан-Бенда или Иолотани. Не с введением ли подробного устройства связано это возрождение тахирбаевского оазиса? Такое предположение находит себе некоторое косвенное подтверждение и в следующем обстоятельстве.

Как легко можно видеть, древнемаргианские поселения расположены именно на хвостовых частях оросительной сети. Современное состояние изучения археологических памятников мервских земель древнего орошения позволяет утверждать, что к югу от обследованных нами оазисов в основном отсутствуют сколько-нибудь значительные древнемаргианские памятники. В широких масштабах эти территории были освоены в парфянское время и в средние века. Можно утверждать, что описанные выше оазисы составляли, во всяком случае в начале I тысячелетия до н. э., основной земледельческий район древней Маргианы. В чем же причина подобного расположения поселений? В общей форме ответ на это был дан М. Е. Массоном; он писал, что в парфянское время, когда древнемаргианские оазисы приходят в запустение, «значение приобретают более южные территории, где развитое рабовладельческое общество сумело создать более сложные ирригационные сооружения, позволившие использовать воды Мургаба непосредственно из его главного русла».[13] Следует оговориться, что в настоящее время есть все основания считать, что каналы, орошавшие древнемаргианские оазисы, также брали воду из основного русла, но, видимо, без создания подпорных плотин и водохранилищ. Расположение древнемаргианских поселений в хвостовых частях ирригационных систем ясно показывает, что в древности вода поступала туда в достаточных количествах. Это было связано с отсутствием разбора воды в районах к югу от древнемаргианских оазисов, где, особенно в районе современного Байрам-Али, орошение было связано уже с проведением ирригационной сети, основанной на большом

[13] М. Е. Массон. О работах Южно-Туркменской археологической экспедиции. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК. М., 1954, стр. 43.

водохранилище и подпорной плотине на Мургабе, описываемой средневековыми авторами.[14] В этой связи, возможно, не случайным является тот факт, что на Гяур-Кале, позднее ставшей величественной столицей Маргианы, как показали раскопки 1937 г., наиболее ранний материал может быть отнесен лишь к комплексу позднего Яз II и Яз III.

Время Яз III несет в себе уже вполне определенные симптомы запустения. Почти полностью забрасывается аравалидепинский и северная часть яз-депинского оазисов, прекращается жизнь на крупнейшем поселении восточного оазиса — Тахирбай-Депе. Из всех этих явлений особенно показательно резкое запустение аравалидепинского оазиса, что, быть может, следует ставить в связь с определенными историческими событиями. Однако общая тенденция запустения прослеживается и в других оазисах, хотя многие поселения, например яз-депинского оазиса, продолжают бурно развиваться. Наконец, наступает время полного запустения древних оазисов. Как отмечалось выше, есть основания полагать, что в ряде случаев поселения были просто оставлены жителями, ушедшими в другие места. Стена, построенная в начале III в. до н. э. Антиохом Сотером, оставила древнемаргианские поселения за пределами земледельческого оазиса.

С какими же обстоятельствами следует связывать этот упадок? Возможно, что известную роль здесь играло такое привходящее обстоятельство, как начало движения песков, потревоженных в процессе выпаса скота и усиленной вырубки саксаула. Менее вероятна какая-либо роль походов Александра Македонского, поскольку и сам факт его пребывания в Маргиане остается далеко не ясным. Нам кажется, что основное объяснение следует искать во внутренних обстоятельствах развития ирригационного хозяйства, в перемещении орошаемых площадей. Вообще подобное перемещение очень часто имело место в древности и в средние века, и это обстоятельство следует особенно учитывать каждый раз, когда с первого взгляда может показаться, что перед исследователем — яркий пример с о к р а щ е н и я орошаемых площадей, причем этот пример соблазнительно легко связывается с общественными потрясениями и экономическими кризисами. Обратимся к некоторым фактам, помогающим осветить поставленный выше вопрос. Как показали раскопки ЮТАКЭ на территории шахристана Гяур-Калы, нижние слои шахристана относятся ко времени существования комплекса Яз III. Керамика Яз II, изредка встречающаяся на Эрк-Кале, здесь почти полностью отсутствует. Сейчас еще не вполне ясно, когда появился обвод крепостных стен Гяур-Калы, но уже имеющийся материал дает все основания утверждать, что именно в пору Яз III начинается сложение на территории Гяур-Калы крупного древнемаргианского поселения. Сопоставив это с запустением уже в это время ряда более северных поселений, нам кажется возможным видеть здесь проявление процесса перемещения земледельческого оазиса в район Байрам-Али, где впоследствии складывается центр парфянской Маргианы. Это перемещение должно было быть связано с созданием сложной ирригационной системы, имеющей подпорную плотину и, возможно, водохранилище на Мургабе. Начало создания этой системы, надо полагать, восходит еще к поре Яз II, а завершение приходится уже на парфянский период. Надо надеяться, что дальнейшие исследования и прежде всего комплексное изучение разновременной ирригационной сети древнего и средневекового Мерва выявят новые данные по этой сложной и ответственной проблеме.

---

[14] В. В. Б а р т о л ь д. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.

ЧАСТЬ II

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ГЛАВА 1

ЮЖНАЯ ТУРКМЕНИЯ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Памятники мургабского варианта культуры Намазга VI и археологический комплекс нижних слоев Яз-Депе восполняют недостающие звенья в общей картине южной Туркмении поры поздней бронзы и раннего железа. Для этого времени накоплен уже значительный материал, произведены раскопки целого ряда памятников и в большей степени, чем для более ранних периодов, имеется возможность наметить общую картину развития древнеземледельческих общин южной Туркмении. Эта картина в значительной мере пополняется археологическими данными из других областей Средней Азии, где период второй половины II—начала I тысячелетия до н. э. в значительной мере уже не является «белым пятном».

Рассмотрим прежде всего классификацию археологического материала для территории южной Туркмении. Здесь ясно выделяются три различные области: юго-запад, подгорная полоса и район дельты Мургаба (рис. 31). Соотношение археологических комплексов этих трех областей можно видеть из табл. 4.

Таблица 4

Гг. до н. э.	Юго-запад	Ахал. и Этек	Мургаб
500		Анау IV	Яз III
			Яз II
1000	Архаический Дахистан	Анау IV А	Яз I
		Намазга VI	Андроно-тазабагъяб
			Намазга VI, мургабский вариант

В юго-западной Туркмении распространены памятники культуры архаического Дахистана.[1]

Наиболее значительные памятники этой культуры находятся на Мисрианской равнине, получившей позднее название Дахистан по имени населявших ее в античное время дахских племен. Небольшие поселения располагались у Кизил-Арвата, Бами, Беурме и в западном Копет-Даге. Памятники Дахистана можно разделить на два типа: крупные поселения площадью в несколько десятков гектар с центральными укреплениями и небольшие поселения в виде отдельных холмов. К числу памятников первого типа принадлежат такие поселения на Мисрианской равнине, как Изат-Кули, Мадау-Депе, Чиалык-Депе и Тангсикыльджа. Стационарные раскопки производились на поселении Мадау-Депе, где было вскрыто несколько помещений верхнего слоя и осуществлен большой стратиграфический шурф (ЮТАКЭ, 1953 г.). Кроме того, разведочные раскопки производились на Изат-Кули (ЮТАКЭ, 1951 г.).

Уже керамический комплекс определяет ярко своеобразный характер культуры архаического Дахистана (рис. 32). Вся ке-

[1] В. М. Масson. 1) Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. ИАН ТССР, 1953, № 1; 2) Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. ИАН ТССР, 1954, № 2; 3) Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

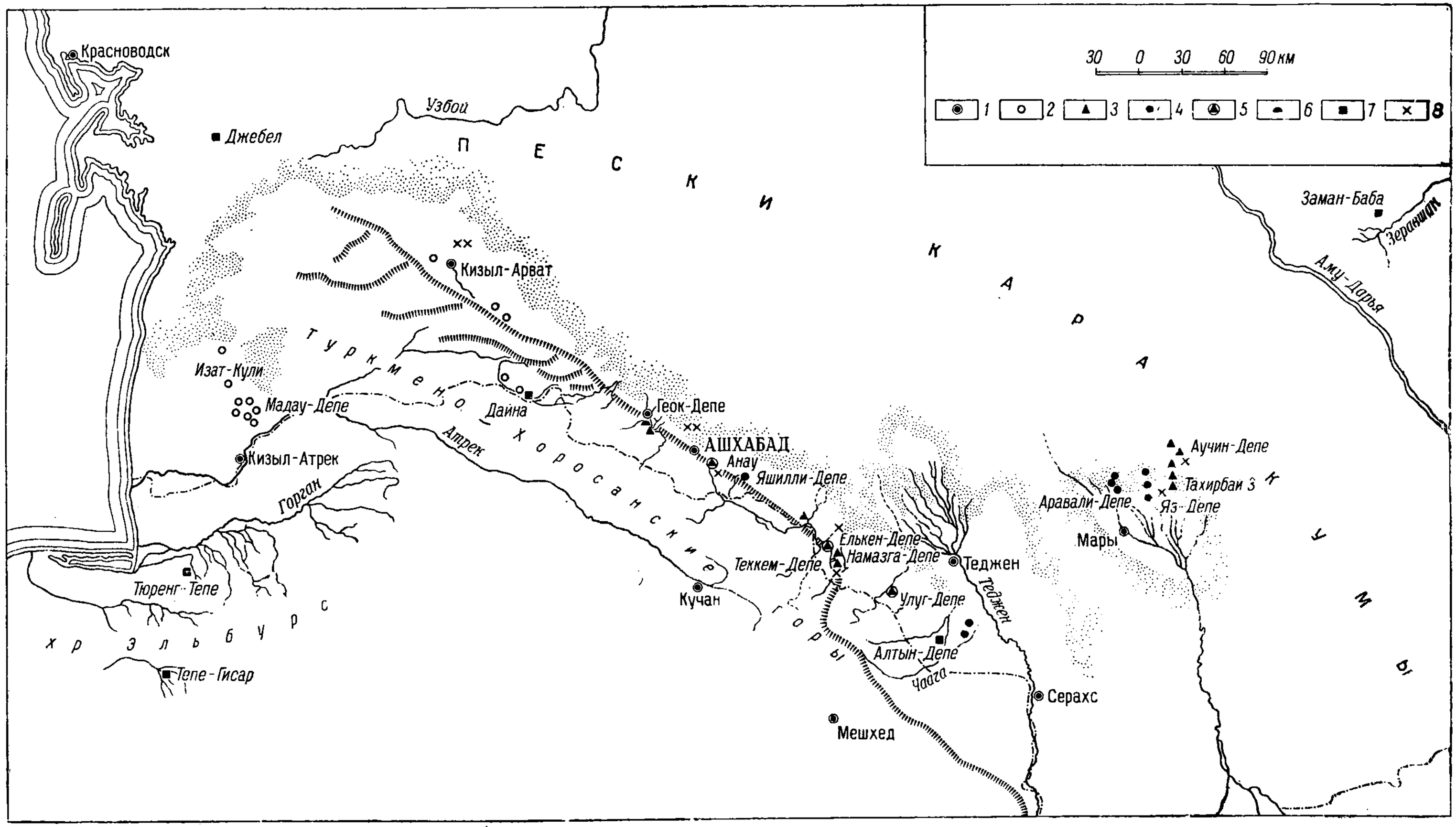

Рис. 31. Южная Туркмения времени поздней бронзы и раннего железа.

1 — современные населенные пункты; древние поселения: *2* — культуры архаического Дахистана; *3* — времени Намазга VI; *4* — времени Яз-Депе I; *5* — времени Намазга VI и Яз-Депе I; *6* — могильник времени Намазга VI; *7* — прочие древние памятники; *8* — места находок «андроновской» культуры.

рамика, кроме культовых курильниц и кухонных котлов, изготовлена на гончарном круге быстрого вращения. Основную массу составляет серая посуда, тщательно залощенная снаружи. Наряду с ней имеется керамика с черепком красного и зеленовато-белого цвета. Красная керамика тоже, как правило, покрыта превосходным лощением.

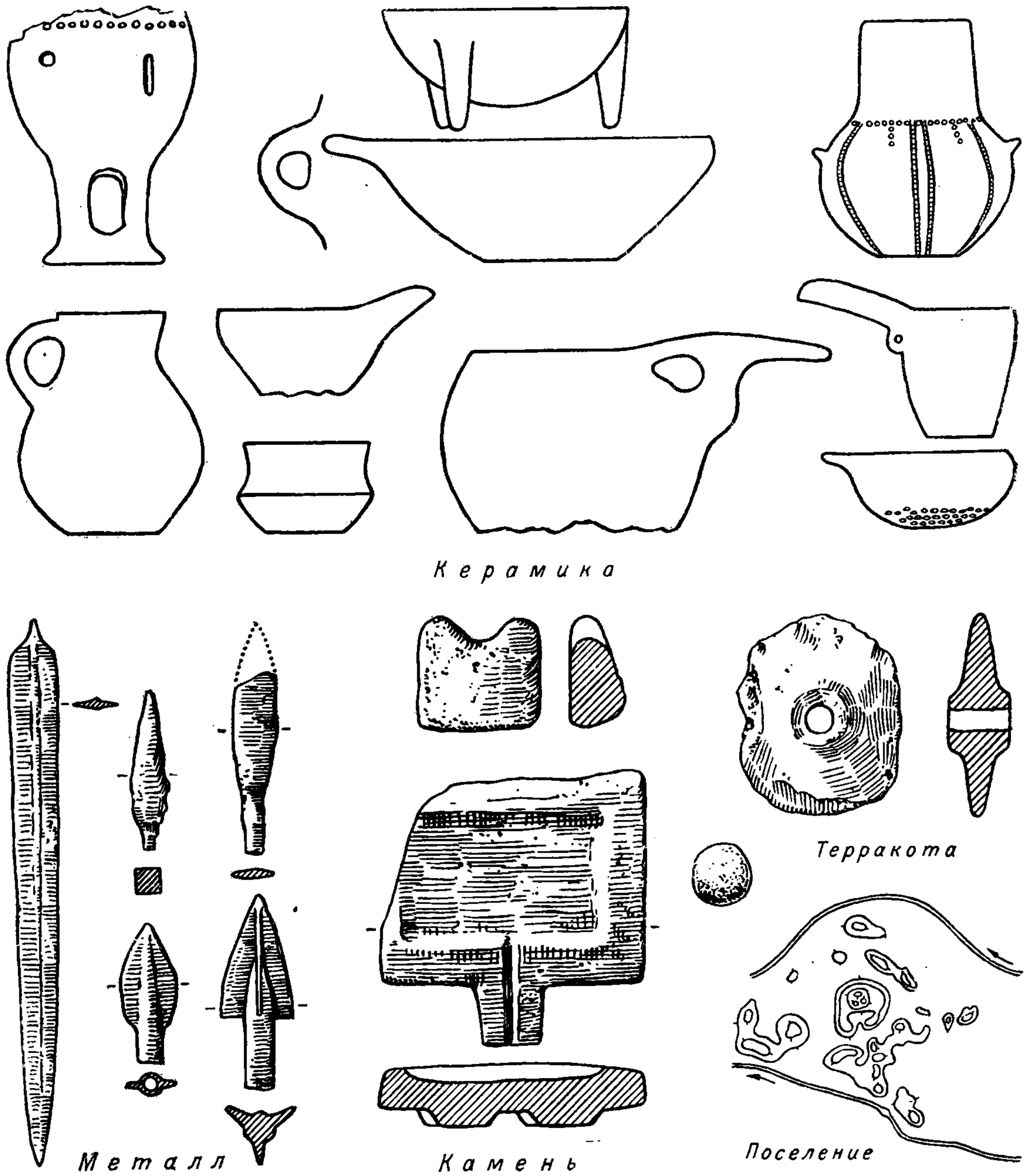

Рис. 32. Комплекс культуры архаического Дахистана.

Из форм отметим кувшины различной величины, чаши на трех ножках, разнообразные сосуды со сливами, в том числе со сложным сочетанием трубчатого носика и длин-

ного слива, плоскодонные чаши, кубки и керамические сита. Керамика, как правило, не орнаментирована. Только на плечиках кухонных котлов встречаются косые насечки, и высокогорлые кувшины с ушками для подвешивания имеют налепные полоски с насечками и подражающий пунсону кружковый орнамент. Эта орнаментация, так же как форма и фактура черноло-щеного сосуда, надо полагать, являются керамическим подражанием серебряному прототипу. Из обожженной глины изготовлялись биконические пряслица и модели повозок, от которых при раскопках было найдено колесо с сильно выступающей в обе стороны втулкой для оси.

Из камня изготовлялись зернотерки различных размеров, конические камни-терочники, шаровидные ядра для пращи, квадратные жертвенные столики на четырех овальных ножках. Интересно, что на поселениях архаического Дахистана встречаются довольно часто кремневые пластины от составного серпа. Вероятно, наряду с дорогостоящим металлическим серпом продолжал применяться и старый кремневый серп. Одновременное существование двух таких серпов известно также и для Закавказья.

Пока не найдено целых железных изделий, относящихся к культуре архаического Дахистана, однако на поселениях встречаются куски железных шлаков и крич. Из бронзы изготовлялись различные наконечники стрел, среди которых следует отметить листовидные двуперые, пирамидалевидные, трехперые — все три типа с черешками. Встречаются также двупервые наконечники с выступающей втулкой. На Мадау-Депе был найден небольшой узкий бронзовый меч с квадратным в сечении черешком и невысоким продольным ребром.

Основным занятием носителей культуры архаического Дахистана было земледелие, для которого на Мисрианской равнине была проведена сложная система каналов. Вдоль магистральных русел располагались огороженные валиками участки полей. Значительную роль играло и скотоводство: при раскопках найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, верблюда, осла, свиньи. Раскопанные жилые помещения построены из сырцового кирпича размером 72×48× ×12 см.

Датировать культуру архаического Дахистана можно концом II—первой третью I тысячелетия до н. э. Весьма характерным является в этом отношении керамический комплекс, где целый ряд сосудов по форме и по фактуре восходит к астрабадскому бронзовому веку (Шах-Тепе II, Тюренг-Депе) и частично к Гисару III, датируемому III—началом II тысячелетия до н. э. Это свидетельствует о древних традициях культуры архаического Дахистана. Вместе с тем по целому ряду признаков и, в частности, по появлению красной и зеленоватобелой посуды культура архаического Дахистана должна быть отнесена к более позднему времени, чем бронзовый век Астрабада, где полностью преобладает прекрасно выделанная серая керамика. Это подтверждается и тем, что отдельные формы сосудов находят себе прямые аналогии в некрополе А (конец II тысячелетия до н. э.) и особенно некрополе В (начало I тысячелетия до н. э.) Тепе-Сиалк. О сравнительно поздней дате свидетельствуют и бронзовые наконечники стрел, причем форма пирамидального черешкового наконечника опять находит себе аналогии в Сиалковском некрополе В. Наконец, некоторые сведения дает и стратиграфия. В кроющем слое Мадау-Депе появляется посуда с черепком розового цвета, покрытая зеленовато-белым ангобом, близкая керамике Анау IV и Яз II, хотя основной керамический комплекс архаического Дахистана остается без особых изменений. Это говорит о том, что запустение Мадау-Депе следует относить к VII—VI вв. до н. э., на что указывают и находки втульчатых двуперых наконечников стрел.

Ни при раскопках, ни при сборах весьма обильного и разнообразного подъемного материала на памятниках Мисрианской равнины не было обнаружено никаких следов культуры, более ранней, чем архаический Дахистан. Можно считать, что на Мисрианской равнине до конца II тысячелетия до н. э. не существовало сколько-нибудь значительных земледельческих поселений. Это и естественно: создание системы каналов, без чего значительное развитие земледелия здесь невозможно, было не по силе разрозненным первобытным общинам, оно становится возможным лишь с усложнением общественной организации, с накоплением ирригационного опыта. Вероятно, в горных долинах западного Копет-Дага в конце III—

первой половине II тысячелетия до н. э. существовали небольшие поселения земледельцев, близкие по характеру своей культуры астрабадскому бронзовому веку. Косвенным указанием на это являются находки керамики типа Шах-Тепе II в верхних слоях Джебельской пещеры и на тепе у селения Парау, к западу от Кизыл-Арвата.[2] Прямым указанием на существование таких поселений может служить обнаружение у аула Дайна погребения с инвентарем, близким Шах-Тепе II.[3] Надо полагать, что жители этих поселений с ростом населения и развитием производительных сил освоили во второй половине II тысячелетия до н. э. Мисрианскую равнину, положив начало культуре архаического Дахистана.

Обстоятельства и причины запустения поселений архаического Дахистана остаются не вполне ясными. Памятники середины I тысячелетия до н. э. на Мисрианской равнине отсутствуют. Возможно, имел место переход части жителей к пастушескому скотоводству, поскольку уже античные авторы знают здесь лишь кочевые дахские племена. Быть может, известную роль в запустении поселений сыграли военные события, связанные с ахеменидским завоеванием VI в. до н. э. Во всяком случае оседлая культура на Мисрианской равнине в середине I тысячелетия приходит в полный упадок. Есть основания полагать, что в поселениях, расположенных в предгорьях западного Копет-Дага, культуру архаического Дахистана непосредственно сменяют слои Анау IV.

Вторая группа памятников располагается на территории Ахала и Этека, занимая узкую полосу вдоль копет-дагских предгорий, в пределах которой и в настоящее время сосредоточиваются земледельческие районы. По своему материалу эта группа резко отлична от памятников культуры архаического Дахистана и представляет вполне своеобразное явление (рис. 33). Рассматриваемые ахало-этекские памятники можно было бы объединить под понятием культуры Намазга VI, но подобная терминология не вполне удачна хотя бы потому, что соответствующие деления, введенные Б. А. Куфтиным (Намазга I, II и т. д.), характеризуют в основном не археологические культуры, а стратиграфически выделенные археологические комплексы. Однако во избежание терминологического разнобоя, который, например, в северо-западной Индии, по существу, становится тормозом для дальнейшего изучения,[4] мы предпочитаем сохранение старого термина Намазга VI.

Памятники культуры Намазга VI в подгорной полосе раскапывались (помимо разведки шурфами) в четырех местах (три поселения и один могильник), хотя объем проведенных раскопок был весьма невелик. На поселении Намазга-Депе, этом крупнейшем памятнике южной Туркмении эпохи энеолита и бронзового века, слои Намазга VI достигают толщины 7 м и располагаются непосредственно над слоем Намазга V. В пору Намазга VI бóльшая часть поселения была заброшена, и жизнь сосредоточивается в его северной части, где соответствующие слои и образовали высокий бугор, известный под названием «вышки». Площадь располагавшегося здесь поселения не превышает 2 га, но, видимо, отдельные постройки времени Намазга VI располагались и рядом с «вышкой». На «вышке» была раскопана часть жилого дома и двора. В комнатах на полу обнаружены хумы, каменные ступки, бронзовые кинжалы и нож. Во дворе находилась печь для обжига керамики.[5] Не удалось установить наличие каких-либо оборонительных стен, но, возможно, эти стены были не особенно велики и полностью уничтожены при размывах края холма. На заброшенной части былого поселения (в пору Намазга V поселение на Намазга-Депе занимало площадь до 70 га) местами располагались могилы времени Намазга VI. Несколько таких могил было встречено А. Ф. Ганялиным к юго-востоку от «вышки» (раскопки 1955 г.). Скелеты почти не сохранились. Погребальный инвентарь составляли керамические сосуды и мелкие бронзовые украшения. Могильные ямы погребений

---

[2] В. М. Массон. Мисрианская равнина. . .; стр. 6.

[3] А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. ИАН ТССР, 1953, № 5, стр. 15 и сл.

[4] Весьма показательной является статья: D. H. Gordon. The Pottery Industries of the Indo-Iranian Border. Ancient India, № 10—11, 1954—1955. Автор, помимо терминологии С. Пиготта, не вполне обоснованно усложненной В. Файрсервисом, дает еще свои, совершенно новые названия культур.

[5] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТССР, 1954, № 1, стр. 25.

были выкопаны в старых постройках времени Намазга V в то время, когда они находились в запустении и их сырцовые стены оплыли.

Неподалеку от Намазга-Депе находится другое поселение интересующей нас культуры — Теккем-Депе, расположенное в 5 км к юго-западу от Каахка. Поселение целиком относится к поре Намазга VI; слоев более раннего времени здесь не было обнаружено. Мощность культурных слоев достигает 6 м,[6] т. е. приблизительно той же величины, что и на Намазга-Депе. Само поселение подобно намазгинской «вышке» занимало площадь около 2 га, причем здесь также не было обнаружено следов оборонительной стены.[7] Произведенные раскопки верхнего слоя обнаружили остатки построек из сырцового кирпича 50(48)×25(24)×14 см. Расчищенные комнаты подвергались перестройкам, и судить об общей планировке здания (или зданий) пока трудно.[8] Более четко выявляются два этапа в существовании раскопанных помещений. После первоначального этапа обитания комнаты были временно покинуты жителями и на полу образовался завал мусора и кусков кирпича в 25—25 см толщиной. Затем этот слой был выровнен, и на более высоком уровне, чем прежде, появляются новые промазки полов. Во второй этап существования помещения погибли, видимо в результате пожара, так как обгоревшее перекрытие упало на пол. Материал, обнаруженный в помещениях, сравнительно беден и в основном представлен фрагментами керамических сосудов.

Третьим раскапывавшимся поселением времени Намазга VI можно считать южный курган Анау, где соответствующие слои были включены американской экспедицией в непомерно разросшуюся культуру Анау III. Сейчас есть все основания наметить более дифференцированную стратиграфию южного холма Анау.[9] Приведем список предметов, которые могут быть отнесены к комплексу Намазга VI.

Терраса А	+22 ф. Керамика с насечками. Табл. 12, *3*.[10]
Терраса В	+23 ф. 5 д. Сосуд со сливом. Табл. 12, *1*. +31 ф. до +23 ф. Подставки для сосудов. +23 ф. 7 д. до +21 ф. 5 д. Керамика с волнистым орнаментом. Табл. 14, *1*. +32 ф. до +31 ф. Горшковидный хумча. Табл. 10, *1*.
Терраса С	от +23 ф. и +26 ф. до +19 ф. 5 д. и +18 ф. 5 д. Керамика красного цвета. +19 ф. до +21 ф. Черепки андроновского типа.
Верхний раскоп	+29 ф. Керамика с волнистым орнаментом. Табл. 14, *2*. +29 ф. до +33 ф. Подставки для сосудов. +25 ф. 5 д. Керамика с насечками. Табл. 14, *4*. +29 ф. Хум. Табл. 19, *1*.

Стратиграфическая шкала керамики южной Туркмении в настоящее время разработана весьма детально, и в отнесении перечисленных выше находок к поре Намазга VI не может быть особых сомнений.

Стратиграфия слоев на террасах А и С не вполне ясна в отличие от верхнего раскопа и террасы В. В верхнем раскопе ко времени Намазга VI можно относить слои от уровня + 37 футов [11] до уровня +25 футов или несколько ниже. На террасе В соответствующие слои, видимо, располагались между уровнем +28 футов и +21(+23?) фут. Разумеется, такое распределение слоев в силу схематичного характера публикации памятника несколько условно, но в известной мере на него можно положиться. Ни в верхнем раскопе, ни на террасе В не было отмечено в пределах этих уровней каких-либо строительных остатков, исключая прямоугольную печь (?) из сырцового кирпича на террасе В. К поре Намазга VI можно относить и девять погребений, обнаруженных на террасе В на уровне от +25 до +23 футов.[12] Все скелеты лежали в скорченном положении, на левом или правом

[6] А. Ф. Ганялин. Теккем-Тепе. Труды Ин-ст. истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 69.

[7] Там же, стр. 69.

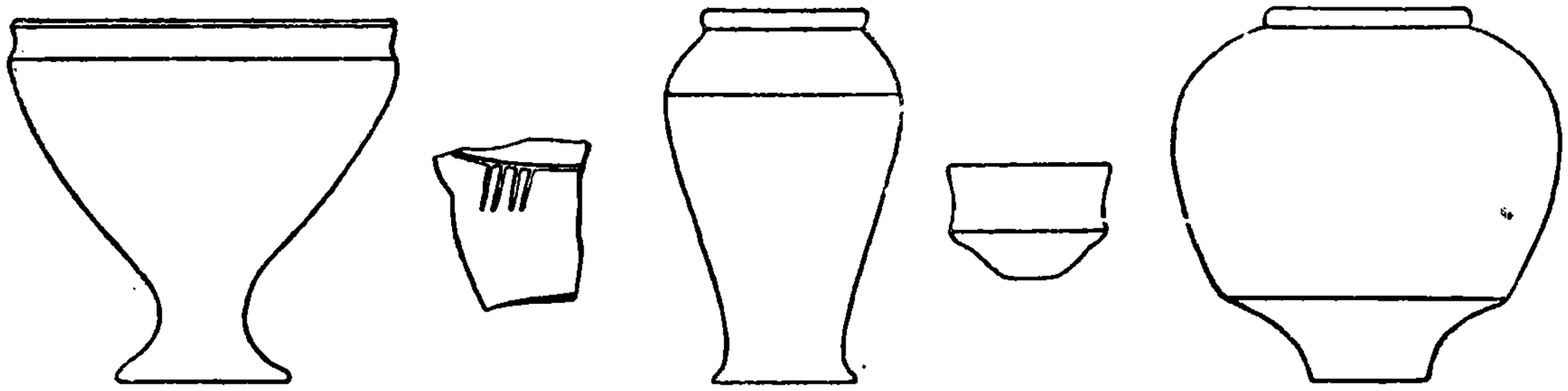
[8] А. Ф. Ганялин в цитированной работе говорит о двух домах, разделенных улочкой, что, на наш взгляд, преждевременно. См. план раскопа (там же, стр. 70, рис. 2). Следует помнить, что и площадь раскопа невелика (170 м²).

[9] В. М. Массон. Расписная керамика южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

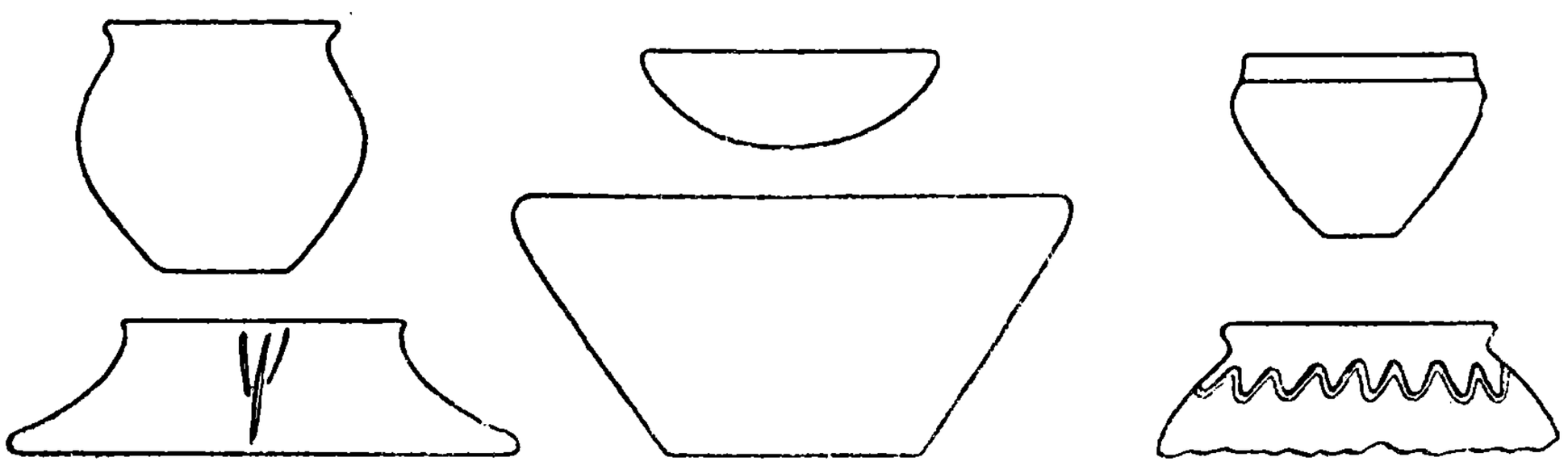
[10] Таблицы приводятся по первому тому издания Р. Пампелли.

[11] Г. Шмидт считает, что граница между слоями Анау III и Анау IV лежит в пределах +40 футов и +37 футов 7 дюйма. Мы берем здесь наиболее низкую возможную точку.

[12] L. Warner. Stone Implements and Skeletions Excavated in Anau. В кн.: R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. II. Washington, 1908, стр. 492—495.

Керамика

Металл

Терракота

Керамическая печь

Рис. 33. Комплекс Намазга VI (подгорная полоса).

боку. В одном погребении найдены два сосуда, в другом около костей запястья — бусина желтовато-белого камня. Обращает внимание то обстоятельство, что большинство скелетов является детскими: лишь одно погребение можно признать принадлежащим молодому человеку приблизительно 15 лет. Судя по взаимному расположению скелетов, в Анау была обнаружена часть некрополя, располагавшегося на краю поселения, причем именно его «детская часть». Подобное сосредоточение в одном месте нескольких детских погребений было отмечено при раскопках могильника времени Намазга III на Кара-Депе у Артыка. Ко времени Намазга VI следует отнести и значительную часть металлических предметов, найденных на южном кургане Анау.

На основании приведенного выше разбора можно считать, что на южном кургане Анау слои Намазга VI достигают толщины по крайней мере 3.5 м, а само поселение этого времени занимало площадь около полутора гектар, будучи немного меньшим, чем Теккем-Депе.

Значительный интерес представляет могильник времени Намазга VI, располагавшийся у селения Янги-Кала.[13] В то время как в более ранний период могильники обычно расположены непосредственно на территории поселения, янги-калинские захоронения находятся уже на значительном расстоянии от поселения соответствующего времени. По сути дела ту же самую картину представляют могилы Намазга VI, раскопанные А. Ф. Ганялиным на Намазга-Депе. Однако традиция захоронений на территории самих поселений еще сохраняется (Тахирбай 3, южный холм Анау). Аналогичную тенденцию мы можем наблюдать и в Иране. В IV—III тысячелетиях до н. э. погребения, в том числе и с весьма обычным и богатым инвентарем, располагались на территории поселений (Сиалк I—II, Гисар I—III). Однако в конце II—начале I тысячелетия мы уже видим отдельно расположенные могильники вроде некрополей Сиалка.

Янги-калинские погребения располагались в грунтовых ямах, нарушенных сейчас временными водотоками, стекавшими с гор. Всего раскопано семь погребений. Костяки лежат скорченно, но с различной ориентацией. Одинакова ориентация лишь у двух могил (№№ 5 и 6). Инвентарь сравнительно небогатый. В головах или ногах стояло от 1 до 4 сосудов. Кроме сосудов, найдены изделия из бронзы (булавки, кольца, пластинки — диадемы, ушные подвески) и терракотовые статуэтки. Последнее обстоятельство для южной Туркмении является несколько неожиданным, хотя здесь раскопано уже свыше 100 погребений энеолита и бронзового века. Однако подобное явление было отмечено в могильнике Гисара III.

Перечисленные выше поселения не исчерпывают числа памятников Намазга VI в подгорной полосе. Слои, относящиеся к этому времени, имеются на Яссы (или Улуг)-Депе у Душака, Серманча-Депе у Арман-Сагата, Елькен-Депе у Каушутаи на некоторых других более мелких памятниках (например, тепе в 4 км к западу от Артыка).

Обратимся к характеристике материальной культуры подгорной полосы времени Намазга VI. Поселения этого времен представлены одним типом — небольшие поселения площадью в 1.5—2 га. Существовавшие в предшествующее время крупные поселения вроде Намазга-Депе или Алтын-Депе[14] приходят в запустение. Некоторое огрубение в формах по сравнению с предшествующим временем претерпевает и керамика. Зато она становится более разнообразной по цвету черепка. Если в пору Намазга V почти вся посуда имела зеленовато-белый цвет, то теперь преобладает керамика с красным или кремовым цветом черепка. Вновь появляется серая посуда. Широко применяется красный ангоб различных оттенков. Иногда сосуды снаружи залощены. Из форм отметим вазообразные сосуды, конические чаши со слегка загнутым внутрь венчиком, кубки с ребром в средней части, немного напоминающие мургабские, горшковидные сосуды и керамические подставки. Весьма характерной является форма хумчи с шаровидным туловом и вогнутой выкружкой в придонной части. Реже встречаются сосуды со сливами.[15] Керамика Намазга VI изредка украшалась нацарапанными волнистыми и прямыми линиями или рядами

---

[13] М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 225; А. Ф. Ганялин. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

[14] Как отмечалось выше, Алтын-Депе, видимо, пришло в запустение несколько позднее Намазга-Депе в пору раннего Намазга VI.

[15] А. Ф. Ганялин. Теккем-Депе, стр. 76, рис. 4, *1*.

вертикальных насечек. От руки изготовлялась лишь кухонная посуда, представленная в основном горшковидными котлами. Венчик котлов иногда украшался косыми насечками.[16] Наконец, следует отметить, что на керамике Намазга VI из подгорной полосы, так же как на сосудах с поселения Тахирбай 3, часто нацарапаны различные знаки, значение которых остается неясным. Может быть, это отметки вроде позднейших туркменских тамг, связанные в данном случае с обозначением собственности. Во всяком случае характерно, что в предшествующий период подобные знаки отсутствуют.

Металлические изделия времени Намазга VI сравнительно многочисленны, причем особенно показательно, что они довольно часто встречаются в инвентаре могил. Следует отметить широкие черешковые кинжалы (Анау, Намазга-Депе), слегка изогнутый черешковый нож (Намазга-Депе), серп и бритву (Анау), булавки с решетчатой головкой и различные украшения (кольца, браслеты, ушные подвески, налобные пластинки-диадемы). Из камня изготовлялись зернотерки, ступки, биконические ядра для пращи, напоминающие ядра Яз I,[17] кремневые наконечники стрел и навершия булавы с выделенной в основании шейкой-уступом. Навершие булавы подобной формы было найдено в верхнем раскопе южного холма Анау, в слоях, переходных от Намазга VI к Яз I.[18] Близка эта форма к навершию булавы, обнаруженной в слоях Яз I, в стратиграфическом раскопе на Яз-Депе. Хронологически все эти находки близки между собой, поскольку на Теккем-Депе навершие булавы было найдено в раскопе верхнего слоя, относящегося к поздним этапам Намазга VI. В слоях Намазга VI в южном кургане Анау была найдена биконическая глазурованная глиняная бусина.[19]

Как свидетельствуют находки, сделанные в Янги-калинском могильнике, в пору Намазга VI продолжались традиции мелкой терракотовой скульптуры. Однако при раскопках поселения терракотовые фигурки людей или животных пока не были обнаружены. Это, возможно, свидетельствует о том, что подобные изделия изготовлялись в меньшем количестве.[20] В некоторой степени восполняют этот пробел находки, сделанные на мургабских поселениях (Тахирбай 3 и Тахирбай 4). Глиняным моделям повозок принадлежат колеса с выступающими втулками, найденные на Намазга-Депе и Теккем-Депе. На колесах бурой краской нанесены четыре или шесть радиальных линий, видимо изображающих спицы. Если бы линий было четыре, можно было бы считать, что они изображают сплошное составное колесо. Однако трудно предположить, чтобы колесо составлялось из шести сегментов, это сделало бы его весьма непрочным. Такое соображение заставляет нас склоняться в пользу спиц.

Вопросы датировки культуры Намазга VI, которую, как нам кажется, следует относить к середине и второй половине II тысячелетия до н. э., рассматривались выше в связи с мургабским материалом. Сейчас нет сомнений в том, что эта культура сложилась на основе комплекса Намазга V, слои которого она перекрывает. Переходный период, связывающий эти оба комплекса, называемый нами ранним Намазга VI, частично представлен аучиновским материалом, и есть все основания полагать, что в ближайшее время его удастся достаточно четко установить и в подгорной полосе. Как показали раскопки А. Ф. Ганялина на Намазга-Депе, уже в пору Намазга V начинают появляться горшковидные сосуды с розовым черепком, что более характерно уже для комплекса Намазга VI. Некоторым огрублением керамики Намазга V являются и такие формы посуды Намазга VI, как вазообразные сосуды и конические чаши. Сохраняется и старый формат прямоугольного сырцового кирпича. Обнаруживают генетическую связь «печатки» Намазга V (Анау,

[16] Не вполне прав, на наш взгляд, А. Ф. Ганялин, отнесший фрагмент подобного котла к керамике степной бронзы (там же, стр. 85, рис. 9, *3*).

[17] R. Pumpelly, ук. соч., v. I, табл. 44, *15*; табл. 42, *5*. См. также: А. Ф. Ганялин. Теккем-Депе, стр. 72, рис. 3, *3*. Однако не указано, из чего сделано это ядро — из камня или обожженной глины.

[18] R. Pumpelly, ук. соч., v. I, табл. 44, *13*.

[19] Там же, стр. 206, № 154.

[20] В Анау на террасе В на уровне между +20 футов и +23 фута были найдены фрагменты нескольких женских статуэток. Скорее всего эти находки следует относить не к Намазга VI, а к комлексу Намазга V, как и остальные статуэтки, найденные на террасе В на этом уровне, что видно по их стилистическим особенностям. Ср.: R. Pumpelly, ук. соч., v. I, табл. 46, *10—14* и *16—17*; Б. А. Литвинский. Намазга-Депе. СЭ, 1952, № 4, стр. 49, рис. 13; см. также находки Б. А. Куфтина, опубликованные в VII томе «Трудов» ЮТАКЭ.

Намазга-Депе) и Намазга VI (мургабский материал), а также широколезвийные черешковые кинжалы этих двух комплексов.[21]

Значительно менее ясен генезис следующего хронологического комплекса, или культуры подгорной полосы, почти полностью идентичного комплексу Яз-Депе I. Эти слои, где снова после долгого перерыва встречается расписная керамика, Р. Пампелли и Г.Шмидт называли «промежуточной варварской оккупацией», что, конечно, едва ли приемлемо. Более правильным нам представляется термин Анау IVA,[22] а может быть, ввиду значительной идентичности с мургабским материалом будет рациональным распространение мургабского термина «Яз-депе I» и на памятники подгорной полосы.

Поселения этого времени раскапывались в подгорной полосе в двух местах: на южном кургане Анау и на крупном поселении Елькен-Депе у Каушута. Анау дало сравнительно ограниченный материал, а результаты разведочных раскопок Елькен-Депе, произведенных А. А. Марущенко в 1953 г., пока еще остались неопубликованными.

На Анау слои Анау IVA были пройдены американской экспедицией в верхнем раскопе, где стратиграфия довольно четкая.[23] От слоев собственно Анау III они совершенно ясно отделяются слоями с большим количеством золы и угля. Нижний границей Анау IVA являются также слои с большим количеством золы, идущие до глубины +39.8 футов. Поскольку Г. Шмидт указывает на уровень +37 футов 7 дюймов как на нижнюю границу находок соответствующей керамики, вероятно, к Анау IVA относятся и две глинобитные стены, встреченные ниже этого слоя с золой. Выше уровня +47 футов, по Г. Шмидту, встречается уже керамика собственно Анау IV. Таким образом, можно считать, что соответствующие слои в южном кургане Анау имеют толщину около 3 м.[24] Величина поселения в эту пору остается неясной.

Значительный интерес представляет другой памятник этого времени — Елькен-Депе у Каушута, рекогносцировочно обследованный ЮТАКЭ еще в 1947 г.[25] Центром Елькен-Депе является высокий холм цитадели, вокруг которого, в основном не смыкаясь с ним, расположены бугры поселения. Они образуют кольцо неправильных очертаний, в центре которого была расположена цитадель. Уже подъемный материал, собранный в 1947 г., позволяет судить о наличии на Елькен-Депе по крайней мере двух археологических комплексов. В опубликованной керамике нетрудно узнать характерные формы посуды типа Яз I и Яз III.[26] Как показали раскопки А. А. Марущенко, поселение на этом месте существовало уже в пору Намазга VI, а в пору Анау IVA стало весьма значительным по размерам, занимая площадь около 12 га.[27] Центром поселения, по заключению А. А. Марущенко, являлась цитадель, для которой был использован холм, образованный остатками построек более раннего времени. Видимо, уже тогда было укреплено и окружающее кольцо поселения. В слоях Анау IVA открыты остатки меднолитейного производства в виде многочисленных медных шлаков. К сожалению, характер произведенных на Елькен-Депе разведочных раскопок не позволяет судить о планировке построек этого времени. Во всяком случае совершенно ясно, что Елькен-Депе является остатками крупнейшего поселения в подгорной полосе для первой

[21] Ср.: R. P u m p e l l y, ук. соч., v. I, табл. 38, *1* (Намазга VI) и 38, *5* (Намазга VI); см. находки Б. А. Литвинского в слоях Намазга V (Намазга-Депе. СЭ, 1952, № 4, стр. 48, рис. 12, *5*).

[22] Г. Шмидт называл соответствующую керамику промежуточной группой между «древней культурой III и полным развитием культуры IV» (R. P u m p e l l y, ук. соч., v. I, стр. 149), т. е. определяя ее как раннее Анау IV. Если говорить о выделении культуры, то более рациональным надо считать объединение в единое целое слоев Анау IVA и Анау IV, так же как Яз-Депе I, II и III. Керамика этих комплексов генетически связана. Жизнь продолжается на тех же самых поселениях. А. А. Марущенко называет комплекс Анау IVA стадией Яшилли.

[23] R. P u m p e l l y, ук. соч., v, I, стр. 107, рис. 37.

[24] Слои от +40 футов до +37 футов 7 дюймов Г. Шмидт считает переходными к более древней культуре: в них встречается как керамика Анау IVA, так и более ранняя посуда. Однако, имея в виду то, что датировать обычно следует по поздним элементам, эти слои, видимо, также следует относить к интересующему нас комплексу. Может быть, они образуют тот переход от Намазга VI к Яз-Депе I, который пока не удалось наметить на мургабском материале.

[25] М. Е. М а с с о н. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 26—27.

[26] Там же; к комплексу Яз I можно отнести №№ *2*, *4*, *5* на рис. 22 (там же, стр. 27), а к комплексу Яз III — №№ *2*, *4*, *3* на рис. 21 (стр. 26).

[27] Может быть, оно в какой-то мере было значительным уже в пору Намазга VI, но судить об этом пока трудно.

половины I тысячелетия до н. э. и что оно играло здесь приблизительно ту же роль своеобразной «столицы», что и Яз-Депе для низовьев Мургаба.

Южный холм Анау и Елькен-Депе представляют в подгорной полосе те же два типа поселений, какие были выше выделены на материале памятников дельты Мургаба. Первый тип — это крупные поселения, центром которых уже являлись цитадели, и второй тип — небольшое поселение, представленное одним оплывшим холмом. Слои времени Анау IVA в Ахале и Этеке обнаружены на целом ряде памятников. Таковы Овадан-Депе к северу от Ашхабада,[28] Яшулли-Депе у Гяурса, группа памятников в районе селения Чаача и Улуг-Депе (или Яссы-Депе) у Душака. Последний памятник, возможно, следует относить к числу поселений первого типа.[29] Верхний слой Улуг-Депе, как и Елькен-Депе, относится к Анау IV, когда здесь было крупное, видимо укрепленное, поселение с небольшой цитаделью. Вполне вероятно, что это крупное поселение сложилось уже в пору Анау IVA, но судить об этом до произведения раскопок затруднительно.

Материальная культура подгорной полосы времени Анау IVA очень близка, а во многом просто идентична мургабскому материалу комплекса Яз-Депе I (рис. 34). Прежде всего это касается керамики. На южном холме Анау соответствующая керамика, по Г. Шмидту, ручной лепки, грубого замеса и относительно слабого обжига. Расписная керамика в общей массе посуды сравнительно редка. Среди форм керамики характерны кубки,[30] горшковидные сосуды и плоские крышки. Роспись производилась красноватой краской различных оттенков на розовато-желтом или зеленовато-белом фоне. Реже применялась темно-коричневая краска. Основной мотив росписи, как и на Яз-Депе, — треугольник, характер заполнения которого (косые сетки, косая штриховка, шахматно закрашенные ромбы и и т. п.) также идентичен яз-депинскому материалу.[31] Существовала в ограниченном количестве и посуда сделанная на гончарном круге.[32] Неясным остается вопрос о наличии в это время в подгорной полосе серой керамики. В соответствующих слоях южного холма Анау она была найдена, но возможно, что это — серая посуда комплекса Намазга VI, перемещенная из более нижних слоев. Вероятно, широкое распространение серой керамики составляет специфику мургабского материала..

Кроме керамики, в рассматриваемых слоях южного холма Анау были найдены кремневые пластины (вспомним кремневые вкладыши архаического Дахистана), медная нашивная бляшка, аналогичная яз-депинским находкам, медная полоса с загнутым концом, три фрагмента медного узкого черешкового кинжала с продольным ребром в середине клинка и часть лезвия другого подобного кинжала.[33] Две последних находки сделаны на уровне 40 футов, +37 футов 7 дюймов и могут быть одинаково отнесены или к ранним этапам Анау IVA, или к позднему периоду Намазга VI, хотя нам кажется более вероятным первый вариант. Какой бы из этих вариантов ни принимать, весьма показательна и хронологически вполне понятна близость этих узких кинжалов, отличных от широких клинков Намазга V и развитого Намазга VI, к упоминавшемуся выше мечу с Мадау-Депе. Значительный интерес представляет находка на холме Анау железного серпа, видимо древнейшего железного предмета, известного сейчас в Средней Азии. Явно случайной является находка в рассматриваемых слоях окислившейся медной монеты, причем сам факт находки именно в этих слоях вызывал сомнения уже у Г. Шмидта. В равной мере, поскольку раскопки слоев Яз-Депе I пока нигде еще не дали терракотовых статуэток, видимо, статуэтку женщины (?) и статуэтку быка (верхний раскоп от +38 до +40 футов)[34] следует считать перемещенными из нижних слоев (Намазга VI?), если толь-

---

[28] В основе Овадан-Депе весьма раннее поселение (см.: А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. ТЮТАКЭ, т. V, 1955, стр. 73—75). Однако на нем очень много керамики типа Яз-Депе I, представляющей, надо полагать, верхние слои.

[29] План его см. в «Трудах» ЮТАКЭ, т. II, 1951, стр. 13, рис. 3.

[30] См. характерные горшковидные кубки из Анау (R. Pumpelly, ук. соч., v. I, стр. 148, рис. 235) и Елькен-Депе (ТЮТАКЭ, т. II, 1951, стр. 27, рис. 22, *4*).

[31] R. Pumpelly, ук. соч., v. I, табл. 35, *7—9*.

[32] Например, характерный кубок Яз I с Елькен-Депе. См.: ТЮТАКЭ, т. II, стр. 27, рис. 22, *5*.

[33] R. Pumpelly, ук. соч., v. I, стр. 205, №№ 43, 53, 61, 62, 74, 75, 79; изображение находок см. табл. 38, табл. *4*; 39, *1*, а также рис. 259, 271 и 275.

[34] Там же, табл. 46, *13*; табл. 47, *4*.

ко новые находки не подтвердят возможность их нахождения в слоях типа Яз-Депе I.

Полная идентичность основных предметов комплекса Яз-Депе I и Анау IVA позволяет датировать последний в основном первой третью I тысячелетия до н. э. На сложном вопросе соотношения комплекса типа Яз-Депе I и Намазга VI мы остановимся несколько ниже.

Такова в общих чертах археологическая характеристика второй области южной Туркмении — подгорной полосы — в рассматриваемое время. Нельзя не заметить, что развитие культуры в этом районе в отличие от юго-западной Туркмении протекало в основном сходно с развитием культуры в дельте Мургаба. Лишь отдельные особенности материальной культуры нижнемургабских памятников позволяют выделять их как локальный вариант культур подгорной полосы. В пору Намазга VI в дельте Мургаба существовали небольшие поселения земледельцев, не превышавшие по размерам синхронные поселения подгорной полосы. Они были сосредоточены в восточной части древнего оазиса к северу от колодцев Новый Кишман. Вытянутые в меридиональном направлении, эти поселения скорее всего располагались вдоль одного из русел мургабской дельты, воды которого использовались для орошения полей, поскольку земледельческий характер культуры не вызывает сомнений. Вполне вероятно, что для подачи воды на поля проводились небольшие арыки, но современный рельеф этого района, характеризуемый развитием песчаных гряд, не позволяет проследить древние русла этих каналов.

В пору Яз-Депе I, как и в подгорной полосе, распространяется культура, характеризуемая дальнейшим огрубением керамики и появлением на ней росписи. Тахирбаевский оазис забрасывается, и вместо него создаются два новых (яз-депинский и аравали-депинский), связанных уже с проведением крупных магистральных каналов. Наряду с мелкими поселениями, существовавшими еще в пору Намазга VI, возникают поселения, значительно более крупные, с мощной цитаделью. Более подробная археологическая характеристика мургабских памятников была дана выше.

Охарактеризованные выше материалы по трем областям южной Туркмении являются той археологической базой, которая лежит в основе попыток наметить историческое развитие этих областей в рассматриваемое время. Хотя, разумеется, материалы эти во многом еще ограничены, но резкое. почти скачкообразное увеличение их количества за последнее время позволяет приступить к рассмотрению некоторых более общих вопросов уже частично исторического характера. Однако прежде чем перейти к этим вопросам, следует остановиться еще на одной археологической проблеме, связанной с вопросами классификации и терминологии. Мы имеем в виду вопрос о времени наступления раннежелезного века в южной Туркмении и даже шире — в оседлых районах Средней Азии. Приступая к рассмотрению раннежелезного века, нельзя не оговориться, что хронологически предшествующий ему так называемый бронзовый век является сейчас уже в значительной мере весьма условным термином. В целом ряде мест, в том числе и в южной Туркмении, металлические орудия почти до самого начала железного века оставались в основном медными. Произведенные анализы металлических изделий, найденных в Анау и Тепе-Гисаре, ясно показывают, что собственно бронзовые изделия здесь единичны, а основная масса орудий и оружия оставалась медной; надо полагать, это было связано с трудностями в получении олова. Аналогичные результаты дали и анализы, проделанные на мургабском материале. Если в изделиях времен Яз I здесь еще содержится иногда олово, то медь времени Намазга VI обычно лишена каких-либо примесей. Некоторые исследователи, отмечавшие подобные явления для других районов, предлагали иногда ввести термин «медно-бронзовый век», что едва ли следует признать удачным. Мы предпочитаем сохранить термин «бронзовый век» как условное обозначение того периода, когда металлические изделия получают сравнительно широкое распространение[35] в отличие от предшествующего времени, называемого энеолитом. Именно в таком смысле употребляются термины «эпоха бронзы» и «бронзовый век» в настоящей работе.

После этого предварительного замечания можно перейти к вопросу о времени наступ-

---

[35] История Туркменской ССР, т. I. Макет. Ашхабад, 1955, стр. 30.

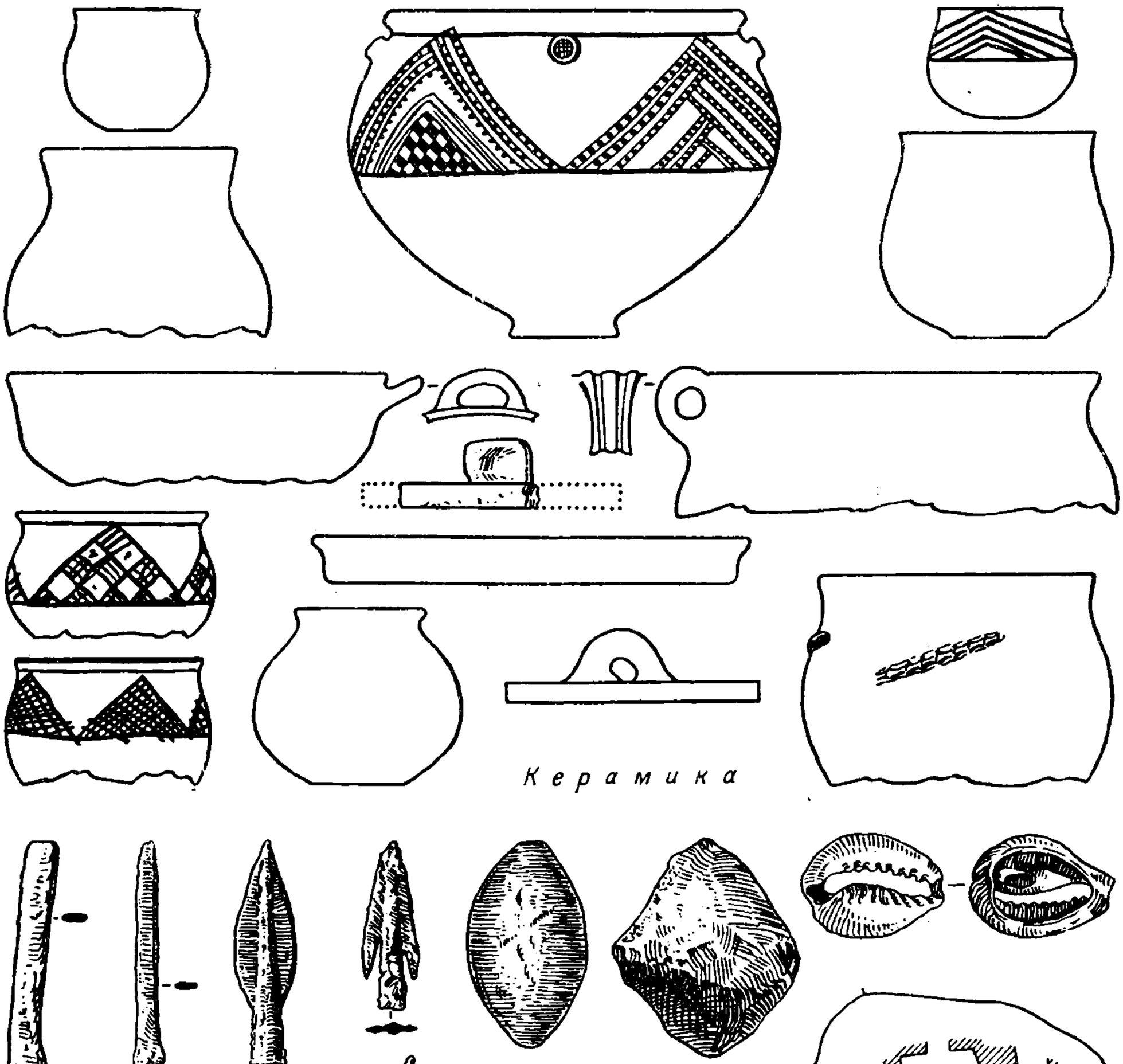

Рис. 34. Комплекс Яз-Депе I.

ления на территории Средней Азии раннежелезного века. Под ранним железным веком следует понимать начало систематического и все более расширяющегося использования железных орудий и оружия в хозяйстве и быту. Естественно, что категории таких орудий и оружия в разных местах будут различны в зависимости от роли металлургии бронзового века, наличия рудной базы и той или иной степени культурного влияния соседних стран. Конкретные находки железных предметов на территории Средней Азии пока весьма ограничены, и их список сводится к следующему.

На южном кургане Анау, в слоях Яз I, было найдено два фрагмента железного серпа, имевших заклепки и широкую, но короткую рукоятку.[36] Эта находка была сделана на террасе А на глубине +27 футов. Ниже, видимо, начинались уже слои с керамикой типа Намазга VI. Поэтому данную находку следует связывать с ранними слоями Яз I и датировать во всяком случае началом I тысячелетия до н. э. Это наиболее древнее изделие из железа, известное в Средней Азии.

В слоях Яз I на самом Яз-Депе были найдены бронзовые бляшки, иглы, пробойники, наконечники стрел, но пока не встречено ни одного железного предмета, что, разумеется, еще не свидетельствует об их полном отсутствии в это время. Видимо, сравнительно ранними являются два железных предмета (нож и, возможно, пробойник), найденные в 1956 г. Ю. А. Заднепровским в верхних слоях поселения Дальверзин в одном комплексе с расписной керамикой чустского типа, что позволяет предположительно датировать эти предметы в пределах первой трети I тысячелетия до н. э. Однако в связи с неясностью вопросов датировки чустской культуры в целом хронологическое определение этих предметов является весьма условным и относительным.

Для середины I тысячелетия до н. э. количество известных сейчас железных предметов значительно возрастает. На том же южном кургане Анау в более верхних слоях были найдены фрагменты еще одного серпа, фрагменты двух ножей, кусок четырехгранного стержня, возможно пробойника, и еще несколько фрагментов, определить назначение которых было трудно.[37] Как отмечалось выше, материал Анау IV, изданный в книге Р. Пампелли, в основном относится к V—IV вв. до н. э. Видимо, этим временем следует датировать и большинство железных предметов.[38]

На Яз-Депе в слоях Яз III был найден целый клад железных изделий, содержащий не менее шести проушных топоров, а также железные тесла. В этих же слоях был встречен фрагмент небольшого ножа. Фрагмент железного топора был найден в стратиграфическом раскопе на Яз-Депе уже в комплексе Яз II. Эти яз-депинские находки, как и анауские, относятся к V—IV вв. до н. э. В это время железоделательное производство в Маргиане было относительно широко развито, поскольку на поселениях встречаются железные крицы и шлаки. Особенно многочисленны подобные находки на поселении Чурнок, возможно игравшем роль своеобразного металлургического центра древней Маргианы. В северной Парфии к середине I тысячелетия до н. э. относятся многочисленные находки железных криц на поселении Елькен-Депе у Каушута.[39] О наличии остатков железоделательной мастерской на хорезмийском городище Кюзели-Гыр (V—IV вв. до н. э.) сообщает и С. П. Толстов.[40] На этом же городище был найден также железный серп.[41] Обнаружены железные предметы V—IV вв. до н. э. также в Согде и в Бактрии. Мы имеем в виду крупную железную иглу с ушком из слоя Кобадиан I[42] и миниатюрную железную лопаточку и серп со втулкой для прикрепления рукоятки из слоя Афрасиаб I.[43]

---

[36] H. Schmidt. Archaeological Excavations in Anau and Old Nerv. В кн.: R. Pumpelly, ук. соч., v. I, стр. 157—158; см. там же, № 40, на стр. 205. В описании эти фрагменты определены как нож, что менее вероятно.

[37] R. Pampelly, ук. соч., v. 1, стр. 158, 204, №№ 1, 22, 25 и 35.

[38] Возможно, более ранним является серп, найденный ниже трехперого наконечника стрелы.

[39] История Туркменской ССР, т. I, стр. 44.

[40] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 105.

[41] С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 197.

[42] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА СССР, № 37, 1953, стр. 273.

[43] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 155.

Видимо, в основном к этому времени относятся и железные предметы (шилья, иглы), найденные Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбургом в Ак-тамском могильнике в Фергане.[44] Этим, по существу, и исчерпывается список известных в настоящее время железных предметов середины I тысячелетия до н. э. в Средней Азии. Легко можно видеть, что этот список весьма невелик и пополняется новыми находками лишь самых последних лет. Объясняется эта сравнительная бедность двумя обстоятельствами. Во-первых, следует иметь в виду, что в Средней Азии археологические комплексы происходят из раскопок поселений, а не могильников, инвентарь которых обычно содержит значительное число металлических изделий. Во-вторых, размах раскопочных работ невелик: по существу, вскрытие поселений середины I тысячелетия до н. э. в сколько-нибудь значительных масштабах проведено лишь С. П. Толстовым на Кюзели-Гыре. Но и при таких масштабах работ известен целый ряд железных предметов. Стало быть, весьма вероятно, что распространение железа в быту того времени было широким.

Какие же хронологические определения можно сделать на основании имеющегося материала?

Прежде всего совершенно ясно, что в V—IV вв. до н. э. железо было распространено уже широко. Из него изготовляются даже сравнительно мелкие бытовые предметы вроде игл, а на широкое распространение металлургии указывают находки криц и железных шлаков. Однако начальный период распространения железных изделий в Средней Азии еще остается в тени, и поэтому его приходится рассматривать на более широком историческом фоне.

Родиной черной металлургии, видимо, является одна из областей Малой Азии, откуда железо начинает распространяться в соседние страны, причем очень рано железные изделия входят в употребление в Сирии и Палестине. В последней в период I раннего железа, датируемый Олбрайтом XII—X вв. до н. э., мы имеем уже многочисленные кинжалы, ножи, наконечники копий, сошники плугов и многое другое, а также остатки двух печей, предназначавшихся для выплавки железа.[45]

В X—IX вв. до н. э. широко распространяются различные железные изделия в Ассирии, а ко времени правления Саргона (722—705) относится знаменитая находка в Хосрабадском дворце железных изделий и заготовок общим весом 150 тонн.[46] Сравнительно поздно проникает железо в Египет, где первые железные изделия были, видимо, ассирийского происхождения, а собственно железный век там начинается лишь с правления Псаметиха I (654—610).

Близость Закавказья к Малой Азии могла сыграть значительную роль в раннем развитии местной черной металлургии, но, по мнению Б. Б. Пиотровского, железные изделия начинают изготовляться здесь лишь под урартским влиянием.[47] С VI в. до н. э. широко распространяются железные изделия в Причерноморье,[48] но, как указывает А. А. Иессен, в северокавказских комплексах железные орудия встречаются уже в VIII в. до н. э.[49] Видимо, через посредство Ассирии и Урарту железо начинает распространяться в западном Иране. Так, в могильнике В в Сиалке и в некоторых луристанских могилах, относящихся к началу I тысячелетия до н. э., найдено небольшое количество железных изделий, хотя первые железные предметы датируются еще второй половиной II тысячелетия до н. э. (Гиян I — кинжалы и наконечники копий; Сиалк, могильник А — шило и кинжал). Хотя начало железного века в западном Иране, видимо, относится к 1000 г. до н. э.,[50] характерно, однако, что,

---

[44] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-тамский могильник. КСИИМК, 69, 1957, стр. 78—90.

[45] G. A. Wainright. The Coming of Iron. Antiquity, 1936, v. X, № 37, стр. 19—20; R. J. Forbes. Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950, стр. 433; W. F. Albright. The Archaeology of Palestine. London, 1951, стр. 112; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 71—72.

[46] G. A. Wainright, ук. соч., стр. 20—23; R. J. Forbes, ук. соч., стр. 446—447.

[47] Б. Б. Пиотровский. Закавказье и древний Восток. Тезисы докладов на конференции по археологии Кавказа. М., 1956, стр. 4—5.

[48] П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 148, 150; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА СССР, № 46, 1955, стр. 132.

[49] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 129—130.

[50] R. J. Forbes, ук. соч., стр. 443.

например, в ахеменидских Сузах железных предметов найдено сравнительно мало. Это ножи, иглы и наконечник копья. При этом в наиболее древнем слое I иглы бронзовые (ср. Яз I), а в слое III — железные[51] (ср. Кобадиан I). Не вполне ясно в первую очередь в силу недостаточных раскопок время начала железного века в Индии. На основании письменных источников оно относится к IX—VIII вв. до н. э.[52] В археологических комплексах Индии середины I тысячелетия до н. э. (например, период II Пракаша[53]) железные изделия распространены уже весьма широко.

В Среднюю Азию железные изделия скорее всего начали проникать через Иран, и упомянутый выше серп из слоев Яз I, видимо, указывает на начало раннежелезного века. Бесформенные куски железа и шлаки встречались и на поселениях архаического Дахистана. Поэтому можно относить начало железного века на юге Средней Азии к первой трети I тысячелетия до н. э., не уточняя пока этой общей датировки. Богатые рудные залежи способствовали быстрому развитию черной металлургии.[54] В VI—IV вв. до н. э. в оседлых областях Средней Азии был уже развитой железный век. Несколько позднее, если судить по сообщению Геродота о массагетах, распространяется железо у кочевых племен.

Следующим вопросом, на котором позволяет остановиться имеющийся материал, является вопрос о путях освоения древними земледельцами дельты Мургаба. Как ясно показывает археологический материал, это освоение приходится на середину II тысячелетия до н. э., когда здесь складывается тахирбаевский оазис. Археологические памятники дельты Мургаба не дают более раннего материала, чем культура Намазга VI. Не исключена возможность, что со временем где-либо в зоне контакта древней дельты и грядовых песков будут обнаружены более ранние поселения. Однако едва ли они были особенно значительны по величине и по количеству, поскольку до сих пор, несмотря на широкий размах разведок, не было обнаружено никакого материала, более раннего, чем Аучин-Депе. Показательна и тенденция развития земледельческих поселений. Первый оазис в дельте Мургаба складывается в пору Намазга VI. В следующий период в пору Яз I происходит дальнейший рост обрабатываемых площадей, и это почти непрерывное развитие земледельческой культуры дельты Мургаба продолжается до наших дней. Поэтому можно считать, что начало систематического освоения древними земледельцами дельты Мургаба приходится на середину II тысячелетия до н. э. Сейчас совершенно ясно, что центрами земледельческой культуры эпохи энеолита и средней бронзы были лишь Ахал и Этек, где расположены крупнейшие памятники этой поры — Намазга-Депе, Алтын-Депе, Кара-Депе у Артыка, Улуг-Депе (Яссы-Депе) у Душака. Следующим этапом развития древнеземледельческой культуры было освоение Мисрианской равнины и дельты Мургаба.

Относительно происхождения общин, освоивших дельту Мургаба, в настоящее время не может быть особенных сомнений. Как отмечалось выше, распространенная в дельте Мургаба культура является локальным вариантом подгорной культуры Намазга VI. Строительные приемы, в частности формат кирпича, керамика, обряд захоронений, — все на нижнемургабских памятниках свидетельствует о тесной связи с поселениями Ахала и Этека. При этом особенно тесные связи прослеживаются на материале наиболее раннего из числа известных поселений дельты Мургаба Аучин-Депе. Все это, на

---

[51] R. Ghirshman. Village perse-achaéménide. Memoires de la Mission archéologique en Iran, t. XXXVI, Paris, 1954, стр. 34, слой I — табл. XLV, *1030b*, *2206*; слой III — табл. XLIX, *2358a* и *b*.

[52] В. С. Воробьев-Десятовский. Древняя Индия. В кн.: Очерки истории древнего Востока. Л., 1956, стр. 196. Банерджи в ряде статей пытался доказать, что железо и сталь были широко известны уже в эпоху Ригведы [M. N. Banerjee. 1) On Metals and Metallurgy in Ancient India. Ind. Hist. Quat., v. III, № 1, 1927; 2) Iron and Steel in the Rgvedic Age. Ind. Hist. Quat., v. V, № 3, 1929; 3) A Note on Iron in the Rgvedic Age. Ind. Hist. Quat., v. VIII, № 2, 1932]. По его мнению, в эпоху Ригведы из железа изготовлялись не только орудия и оружие, но и разнообразные сосуды. Однако если относить Ригведу ко второй половине II тысячелетия до н. э., археологически это маловероятно. Термин «ayas», на который опирается Банерджи, помимо железа, может означать также и бронзу. См.: М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX, 1954, стр. 140. Упоминаемые Банерджи сосуды скорее всего были именно бронзовыми. В раннежелезном веке железо употреблялось для изготовления лишь орудий и оружия.

[53] Indian Archaeology. 1954—1955. New Delhi, 1955, стр. 13.

[54] М. Е. Массон. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947.

наш взгляд, свидетельствует о том, что в середине II тысячелетия до н. э. дельта Мургаба начала осваиваться выходцами из подгорной полосы. Одним из первых, основанных в новом районе поселений было Аучин-Депе. Позднее зона первоначального освоения расширяется и складывается тахибаевский оазис, а материальная культура приобретает все больше специфических черт, отличающих ее от синхронных памятников подгорной полосы, что хорошо представлено, например, поселением Тахирбай 3. Причем есть больше оснований полагать, что эта община или общины, освоившие один из рукавов дельты Мургаба, происходили из восточной (Алтын-Депе, Улуг-Депе), а не западной области (Намазга-Депе — Янгикалинский могильник).[55]

Показательно, что рассматриваемый период, II тысячелетие до н. э., был временем значительных, хотя и не вполне ясных для нас событий в древнейших центрах земледельческой культуры южной Туркмении — Ахале и Этеке. Приблизительно в первой трети II тысячелетия до н. э. такие грандиозные поселения, как Намазга-Депе и Алтын-Депе, приходят в упадок и запустение. Основным типом поселения становятся небольшие поселения площадью 1.5—2 га (Теккем-Депе, южный холм Анау, «вышка» Намазга-Депе). Такие же размеры имеют и нижнемургабские поселения времени Намазга VI.

Ориентировочно в это же время приходят в запустение и такие поселения северного Ирана, как Тюренг-Тепе, Шах-Тепе, Тепе-Гисар, поскольку комплексы Гисар IIIB и Шах-Тепе IIa в основном соответствуют южнотуркменскому комплексу Намазга V (верхний слой Намазга-Депе, исключая «вышку»). На Тепе-Гисар было даже отмечено, что последнее поселение гибнет, видимо в результате нападения врагов: здания были объяты пожаром, в разных местах встречались скелеты в неестественных положениях, найдено множество наконечников стрел, возможно выпущенных осаждающими. Для территории южной Туркмении подобные данные пока отсутствуют. Наоборот, все, что известно сейчас о раскопках верхнего слоя Намазга-Депе (а здесь вскрыто уже около 3000 м²), позволяет говорить об отсутствии какой-либо катастрофы, приведшей к гибели поселения. Оставленные помещения, с которых было, видимо, даже снято плоское деревянное перекрытие, начали постепенно оплывать под действием ветра и воды. Наконец, если правильна предлагаемая синхронизация Намазга VI и постхарапповской культуры Джхукара, то упадок городской цивилизации в долине Инда (запустение Мохенджо-Даро и Хараппы) приблизительно одновременен с прекращением жизни на Тепе-Гисаре, Алтын-Депе и большей части Намазга-Депе. Хотя, возможно, перечисленные явления и находятся в какой-либо взаимной связи, но едва ли имеющийся материал позволяет дать им общее, вполне приемлемое для всех памятников объяснение.

Обратимся к одним лишь памятникам южной Туркмении, изученным обстоятельнее североиранских и в более широких масштабах, имея в виду охват большого числа памятников. Но и для этой локально ограниченной территории вопрос остается не вполне ясным. Б. А. Куфтин полагал, что замирание Намазга-Депе и Алтын-Депе произошло «в результате усиления борьбы за водные источники и пастбища, особенно в эпоху «ксеротермического» максимума (в конце II тысячелетия до н. э.), как между земледельческими родовыми общинами, так и с надвигающимися в предгорную зону кочевыми племенами».[56] Под «кочевыми племенами» Б. А. Куфтин, видимо, имел в виду носителей адроновской культуры, что не совсем верно. Хотя засушливость климата приблизительно для этого же времени устанавливается археологическими исследованиями в Зауралье и Западном Казахстане, на наш взгляд, нет оснований придавать этому фактору решающее значение, не отрицая при этом, что он, возможно, также сыграл определенную роль.

Объяснение отмеченным выше явлениям, как кажется, следует искать в причинах внутреннего развития земледельческих общин южной Туркмении. Мы имеем в виду прежде всего совершенно определенный и ограниченный «лимит» орошаемых пространств, могущих быть использованными для земледелия в Ахале и Этеке. Карто-

---

[55] Не с этим ли частичным уходом населения связан тот факт, что после запустения Алтын-Депе в восточной области мы не находим поселений времени Намазга VI, тогда как в районе самого Намазга-Депе их образуется целых три («вышка» Намазга-Депе, Елькен-Депе и Теккем-Депе)?

[56] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. . ., стр. 29.

графия распространения поселений оседлых общин показывает, что почти все современные оазисы подгорной полосы были освоены уже с очень раннего времени, начиная с энеолита. В пору Намазга IV и V развитие хозяйства оседлых племен подгорной полосы достигает особого подъема (введение гончарного круга, широкое использование повозок, дальнейшее развитие металлургии, многочисленные гончарные печи), сопровождавшегося, надо полагать, и ростом населения. Этот рост населения и пришел в противоречие с существующими возможностями расширения полей в подгорной полосе. Подобное противоречие и привело к тому, что, с одной стороны, забрасываются старые огромные поселения, сменяемые некрупными поселками, а с другой стороны, в поисках новых возделываемых пространств начинается колонизация дельты Мургаба. Может быть, предлагаемая гипотеза не вполне верна для объяснения событий, происходивших в подгорной полосе: это должно показать дальнейшее изучение памятников этого района. Однако в отношении дельты Мургаба намечающаяся закономерность, на наш взгляд, вполне определенна: ограниченные возможности земледелия в Ахале и Этеке исчерпали себя.

Древние земледельцы приступают к освоению долин крупных рек (Мургаба, а позднее Сумбар-Атрек). Это освоение послужило стимулом к быстрому развитию ирригации, а в конечном итоге и к изменениям общественных отношений, на чем мы собираемся остановиться в следующей главе. Природные условия дельты Мургаба в середине II тысячелетия до н. э. значительно отличались от современных. К сожалению, геоморфология дельты Мургаба разработана лишь в общих чертах. Детализированная схема, предложенная для этого района Б. А. Федоровичем, была подвергнута критике И. П. Герасимовым.[57] Как отмечалось выше, поселения Намазга VI расположены в районе частичного развития полузакрепленных песков с отдельными отакыренными участками. Их положение полностью соответствует так называемой древней дельте И. П. Герасимова или дельте IV Б. А. Федоровича. Видимо, наши памятники дают верхнюю границу датировки этой дельты, поскольку в настоящее время район их расположения не только не имеет каких-либо следов древних русел, но и вообще используется лишь для животноводства с колодезным водопоем, причем вода в колодцах здесь в большинстве случаев малопригодна для питья. Несомненно, что когда в дельте Мургаба появились первые земледельцы, воды этой реки, не разбираемые еще на орошение, уходили далеко на север. Как известно, в этом направлении древнемургабская дельта доходит почти до Унгуза. Один из боковых протоков этой дельты и был освоен выходцами из подгорной полосы.

Характерно, что памятники времени Яз I расположены уже значительно западнее по сравнению с оазисом II тысячелетия до н. э. Возможно, это связано с мигрированием дельты Мургаба с востока на запад, а само запустение тахирбаевского оазиса, быть может, явилось результатом усыхания орошавшего его притока. Земледельцы переместились в яз-депинский и аравали-депинский оазисы, забросив свои прежние поселения. Последние стали оплывать и превратились к настоящему времени в тепе, а длительный выпас скота и усиленное вырубание саксаула способствовали надвижению песков, частично занявших как древнюю дельту реки, так и старый земледельческий оазис. В таком случае «молодая дельта» классификации И. П. Герасимова или Марыйская и Байрам-Алийская по Б. А. Федоровичу действительно оказывается весьма молодой — не раньше середины I тысячелетия до н. э.

Развитие ирригации в указанных районах способствовало тому, что вода перестала поступать в протоки, уходившие далеко на север, и они постепенно были занесены сдвинувшимися песками. В связи с затронутыми вопросами геоморфологии следует отметить еще одно обстоятельство: в районе современного «главного русла» Мургаба, теряющегося в песках по направлению к колодцам Чешме, отсутствуют не только древние, но и средневековые археологические памятники. Не свидетельствует ли это о том, что данный проток появился сравнительно недавно и, быть может, связан с тем «молодым обводнением» в дельте Мургаба, которое И. П. Герасимов, на наш взгляд, вполне справедливо сопоставляет с разрушением ирригаци-

---

[57] И. П. Герасимов. Геоморфологические районы юго-восточных Кара-Кумов. Сб. «Природные ресурсы Кара-Кумов», IV, М.—Л., 1940, стр. 8—13.

онных сооружений в пору монгольского нашествия.[58]

Внутренняя история земледельческих общин южной Туркмении поздней бронзы пока исследована еще в недостаточной степени. Некоторые интересные сведения в этой связи можно, однако, получить при анализе погребений этого времени и содержащегося в этих погребениях инвентаря. Сводная таблица известных в настоящее время погребений времени Намазга VI дает представление об их инвентаре (табл. 5).[59]

Помимо этого, следует иметь в виду, что известно еще 15 погребений времени Намазга VI, совершенно лишенных инвентаря (8 детских погребений из Анау и взрослых — 2 из Янги-Калы, 3 с Тахирбая 3, 1 с Таккем-Депе и 1 с «вышки» Намазга-Депе). Рассматривая распределение захоронений с точки зрения количества инвентаря, можно заметить, что обычным погребальным инвентарем являются керамические сосуды в количестве от 1 до 3. Более значительный инвентарь содержат погребения с поселения Тахирбай 3 и Янги-калинское погребение № 7. Наконец, Аучиновское погребение значительно выделяется из числа прочих, если так можно выразится, богатством своего инвентаря. В этом различии,

Таблица 5

Погребение	Ориентация	Керамика (количество сосудов)	Медь или бронза	Различные предметы
Тахирбай 3, шурф	З	6	1 ушная подвеска.	1 биконическое пряслице, 1 бусина
Аучин	ССЗ	14	То же.	1 биконическое пряслице-бусина, 1 печатка-подвеска, 51 бусина, 1 восьмиконечная звезда-подвеска.
Янги-Кала, погребение № 3	С	3	1 кольцо.	—
Янги-Кала, погребение № 4	Ю	2	—	—
Янги-Кала, погребение № 5	СЗ	1	—	—
Янги-Кала, погребение № 6	СЗ	—	—	1 терракотовая статуэтка.
Янги-Кала, погребение № 7	СВ	4	2 ушных подвески, 1 пластинка-диадема, 1 кольцо, 2 булавки.	То же.
Анау, погребение № 19 (детское)	—	—	—	1 бусина.
Анау, погребение № 23 (детское)	—	2	—	—
Елькен-Депе	Прибл. З	1	—	—
Намазга-Депе, «вышка» (детское)	—	1	—	—
Намазга-Депе, «вышка»	—	2	1 шило.	1 бусина.
Намазга-Депе, раскоп А-2	Прибл. СЗ	2	1 пластинка-диадема, 1 браслет, 1 кольцо.	4 бусины.
Намазга-Депе, раскоп А-3, погребение № 1 (детское)	—	1	—	—
Намазга-Депе, раскоп А-3, погребение № 2	ССЗ	1	2 (?) подвески.	—
Намазга-Депе, раскоп А-3, погребение № 3	Прибл. ЮЗ	2	—	—
Намазга-Депе, раскоп А-3, погребение № 4	—	1	1 ушная подвеска.	1 бусина. —
Намазга-Депе, раскоп А-3, погребение № 5	СВ	3	—	

[58] Там же, стр. 13.

[59] Автор выражает признательность А. Ф. Ганялину и А. А. Марущенко, сообщившим ему сведения о погребениях, обнаруженных на Намазга-Депе и Елькен-Депе.

как нам кажется, можно видеть свидетельство происходящей имущественной дифференциации. Аналогичный процесс можно проследить и на североиранском материале по результатам раскопок Тепе-Гисар. К сожалению, в издании Е. Шмидта [60] описаны не все раскопанные могилы, а дан выборочный материал, но, однако, и он позволяет наметить тенденцию развития в богатстве инвентаря этих погребений.

В погребениях слоя Гисар I обычным инвентарем являются 1—3 керамических сосуда, бусы в виде ожерелья или браслеты, а иногда амулет-«печатка». Совершенно аналогичную картину можно наблюдать и на могильнике времени Намазга III (синхронно Гисару IC и IIA), раскапывавшемся на Кара-Депе у Артыка. Однако уже в Гисаре IC появляются отдельные, более богатые захоронения.[61] Картина резко меняется в пору Гисар III, где в соответствующих слоях расчищено 439 погребений. Наряду с погребениями, весь инвентарь которых состоял из 2—3 сосудов, появляются захоронения с большим количеством изделий из камня, меди, золота и серебра. Примером могут служить так называемые погребения «танцовщицы» (Гисар IIIB) или «молодого воина» (Гисар IIIC). Особенно выделяется в этом отношении слой Гисар IIIC (синхронный, на наш взгляд, ранним этапам Намазга VI), где среди описанных погребений три несомненно можно отнести к числу богатых.[62] При этом можно отметить следующую тенденцию в изменении состава инвентаря. Если раньше «богатство» выделялось простым увеличением количества сосудов, то теперь высокое имущественное положение подчеркивается помещением дорогостоящих предметов — сосудов из меди, серебра, камня, различных металлических орудий и оружия. Все это несомненно свидетельствует о развитии имущественной, а соответственно, надо полагать, и социальной дифференциации общества. К числу предметов погребального инвентаря, по-видимому, относится и Астрабадский клад, датируемый временем около 2000 г. до н. э. и содержавший золотые, медные и алебастровые изделия.[63] О дальнейшем развитии этого процесса можно судить по богатству погребений Сиалковского некрополя B, однако Р. Гиршманом опубликован инвентарь лишь богатых могил и ничего не сказано о рядовых захоронениях.

Хотя несомненно, что Аучиновское погребение отражает развитие тех же процессов, что и богатые погребения Гисара III, инвентарь этой нижнемургабской могилы в свете приведенных сопоставлений выглядит очень скромно. Разумеется, размах проведенных в Туркмении работ еще весьма незначителен. Известно всего 33 погребения времени Намазга VI, и совершенно неизвестны погребения взрослых людей для времени Намазга V. Нет ничего удивительного, что в Гисаре III среди почти четырех с половиной сотен могил нашлось несколько очень богатых. Однако возможно, что подобное соотношение отражает также и относительность самого понятия «богатое погребение». В южной Туркмении медные и бронзовые изделия встречаются редко и несомненно ценились значительно выше, чем на Кавказе, где местная рудная база обладает широкими возможностями, и насыщенные металлическими изделиями погребения встречаются повсеместно. В равной степени и жители Тепе-Гисара находились в более тесных связях с высоко развитыми странами Древнего Востока, чем древнее население южнотуркменских оазисов. Это явление в свою очередь отразилось на большем «богатстве» всей культуры Тепе-Гисара. Погребения Гисара III и Аучин-Депе отражают одни и те же процессы, происходившие внутри общества. Только уровень благосостояния этих

---

[60] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937.

[61] Например, погребение DH 43 X-8. В его инвентарь входило 9 сосудов, медная булавка, медная «печатка», 11 печаток-«амулетов» из камня и бусы в виде ожерелья на шее и на запястьях ног.

[62] Всего было раскопано 63 погребения времени Гисар IIC. Приведено описание инвентаря погребений. Из них выделяются CH 64 X-1 (так называемое «молодой воин»): 3 сосуда, бусы, медный «жезл военачальника» (козел, стоящий на шестиконечной звезде), 4 медных кинжала и алебастровая ваза; CH 64 X-2: 3 сосуда, серебряные и халцедоновые бусы, 6 изделий из серебра (2 сосуда, 2 диска, 2 поделки) и 26 медных вещей (2 браслета, 12 серег, 7 колец, 3 подвески, сосуд, «жезл»); CH 31 X-7: 3 сосуда керамических и 3 алебастровых, подвеска из раковины, свинцовая фигура женщины, бусы и 20 медных предметов (2 поделки, 2 сосуда, 2 браслета, «печатка», 12 серег и «жезл»).

[63] C. A. de Bode. On a Recently Opened Tamulus in the Neighbourhood of Asterabad. Archaeologia, XXX, 1844, табл. XVI; M. Rostovtzeff. The Sumerian Treasure of Astrabad. Journ. of Egypt. Archaeol., VI, 1920, стр. 4—42. Контено считал, что этот клад является частью храмовых богатств (G. Contenau. Manuel d'archeologie orientale, III. Paris, 1931, стр. 1560).

обществ был различен и соответственно различался сам критерий «богатства».

Таким образом, имеющийся археологический материал ясно показывает, что в южной Туркмении во II тысячелетии продолжалось дальнейшее развитие оседлых земледельческих общин, сложившихся здесь еще в пору позднего неолита. Эти общины, находившиеся в тесной связи со своими южными соседями, образовывали как бы северную границу второго пояса древневосточной ойкумены, центром которой были городские цивилизации Месопотамии и Инда. Далее на север находился уже следующий пояс менее развитых культур, изученных на территории Средней Азии еще очень слабо. Культура северных частей Средней Азии в рассматриваемое время была тесно связана с синхронными памятниками Казахстана и Южной Сибири, но общее направление культурных влияний шло в значительной мере с юга на север через оседлые общины земледельцев к их более «варварским» соседям. Это во многом еще логическое заключение начинает в последние годы получать все больше подкреплений в фактическом материале. Ряд исследователей обращал внимание на находку в Афанасьевском погребении под Омском раковин Corbicula fluminalis, встречающихся в Аму-Дарье и, видимо, попавших в Сибирь в результате обмена.[64]

Принципиальное научное значение имеют, к сожалению, почти не опубликованные находки Я. Г. Гулямова у озера Заман-Баба в низовьях Зеравшана. Здесь встречено два могильника — один с характерным инвентарем типа андроновской культуры и другой, надо полагать, более ранний.[65] В раннем могильнике встречены сосуды, лепленные от руки, отдаленно напоминающие керамику древнеямной культуры, но значительно больший интерес для нашей темы представляют предметы, являющиеся результатом влияния или экспорта юго-западных районов. Это прежде всего фрагменты керамики, изготовленной на круге: нижняя часть светло-глиняного сосуда и тоже нижняя часть от сосуда серого. Первый фрагмент несомненно относится к комплексу позднего Намазга IV (в ранние этапы Намазга IV посуда изготовлялась от руки). Второй фрагмент относится также к этому комплексу или к более позднему — Намазга VI (в пору Намазга V серая посуда не изготовлялась). Эти фрагменты несомненно принадлежат к числу привозных изделий, подобно тому, как неолитические охотники и рыболовы Прикаспия привозили с юга высококачественную серую посуду типа Шах-Тепе II. Возможно, также привозными являются крестообразные бусины, близкая аналогия которым имеется в слое Гисара IIIB.[66] Видимо, к числу местных изделий принадлежат кремневые наконечники стрел:[67] листовидные с выемкой в основании и без выемки. Наиболее близкой аналогией этим наконечникам являются наконечники стрел с Аучин-Депе. Вероятно, результатом южных влияний является схематическая глиняная статуэтка [68] и неясный глиняный предмет, быть может являющийся моделью дома. Разумеется, лишь полная публикация материалов Заман-Бабы позволит с уверенностью охарактеризовать местные и заимствованные элементы новой культуры, которую открывают исследования этого могильника. Пока можно сделать лишь следующие предварительные замечания. Наиболее ясен вопрос датировки. Аналогии, как мы видели, дают сравнительно определенные указания ориентировочно на вторую половину III—начало II тысячелетия до н. э. Во всяком случае эта заман-бабинская культура предшествует распространению в Сред-

---

[64] А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1946, № 3, стр. 184; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 28. Сообщение о находке в Афанасьевском могильнике на Теси сосуда с белой росписью (С. В. Киселев, ук. соч., стр. 38) требует дальнейшей проверки. Подобная гамма не встречается на расписной керамике юга.

[65] Я. Г. Гулямов. Отцовский род. Зарождение классов. В кн.: История Узбекской ССР, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 28—29. Часть материалов экспонирована в Музее истории АН УзССР в г. Ташкенте. Ряд зарисовок предметов был любезно показан автору Е. Е. Кузьминой. См. также: Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Труды Инст. истории и археологии, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 149—161.

[66] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar, стр. 228, рис. 135, табл. 68 (H 2426).

[67] См.: История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 29, рис. 4.

[68] Учитывая сильнейшую степень схематизации и крайнюю уплощенность, можно предполагать, что эта статуэтка является подражанием статуэткам Намазга V, когда эта схематизация и уплощенность развились очень широко. См.: Б. А. Литвинский, ук. соч., стр. 49, рис. 15.

ней Азии памятников типа андроновской культуры. Далее совершенно несомненно, что древние заман-бабинцы пользовались рядом вещей, привезенных из подгорных оазисов южной Туркмении, и сами производили отдельные вещи в подражание привезенным образцам. Вероятно, это влияние распространилось и на хозяйство. Во всяком случае само расположение погребений и, видимо, поселений в зоне затухающих протоков Зеравшанской дельты должно было благоприятствовать развитию земледелия. Еще А. А. Формозовым было высказано вполне вероятное, на наш взгляд, предположение о распространении в Казахстане и Южной Сибири пшеницы и домашних животных под влиянием древнеземледельческих племен — носителей культуры крашеной керамики.[69] Может быть, заман-бабинская культура при дальнейшем исследовании окажется именно передатчиком культурных злаков в их движении с юга на север.

Между тем материалы, свидетельствующие о культурных связях в эпоху бронзы племен севера и юга Средней Азии, в настоящее время все более увеличиваются. Мы имеем в виду так называемый Хакский клад, найденный еще в дореволюционное время в Фергане, на который обратил наше внимание Ю. А. Заднепровский.[70] В состав клада входят три булавки (одна серебряная и две бронзовые), два обломка бронзовых орудий и сплющенный бронзовый сосуд. Одна из булавок имеет двуспиральную головку, а на головке другой изображено доение коровы. Обе эти булавки имеют широкий круг аналогий, причем булавка с изображением доения коровы, видимо, не является булавкой как таковой, а принадлежит к числу тех предметов, которые в могилах Гисара IIIB и C входили в состав погребального инвентаря и были названы «жезлами». Аналогичные предметы широко распространены от Белуджистана до Мегиддо и датируются концом III—началом II тысячелетия до н. э.[71] Учитывая время, нужное для продвижения этих предметов в сравнительно отдаленную Фергану, Хакский клад можно ориентировочно датировать первой половиной II тысячелетия до н. э. Видимо, также о юго-западных связях Ферганы свидетельствует находка в Фергане другого клада, содержавшего бронзовые фигурки людей.[72] Подобные фигурки встречаются в Фергане сравнительно часто и могут быть сопоставлены с бронзовыми фигурками людей Гисара III, найденными тоже в виде отдельного клада,[73] хотя ферганские находки отличает значительное своеобразие. Можно поставить вопрос, не намечают ли такие пункты, как Заман-Баба и Хак в Фергане, направление древнего пути обменных связей. В южной Туркмении этот путь мог проходить через дельты Теджена и Мургаба, боковые протоки которых в древности были очень недалеко расположены друг от друга. Возможно, именно таким путем произошло первое ознакомление земледельцев Ахала и Этека с плодородными районами дельты Мургаба, положившее начало освоению этого района. Может быть, олово Ферганы послужило причиной возникновения этих обменных связей, поскольку, как мы видели, именно этого металла, не хватало металлургии Анау и Гисара.

Возможно, что отмечаемые юго-западные связи Ферганы сыграли какую-то роль в сложении здесь своеобразной чустской культуры, памятники которой были открыты в послевоенные годы,[74] хотя отдельные находки отмечались и раньше. В настоящее время известно несколько поселений чустской культуры, но раскопки производились только на Чусте[75] и Дальверзине.[76] Куль-

[69] А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 15.

[70] См.: ОАК, 1894, стр. 46. Ю. А. Заднепровский готовит специальную статью, посвященную исследованию этого клада.

[71] S. Piggott. Notes on Certain Metal Pins and Macehead in Harappa Culture. Ancient India, № 4, 1947—1948, стр. 26—40; C. Schaeffer. Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, стр. 170.

[72] М. Е. Массон. Археологические исследования в Узбекистане. Сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет», Ташкент, 1939.

[73] C. A. Schaeffer, ук. соч., стр. 446, рис. 33.

[74] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Труды Музея истории АН УзССР, вып. II, Ташкент, 1954, стр. 57; В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3.

[75] Помимо указанных выше статей М. Э. Воронца и В. И. Спришевского, см. заметки В. И. Спришевского в газете «Правда Востока» от 22 IX 1954, № 225 (9359) («Находки на Чустском поселении») и 24 IX 1955, № 227 (9675) («Интересные археологические находки»).

[76] Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в южной Киргизии. КСИЭ, XXVI, 1956, стр. 86—87.

турный слой этих поселений незначителен — от 1.7 до 2.5 м (Чуст). Характер построек еще не вполне ясен. Во всяком случае многочисленные ямы, обнаруженные на чустском поселении, едва ли являются остатками землянок: для этого они слишком малы. В 1956 г. Ю. А. Заднепровским на дальверзинском поселении были обнаружены продолговатые сырцовые кирпичи различной величины, что указывает на отсутствие определенного формата и стандарта, напоминая в этом отношении неолитические поселения Джейтун или Чопан-Депе. Возможно, что жилища были именно сырцовыми и глинобитными, но этот вопрос остается неизученным, в связи с чем отсутствуют и стратиграфические данные. Жители были несомненно оседлыми земледельцами, о чем свидетельствует весь облик культуры. При раскопках найдены зерна пшеницы, проса и ячменя. Для земледелия, видимо, использовались естественно орошавшиеся участки в поймах и низовьях рек.[77] Наибольший интерес представляет керамика, лепленная от руки и обычно покрытая красным ангобом, часто с черными пятнами на поверхности от неравномерного обжига. Встречаются банковидные цилиндрические сосуды, слегка расширяющиеся кверху, горшковидные сосуды, сосуды со сливами, часто керамика расписывалась черной краской. Орнамент представлен простыми геометрическими фигурами: прямые и косые линии, ромбы и треугольники, заполненные косой сеткой и т. п. Архаический, если можно так выразиться, энеолитический облик керамики первоначально смутил исследователей при определении даты чустского поселения. Однако «архаическую» керамику сопровождает сравнительно развитая бронзовая индустрия. В Чусте, помимо металлических шлаков и обломка литейной формы копья, найдены два черешковых литых ножа и крупный двуперый втульчатый наконечник стрелы или дротика. С верхними слоями Дальверзина связываются уже находки железных изделий.

Датировка чустской культуры не может считаться вполне установленной. Первоначально керамику Чуста сближали с посудой Анау II,[78] а само поселение датировалось III—II тысячелетиями до н. э.[79] Позднее стала преобладать датировка II тысячелетия до н. э.—началом I тысячелетия н. э.[80] Одним из главных аргументов архаической датировки, сохраняющей во многом свое значение в настоящее время, хотя и не отраженной в печати, являлся «ранний» облик керамики. Рассмотрим возможные аналогии. По цветной гамме эта ферганская керамика — полный аналог Анау I—Намазга I, но по характеру орнаментации она более близка посуде Анау II—Намазга II. Таким образом, керамику Чуста нельзя в полной мере сближать ни с Анау I, ни с Анау II. В равной мере различны формы сосудов и фактура теста. Противоречит определению чустской культуры как энеолитической и развитая металлургия: находки медных изделий в слоях Анау I и Анау II насчитываются буквально единицами и ограничиваются шильями, иглами и мелкими украшениями. Большое значение для вопросов датировки имеет обнаружение в Чусте бронзового наконечника дротика или стрелы, формы весьма поздней, поскольку, как можно было видеть выше, кремневые наконечники стрел долго сохраняют свое значение. Совершенно аналогичный наконечник был найден на южном кургане Анау в смешанных слоях, где встречалась керамика Анау IV и Анау III (Намазга VI). При любом варианте эти находки едва ли следует датировать временем раньше второй половины II тысячелетия до н. э. В этой связи можно отметить то обстоятельство, что целый ряд элементов росписи на архаической ферганской керамике, так же как и некоторые ее формы (небольшие горшковидные сосуды), могут быть сопоставлены с керамикой типа Яз I. Во всяком случае мы считаем, что на правильном пути находятся сторонники «короткой хронологии» и вполне закономерна попытка установить генетическую связь расписной керамики Чуста и Эйлатана.

---

[77] Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, 64, 1956, стр. 18.

[78] СЭ, 1954, № 3, стр. 71 и др.

[79] М. Э. Воронец, ук. соч., стр. 57; см. также заметку В. И. Спришевского в «Правде Востока» от 22 IX 1954.

[80] История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, стр. 30; Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 140; Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации. . . , стр. 17; Ю. А. Заднепровский. Археологические работы. . . , стр. 87.

Относительно происхождения чустской культуры с точки зрения юго-западных параллелей можно сказать следующее. Нет оснований считать, что она является результатом прямого переселения южнотуркменских общин. В таком случае следовало бы ожидать большее совпадение в материале и более развитой архитектуры, поскольку уже в пору Анау I—Намазга I существовали крупные здания, построенные из прямоугольного сырцового кирпича. Возможно, сношения со своими более развитыми соседями сыграли какую-то роль в формировании древнейшей земледельческой культуры Ферганы, но в целом ее генезис следует искать в местной основе, в том переходе к земледелию местных племен, который совершился у обитателей южной Туркмении почти на три тысячи лет раньше.

Возможно, к раннему времени относятся древнейшие наскальные изображения, встречающиеся в урочище Саймалы-Таш. Однако предложенная А. Н. Бернштамом датировка II тысячелетия до н. э. мало обоснована.[81] Если сопоставлять наскальные изображения с расписной керамикой стиля Сузы I и Сузы II, то древнейший пласт Саймалы-Таша следовало бы датировать IV—III, а не II—I тысячелетиями до н. э., как это делает А. Н. Бернштам. Совершенно ясно, что проведенные аналогии с расписной керамикой юга являются случайными и датировка древнейших изображений Саймалы-Таша требует иных обоснований.[82] Во всяком случае пока нет оснований видеть в Саймалы-Таше изображения колесниц индо-европейских племен.[83] Если искать подобные колесницы к северо-востоку от Индии, то скорее следует обратиться к моделям двухколесных повозок, найденных на Намазга-Депе в слоях III—начала II тысячелетия до н. э.

Вернувшись к синхронистической таблице, приведенной в настоящей главе (табл. 4), можно заметить, что остался нерассмотренным еще один ее сектор, обозначенный термином «андрон». Он отражает весьма существенные явления в жизни древнего населения Средней Азии. Мы имеем в виду широкое распространение скотоводческих (с частичным использованием земледелия в зависимости от природных условий) племен степной бронзы, культура которых крайне близка так называемой андроновской культуре Южной Сибири и Казахстана. Несомненно, что в дальнейшем на территории Средней Азии удастся выделить ряд локальных вариантов культуры степной бронзы, характеризующих различные группы проживавших здесь племен. Сейчас более ясно вырисовывается лишь группа племен, живших в Хорезме, где оставленная ими культура была названа С. П. Толстовым тазабагъябской.[84] Менее ясны конкретные особенности ферганской группы, и выделение ее в особую кайрак-кумскую культуру,[85] возможно, является преждевременным.

Особенно важны находки черепков посуды андроновского типа при раскопках поселений времени Намазга VI в южной Туркмении, что указывает на синхронизацию двух различных культур. Сейчас известно три таких памятника: Теккем-Депе, поселение Тахирбай 3 и южный бугор Анау.[86] На Теккем-Депе и Тахирбае 3 соответствующие фрагменты найдены в слоях, относящихся к поздним этапам Намазга VI. На

---

[81] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, № 2, стр. 57—59, 65, 67.

[82] Туловища животных древнейшего, по А. Н. Бернштаму, слоя Саймалы-Таша изображены или в виде двух сомкнутых вершинами треугольников, или в виде прямоугольника. На расписной керамике Чуста и Дальверзина пока не встречено зооморфных мотивов, но следует помнить, что размах зроведенных раскопок сравнительно невелик. Например, роспись посуды Анау I—Намазга I долго считалась геометрической, а в 1952 г. Б. А. Куфтиным на Намазга-Депе в соответствующих слоях были найдены фрагменты с изображениями и козлов.

[83] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 191, прим. 4.

[84] Наиболее полный материал дали раскопки могильника Кокча 3. См.: С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. . ., стр. 96—103.

[85] Предложено Б. А. Литвинским. См.: Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956, стр. 13. Едва ли правомерно распространение на всю Среднюю Азию термина «тазабагъябская культура», как это, например, сделано в последнем издании «Истории Узбекской ССР» (т. I, кн. 1, стр. 27).

[86] Б. А. Куфтин писал о находках «скотоводческой керамики» на «вышке» Намазга-Депе (Изв. АН ТССР, 1954, № 1, стр. 25). Видимо, он имел в виду венчики котлообразных сосудов с насечками по краю, подобных фрагментам, найденным на Теккем-Депе. Однако они могли принадлежать и кухонной посуде комплекса Намазга VI.

южном кургане Анау, насколько можно доверять отчету Г. Шмидта, они встречены в нижних слоях этого комплекса. Если это так, то сосуществование этих двух культур в южной Туркмении приходится во всяком случае на всю пору бытования комплекса Намазга VI. Керамика андроновского типа была найдена в большом количестве на окраинах Кара-Кумов, к северу от Ашхабада, где, видимо, находились развеянные поселения,[87] на Аучин-Депе и между колодцами Джуппы и Байгушлы в дельте Мургаба, в различных пунктах, по Келифскому Узбою,[88] к северо-западу от Каахки, в районе Кизыл-Арвата[89] и на Серманча-Депе у Арман-Сагата. Такое географическое распределение находок показывает, что племена степной бронзы во II тысячелетии до н. э. широко распространяются по территории южной Туркмении, вступая в контакт с общинами оседлых земледельцев.[90] Это намечает южную границу племен степной бронзы на территории Средней Азии. Действительно, если еще недавно Средняя Азия II тысячелетия до н. э. являлась большим белым пятном, то сейчас большая часть этого «пятна» заполняется могильниками и стоянками с керамикой андроновского типа. Прежде всего эти памятники были найдены на севере: в Хорезме,[91] Семиречье,[92] Тянь-Шане[93] и Ташкентской области.[94] Затем последовало обнаружение Вуадильского могильника в Фергане,[95] многочисленных стоянок в районе ферганских Кайрак-Кумов,[96] могильника и стоянок в низовьях Зеравшана, неподалеку от упоминавшегося выше более раннего некрополя.[97] Был поставлен вопрос об андроновском характере некоторых терракотовых статуэток, происходящих с городища Афрасиаб.[98]

Этот значительный по объему новый материал требует прежде всего большой работы по систематизации и хронологическому определению. Работа эта, однако, затруднена тем, что во многом еще не систематизирован огромный материал по андроновской культуре в более северных районах. Предложенная К. В. Сальниковым классификационная шкала для южного Зауралья,[99] возможно, во многом будет иметь лишь локальное значение. Разработка всех вопросов тем более важна, что с культурой степной бронзы Средней Азии и Казах-

---

[87] А. В. Збруева, ук. соч., стр. 186.

[88] С. А. Ершов. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя. Изв. Туркм. ФАН СССР, 1951, № 3, стр. 89.

[89] А. Ф. Ганялин. Теккем-Депе, стр. 86.

[90] Ср.: А. А. Марущенко. Анау (историческая справка). В кн.: Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1. М.—Ашхабад, 1939, стр. 101. Здесь, однако, это распространение почему-то отнесено к III тысячелетию до н. э. См. также: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. На стр. 69 на карте в районе к северу от Ашхабада отмечены «стоянки с керамикой андроновского типа».

[91] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 66—68.

[92] А. Н. Бернштам. Опыт классификации археологических находок (в Чуйской долине, 1941 г.). МИА СССР, № 14, 1950, стр. 105—106; ср.: М. А. Итина. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. Автореферат, М., 1951, стр. 13.

[93] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА СССР, № 26, 1952, стр. 12—20, 21, рис. 7.

[94] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 152; Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, 59, М., 1955, стр. 145—147. Т. Г. Оболдуевой, в частности, был опубликован вислообушный топор из Чимбайлыкского клада. Литейная форма подобного топора была найдена и в Кайрак-Кумах, но свидетельствует ли это в пользу среднеазиатского происхождения подобных топоров (Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов, ук. соч., стр. 12), сказать трудно. Речь, видимо, должна идти лишь о ташкентско-ферганском очаге металлургии. В районе Пенджикента был обнаружен проушной топор-тесло формы, восходящей к Гисару III, Мохенджо-Даро и погребению у Дайпа, т. е., видимо, южного происхождения. См. его публикацию: М. Е. Массон. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Горные инструменты. Ср.-аз. геологоразв. упр., Бюлл. № 2, Ташкент, 1930; А. И. Тереножкин. Археологические находки в Таджикистане. КСИИМК, XX, 1948, стр. 75.

[95] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, 63, 1956, стр. 85—93.

[96] Археологические и нумизматические коллекции. . ., стр. 11—13, табл. 3. Интересно, что в Кайрак-Кумах на одной стоянке был найден расписной сосуд чустского типа. Это может свидетельствовать о существовании в Фергане двух типов культуры, о чем писал еще А. Н. Бернштам (Историко-археологические очерки. . ., стр. 186). К сожалению, кайрак-кумские поселения развеяны и дают, по существу, лишь подъемный материал, так что совместность находки стратиграфически остается еще не доказанной.

[97] История народов Узбекистана, т. I, кн. 1. Ташкент, 1950, стр. 28—29.

[98] Л. Р. Кызласов. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. КСИИМК, 63, 1956, стр. 14—21.

[99] К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья. МИА СССР, № 21, 1951, стр. 137.

стана рядом исследователей связывается проблема происхождения индоевропейских племен, во всяком случае в их индоиранской части. Отождествление ариев с андроновцами, правда, в основном в предположительной форме, уже попало на страницы исторической литературы.[100] По существу, подобное отождествление является дальнейшей конкретизацией широко распространенного в западноевропейской литературе мнения о скотоводческих племенах Причерноморья и Прикаспия как о прямых предках индоевропейцев.[101]

Рассмотрение этого вопроса в настоящее время становится все более актуальным, поскольку данные письменных источников и археологии в Индии и Иране хронологически все более сближаются, а «сплошной» характер карты археологических культур лишает возможности отодвинуть загадочную индоиранскую «прародину» в еще не исследованные области. Автор далек от мысли предложить в дополнение к многочисленным существующим еще одну теорию происхождения индоиранских племен. Задача ставится значительно у́же: указать на некоторые имеющиеся данные и на их интерпретацию, которые можно было бы привлечь к разрешению этой проблемы, тем более, что по построениям ряда существующих гипотез археологический материал Средней Азии, в том числе и южной Туркмении, должен сыграть значительную роль.

Исторические данные, связанные с распространением в Индии и Иране индоиранских племен, сравнительно немногочисленны и как будто бы свидетельствуют о двух этапах их продвижения; в середине II и в начале I тысячелетия до н. э. К XIV в. до н. э. относится упоминание среди митаннийских божеств богов с несомненными индоиранскими именами (Индра, Варуна, Митра). Индроевропейские термины (собственно индийские) для верховой езды употреблены в известном митаннийском «Трактате о коневодстве». Видимо, митаннийские племена, а возможно, и предшествующие им касситы, в какой-то своей части вступили в контакт с индоиранцами или, может быть, даже включили в свой состав определенный индоиранский (в основном, видимо, индийский) этнический элемент.[102] Приблизительно в это же время в северо-западную Индию продвигаются арийские племена, занимающие долину Инда, а затем и Ганга.

Позднее, в начале I тысячелетия до н. э., начинается передвижение в Иран ираноязычных племен — мидян и персов, причем обстоятельное исследование, проведенное И. М. Дьяконовым, ясно показывает, что в IX—VII вв. до н. э. иранские племена появляются в большом количестве в восточной Мидии и затем продвигаются с востока на запад, отражая постепенную иранизацию местного населения.[103] Понятно, что Средняя Азия не могла остаться в стороне от этих событий, и поскольку здесь в середине I тысячелетия до н. э. почти все население говорит уже на индоевропейских языках, есть основания считать, что эти языки были распространены там и значительно раньше.

Обратимся к археологическим данным, среди которых наибольший интерес представляет археология Индии. Определенные связи с северным Ираном и южной Туркменией отмечаются еще для периода городской цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппы и для одновременных им белуджистанских культур земледельческих общин. Есть основания полагать, что сама культура Хараппы оставлена населением, говорившим на одном из дравидийских языков.[104] В конце своего существования цивилизация Хараппы приходит в определенный упадок и ее сменяет культура Джхукара, представленная пока

---

[100] А. Н. Бернштам. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. Тезисы докладов и содокладов на научной сессии об этногенезе киргизского народа. Фрунзе, 1956, стр. 4; В. В. Струве. Древнейший Иран и Средняя Азия. В кн.: Всемирная история, т. I, гл. XXV. М., 1955, стр. 591; И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 124, прим. 5. В 1948 г. С. П. Толстов, говоря о связях анауских культур и кельтеминара-тазабагъяба, писал, что в этом явлении можно видеть «одну из важнейших предпосылок индоевропейского этногенеза вообще и сложения индоиранской группы индоевропейцев в частности» (С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 68).

[101] V. G. Childe. The Aryans. A Study of Indo-European Origins. London, 1926; S. Piggott. Prehistoric India to 1000 b. c. London, 1952, стр. 248.

[102] A. T. E. Olmstead. History of Persian Empire. Chicago, 1948, стр. 11; S. Piggott, Prehistoric India . . ., стр. 250—251; И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 124—125.

[103] И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 151 и др.

[104] В. С. Воробьев-Десятовский. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков. СВ, 1956, № 1, стр. 7—8.

лишь в нескольких пунктах.[105] Одновременно происходят какие-то важные события, возможно связанные с передвижением племен и в Белуджистане. В частности, на юге появляется своеобразная культура Шахи-Тумп, генетически связанная с более древними культурами юго-западного Ирана. И в Джхукаре, и в Шахи-Тумпе сохраняется расписная керамика, но особенный интерес представляют распространенные в этих слоях печатки-штампы, не имеющие ничего общего с хорошо известными печатями Хараппы, но зато находящие прямые аналогии в памятниках бронзового века Ирана и южной Туркмении.[106] Видимо, к периоду после запустения Хараппы принадлежит и Харапповский могильник Н.

Р. М. Уилер первый предложил считать, что цивилизация Мохенджо-Даро и Хараппы погибла в результате завоевания ариев,[107] с которыми в таком случае следовало бы связывать постхарапповские культуры вроде Джхукары или могильника Н. Наиболее подробно исследовавший эти вопросы С. Пиготт пришел к выводу о том, что в носителях этих культур следует видеть или разрушителей Хараппы, или племена, осевшие здесь в скором времени после запустения этого древнеиндийского города.[108] Д. Гордон недавно даже предложил конкретизировать, по данным Ригведы, носителей культуры Джхукара.[109] Возражения, которые можно было бы выдвинуть против этой теории, связаны предже всего с вопросами хронологии. Если Р. М. Уилер и С. Пиготт относили конец Хараппы к 1500 г. до н. э., то в настоящее время имеется тенденция понизить эту дату чуть ли не до конца III тысячелетия до н. э. [110] Хотя старая датировка представляется более вероятной, окончательно разрешить этот вопрос затруднительно, поскольку в северо-западной Индии археологически остается почти незаполненным пробел вплоть до середины I тысячелетия до н. э. В целом керамика как могильника Н, так и культура Джхукара связана с продолжением местных традиций, но отдельные элементы вроде украшений, печатей и орудий действительно уходят своими аналогиями на северо-восток, как бы расширяя связи, наметившиеся еще в поздний период Хараппы. Аналогии комплекса Намазга VI с культурой Джхукара были отмечены выше. В последнее время индийский археолог Б. Лал предложил отождествлять с ариями носителей культуры так называемой Grey Painted Ware, распространенной в верхнем бассейне Ганга и относящейся к первой половине I тысячелетия до н. э.[111] Материал этой культуры недавно опубликован, но если предположение Б. Лала и верно, то его отождествление относится к позднему периоду, когда пришедшие в Индию племена уже прочно осели на новых местах.[112]

Значительно менее разработаны соответствующие археологические данные для Ирана, где Р. Гиршман предложил связывать с индоевропейскими племенами, продвинувшимися из района Тепе-Гисар—Шах-Тепе, оба некрополя Сиалка.[113] В таком случае некрополь В, с которым несомненно генетически связана расписная керамика нижнего слоя ахеменидских Суз, следовало бы относить к раннемидийским племенам. В этой связи особый интерес представляет обнаружение в Белуджистане керамики, близкой Сиалковскому некрополю В, что С. Пиготт склонен связывать со второй волной арийского продвижения.[114]

---

[105] N. C. Majumdar. Explorations in Sind. Memoirs of the archaeological Survey of India, № 48, Delhi, 1934, стр. 154; Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 31; S. Piggott. Prehistoric India. . ., стр. 221—225; B. B. Lal. Protohistoric Investigation. Ancient India, № 9, 1953, стр. 88—89.

[106] S. Piggott. Prehistoric India. . ., стр. 224 226.

[107] R. E. M. Wheeler. Iran and India in Pre-Islamic Times. Ancient India, № 4, 1947—1948, стр. 92 и сл.

[108] S. Piggott. Prehistoric India . . ., стр. 226.

[109] D. H. Gordon. The Pottery Industries of the Indo-Iranian Border, Ancient India, № 10—11, 1954, 1955, стр. 107.

[110] Так получается, например, по последней синхронистической таблице Мак Куана. См.: Relative Chronologies in Old World Archeology. Chicago, 1954, стр. 67.

[111] B. B. Lal, ук. соч., стр. 93—97.

[112] Не с подобным ли перемещением связано запустение старых центров в северо-западной Индии?

[113] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, v. II. Musée du Louvre, Serie archéoloque, t. V, Paris, 1939, стр. 104—106.

[114] См. рецензию С. Пиготта (на книгу: D. H. Gordon. Giyan, Hissar and Indo-Iranian Connection. Man in India, XXVII, 1947, № 3), опубликованную в «Antiquity», № 96, 1950, стр. 218. О неоднократности арийских вторжений в Индию на основании лингвистических данных см.: В. С. Воробьев-Десятовский. Древняя Индия, стр. 103—104.

Во всяком случае сам факт продвижения мидийских племен в начале I тысячелетия до н. э. из района Хорасана в центральный и западный Ирак, как отмечалось, не может вызывать особых сомнений.

В свете этих данных и материалов для рассматриваемых районов юга Средней Азии, с которыми, видимо, в известной мере следует в данном случае объединять и иранский Хорасан, можно предположить два возможных варианта. Во-первых, эти районы, как и более южные территории, могли явиться лишь промежуточной территорией для двигавшихся с севера древних индоевропейских племен. Во-вторых, указанные области могли быть местом обитания этих племен уже с древнейшего времени.

Попыткой археологической конкретизации первого из этих предположений является точка зрения, рассматривающая комплекс Яз I как результат варваризации местной культуры в результате вторжения с севера арийских племен — носителей андроновской культуры.[115] Действительно, такой массовый вид археологического материала, как керамика, свидетельствует об особом положении комплекса Яз-Депе I и некотором огрубении традиций керамического производства. Во-первых, после почти тысячелетнего периода, когда при помощи гончарного круга изготовлялась разнообразная и совершенная посуда (комплексы Намазга V и VI), наступает время резкого преобладания сосудов ручной лепки и заметного упрощения керамических форм. Во-вторых, опять-таки после тысячелетнего перерыва на посуде вновь появляется роспись, но не в изысканном и совершенном виде, как это было на керамике в пору Намазга IV, а в упрощенных и примитивных мотивах, как бы восходящих к архаической расписной посуде комплекса Намазга I.

Изучение генезиса керамики типа Яз-Депе I затрудняется некоторой неполнотой существующей стратиграфической колонки. По всей видимости, между археологическим комплексом Намазга VI и слоями Яз-Депе I в том виде, в каком они представлены на Яз-Депе, существует хронологический разрыв, занимающий около полутора-двух столетий. Этот разрыв ощущается как при изучении общей эволюции материальной культуры, так и при датировке соответствующих комплексов. Если материалы Намазга VI в значительной мере тяготеют к середине II тысячелетия до н. э., то находки двуперых втульчатых наконечников стрел на Яз-Депе не позволяют особенно занижать датировку комплекса Яз-Депе I. Вероятно, в имеющихся материалах есть пробел, приходящийся на конец II и на грань II и I тысячелетий до н. э. Заполнение этого пробела, возможности для чего как будто открываются на городище Елькен-Депе, несомненно будут способствовать выяснению генезиса комплекса Яз-Депе I. Однако уже на имеющемся в дельте Мургаба материале есть основания ставить вопрос об определенной эволюционной связи посуды Намазга VI и Яз-Депе I. В формах сосудов Яз-Депе I, сделанных на гончарном круге, можно видеть определенное продолжение более древних традиций (кубки, горшковидные сосуды). Наряду с формой сохраняется и проведение на плечиках параллельных нацарапанных линий. Среди керамики, лепленной от руки, повторяет форму, существовавшую в комплексе Намазга VI, керамическая жаровня. Придонная часть одного из хумов, найденных на цитадели Яз-Депе, имеет у дна вогнутую выкружку, столь характерную для аналогичных сосудов Намазга VI. Возможно, что форма хумча Намазга VI в сочетании с кольцевидной подставкой являлась прообразом котлообразных расписных хумов Яз-Депе I с высоким кольцевидным поддоном. Не исключено, что наличие в комплексе Яз-Депе I серой посуды также сохраняет традиции пред-

---

[115] Эта точка зрения по сути дела является развитием формулировки Р. Пампелли и Г. Шмидта, называвших соответствующий слой на южном бугре Анау «периодом варварской оккупации». См.: А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Труды Инст. истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 9. А. Ф. Ганялин в категорической форме пишет о «гибели всей местной древнеземледельческой культуры» (Теккем-Депе, стр. 86). В более осторожной формулировке излагает эту точку зрения А. А Росляков: «В частности, были разгромлены и захирели громадные поселения Ахала и Этека; вероятен временный упадок земледелия и городов, ликвидация древнейших государств, уничтоженных отсталыми степными племенами. Но этот упадок не мог быть продолжительным, так как завоеватели в свою очередь осели на землю, освоили технику и навыки покоренных земледельческих племен» (Краткий очерк истории Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 19; об упоминаемых в цитате древнейших государствах см. следующую главу настоящего издания).

шествующего периода, когда серая керамика была относительно широко распространена.

Однако все эти аналогии лишь протягивают отдельные линии связи, но не решают проблемы происхождения всей керамики Яз-Депе I. В частности, это касается вопроса о появлении росписи на посуде. Было высказано предположение о том, что в появлении основного мотива росписи (треугольника с различным заполнением) сказалось влияние нарезного орнамента андроновской керамики.[116] Вместе с тем это влияние могло касаться лишь орнамента. Разнообразные формы керамики Яз-Депе I не имеют ничего общего с ограниченным ассортиментом посуды андроновских племен.

Таким образом, можно считать, что в пору Яз-Депе I произошел определенный регресс в области керамического производства по сравнению с предшествующим временем. Однако это частное явление отнюдь не позволяет говорить об упадке всего хозяйства в целом, а тем более о «гибели культуры». Производство керамики не имело решающего значения в хозяйстве древнеземледельческих общин. Его основой было земледелие, использующее искусственное орошение. А как раз в этой области в пору Яз-Депе I можно наблюдать значительный прогресс. В дельте Мургаба складываются два новых значительных оазиса, для орошения которых проводятся крупные каналы. Центральными оазисами становятся поселения с цитаделями, отсутствовавшими в предшествующий период. В строительстве, в частности, сохраняется старый формат крупного сырцового кирпича. Кремневые наконечники стрел заменяются бронзовыми, и начинают входить в употребление железные орудия. В целом хозяйство и культура являются непосредственным продолжением старых традиций. Ирригационный опыт древних обитателей Аучина и Тахирбая 3 был использован строителями оросительных каналов яз-депинского и аравали-депинского оазисов.

Таким образом, в распоряжении исследователя остается лишь несомненный факт огрубения керамического производства. Чем его следует объяснить, остается неясно. Может быть, действительно, это является следствием завоевания Ахала и Этека скотоводческими племенами — носителями андроновской культуры. Но доказать это при имеющемся материале невозможно. В равной мере вся теория об иранской принадлежности носителей андроновской культуры будто бы и явившихся теми ариями, которые положили основание Мидии и Персии, требует прежде всего археологического доказательства продвижения этой культуры с севера на юг. Обнаружение соответствующих памятников первоначально в Сибири и Казахстане, а затем лишь в Средней Азии еще не доказывает этого. Наоборот, есть все основания полагать, что культурные влияния шли в обратном направлении, с юга на север.

Однако если со временем удастся собрать более значительные аргументы в пользу определения поры Яз-Депе I как времени иранизации по языку местного оседлого населения в результате продвижения скотоводческих племен, то это еще не решит всего круга вопросов. Хронологически это явление будет соответствовать лишь мидо-персидскому продвижению, а упоминание в митаннийских текстах имен индийских богов и распространение в самой Индии индоарийских племен оказываются более древними событиями. В таком случае можно будет вернуться ко второму предположению, высказанному выше, а именно к тому, что индоиранские племена являлись обитателями Хорасана с древнейших времен. Культура древнеземледельческих племен южной Туркмении и северного Ирана, начиная с позднего неолита, отличалась значительной самобытностью, и в ее развитии не наблюдается резких перерывов. Тогда соотношение носителей андроновской культуры и оседлых земледельцев поры Намазга VI следует считать соседствованием этнически одинаковых племен с различным способом хозяйства. Все это в значительной мере остается в области теоретических рассуждений. Решающее значение будут иметь дальнейшие изыскания в области установления сплошной стратиграфии в Индии и Афганистане. Археологические материалы показывают, что определенные культурные связи между южной Туркменией и Белуджистаном существовали еще в III тысячелетии до н. э. Тем более естественно предполагать наличие соответствующих данных и для более позднего времени, а, как отмечалось при рассмотрении мургабского варианта культуры Намазга VI, некоторые шаги в этом направлении уже могут быть сделаны.

---

[116] В. М. Массон. Расписная керамика.

ГЛАВА 2

ПРОБЛЕМА ДОАХЕМЕНИДСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И НОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Когда в Средней Азии были открыты слои середины I тысячелетия до н. э., то изучение археологического материала этого времени подтвердило сведения письменных источников о том, что здесь задолго до походов Александра Македонского и мощной волны эллинистического влияния развивалась своеобразная местная культура и сложилось классовое общество.[1] С 50-х годов расширяются исследования более древних культур, и в этой связи снова встает вопрос об общественных отношениях древних обитателей Средней Азии, о времени распада первобытно-общинного строя и сложения классового общества. Уже некоторые данные письменных источников позволяли предполагать существование в Средней Азии каких-то крупных политических объединений. Однако эти данные были отрывочны; авторы, сообщающие их, не всегда заслуживали полного доверия, и эта проблема долгое время продолжала оставаться дискуссионной. Новый конкретный материал для исследования этой проблемы принесли работы советских археологов в Средней Азии, и учет археологического материала может оказать существенную помощь в ее разрешении. Вместе с тем и сама проблема получает несколько иную постановку. Если раньше она в основном ограничивалась кабинетной дискуссией о существовании или отсутствии крупного бактрийского политического объединения (в последнее время этот вопрос был поставлен и для Хорезма), то сейчас, с привлечением археологических данных. ее можно рассматривать как вопрос о времени разложения первобытно-общинного строя и развития классовых отношений у народов Средней Азии. Именно в таком разрезе мы и собираемся коснуться этой проблемы в связи с новыми материалами, полученными в южной Туркмении и, в частности, в дельте Мугаба. Наше рассмотрение будет связано с тремя вопросами: о характере общественных отношений в южной Туркмении в начале II тысячелетия до н. э., о доахеменидском Хорезме и о государстве древней Бактрии.

Выделение для II тысячелетия до н. э. именно областей южной Туркмении вполне закономерно. Как можно было видеть выше, плодородные оазисы вдоль северных отрогов Копет-Дага занимали оседлые земледельческие общины. Ахал и Этек входили в большую область распространения культур земледельцев и скотоводов, область, протянувшуюся от Балканского полуострова до среднего течения Инда. О высокой культуре древнего населения прикопет-дагских оазисов свидетельствовали уже раскопки двух холмов Анау, хотя эти холмы являлись остатками бедных и рядовых поселений, наряду с которыми существовали более развитые центры. Еще в 1920 г. М. И. Ростовцев, исследуя астрабадский клад, писал, что в Туркмении существовала развитая культура, возможно уже знавшая письменность, которую могут открыть исследования более значительных памятников, чем анауские селения.[2] Сравни-

[1] М. М. Дьяконов. Древняя Бактрия. Сб. «По следам древних культур», М., 1954, стр. 321—322 и сл.

[2] M. Rostovtzeff. The Sumerian Treasure of Astrabad. Journ. of Egypt. Archaeol., VI, 1920, стр. 26.

тельно скудные материалы, полученные при раскопках Анау, долгое время являлись единственным источником в руках исследователей. Опираясь на эти материалы, А. В. Арциховский отмечал, что по своему развитию так называемая культура Анау III (Намазга IV, V и VI новой терминологии) напоминает древневосточные города.[3] Позднее А. В. Арциховский прямо писал о существовании в южной Туркмении во II тысячелетии до н. э. цивилизации и классового общества.[4] Лишь с начала систематических раскопок на Намазга-Депе в 1949 г. возник новый этап в изучении древнеземледельческих культур, а фактический материал начал резко увеличиваться с каждым новым годом полевых исследований. Попыткой конкретизировать гипотезу А. В. Арциховского на новом материале явилась точка зрения А. А. Марущенко о наличии в южной Туркмении во II тысячелетии до н. э. классового раннерабовладельческого общества.[5] С возражениями против этой точки зрения выступил Б. А. Куфтин и некоторые другие исследователи.[6] Каков же конкретный материал, говорящий за или против этой гипотезы?

К сожалению, в печати отсутствует развернутая аргументация сторонников гипотезы А. В. Арциховского, а все ограничивается отдельными, часто попутными замечаниями. Как можно видеть, главным аргументом при этом является высокий уровень развития производительных сил в начале II тысячелетия до н. э. (комплекс Намазга V) и в первую очередь развитие гончарного ремесла. Так, А. А. Росляков пишет: можно предположить, «судя по уровню развития производительных сил, что уже во II тысячелетии до н. э. на юге современного Туркменистана возникает рабство и местами зарождается примитивная государственная организация типа ацтекской или древней шумерской».[7]

Таков же ход рассуждений и А. А. Марущенко. Описывая керамическое производство времени Намазга V, он отмечает большое количество печей для обжига посуды, применение гончарного круга и якобы существовавшее сосредоточение керамического производства в определенном месте поселения. Степень развития ремесленного производства, заключает автор, показывает, что оно характеризует хозяйство иного типа, чем хозяйство родовой или большесемейной общины. На основании этого дается следующая характеристика поры Намазга V: «высокоразвитое земледельческое и скотоводческое хозяйство, высокоразвитое ремесленное товарное производство и обмен».[8] Вся эта характеристика, в сущности, основана на данных об одном гончарном производстве. Действительно, начиная с позднего Намазга IV, глиняная посуда южнотуркменистанских общин изготовляется на гончарном круге, а при раскопках слоев времени Намазга V на самом Намазга-Депе встречено большое количество гончарных горнов. Однако в соотношении с общей площадью этого огромного поселения объем раскопок еще недостаточно велик и трудно с уверенностью говорить о размещении на поселении тех или иных производств. Из трех раскопов, вскрывших на большой площади слои Намазга V, в двух (раскоп А. Ф. Ганялина 1953—1956 гг. и Б. А. Куфтина 1952 г. — так называемая «площадка с горнами») были найдены керамические печи, а в одном (раскоп Б. А. Литвинского 1949—1950 гг.) они отсутствовали. При этом раскопы с печами были расположены в различных частях поселений, сравнительно далеко друг от друга. Видимо, можно будет говорить о сосредоточении керамического

---

[3] А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 69.

[4] См. рецензию А. В. Арциховского на книгу С. П. Толстова «Древний Хорезм» («Сов. книга», 1949, № 3, стр. 75—76).

[5] А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Труды Инст. истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 8—9.

[6] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТССР, 1954, № 1, стр. 29: «Необходимо остерегаться искажений конкретного исторического процесса и, не имея объективных данных, не относить становление античного рабовладельческого общества в Туркменистане ко времени, предшествовавшему концу бронзовой эпохи. Раскопки на Намазга-Депе полностью исключают возможность подобного взгляда». См. также: История Туркменской ССР, т. I. Макет. Ашхабад, 1955, стр. 35—37.

[7] А. А. Росляков. Краткий очерк истории Туркмении. Ашхабад, 1956, стр. 19. Формулировка не вполне точная, поскольку рабство возникает еще в недрах первобытно-общинного строя много раньше сложения самого примитивного государства.

[8] А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г., стр. 8.

производства на Намазга-Депе не в одном, а в нескольких местах поселения.[9]

Тем не менее нет сомнений в том, что керамическое производство в пору Намазга V было развито сравнительно высоко и приобретало черты ремесла. Однако нет никаких данных, говоривших бы о товарном производстве или товарном обмене.

Гончарное ремесло не играло главной роли в развитии производительных сил. Оно, разумеется, отражало общий уровень развития техники и производства, но в рассматриваемое время основой хозяйства оседлых общин Алаха и Этека несомненно было земледелие, тесно связанное с искусственным орошением полей. Между тем пока нет никаких данных, свидетельствовавших бы о каких-либо значительных изменениях в этой области производства в начале II тысячелетия до н. э.

Поселения вроде Намазга-Депе располагались по среднему течению речек и ручьев, где, видимо, для орошения полей было необходимо строить подпруды и проводить небольшие арыки. Эти поселения были основаны еще в пору энеолита. Крупные размеры Намазга-Депе, что, вероятно, явилось одним из субъективных моментов, смутивших А. А. Марущенко и других исследователей, относятся в равной мере и к поре Намазга III и IV (в основном III тысячелетие до н. э.). Можно предполагать, что в земледелии начал использоваться плуг, поскольку с поры Намазга IV широко распространяются глиняные модели повозок. Однако в ирригационном хозяйстве, являвшемся основой земледелия, едва ли произошли какие-либо коренные изменения. Сама возможность подобных изменений исключалась гидрологической базой подгорной полосы. Протекавшие здесь небольшие речки и ручьи не требовали для своего освоения создания крупных и сложных ирригационных систем. Подобные системы начинают создаваться лишь с освоением течения более крупных рек вроде Мургаба, Атрека и Сумбара, что мы и видим в более поздний период, начиная, вероятно, с конца II тысячелетия до н. э.

Несомненно, уровень развития общества в начале II тысячелетия до н. э. был высок и в этом обществе происходили процессы имущественной (как это видно на примере могил Гисара III) и, надо полагать, социальной дифференциации. Однако нет никаких данных, свидетельствующих о том, что общество уже вышло за рамки первобытно-общинного строя и стало классовым. Крупные поселения этой поры, несмотря на их значительные размеры, нельзя назвать городами, поскольку на них до сих пор не обнаружено каких-либо следов специальных оборонительных сооружений. Это весьма неожиданное явление, так как укрепленные поселения появляются уже в конце первобытно-общинного строя. Однако если есть косвенные данные, указывающие на существование оборонительных валов у поселений поры Намазга VI, то для предшествующего времени приходится ограничиваться предположением о том, что края поселения образовывали внешние (обычно более массивные) стены жилых домов. Далее, на поселениях отсутствуют цитадели. В настоящее время можно совершенно определенно утверждать, что так называемая «вышка» Намазга-Депе является не остатками цитадели или даже зиккурата, а представляет собой всхолмление, образованное более поздними наслоениями. Между тем археология Двуречья, к которой мы еще обратимся ниже, ясно показывает, что мощные платформы с высящимися на них храмами и позднее дворцами появляются еще в период, предшествующий сложению раннеклассового общества. Мы считаем вполне вероятным, что в верхних слоях Намазга-Депе с расширением будут обнаружены остатки крупного святилища или храма, включенного в общий комплекс жилых домов. Но храмы или дворцы правителей, возвышавшиеся на высоких платформах противостоящие рядовой архитектуре и появляющиеся в южной Туркмении лишь на тысячу лет позднее, здесь еще отсутствуют.

Наконец, следует сказать, что не нужно рассматривать поселения Ахала и Этека каким-то отдельным островком, оторванным от окружающего мира. Если вполне оправдано выделение для II тысячелетия до н. э. этих районов из числа других областей

---

[9] На мургабском поселении Аучин-Депе несколько печей было также расположено по соседству друг от друга. Видимо, это было производство, обслуживавшее всю общину, населявшую Аучин-Депе. Если считать, что на Намазга-Депе проживало уже несколько общин (судя по размерам поселения), то не следует ли ожидать там обнаружения нескольких центров керамического производства?

Средней Азии, то в равной степени не может быть признано правильным рассмотрение их истории и культуры в отрыве от одновременных поселений Ирана, Афганистана и северо-западной Индии. Культура и хозяйство многочисленных земледельческих общин, существовавших на этой обширной территории, были весьма близки культуре и хозяйству южнотуркменских поселений, а в ряде случаев и опережали их в своем развитии. Так, в центральном Иране введение гончарного круга было более чем на тысячу лет древнее аналогичного явления в южной Туркмении. В равной степени изготовлялась на гончароном круге и вся посуда многочисленных поселений Белуджистана III—II тысячелетий до н. э. Между тем нет абсолютно никаких данных о сложении классового общества и государства у земледельческих общин Ирана, хотя на западе область их распространения граничила с древними государствами Двуречья и попадала в районы, частично освещенные письменными источниками. Нет сомнений, что все эти районы переживали период разложения первобытно-общинного строя, социальной и имущественной дифференциации, но завершение этого процесса в виде образования классового общества и государства происходит здесь значительно позднее. Это был обширный пояс земледельческих общин, примыкающей к городским цивилизациям Инда и Двуречья.

Хотя в южной Туркмении очень рано произошло сложение земледельческих общин и, видимо, также весьма рано стали развиваться патриархальные отношения, эти явления не привели к быстрому сложению классового общества в отличие от районов Двуречья. Это объясняется, на наш взгляд, конкретным характером природных условий, в которых развивались земледельческие общины Ахала и Этека. В прикопетдагских оазисах земледелие было связано с использованием для орошения небольших речек и ручьев. Здесь не было необходимости ни в создании крупных ирригационных сооружений ни в сложной системе управления арригационным хозяйством. Организация орошения, базирующегося на небольшой речке или ручье, была вполне по силам отдельным первобытным общинам. Это обстоятельство несомненно благоприятствовало развитию здесь оседлой земледельческой культуры еще в пору позднего неолита и энеолита. Оно же, как нам кажется, стало играть отрицательную роль при дальнейшем развитии общества. Кроме того, возделывание полей давало здесь меньше прибавочного продукта, чем в долинах Нила и Евфрата, где плодородный ил, оседавший на поля при ежегодных разливах на огромной территории, позволял собирать богатые урожаи. В конкретных исторических и природных условиях древнее общество южной Туркмении продолжало развиваться в рамках первобытно-общинного строя. Новый период наступает с освоением течения крупных среднеазиатских рек. С освоением земледельцами дельты одной из этих рек, Аму-Дарьи, и связана следующая проблема — вопрос о доахеменидском государстве Хорезма.

Если о доахеменидском объединении в Бактрии свидетельствует вполне определенная традиция античной историографии, то о роли Хорезма в этот период можно судить лишь на основании одного не вполне ясного сообщения Геродота, которое мы рассмотрим ниже. Еще В. В. Бартольд допускал существование в Хорезме весьма древней государственной власти.[10] Затем И. Маркварт выступил с теорией о существовании хорезмийского царства, объединявшего значительную часть Средней Азии и уступившего первое место Бактрии лишь после ахеменидского завоевания.[11] В советской литературе активным сторонником этой точки зрения является С. П. Толстов,[12] склоняется к ней и И. М. Дьяконов.[13] Эта точка зрения после выхода работ С. П. Толстова о Хорезме получила распространение в советской литературе.

В третьей книге «Истории» Геродота приведено ценное сообщение об устройстве на р. Ак (Ἄκης) плотины для использования речных вод при орошении полей.[14] Это место, согласно свидетельству Геродота, находилось на границе гирканиев, парфян, таманеев, драигианцев и хорезмийцев. До подчинения персам этот район, сообщает Геродот, принадлежал хорезмийцам. Уже ди-

---

[10] В. В. Бартольд. Иран. Ташкент, 1926, стр. 17.

[11] J. Markwart. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, стр. 10—11.

[12] С. П. Толстов. 1) Древний Хорезм. М., 1948, стр. 341; 2) По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 103—107.

[13] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 357—358 и др.

[14] Геродот, III, 117.

скуссия о возможном местонахождении этой загадочной реки вызвала сравнительно большую литературу, поскольку трудно было найти место, где граничили все указанные Геродотом народности. Преобладающим в настоящее время является отождествление р. Ак с современным Тедженом,[15] водами которого в их верхнем течении могли пользоваться жители Дрангианы, а район низовьев попадал в область Парфии. Обособленной является точка зрения С. П. Толстова о локализации р. Ак в Хорезме,[16] но она едва ли может быть принята уже в силу перечисленного выше списка народов, каким бы случайным этот список ни считать. Несомненно, перед нами какая-то южная река: Мургаб или скорее всего Теджен.[17] Наиболее важным для нас является сообщение Геродота о том, что в древности эта долина принадлежала хорезмийцам, после которых уже перешла в руки персов. Именно в этом сообщении И. Маркварт видел указание на существование какого-то крупного хорезмийского объединения, власть которого распространялась за пределы Хорезма. Границы этого объединения И. Маркварт и С. П. Толстов предполагали видеть в XVI сатрапии ахеминидской империи, объединявшей, по Геродоту, Парфию, Хорезм, Арею и Согд. Состав этой сатрапии действительно довольно странен: например, включение в нее Согда вызывало у исследователей большие сомнения, поскольку эта область всегда была более тесно связана с Бактрией.[18] Значительный интерес, на наш взгляд, представляет объяснение, предложенное недавно И. М. Дьяконовым, который считает что XVI сатрапия объединяла несколько стран, находившихся одно время в руках какого-либо лица, например отца Дария, Гистаспа.[19] Действительно, еще при Камбизе, а, видимо, и при Кире Гистасп был сатрапом Парфии и Гиркании. Арея и Хорезм (а также и Согд?) могли быть переданы в его управление после того, как сам Дарий прочно занял престол «царя царей». О тесных связях Парфии и Хорезма свидетельствует и тот факт, что в армии Ксеркса воинские контингенты обеих стран были объединены под командованием Артабаза, сына Фарнака.[20]

Существенную роль при исследовании данного вопроса должны сыграть археологические данные, рисующие культуру и хозяйство Хорезма VIII—VII вв до н. э. Однако высказанное С. П. Толстовым предположение о создании в это время обширной ирригационной сети, что, по его мнению, указывало на существование мощного централизованного государства,[21] пока не нашло себе конкретных подтверждений.

Древнейшие каналы ирригационной сети Хорезма, как показали проведенные в последнее время детальные исследования хорезмийской экспедиции, датируются «кюзели-гырским комплексом», т. е. временем едва ли ранее VI—V вв. до н. э.[22]

В первой трети I тысячелетия до н. э. в Хорезме, насколько можно судить по публикациям, продолжалось развитие сравнительно примитивной земледельческо-скотоводческой культуры с лепленной от руки керамикой, для более раннего периода хорошо представленной тазабагъябским комплексом.[23] Видимо, продолжалось дальнейшее усовершенствование примитивных способов орошения полей, завершившееся в середине I тысячелетия до н. э. созданием уже более развитой ирригационной сети.

---

[15] J. Markwart, ук. соч., стр. 9 и сл.

[16] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 44—45.

[17] И. М. Дьяконов полагает, что гиркании здесь названы только потому, что они входили с парфянами в один племенной союз Истории Мидии, стр. 357—358).

[18] В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. ИТОРГО, т. IV, вып. II, Ташкент, 1902, стр. 6—7.

[19] И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 348, прим. 2.

[20] Геродот, VI, 66.

[21] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 103.

[22] С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3. Вопрос о датировке кюзели-гырского комплекса рассматривался в главе о стратиграфии Яз-Депе.

[23] К этому времени (X—VII вв. до н. э.) относит С. П. Толстов существование амирабадской культуры. Не вполне ясным является вопрос о выделении так называемой суярганской культуры, материал которой почти не издан. С. П. Толстов предполагал, что она появилась в Хорезме в результате переселения группы племен из южной Туркмении. Лепленная от руки суярганская посуда относительно груба, что полностью исключает какую-либо связь ее с комплексами Намазга V и VI. Материал комплекса Яз-Депе I тоже как будто резко отличен от суярганского материала. Не заставляет ли это поставить вопрос о местном, хорезмийском генезисе суярганской культуры?

Однако, несмотря на многолетние и тщательные исследования, проведенные Хорезмийской экспедицией, до сих пор неизвестны развалины крупных оседлых поселений, которые можно было бы отнести к VIII—VII вв. до н. э. или хотя бы к первой половине VI в. до н. э. Это позволяет заключить, что археологические материалы пока никак не могут быть использованы при разрешении вопроса о доахеменидском объединении в Хорезме, а длительность и размах проведенных изысканий позволяют скорее рассматривать и само отсутствие подобных материалов как один из аргументов против этой теории.

Однако если археологические данные не позволяют утверждать, что в VIII—VII вв. до н. э. Хорезм был страной, имеющей крупные поселения с цитаделями и развитую ирригационную систему, это еще не снимает полностью вопроса о политическом объединении, существовавшем на его территории. Несомненно, в этот период в Хорезме происходило разложение первобытнообщинных отношений, хотя, видимо, этот процесс шел менее интенсивно, чем в более южных районах. Следует признать, что свидетельство Геродота о р. Ак, учитывая обычную достоверность этого автора, позволяет допустить существование политической гегемонии хорезмийцев, выходящей в какой-то мере за границы собственно хорезмийской территории.[24] В одной из своих работ С. П. Толстов пишет, что древнее хорезмийское царство представляло собой «военнодемократическую конфедерацию племен, постепенно перераставшую в государственное объединение».[25] Возможно, что в первой половине VI в. до н. э. подобная конфедерация (входившая в сакский союз?) распространила свою власть на какие-то южные районы, что и нашло свое отражение в сообщении Геродота. К IV в. до н. э. уже сложилось государство древнего Хорезма. Как мы знаем из письменных источников, во главе его стоял царь Фарасман.

Обратимся к сопоставлению археологических материалов и литературной традиции о существовании древнего государственного объединения в Бактрии. Эта довольно настойчивая традиция, восходящая в основном к Ктесию Книдскому, заставляла большинство исследователей признавать с теми или иными оговорками существование царства древней Бактрии.[26] Однако вместо с тем сообщение Ктесия изобиловало таким количеством легендарных и явно фантастических подробностей, что никак не могло быть признано достоверным историческим источником. Это заставляло ряд исследователей или просто сбрасывать со счетов подобные сообщения, или признавать существование древнебактрийского государства лишь с значительными оговорками. Большое значение для изучения этого вопроса имеет недавно опубликованная статья М. М. Дьяконова, специально посвященная проблеме сложения классового общества в Бактрии.[27] В этой работе М. М. Дьяконов подробно разбирает соответствующие данные письменных источников и сопоставляет их с археологическим материалом, опираясь в основном на комплекс Кобадиан I. Он приходит к выводу о существовании во второй четверти I тысячелетия до н. э. крупных городских центров Средней Азии, а также о сложении в это время ирригационных систем и развитии ремесленного производства. Все это, по мнению М. М. Дьяконова, неоспоримо свидетельствует о развитии классового общества и ранней государственности. Вместе с тем М. М. Дьяконов счел нужным сделать специальную оговорку против возможной модернизации происходивших в Средней Азии процессов.[28] Хотя археологический материал, на который опирался М. М. Дьяко-

---

[24] Этот вывод можно делать лишь при отождествлении р. Ак с Тедженом или Мургабом. Если помещать р. Ак в Хорезм, то данное сообщение Геродота свидетельствует лишь о господстве хорезмийцев на своей собственной территории, перешедшей затем во владения Ахеменидов.

[25] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 341.

[26] W. Geiger. Civilization of the Eastern Iranians in Ancient Times. London, 1885, стр. 46; E. Reisch. Baktrianoi. Paulys Real-Encyclopädie, t. II, 1896, ст. 2806—2807; J. D. Prašek. Geschichte der Meder und Perser, Bd. I. Gotha, 1906, стр. 50—54, специальный параграф «Das altbaktrische Reich»; С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 183; см. также: Всемирная история, т. I. М., 1955, стр. 591; Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. М., 1956, стр. 245.

[27] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX, 1954.

[28] Там же, стр. 138: «Крупных государственных объединений тогда в Средней Азии еще не было, границы первоначальных государств совпадали с границами ирригационных систем и орошенных ими земель».

нов, видимо, не выходит за пределы VI—IV вв. до н. э., однако высказанные им соображения в пользу раннего развития классового общества на юге Средней Азии находят подтверждение в новых материалах, полученных при изучении дельты Мургаба. Установление комплекса Яз-Депе I, отнесение которого во всяком случае к доахеменидскому периоду не может вызывать особых сомнений, открывает в этом направлении большие возможности. Маргиана была в древности тесно связана с Бактрией и часто включалась в ее состав.[29] Уровень культурного и хозяйственного развития обеих областей в середине I тысячелетия до н. э. был почти идентичен, что позволяет предполагать аналогичные явления и для более раннего времени, пока не обнаружены памятники соответствующей древности на территории собственно Бактрии.[30]

Как же можно представлять Маргиану IX—VII вв. до н. э.? В это время в северной части современных «земель древнего орошения» существовали два крупных оазиса (Яз-депинский и аравали-депинский). В какой мере была обжита остальная территория, сказать трудно, но, видимо, центральной частью области являлись именно эти оазисы. Во всяком случае район позднейшей столицы Маргианы еще не был обжит. Оазисы были вытянуты в меридиональном направлении и располагались вдоль крупных магистральных каналов, выходивших, видимо, из главного русла Мургаба. Мелкие ответвления арыков подавали воду непосредственно на поля. Уже для этого времени можно отметить существование двух типов поселений; небольшие, представленные отдельными некрупными буграми, и более значительные вроде Яз-Депе или Аравали-Депе. Как показали раскопки, Яз-Депе в это время уже было крупным поселением, занимавшим площадь около 16 га. Эти размеры сохранились и в более позднее время. Вопрос о наличии в это время у поселения специальных укреплений остался не вполне ясным. Во всяком случае бесформенные оплывшие очертания яз-депинских холмов не имеют ничего общего с четкой планировкой более поздних городищ и, наоборот, близко напоминают поселения энеолита или развитой бронзы вроде Кара-Депе у Артыка или Намазга-Депе. Однако по сравнению с этими более ранними поселениями на Яз-Депе можно отметить совершенно новое явление — мощную цитадель, около которой группируются холмы поселения. Эта цитадель занимает площадь около 1 га и имеет своим основанием мощную платформу из сырцового кирпича, поднимающуюся на восьмиметровую высоту. Хотя укрепления, шедшие по краю этой платформы и не сохранились, едва ли могут быть особые сомнения в том, что перед нами — остатки именно цитадели. В этом, в частности, убеждает наличие на ней целого ряда различных построек. В южной части цитадели располагалось крупное здание, которое, следует относить к числу памятников монументальной архитектуры. Остальную часть платформы занимали незначительные постройки, видимо игравшие роль подсобных и хозяйственных помещений. Наконец, нельзя признать случайным тот факт, что именно на цитадели были найдены сосредоточенные в определенных местах каменные и керамические ядра для пращи и ядра из необожженной глины, возможно предназначавшиеся уже для какой-то несложной метательной машины. Подобные крупные поселения с цитаделями и являлись центрами древних оазисов Маргианы.

Вместе с тем Маргиана в этом отношении не являлась каким-либо исключением для территории южной Туркмении. Как можно было видеть, приблизительно в это же время значительные ирригационные системы создаются в юго-западной Туркмении, где для орошения Мисрианской равнины выводятся каналы из Атрека или Сумбара. Крупные поселения культуры архаического Дахистана также имеют центральные укрепления, и хотя раскопки их еще не проведены, можно предполагать, что они были близки по своему характеру яз-депинской цитадели. Памятники куль-

---

[29] J. D. Prašek. Geschichte. . ., Bd. I, стр. 53; М. М. Дьяконов. Сложение классового общества. . ., стр. 122; A. Foucher. Les satrapies orientales de l'empire achémenide. Comptes-rendus Académie des inscriptions et belles-lettres, 1938, sept.—oct., стр. 346.

[30] «Доахеменидские» слои обнаружены сейчас в Маргиане и Дрангиане (Нади-Али). Отсутствие их в Бактрии следует отнести только за счет недостаточного размаха работ. Как будто подобные памятники открыты в Согде. См. сообщение В. А. Шишкина о том, что Я. Г. Гулямовым на Кызыл-Кыре в 25 км к северу от Варахши «обнаружены остатки земледельческого поселения, датируемого VIII—VII вв. до н. э.» (В. А. Шишкин. Варахша. СА, XXIII, 1955, стр. 102).

туры архаического Дахистана, надо полагать, могут быть привлечены к изучению культуры и хозяйства древней Гиркании.

Аналогичную картину можно наблюдать и в Парфии в той мере, в какой ее территория входит в состав Туркменской ССР, поскольку памятники иранского Хорасана до сих пор не изучены. Здесь не наблюдается, правда, появления крупных ирригационных систем — в их создании просто не было необходимости. Но крупнейшее поселение северной Парфии — Елькен-Депе, так же как и маргианские памятники, имело цитадель, а прилегающие к цитадели постройки были, возможно, окружены оборонительным валом.

Таким образом, в первой трети I тысячелетия до н. э. наблюдается два принципиально новых явления: 1) создание крупных оросительных систем и 2) появление цитаделей. Истолкование этих явлений несомненно имеет большое значение для исследования вопроса о развитии классовых отношений. В данном случае мы имеем дело с использованием археологических данных для воссоздания истории страны при отсутствии, во всяком случае для Маргианы, прямых свидетельств письменных источников. Поэтому необходимо сравнить мургабские материалы с археологическими данными такой области, где письменные и другие источники позволяют более уверенно намечать процесс социально-экономического развития. Такой областью является Месопотамия и, в частности, древний Шумер, где известны письменные источники уже для ранних этапов развития классов и государства. Соответствующие археологические материалы прекрасно обобщены Г. Чайлдом.[31]

Широкое освоение аллювиальной равнины южной Месопотамии, что неизбежно было связано с проведением ирригационных работ, относится еще к убейдскому периоду.[32] Керамика в это время изготовлялась от руки. Получение прибавочного продукта позволяло общинам выделить ресурсы на строительство первых, еще сравнительно небольших храмов. К середине убейдского периода уже утверждается стандартная планировка храмов, строившихся на платформах. Так, позднеубейдский храм в Эриду имел уже платформу размером 26.5×16 м.[33]

Значительные изменения происходят в следующий, так называемый урукский период. Вся керамика уже изготовляется на гончарном круге, широко применяются повозки на колесах, увеличиваются размеры платформ и стоящих на них храмов. Позднеурукский храм В в самом Уруке стоял на тринадцатиметровой платформе, имевшей размеры 70×66 м. В позднеурукское время появляются глиняные таблетки с цифровыми и буквенными обозначениями.[34] Изображения на печатях свидетельствуют о военных столкновениях, в ходе которых захватывались пленные, видимо обращавшиеся в рабство. Дальнейший прогресс письменности наблюдается в период Джемдет-Наср. В это время на поселении Джемдет-Наср в центре находилась мощная платформа площадью 300×200 м, на которой располагалось сложное здание, занимавшее площадь около 3500 м². Г. Чайлд сомневается в том, что это здание было дворцом правителя,[35] но, возможно, более правы исследователи, видящие здесь древнейшую цитадель Шумера. По мнению П. Делюга, прогресс, достигнутый в период позднего Урука и Джемдет-Насра, тесно связан с созданием больших и сложных ирригационных систем.[36] Наконец в раннединастический период появляются гробницы с богатейшим инвентарем, которые вполне справедливо называют «царскими гробницами». Поселения этого времени и окружены стенами и Г. Чайлд с достаточным основанием

---

[31] Г. Чайлд. Древнейший восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 162—260. См. также: R. J. Braidwood. The Near East and the Foundations for Civilization. Oregon, 1952, стр. 33—38.

[32] R. J. Braidwood, ук. соч. стр. 36.

[33] Г. Чайлд, ук. соч., стр. 187.

[34] На основании этого некоторые исследователи объединяют поздний Урук с Джемдет-Насром под названием «протописьменного периода». Ранний Урук выделяется в самостоятельный период, или фазу, под именем Варка. См.: R. J. Braidwood, ук. соч., стр. 37.

[35] Г. Чайлд, ук. соч., стр. 209. Находка сосуда с изображением звезды — символа божества — еще ничего не говорит, поскольку во дворце также могли находиться культовые предметы и, быть может, даже специальные помещения.

[36] R. J. Braidwood, ук. соч., стр. 39. Однако ирригационное хозяйство древнего Шумера еще недостаточно изучено и подобное утверждение, несмотря на всю его вероятность, не может считаться полностью доказанным фактом.

называет их городами.[37] Дальнейшее развитие уже освещается памятниками письменности. Длительные и сложные процессы завершились сложением раннеклассового общества и древнейших, первоначально очень небольших государств.

Разумеется, из приведенного выше отнюдь не следует, что намечающуюся конкретно-историческую картину следует рассматривать как некий универсальный социологический штамп. Например, в Шумере возведение почитаемых зданий на платформах первоначально имело конкретное значение защиты от опустошительных разливов. В Средней Азии и, в частности, в дельте Мургаба эта фунция почти полностью исключается. Яз-депинская цитадель, помимо фортификационного значения, надо полагать, отражала идею противопоставления резиденции местного владетеля остальной части поселения. Эта идея едва ли развилась спонтанно, а скорее всего была заимствована из областей Древнего Востока через посредство Мидии. На территории последней, в начале I тысячелетия до н. э. мы видим цитадель на высокой платформе в позднем поселении Тепе-Сиалк.[38] Укрепленные цитадели мидийских поселений неоднократно изображаются на ассирийских рельефах.[39]

Вместе с тем материал южной Месопотамии может быть частично привлечен для изучения некоторых моментов древнейшей истории Средней Азии в той мере, в какой оба общества тесно были связаны с развитием ирригационного земледелия. На основании месопотамского материала можно прежде всего сделать тот вывод, что процесс становления классового общества был очень длительным. В частности, крупные ирригационные системы (а они к периоду Джемдет-Насра несомненно уже существовали) создавались не централизованным деспотическим государством, а союзами общин, в которых зарождались древнейшие элементы государственности.

Таким образом, имеющийся археологический материал позволяет сделать следующие заключения об общественном строе оседлых областей южной Туркмении первой трети I тысячелетия до н. э. По характеру общественного развития время Яз I можно сопоставлять с периодом позднего Урука и частично Джемдет-Насра. Создание крупных ирригационных систем отражает огромный прогресс земледелия, покинувшего ограниченные пределы прикопет-дагских оазисов. Эти системы были, видимо, созданы еще союзами общин, но вместе с тем появление цитаделей говорит о далеко зашедшей социальной и имущественной дифференциации, начавшейся еще в предшествующее время. Все это свидетельствует об интенсивном развитии классовых отношений и древнейшей государственности, но, учитывая длительность этих процессов, едва ли можно считать, что классовое общество уже полностью сложилось. Общественный строй скорее всего напоминал Мидию VIII в. до н. э., которая состояла из мелких областей «стран» (dahyu) с правителем (dahyupati) во главе. И. М. Дьяконов так характеризует Мидию этого времени: «Поселения частично носили родовой характер; но сосредоточием жителей в каждой местности, а по большей части также, вероятно, и резиденциями местных правителей были крепости, само существование которых свидетельствует об имущественном расслоении и грабительских войнах между царьками возникающих мельчайших государств».[40] Такова, видимо, была и картина доахеменидской Маргианы. Небольшими областями dahyu, правители которых сидели в крупных поселениях с цитаделями, были, вероятно, яз-депинский и аравали-депинский оазисы.

Подобное развитие классовых отношений и государственности в Маргиане заставляет с большой уверенностью допускать возможность образования в VII—VI вв.

---

[37] Интересно, что в области керамического производства наблюдается в это время определенный упадок. Г. Чайлд не без оснований пишет по этому поводу: «К услугам богов и даже зажиточных граждан были каменные, золотые, серебряные и медные сосуды. Керамика предназначалась для слуг и для стола бедняков» (ук. соч., стр. 247). Возможно, следует иметь в виду это обстоятельство и при рассмотрении керамического производства поры Яз-Депе I. Вероятно, с этим связано и сокращение количества керамики, сделанной на круге в период Гисар III, когда широко распространяются сосуды из камня и различных металлов. Интересно, что в Египте при первых династиях (ранние фараоны по Г. Чайлду) керамика изготовлялась еще без помощи гончарного круга. См.: там же, стр. 160—161.

[38] R. Ghirshman. 1) Foilles de Tepe Sialk, v. II, стр. 105—106; 2) Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951, стр. 62—63.

[39] И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 269, рис. 48 и др.

[40] Там же, стр. 192—193.

до н. э. значительного политического объединения с Бактрией во главе, тем более, что сведения Ктесия о Бактрии, вызвавшие в свое время большой скептицизм, частично подтверждаются археологическим материалом древней Маргианы. Обратимся к этим сведениям.

Диодор, ссылаясь на Ктесия Книдского, описывает поход ассирийского царя Нина на Бактрию. Ввиду трудности этого похода Нин долгое время его откладывал и тщательно к нему готовился. Войско бактрийское будто бы было весьма храбро и многочисленно, а страна труднопроходима. В Бактрии было много городов (πόλις), а столица страны (город Бакты) отличалась неприступностью и, помимо городских стен, имела цитадель (ἀκρόπολις).[41] Царствовал там тогда будто бы Оксиарт. Цифры численности войск обеих сторон (около миллиона у ассирийцев и 400 000 у бактрийцев) несомненно фантастичны. Первое сражение будто бы состоялось у выхода из горных ущелий на равнину и было первоначально неудачно для ассирийцев. Затем, однако, войска Нина одержали верх, и после взятия других населенных пунктов были осаждены Бактры.[42] Однако осада шла безуспешно. Далее следует вставная новелла о прибытии Семирамиды, которая будто бы указала способ скорейшего овладения городом. Описание штурма напоминает повествование историков Александра Македонского о взятии так называемой «согдийской скалы». Заметив, что отдельные участки, как более труднодоступные, не охранялись бактрийцами, Семирамида с частью воинов заняла неохраняемую часть акрополя.[43] Увидев, что цитадель взята, бактрийцы прекратили сопротивление. В Бактрах были захвачены огромные сокровища.

Видимо, к Ктесию восходит и сообщение Юстина о войне Нина с бактрийским царем (rege Bactrianorum), который в данном случае назван не Оксиартом, а Зороастром.[44] Существует предположение, что имя Зороастра стояло у Ктесия, а уже Диодор заменил его Оксиартом. Зороастр, по Юстину, был убит.[45]

Ктесий продолжает линию изложенного им рассказа о подчинении Бактрии ассирийцам. Описывая борьбу Мидии с Ассирией, он упоминает, что на помощь ассирийскому царю двинулось многочисленное войско из Бактрии.[46] Однако мидянам удалось склонить бактрийцев на свою сторону, сначала военачальников (ἡγεμών), а затем и все войско. Бактрийцы и мидийцы совместно выступили, по Ктесию, против ассирийского господства.

Видимо, по Ктесию, после утверждения на Востоке мидийского владычества Бактрия восстанавливает свою независимость, и самостоятельное Бактрийское царство упоминается уже в связи с походами основателя персидской империи Кира II. Тот же Ктесий сообщает, что первоначально Кир не смог покорить Бактрию. Лишь узнав, что Астиаг признал Кира своим законным наследником, бактрийцы добровольно признают власть персов. Ксенофонт даже упоминает о существовании в это время бактрийского царя.[47]

Таким образом, перед нами налицо совершенно определенная историческая традиция, в происхождении которой следует разобраться. Полулегендарный характер этих сведений не оставляет сомнений, но весьма важно попытаться определить источник, к которому эти сведения могут восходить. К. В. Тревер писала, что сведения о доахеменидской Средней Азии могли быть почерпнуты античными авторами, в том числе и Ктесием, «из мидийской исторической традиции, которая в свою очередь была связана

---

[41] Диодор, II, 6, 2.
[42] Там же, 6, 4.
[43] Там же, 6, 7.
[44] Юстин, I, 1.
[45] Об осаде Бактр ассирийским царем (πολιορχῶν δὲ καὶ Βαχτριοῦς) сообщает и Ксенофонт (Киропедия, I, 5, 2), но относит это событие уже к правлению Киаксара. Вероятно, это отражение легенды, приведенной у Ктесия.
[46] Диодор, II, 26, 1—2.
[47] Ксенофонт. Киропедия, V, 5, 3. Сообщается, что ассирийский царь будто бы был ксеносом царя бактрийского (τῶν Βαπτριανῶν βασίλεα). В связи с описанием борьбы Кира с Астиагом Ксенофонт сообщает, что Кир велел освободить и вооружить рабов из разных стран, в том числе из Бактрии, находившихся в войсках противной стороны (там же, IV, 5, 56). Приведенный термин δοῦλος означает раба в самом широком смысле слова (см.: А. Я. Ленцман. Термины, обозначающие рабов в древнегреческом языке. ВДИ, 1951, № 2, стр. 57). Хотя в целом дидактический роман Ксенофонта о Кире не может считаться историческим источником в строгом смысле этого значения, в самом факте нахождения в середине VI в. до н. э. на Ближнем Востоке рабов из Средней Азии, в том числе и из Бактрии, на наш взгляд, нет ничего невероятного.

с традицией ассирийской».[48] Своеобразную позицию занял И. Маркварт. По его мнению, Ктесий перенес в седую древность то высокое положение, которое Бактрия заняла лишь в ахеменидское и эллинистическое время.[49] Обратимся к тексту самих сообщений. Несомненно, Ктесий — автор, заслуживающий доверия много меньше, чем Геродот. Несмотря на его собственное сообщение о использовании персидских архивов, многое заставляет в этом сомневаться. Вставные новеллы вроде романтической истории Семирамиды не имеют никакой исторической ценности. Вместе с тем отдельные элементы ктесиевской легенды о Бактрии довольно конкретны. Это относится, например, к столкновению бактрийцев и ассирийцев на границе Бактрии у выходов из горных ущелий. Это могло относиться только к западной границе Бактрии и вполне соответствует реальной географической обстановке. То же следует сказать и про описание осады Бактр. Историческая топография развалин Бактр, где роль цитадели играла весьма возвышенная часть — Бала-Хисар, а рядом располагался собственно город,[50] в значительной мере соответствует этому описанию. Наконец, сам факт наличия в столь раннее время на крупных поселениях Средней Азии цитаделей-акрополей археологически доказан в результате работ в дельте Мургаба.

Исторически, видимо, следует совершенно исключить возможность крупных походов ассирийцев в столь отдаленные от Двуречья районы, как Бактрия. Однако сама возможность сношений с Ассирией уже не является столь невероятной, как это могло казаться раньше. И. М. Дьяконовым издан отрывок из донесения ассирийского агента, вавилонянина по происхождению, посланного за лазуритом в некую горную местность. «Но когда я унес лазурит, — сообщает агент, — страна восстала против меня», и поэтому далее следует просьба о присылке крупных воинских сил.[51] Как известно, основным источником лазурита, высоко ценившегося на Ближнем Востоке, была Бактрия, и не исключено, что в данном случае речь идет о какой-либо из областей самой Бактрии или близлежащих стран, где лазурит мог и не добываться непосредственно, но быть в большом количестве виду близости к источникам его добычи.

Таким образом, мы склонны считать, что в основе сообщений Ктесия и других античных авторов о древней Бактрии лежит совершенно определенная традиция, хотя и получившая в этих сообщениях уже искаженное отражение и соединенная этими авторами с другими известными им легендами. Восходит эта традиция скорее всего к мидийской, а быть может, даже, учитывая некоторые другие сообщения Ктесия, к сако-мидийской среде. где сохранилась в виде изустных легендарных преданий. Попытка И. Маркварта возвести эту традицию лишь к ахеменидскому времени нельзя признать состоятельной. Целый ряд обстоятельств, в частности. описание завоевания Киром Бактрии, указывает на промидийскую ориентацию Ктесия. Представляющий уже ахеменидскую традицию, правда во много связанную с младшей линией Ахеменидов, Геродот, наоборот, ничего не рассказывает о завоевании Бактрии и даже называет ее не царством, а бактрийским народом, хотя и придает войне с ней большое значение. Более связанный с мидийской традицией Ктесий всячески подчеркивает и развивает предания о сильной Бактрии, предшествующей утверждению в Средней Азии ахеменидского владычества. Археологические данные все более позволяют склоняться к той точке зрения, что за этой традицией стояли и вполне реальные исторические явления. Отнюдь не следует считать, что установление на территории соседней с Бактрией Маргианы крупных поселений с цитаделями и сложных ирригационных систем окончательно разрешает проблему древней Бактрии в пользу существования здесь крупного политического объединения. Разумеется, это является лишь одним из возможных аргументов. Следующее слово должно принадлежать археологии самой Бактрии и прежде всего продолжению исследования самих Бактр — ныне

---

[48] История народов Узбекистана, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 41.

[49] J. Markwart, ук. соч., стр. 10.

[50] R. S. Young. The South Wall of Balkh-Bactra. AJA, v. 59, № 4, 1955. Между прочим, в конце III в. до н. э. Бактры в течение долгого времени выдерживали осаду армии Антиоха III. По словам Полибия, эта осада была воспета поэтами (Полибий, IX, 34, 2). Не сумев взять города, Антиох пошел на соглашение с греко-бактрийским правителем Евтидемом.

[51] И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 2, стр. 335—336.

Балхского городища. Работы, проведенные здесь Д. Шламберже, абсолютно недостаточны.

В заключение данной главы мы хотим остановиться еще на одном вопросе, чтобы завершить общие контуры политической карты Средней Азии накануне ахеменидского завоевания. Речь идет о взаимоотношениях среднеазиатских областей и мидийской державы. Область собственно мидийских владений на востоке едва ли простиралась дальше современного Тегерана и древней Рагианы,[52] но мидийское влияние могло распространяться и на ряд племен и стран Средней Азии и восточного Ирана.[53]

Э. Херцфельд, датируя мидийским временем десятый яшт Авесты, считал, что ко времени взятия Ниневии мидяне уже распространили свою власть до Гандхары.[54] Оригинальную теорию в связи с восточными границами Мидии выдвинул И. М. Дьяконов. Он считает, что список сатрапий, приведенный у Геротода, отражает порядок присоединения тех или иных областей к ахеменидской, а еще раньше к мидийской державе. Согласно проведенному им распределению в состав Мидии Киаксара, т. е. в конце VII—начале VI в. до н. э., входили XIV, XV, XVI и XVII сатрапии, т. е. Дрангиана, Саки, Парфия, Арея, Белуджистан, и даже Согд и Хорезм.[55] Однако уже сам И. М. Дьяконов был вынужден оговорить малую вероятность столь широкого распространения мидийской власти на востоке.

Наиболее вероятным следует признать вхождение в состав мидийского объединения Парфии и Гиркании, тесно связанных с Мидией по культуре и хозяйству.[56]

Одним из косвенных доказательств, свидетельствующих о вхождении Парфии и Гиркании в состав или по крайней мере в сферу влияния мидийской державы, служит тот факт, что при восстании 521 г. до н. э. парфяне и гирканцы поддерживали движение мидянина Фравартиша, объявившего себя Киаксаром II. В то же время в других областях, в том числе и в Маргиане, были выдвинуты местные «цари».

О вхождении Парфии в мидийское объединение сообщает и Юстин,[57] а у Ктесия даже приводятся отдельные подробности, связанные с этими событиями. Мы имеем в виду рассказ Ктесия о сако-мидийской войне и о сакской царице Зарине. Рассказ Ктесия носит легендарную окраску и несомненно с рядом других отрывков, сохранившихся у различных античных авторов, восходит к сакским или иным среднеазиатским эпическим преданиям.[58] Во всяком случае крайне доброжелательное отношение к Зарине совершенно очевидно. Согласно Ктесию, при мидийском царе Астибаре [59] парфяне отпали от мидян и передали свою страну и город (τὴν τε χώραν καὶ τὴν πόλιν) во власть сакам.[60] После нескольких лет сражений мир был восстановлен и Парфия возвращена мидянам. В это время у саков правила царица Зарина. Поэтому, видимо, к этим же событиям относится другое место у Ктесия о романе сакской царицы Зарины и мидийца Стриангея. После смерти своего мужа Кидрея Зарина вышла замуж за парфянского владетеля (δυνάστης) Мермера, что послужило причиной сако-мидийской войны. В происшедшей битве Зарина была ранена, но, плененный ее красотой, Стриангей пощадил сакскую царицу. Противившийся возникшей любви Мермер был убит Зариной, отдавшей мидянам Парфию. Конец романа не сохранился.[61]

Об успешной деятельности Зарины сообщается (также, видимо, по Ктесию) и у Диодора. Эта сакская правительница будто бы покорила соседние страны и построила много городов (πόλι.).[62] После ее смерти ей была

---

[52] G. G. Cameron. History of Early Iran. Chicago, 1936, стр. 217.

[53] См., например: Всемирная история, т. I. М., 1955, стр. 593.

[54] E. Herzfeld. Zoroaster and his World, v. II. Princton, 1947, стр. 451—452.

[55] И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 349.

[56] Это касается, например, языка; так называемое аршакидское, или северо-западное, пехлеви развилось из диалекта, крайне близкого или идентичного мидийскому языку (R. Kent. Old Persian. New Haven, 1953, стр. 7).

[57] Юстин, XLI, 1.

[58] В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса. ЗВО, XXII, СПб., 1914, стр. 258 и сл. См. также разделы К. В. Тревер в «Истории Узбекской ССР» (Ташкент, 1955, стр. 51—52).

[59] Лицо, видимо, вымышленное. Большинство исследователей считает, что речь может идти о правлении Киаксара. См.: G. G. Cameron, ук. соч., стр. 218.

[60] Диодор, II, 34, 1—2.

[61] В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПб., 1871, стр. 20—23.

[62] Возможно, что речь идет о вполне реальных поселениях в оседлых районах Средней Азии, подчинившихся сакскому кочевому союзу. Едва ли

воздвигнута огромная пирамида, увенчанная статуей,[63] причем в описании этой пирамиды нетрудно узнать огромные курганы вождей кочевых племен, раскопанные на Алтае и, надо полагать, существовавшие и в более южных областях. Якобы даже была особая сакская столица, носившая название Роксанака (Ρωξανάνη).

Разумеется, во всех этих рассказах очень значителен элемент народного эпоса, видимо начавшего в это время приводиться в систему, что нашло окончательное завершение в «Книге царей». Однако эти ранние варианты эпических преданий несомненно содержат много реальных исторических сведений. Несмотря на сомнения отдельных историков,[64] сама по себе сако-мидийская война весьма вероятна.[65] Археология северной Парфии и Маргианы ясно показывает, что здесь в VII—VI вв. до н. э. существовали уже крупные поселения, которые можно было назвать полисами с теми же основаниями, как это позднее было сделано спутниками Александра Македонского по отношению к поселениям Согда и Бактрии. Вполне вероятно и существование выделившейся знати — династов. Важную роль, которую играл в Средней Азии сакский кочевой союз, подтверждает и сообщение Геродота о том, что на пути Кира лежали области саков, бактрийцев, Египет и Вавилон. Выше мы уже видели, что весьма вероятно существование крупного политического объединения в Бактрии. Другой военно-политический силой в Средней Азии были саки, и возможно, что рассказ о Зарине рисует начальные этапы становления сакского могущества в конце VII—начале VI в. до н. э. Некоторые исследователи полагают, что в контакте с сакскими племенами выступали хорезмийцы.[66] В таком предположении нет ничего невероятного, но нет никаких оснований приписывать Хорезму какую-либо особую роль. В преданиях, приведенных у Ктесия, Хорезм не упоминается вообще, а ведь действия сако-мидийской войны должны были развертываться в непосредственной близости от низовьев Аму-Дарьи. Наконец, если даже считать вслед за Марквартом, что Ктесий отражает лишь традиции ахеменидского времени, то те же главные силы в Средней Азии — саков и Бактрию — называет и Геродот. В этом два наших источника, обычно столь непримиримых и взаимнопротиворечащих, полностью совпадают.

Сохраненный Харесом Митиленским рассказ о Зариадре и Одатиде в значительно большей степени принадлежит уже к литературной обработке древних народных сказаний.[67] Политическая обстановка в Средней Азии, согласно этому рассказу, такова. Из двух братьев один — Гистасп — правит Мидией, другой — Зариадр — страной от Каспийских ворот до Яксарта. За Яксартом (Сыр Дарьей) находятся владения Омарта, царя маратов (μαραθοί), в дочь которого Одатиду и влюбляется Зариадр. Едва ли есть основания пытаться искать в этом описании прямые связи с реальной исторической действительностью.[68]

Возвращаясь к вопросу о восточных границах мидийской державы, надо отметить, что вхождение в Мидию каких-либо других стран, помимо Парфии и Гиркании, представляется маловероятным. Правда, имена Бактрии и Драигианы в клинописных надписях Ахеменидов приводятся не в древнеперсидской, а в мидийской форме.[69] Однако это может свидетельствовать лишь о том, что связи с этими странами были установлены еще в мидийский период. Относительно же предложенного И. М. Дьяконовым восстановления по перечню податных округов Геродота мидийских сатрапий, следует сказать, что, как отмечалось выше, сам автор не выдерживает последовательно предложенный им принцип. Чтобы определить территорию мидийской державы, он вынужден, помимо XIV—XIX сатрапий, сделать добавление из числа I—XII сатрапий, которые, согласно его же предположению.

прав А. Н. Бернштам, полагающий, что здесь речь идет о полуоседлых ставках кочевников (А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Алма-Ата, 1941, стр. 30).

[63] Диодор, II, 34, 5—6.

[64] G. Rawlinson. The Sixth Great Oriental Monarchy. London, 1873, стр. 15.

[65] G. G. Cameron, ук. соч., стр. 218; И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 349.

[66] История народов Узбекистана, т. I, кн. 1, стр. 41.

[67] В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса, стр. 259—260.

[68] Если только во владениях Зариадра не следует видеть XVI сатрапию Геродота — владения отца Дария I, Гистаспа.

[69] F. W. König. Relief und Inschrift Koenigs Dareos I. Leiden, 1938, стр. 63; R. G. Kent, ук. соч., стр. 8; E. Herzfeld Zoroaster . . ., v. II, стр. 754.

были присоединены при Кире.[70] Что же касается Средней Азии, то подчинение Мидии Хорезма и Согда, что вытекает из признания XVI сатрапии мидийской, вызывало сомнение уже у самого И. М. Дьяконова.[71]

Таким образом, можно считать, что политическая обстановка в Средней Азии к моменту появления здесь войск Кира II складывалась следующим образом. В Бактрии существовало крупное политическое объединение, распространяющее свое влияние на Маргиану, а также, возможно, на Арею и Согд. Второй крупной политической силой Средней Азии были кочевые племена, образовавшие различные конфедерации, в которых могли в разное время преобладать различные племена. К середине VI в. до н. э. эту роль, вероятно, играли массагеты. Видимо, независимым владением был Хорезм. Наконец, Парфия и Гиркания скорее всего попадали в сферу влияния мидийской державы. В это время на древнем Востоке сложилась новая «мировая империя» — государство Ахеменидов, с судьбами которой в дальнейшем оказалась тесно связанной история племен и народов Средней Азии.

[70] И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 349. Следует добавить самую Мидию (X сатрапия), часть III и северную часть IV (Вавилония) сатрапий.

[71] Мидия включала «Парфию и Гирканию — несомненно, Арею — вероятно, Согдиану — возможно, хотя вряд ли целиком, и Хорасмию — едва ли» (И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 349).

ГЛАВА 3

ОСЕДЛЫЕ ОБЛАСТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОСТАВЕ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ

Археологический материал Маргианы позволяет охарактеризовать некоторые стороны культуры и хозяйства этой области в пору ее вхождения в состав империи Ахеменидов, что с привлечением данных письменных источников дает возможность сделать некоторые более общие заключения. Однако ограниченный характер этих сведений письменных источников заставляет выйти за узколокальные границы Маргианы и рассматривать в целом все оседлые области Средней Азии середины I тысячелетия до н. э. Уровень развития всех этих областей в рассматриваемое время был во многом одинаков, что оправдывает такое расширение круга затрагиваемых вопросов и позволяет использовать маргабские материалы для характеристики всей Средней Азии в целом.

Наиболее разработанными являются вопросы политической истории, причем особенно следует отметить большое значение работ акад. В. В. Струве, специально посвященных истории Средней Азии VI—V вв. до н. э.[1] Видимо, все оседлые области Средней Азии вошли в состав ахеменидской державы уже при ее основателе — Кире II. О подчинении Киру среднеазиатских областей прежде всего можно судить на основании списка стран, приведенного в начале большой Бехистунской надписи Дария I. В. В. Струве, правда, полагает, что этот список отражает положение не в первый год правления Дария I, а рисует состав уже стабилизировавшейся державы.[2] Однако если это и так, то едва ли здесь следует видеть слишком большое различие с положением, существовавшим к 522 г. до н. э. Сама надпись, если принимать датировку похода Дария I на саков пятым годом правления, была закончена к 517 г. до н. э. За такой короткий срок едва ли произошли значительные изменения по сравнению с наследием, оставленным могущественным основателем ахеменидской державы. Эти изменения, связанные, в частности, с походом на саков, произошли позднее и соответственно получили отражение в Накширустемской надписи. При этом эти изменения не коснулись оседлых областей Средней Азии. Из самого текста большой надписи Бехистуна видно, что в 522 г. до н. э. уже были персидские сатрапии в Бактрии, Арахосии и Парфии. Поскольку походов на восток во время правления Камбиза, занятого завоеванием Египта, не было, то следует считать, что бактрийская, парфянская и арахосийская сатрапии были образованы еще Киром. К этим областям следует добавить упоминание в начале большой надписи Бехистуна Согда, Хорезма и Ареи. О присоединении Согда свидетельствует наличие города Кирополиса, основанного Киром на реке Яксарте,[3] хотя Юстин сообщает якобы о трех городах, построенных в этом районе основателем ахеменидской державы.[4] Лока-

---

[1] В. В. Струве. 1) Поход Дария I на саков-массагетов. Изв. АН СССР, 1946, № 3, стр. 229—250; 2) Восстание в Маргиане при Дарии I. Матер. ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 9—34.

[2] В. В. Струве. Датировка Бехистунской надписи. ВДИ, 1952, № 1, стр. 42.

[3] Страбон, XI, 11, 4; Арриан. Анабасис, IV, 3.

[4] Юстин, XII, 5.

лизация Кирополя была предметом значительных дискуссий в литературе, и местонахождение этого города не может считаться окончательно установленным и в настоящее время. Одни исследователи помещали Кирополь в районе Ура-Тюбе, другие — в район Шахристана.[5] В настоящее время оба района предполагаемой локализации обследованы археологами. В районе Шахристана имеется два городища со сравнительно бедным культурным слоем, относящимся к кушанскому времени.[6] Более богатыми оказались памятники в районе Ура-Тюбе, где современный город находился на месте более древнего поселения. Развалинами мощной цитадели этого поселения является городище Муг-Тепе площадью около 2 га. В заложенном здесь шурфе был также обнаружен материал лишь кушанского времени, но в отличие от городища Шахристана материк тут не был достигнут.[7] Поэтому вполне вероятно, что ниже могут находиться и более древние слои, относящиеся к середине I тысячелетия до н. э. Таким образом, вопрос о локализации Кирополя стается неясным, хотя видимо район Шахристана как возможное его местоположение исключается и наиболее вероятным пунктом является современный центр всей этой области — Ура-Тюбе.[8]

С. П. Толстов сомневается в подчинении Хорезма Киру, считая, что поход Кира в конце его правления показывает, что Хорезм оставался независимым.[9] Однако если помещать противников Кира в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, с чем согласно большинство исследователей, поход Кира, на наш взгляд, не исключает, а предполагает подчинение Хорезма. В противном случае коммуникации армии Кира оказывались под угрозой, и надо полагать, что хорезмийцы использовали бы представлявшиеся им возможности выступления против персов. О передаче хорезмийцев в управление младшему сыну Кира сообщает и Ктесий.[10] Поэтому едва ли следует предполагать какое-то особое, независимое положение Хорезма по сравнению с другими областями Средней Азии.

Относительно времени покорения Киром областей Средней Азии, восточного Ирана и Афганистана (Арахосия, Гандара, Дрангиана) существует две точки зрения. Наиболее распространенным можно считать предположение, развитое еще Ю. Прашеком,[11] о том, что присоединение всех этих районов к державе Кира приходится на время между разгромом Лидии в 547 г. и взятием в 539 г. Вавилона.[12] Другие исследователи, наоборот, полагают, что Средняя Азия была присоединена уже после взятия Вавилона.[13]

В пользу первой точки зрения можно привести следующие данные. Описывая поход на Вавилон, Геродот сообщает, что Кир начал свое наступление, «покорив своей власти все народы материка»,[14] т. е., вероятно, включив в состав своей державы и области на крайнем северо-востоке. Далее, Ктесий приводит описание войны Кира с Бактрией и подчеркивает, что бактрийцы покорились, лишь узнав о признании Астиагом Кира как своего законного наследника. В этом сообщении можно видеть указание на какую-то форму союза между Мидией и Бактрией,[15] и несомненно высту-

---

[5] Обзор литературы см.: Н. Негматов. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен до X в. н. э. МИА СССР, № 37, 1953, стр. 232—233.

[6] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. МИА СССР, № 37, 1953, стр. 192—199.

[7] Там же, стр. 207—214.

[8] Н. Негматов, ук. соч., стр. 233; О. И. Смирнова, ук. соч., стр. 214.

[9] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 104—105.

[10] На это обратил внимание уже А. М. Мандельштам. См.: Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1956, стр. 246.

[11] J. D. Prašek. 1) Geschichte der Meder und Perser, Bd. I. Gotha, 1906, стр. 224—225; 2) Kyros der Große. Der Alte Orient, t. 13, H. 3. 1911, стр. 20.

[12] G. B. Gray. The Foundation and Extension of Persian Empire. CAH, IV, 1926, стр. 11 и сл.; R. Ghirshman. Iran des origines a l'Islam. Paris, 1951, стр. 111—112.

[13] Б. А. Тураев. История древнего Востока, II. Л., 1935, стр. 118; И. М. и М. М. Дьяконовы. Мидия и образование державы Ахеменидов. История СССР, т. I (на правах рукописи). М.—Л., 1939, стр. 182, К этому склоняется и А. М. Мандельштам (Очерки истории СССР, стр. 254). Последний автор, пытаясь совместить обе точки зрения, пишет, что в отличие от Средней Азии восточный Иран был покорен еще до 539 г. Однако такое разделение завоевательных действий Кира на две кампании маловероятно.

[14] Геродот, I, 178.

[15] Если читать у Ксенофонта (Киропедия, V, 1, 3) вместо «ассирийский царь» — «мидийский царь», то намеком на подобный союз может служить упоминание о посылке сузианца Аврадата в Бактрию с просьбой о союзе.

пает некий «промидийский» источник Ктесия. Хотя Ктесий и не может служить вполне достоверным источником (у Геродота, к сожалению, рассказ о завоевании Бактрии отсутствует), эти сведения, казалось бы, указывают на то обстоятельство, что Бактрия была присоединена вскоре после взятия Экбатан и пленения Астиага.

Одним из существенных аргументов в пользу второй точки зрения обычно является следующее место из сочинения Геродота. Описав завоевание Лидии, отец истории добавляет: «На пути Кира лежали Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне; в войне с ними он собирался предводительствовать лично».[16] Если в этом перечислении следует видеть порядок завоевательных действий Кира, то покорение Бактрии действительно должно приходиться на время после 539 г. до н. э. Другим, еще более существенным аргументом могут явиться обстоятельства гибели Кира. К этому вопросу мы вернемся несколько ниже. Во всяком случае совершенно ясно, что в 530 г. Кир погиб в борьбе с кочевыми племенами на крайнем северо-востоке своих владений. Естественно считать, что борьба с кочевыми племенами являлась непосредственным продолжением политики присоединения оседлых областей Средней Азии, тесно связанных со своими кочующими соседями, причем эти связи, по-видимому, в ряде случаев принимали даже формы политических союзов. Если же относить завоевание Бактрии и Согда и соседних территорий ко времени между 547 и 539 г., то следует предполагать две кампании Кира на северо-востоке, что, как нам кажется, является значительной натяжкой. Это заставляет склоняться к точке зрения о присоединении среднеазиатских областей к ахеменидской державе между 539 и 530 гг. Предположение Ю. Прашека о более ранней датировке этих событий было во многом основано на необходимости заполнить какими-либо событиями промежуток между 547 и 539 гг. Но, как указывал Б. А. Тураев,[17] в это время могла проходить подготовка к походу на Вавилон, который был превращен сложными фортификационными сооружениями в сочетании с водными преградами в наиболее неприступную крепость своего времени. Это не могло не потребовать от Кира особенно тщательной подготовки. Действительно, в вавилонской хронике под 546 г. мы находим указание на какие-то действия со стороны Элама.[18]

Особо, видимо, следует рассматривать вопрос о времени присоединения Парфии и Гиркании. Можно считать, что эти области в той или иной форме входили в состав мидийского объединения и попали под власть Кира еще в период между 550 и 547 гг. до н. э. После разгрома Астиага Кир подчинил ближайшие мидийские владения частью миром, частью путем войн.[19] Возможно, что в число этих владений входили и Гиркания с Парфией. Как сообщает Юстин, когда власть от мидян перешла к персам, парфяне стали добычей победителей.[20] По Ксенофонту, гирканцы присоединились к Киру добровольно,[21] что могло означать именно переход сюзеренной власти над гирканской сатрапией от мидийского к персидскому правителю. Некоторые источники сообщают, что и парфяне добровольно присоединились к персам, покинув мидийское войско перед решающим сражением у Пассаргад. В пользу точки зрения о раннем присоединении Парфии и Гиркании свидетельствует назначение взятого в плен Астиага гирканским правителем.[22] Если эти области были действительно подчинены Киру очень рано, то они могли послужить базой для дальнейших завоевательных походов.

Подробности этих походов не сохранились в письменных источниках. Только Ктесий сообщает, что война с Бактрией, видимо представлявшей в это время главную политическую силу на Востоке, долго продолжалась и закончилась будто бы лишь тогда, когда бактрийцы добровольно признали власть Ахеменидов. С. П. Толстов предполагает, что Хорезм присоединился к Ахеменидам добровольно.[23] Это могло быть справедливым и для других областей. Во всяком случае Кир, видимо, стремился

---

[16] Геродот, I, 153.
[17] Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 115.
[18] A. T. E. Olmstead. History of Persian Empire. Chicago, 1948, стр. 45.
[19] Юстин, I, 7. Ср.: Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 112; A. T. E. Olmstead, ук. соч., стр. 37.
[20] Юстин, XLI, I.
[21] Ксенофонт. Киропедия, I, 1, 4.
[22] Юстин, I, 6, 16.
[23] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 105.

выступать против одних племен, опираясь на другие.[24] В археологических материалах пока отсутствуют факты, которые можно было бы сопоставлять с ахеменидским завоеванием Средней Азии. Если правильны предположенные выше датировки яз-депинских комплексов, то запустение цитадели Яз-Депе можно будет по времени сопоставлять с присоединением Маргианы к владениям Кира. Правда, мы не находим в археологических материалах каких-либо указаний на гибель цитадели в результате штурма противника. Скорее всего можно считать, что цитадель была просто оставлена, хотя жизнь на поселении продолжалась еще несколько столетий. Не связано ли такое запустение с включением Маргианы в империю Кира, когда наиболее могущественный (судя по размерам цитадели) местный властитель был лишен своей фортификационной опоры? Судить об этом, разумеется, трудно, но во всяком случае с VI в. до н. э. Яз-Депе превращается в бесцитадельное поселение, хотя и сохраняет свои крупные размеры. Центром яз-депинского оазиса, видимо, становится в это время северное Уч-Депе.

В отличие от более ранних действий основателя ахеменидской державы в источниках относительно подробно освещен его последний поход, закончившийся гибелью самого Кира. Смерть могущественного царя и разгром его армии кочевыми племенами произвели сильное впечатление на современников, и вокруг этого события сложился целый ряд легенд. Наш основной источник, Геродот, так и пишет: «Относительно смерти Кира существует много рассказов, я привел наиболее правдоподобный».[25] Остановимся на некоторых моментах, связанных с изучением этого последнего похода Кира.

Подчинение оседлых оазисов Средней Азии неизбежно должно было привести Кира к столкновению с кочевыми племенами, о борьбе которых с мидянами свидетельствуют некоторые отрывки Ктесия. Кочевники, обладавшие значительным для своего времени военным потенциалом, играли большую роль в политической истории. Так, например, скифы, согласно Геродоту, нанеся поражение Мидии, в течение 28 лет владычествовали в Азии. Многочисленные кочевые племена, ряд из которых был несомненно родственен скифам, обитали и на территории Средней Азии. Видимо, здесь главную роль играл сакский союз. По Ктесию, вскоре после завоевания Бактрии Кир оказался втянутым в войну с саками и первоначально даже захватил в плен их царя Аморга. Затем, однако, жена Аморга Сфаретра принудила Кира освободить мужа, и между Ахеменидами и саками был заключен союз. Среди различных толкований этого отрывка [26] следует отметить не вызывающее особых сомнений сопоставление имени царя Аморга с саками-амюргиями Геродота, что, однако, еще не решает вопроса о географической локализации этих племен.[27] Не исключено, что в данном отрывке Ктесия частично описываются события последнего похода Кира, в том варианте, который приводится у Геродота: поражение части саков во главе с Амор-гом-Спаргаписом и затем более успешное наступление саков, руководимых Спарет-рой-Томирис. Во всяком случае данный отрывок Ктесия, видимо, косвенно свидетельствует о тяжелом для Ахеменидов положении на северо-востоке, где происходили события, требовавшие, по словам Б. А. Тураева, «особенного наблюдения и поставившие в необходимость престарелого царя лично вести войну».[28] Источники приводят различные названия для тех племен, в борьбе с которыми пал Кир. По Геродоту это были массагеты, по Ктесию — дербики. Наконец, согласно Беросу, Кир погиб в долине Даас, название которой обычно

---

[24] См. легенду об ариаспах-эвергетах у Арриана (Анабасис, III, 27, 4—5) и Курция (VII, 3, 2).

[25] Геродот, I, 214.

[26] Некоторые исследователи вообще считают рассказ Ктесия о царе Аморге неисторическим. См., например: J. D. Prašek. Geschichte. . ., Bd. I, стр. 224.

[27] Археологический материал пока заставляет воздержаться от локализации саков-амюргиев в долине р. Мургаба в южной Туркмении (старая точка зрения В. В. Григорьева, поддержанная сейчас В. В. Струве). Как будто более обосновано помещение этих племен на Памире, где в отличие от Маргианы обнаружены многочисленные памятники кочевых племен. См.: А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА СССР, № 26, 1952, стр. 188 и др.

[28] Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 18. Одно место у Геродота (III, 36) позволяет предполагать, что персы опасались решительного наступления со стороны массагетов.

сопоставляется с именем дахов-даев.[29] Приходится признать, что версия, приводимая «отцом истории», наиболее правдоподобна. Согласно этой версии, Кир со своей армией переправился через реку Аракс, т. е. через Аму-Дарью. Для передвижения войск были построены мосты и подведены суда с башнями. Несомненно, что этот поход был направлен против кочевых племен, занимавших район Кизыл-Кумов. Где-то здесь, в пределах Кизыл-Кумов и состоялось то решительное сражение, ожесточенный характер которого так подчеркивает Геродот. Персидская армия была разбита, а сам Кир убит. Поход против кочевых племен Средней Азии закончился полным поражением Ахеменидов, и наступательные действия персов были продолжены лишь при Дарии I. Однако оседлые области, присоединенные Киром, остались в составе ахеменидской империи.

После смерти Кира ахеменидским «царем царей» стал его сын Камбиз (530—522). Основное внимание Камбиза было уделено завоеванию Египта, где им, в частности, был проведен тяжелый поход на юг, а о положении в Средней Азии письменные источники ничего не сообщают. Зато последующий период, связанный с правлением Дария I, освещен значительно лучше. Уже последний год правления Камбиза был связан с большим кризисом, потрясшим до основания всю ахеменидскую империю. За происходившей в это время династической борьбой можно видеть глубокие внутренние причины, связанные с противоречиями, раздиравшими основанную Киром державу. В ее состав вошли многие страны и народы, ранее пользовавшиеся независимостью и стремившиеся вернуть себе былую свободу. Кроме того, в среде самих персидских и мидийских племен, занимавших в ахеменидской державе привилегированное положение, шли глубокие процессы, связанные со все бóльшим выделением знати и усиливающимся порабощением рядовых общинников. Эти же процессы классовой дифференциации усиливались, в частности, и в среднеазиатских областях, где местная знать в ряде случаев встала на сторону иноземных завоевателей, выступая против своего народа. Хотя оценка социальных сил, стоявших за различными странами, различна в советской науке,[30] сам факт теснейшей связи политических смут с социальными противоречиями не вызывает сомнений. Политическая сторона событий этого времени в их связи со Средней Азией выглядит следующим образом.

Камбиз тайно убил своего брата Бардию.[31] Во время египетского похода Камбиза, воспользовавшись тем обстоятельством, что убийство Бардии сохранялось в тайне, некий маг по имени Гаумата объявил себя сыном Кира. Этому Лжебардии удалось в 522 г. до н. э. захватить власть в Персии. Камбриз, срочно возвращаясь из похода, умер или, по другому толкованию, покончил с собой, и все обширное ахеменидское государство оказалось во власти удачливого самозванца. Однако в этом огромном государстве не было спокойствия: его потрясали различные волнения и восстания. Из слов Геродота и по контексту большой надписи Бехистуна ясно видно, что эти волнения начались еще в конце правления Камбиза.[32] Как показало исследование В. В. Струве, в короткий период правления Гауматы началось народное движение в Маргиане.[33] Видимо, в это время произошли волнения и в ряде других областей, недовольных персидским господством.[34] Гаумата пытался удержаться у власти, приняв ряд экстренных мер. Как сообщает Геродот, он отменил на три года налоги с покоренных стран и поставку ими воинских контингентов в персидскую армию.[35] Однако против него

---

[29] В. В. Струве. Поход Дария I. . ., стр. 244.

[30] В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I; В. О. Тюрин. Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. ВДИ, 1951, № 3; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 428 и сл.

[31] По сообщению Ктесия, Бардия после смерти Кира был назначен правителем бактрийцев, хорезмийцев, парфян и карманиев. Однако следует отдать предпочтение сообщению Ксенофонта о том, что Бардия был правителем Мидии, Армении и Кадусии. См.: В. В. Струве. Восстание в Маргиане. . ., стр. 26; A. T. E. Olmstead, ук. соч., стр. 92.

[32] «Когда Камбиз отправился в Египет, народ возмутился, и было великое зло в стране, и в Персии, и в Мидии, и в других странах», — сообщается в Бехистунской надписи.

[33] В. В. Струве. Восстание в Маргиане. стр. 19.

[34] Как сообщает Геродот (III, 150), вавилоняне готовились к отложению в правление Гауматы.

[35] Геродот, III, 67.

возник заговор в среде персидской аристократии. Группу заговорщиков возглавил представитель младшей линии Ахеменидов — Дарий. В сентябре 522 г. Гаумата и его брат были убиты заговорщиками в одной из мидийских крепостей. Во главе ахеменидской империи встал Дарий I (522—486), немедленно приступивший к подавлению народных волнений и различных смут, обстоятельно перечисленных в большой надписи Бехистуна. В начале этой надписи мы читаем: «Говорит царь Дарий: пока я медлил в Вавилоне, вот те страны, которые отпали от меня: Персия, Сузы, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, саки». Три из перечисленных здесь имен — Парфия, Маргиана и саки — принадлежат к числу народов и областей Средней Азии.

Восстание в Парфии было связано с большим антиперсидским движением, возникшим в Мидии. Восстание в Мидии возглавил некто Фравартиш, объявивший себя потомком мидийского царя Киаксара.[36] К Фравартишу примкнули Парфия и Гиркания. Правителем Парфии и Гиркании, объединенным тогда в одну сатрапию, был в то время Гистасп, отец Дария I. Первое сражение в Мидии, проведенное полководцем Дария Видарной, не дало решающих результатов. В равной мере сражение Гистаспа с парфянами у города Вишпаузатиш, происшедшее 8 марта 521 г., также, видимо, закончилось не столь победно для Дария I, как об этом сообщается в надписи Бехистуна. Тем временем в Мидию прибыл сам Дарий. Фравартиш был разбит и бежал с немногими всадниками в район Раг — около современного Тегерана, видимо, рассчитывая на поддержку со стороны гирканцев и парфян.[37] Однако он был схвачен и посажен в Экбатанах на кол, а Гистаспу послан на помощь значительный отряд. С этим отрядом Гистасп разбил парфян у города Патиграбана, причем, согласно вавилонской версии Бехистуна, здесь было убито 3570 (по другому чтению 15 570) и пленено 4192 человека. На этом, видимо, восстание в Парфии закончилось. Местоположение обоих парфянских городов, упоминаемых в связи с этими событиями, пока не установлено. Особенно затруднительным является отсутствие связей с позднейшей топонимикой. Поскольку Гистасп получил помощь из района Раг, совершенно ясно, что Патиграбана находилась к востоку от Каспийских ворот.[38] Предложение Е. Херцфельда о сопоставлении Патиграбаны с Багиром [39] едва ли можно признать удачным, поскольку название «Багир» весьма позднего происхождения.[40] В равной мере неудачно сопоставление Ф. Кенигом Патиграбаны с городом Патиграном, упомянутым Аммианом Марцеллином.[41] По контексту Аммиана Марцеллина совершенно ясно видно, что город Патигран находился в Мидии.

Археологически в настоящее время изучена лишь северная часть Парфии, где наиболее крупным поселением, своеобразной древней столицей было Елькен-Депе у Каушута.[42] Нами было высказано предположение, что Елькен-Депе является остатками того города, у которого Гистасп нанес парфянам окончательное поражение.[43] Разумеется, трудно считать такую локализацию окончательно доказанной, но если предположить, что теснимые Гистаспом на восток парфяне отступали в сторону Маргианы, где вождь восставших маргианцев еще находился на свободе, в нем нет ничего невероятного. А. А. Марущенко, производивший разведочные раскопки на Елькен-Депе, отмечает следы насильственного разрушения цитадели, но это разрушение как будто приходится на более поздний период, чем конец VI в. до н. э.

Битва у Патиграбаны и, следовательно, подавление восстания в Парфии произошло 12 июля 521 г. Более чем на полгода раньше было подавлено восстание в Маргиане.

---

[36] Б. А. Тураев (ук. соч., стр. 131) допускает, что Фравартиш мог быть действительно потомком древней династии.

[37] И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 438.

[38] P. J. Junge. Dareos I, König der Perser. Leipzig, 1944, стр. 171.

[39] E. Herzfeld. Medisch und Parthisch. Arheologische Mitteilungen aus Iran, Bd. VII, H. 1. 1934, стр. 30.

[40] М. Е. Массон. Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства. ТЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 20, прим. 4.

[41] Аммиан Марцеллин, XXIII, 6, 39; F. W. König. Relief und Inschrift Koenigs Dareos I. Leiden, 1938, стр. 74.

[42] См. его описание в главе 2 первой части данной работы.

[43] В. М. Массон. Древнемаргианское поселение Яз-Депе. ИАН ТССР, 1955, № 3, стр. 8.

Маргианскому движению посвящено обстоятельное исследование В. В. Струве, и поэтому в данной связи нет необходимости подробно останавливаться на всех деталях этого интереснейшего события древней истории Средней Азии. Приведем лишь соответствующий текст Бехистунской надписи: «Говорит Дарий царь. Страна по имени Маргуш мне враждебной стала. Одного человека по имени Фрада, маргианца, они наибольшим (maθištam) сделали. Затем я послал к персу по имени Дадаршиш, моему рабу, сатрапу в Бактрии, так ему сказал: Иди разбей то войско, которое не признает меня. Затем Дадаршиш с войском двинулся и дал бой маргианцам. Ахурамазда мне помощь принес. По воле Ахурамазды войско мое войско враждебное сильно разбило. Это было в 23-й день месяца ассиядия, когда произошло сражение. Говорит Дарий царь: Затем страна моей стала. Вот что мною сделано в Бактрии».[44]

Дополнительные данные дает вавилонская версия Бехистунской надписи, сообщая о том, что при подавлении восстания в Маргиане было убито 55 000 и взято в плен 6500 человек. Кроме того, на рельефе, изображающем пленников Дария, Фрада стоит не на шестом месте, как следовало бы ожидать, исходя из порядка перечисления событий в Бехистунской надписи, а на восьмом месте. На основании этого В. В. Струве вслед за Ф. Кенигом полагает, что Фрада был пленен и казнен после подавления восстания.[45] Обращает на себя внимание, во-первых, крайне ранняя дата разгрома восставших (10 декабря 522 г.) и, во-вторых, огромное число убитых. Даже с учетом возможного преувеличения (очевидно, пропорционального по отношению ко всем событиям, упоминаемым в большой Бехистунской надписи) следует признать, что маргианское движение было особенно многолюдным. Эти обстоятельства позволили В. В. Струве считать, что в данном случае мы имеем дело с движением широких народных масс и что опасность, которую это движение представляло для социальной структуры стран ахеменидской державы, обусловила быстроту и решительность в подавлении восстания. Обращаясь к описанным выше древнемаргианским оазисам, нельзя не заметить, что западный, или аравали-депинский, оазис, во всяком случае в своей северной части, прекращает свое существование в пору Яз II. Вполне вероятно, что страшный разгром, произведенный в Маргиане войсками Дадаршиша, был причиной этого запустения. Дальнейшие археологические работы, надо надеяться, позволят получить дополнительные аргументы в пользу этого предположения, уточнив дату запустения Аравали-Депе [46] и обнаружив следы военного опустошения древних поселений.

Определенный интерес представляет окончание вышеприведенного отрывка, посвященного восстанию Фрады. Дарий пишет: «Вот что мною сделано в Бактрии». Большинство исследователей считает, что это обстоятельство свидетельствует о вхождении Маргианы в состав Бактрии, т. е. бактрийской сатрапии. Маргиана была одной из «стран» (dahyu) Бактрии, подобно тому как областями (dahyu) Мидии были Раги и Сагартия. С интересной гипотезой выступил В. В. Струве. Он полагает, что Маргиана первоначально была самостоятельной сатрапией, образованной еще при Кире, но Дарий I присоединил Маргиану к сатрапии Дадаршиша в качестве вознаграждения за разгром движения Фрады. В основном В. В. Струве исходит из предположения, что все страны, поименованные в Бехистунской надписи, являлись сатрапиями, что едва ли справедливо во всех случаях. Отсутствует имя Маргианы и в перечне стран в начале большой надписи Бехистуна. Поэтому более вероятно считать, что Маргиана была частью или, как пишет А. Олмстэд, субсатрапией более крупной бактрийской сатрапии, границы которой, как нам кажется, соответствовали сфере политического влияния доахеменидской Бактрии. Об этом свидетельствует и контекст надписи, полностью соответствующий описанию событий в Сагартии — части Мидии. Закончив это описание, Дарий говорит: «Вот что мною сделано в Мидии».

Наконец, остается третья среднеазиатская народность, чье имя упомянуто в числе областей, восставших против Дария I.

---

[44] Бехистунская надпись, § 38.

[45] В. В. Струве. Восстание в Маргиане. . ., стр. 26.

[46] Судя по подъемному материалу, верхний слой здесь относится к типу раннего Яз II. Если правильны предлагаемые датировки, запустение Аравали-Депе почти точно соответствует последней четверти VI в. до н. э. — дате восстания Фрады.

Мы имеем в виду саков. Однако описание борьбы с саками отсутствует в основной части Бехистунской надписи, посвященной событиям первого года правления Дария. О походе на саков упоминается лишь в плохо сохранившемся пятом столбце, датируемом более поздним временем. Большинство исследователей, в том числе и В. В. Струве, считает, что саки приняли участие в движении Фрады и поэтому описанию борьбы с ними не было уделено специальное место. Считается, что разбитый Фрада спасся к сакам, чем и объясняется его относительно поздний захват в плен. Хотя не все аргументы сторонников этой точки зрения являются одинаково убедительными,[47] в участии в маргианском движении соседних кочевых племен нет ничего невероятного. Вместе с тем представляется возможным дать дополнительное объяснение отсутствию описания борьбы с саками среди событий 522 г. до н. э. Этот период выступления против кочевых племен Средней Азии не был особенно удачным для ахеменидских отрядов. Поэтому его можно считать отнесенным в число тех дел, о которых Дарий, по его словам, не упомянул в большой Бехистунской надписи, опасаясь «чтобы не было слишком много». Против свободолюбивых кочевников поход был совершен позднее, и описание этого похода мы находим в пятом столбце той же надписи. Дополнительные данные можно найти у Полиэна, сведения которого, видимо, восходят к сакской эпической традиции. Этому походу было посвящено обстоятельное исследование акад. В. В. Струве,[48] и мы не будем на нем подробно останавливаться. Как полагает В. В. Струве, поход этот следует относить к 517 г. до н. э.[49] и он во многом повторял направление неудачного похода, совершенного Киром. Через Аму-Дарью был выстроен корабельный мост, по которому переправилась персидская армия. Сведения, сохраненные Полиэном, указывают на трудности, с которыми пришлось столкнуться завоевателям. Однако сакский вождь Скунха был все-таки захвачен в плен, а вместо него Дарий поставил вождем другого представителя знати, придерживавшегося, надо полагать, проахеменидской ориентации. Вполне вероятно предположение В. В. Струве о том, что именно военные неудачи заставили Дария воздержаться от суровой расправы со Скунхой и ограничиться заменой одного сакского вождя другим.[50] Во всяком случае сфера влияния Ахеменидов была расширена. В Накширустемской надписи, относящейся уже к концу правления Дария I, вместо собирательного названия «саки», употребленного в большой надписи Бехистуна, мы видим три группы сакских племен: саков-хаумаварга, саков-тиграхауда и саков-тьяй-тарадарайя. Описание похода на последних и приведено в пятом столбце Бехистунской надписи.

Время правления Дария I было периодом наивысшего расцвета ахеменидской империи. Около 513 г. Дарием была присоединена часть северо-западной Индии, где образовалась специальная индийская сатрапия.[51] Для обследования низовьев Инда Дарием был послан грек Скилак, из описаний которого, видимо, заимствован ряд сведений о восточных странах, приведенных у Гекатея и Геродота. В Средней Азии владения Ахеменидов охватывали бóльшую часть оседлых оазисов (Согд, Бактрия, Хорезм, Парфия, Маргиана), и в той или иной форме ахеменидское влияние распространялось на кочевые племена. Неясным является вопрос о вхождении в состав ахеменидских владений Ферганы. Некоторые исследователи, приводя сообщение китайского автора II в. до н. э. о том, что в Фергане были хорошо оборудованные почтовые дороги, на этом основании положительно решают вопрос о вхождении Ферганы в ахеменидскую державу.[52] Разумеется, факт наличия почтовых дорог не может быть признан серьезным историческим аргументом. Эти дороги вполне могли быть проведены в Фергане и кем-либо из местных

---

[47] Так, Юнге считает, что цифра в 55 000 человек невероятна для маленькой Маргианы, что заставляет предполагать широкое участие сакских племен (P. J. Junge. Dareos I. . ., стр. 182, № 23). Однако судя по археологическим памятникам, древнемаргианские оазисы были крайне густо населены, и этот аргумент Юнге следует признать несостоятельным.

[48] В. В. Струве. Поход Дария I. . .

[49] В. В. Струве. 1) Поход Дария I. . .; 2) Датировка Бехистунской надписи.

[50] В. В. Струве. Поход Дария I. . ., стр. 250.

[51] A. T. E. Olmstead, ук. соч., стр. 145, № 42.

[52] W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, стр. 474—477.

владетелей. Более основательным является сближение названия Ферганы с именем париканиев (παρικάνοι) в списке податных округов, приведенном у Геродота.[53] Если принять это отождествление, то следует признать, что Фергана входила в десятый податной округ. Однако состав стран и народов, входивших в этот округ, как будто противоречит подобному предположению. Здесь названа часть Мидии с Экбатанами, а также ортокорибантии и парикании.[54] Если видеть в париканиях ферганцев, то десятый округ образует совершенно фантастическое географическое объединение, и в таком случае действительно придется склониться к точке зрения Юнге, считающего, что списки, приведенные у Геродота, представляют собой случайное соединение самых разнообразных этнических и географических образований. Однако, поскольку подобная крайняя точка зрения не может быть принята, локализацию париканиев десятого округа следует искать недалеко от Мидии, где-либо в пределах Ирана, как это и делает большинство исследователей.[55] Это, разумеется, не исключает того, что в ряде других случаев отождествление имени париканиев с Парканой и Ферганой будет вполне правильным. Но в середине I тысячелетия до н. э. античным авторам, видимо, еще не было известно название Ферганы.[56] Поэтому можно полагать, что и в VI в. до н. э. северная граница ахеменидских владений в Средней Азии была та же, которую застал позднее Александр Македонский: ее крайним пунктом оставался Кирополис на Яксарте. Заяксартские кочевые племена выступали в качестве союзников и хотя, возможно, временами выплачивали Ахеменидам дань, никогда не были их непосредственными подданными. Видимо, это заключение в значительной мере должно быть отнесено и к Фергане.[57]

После смерти Дария I ему наследовал один из его сыновей, Ксеркс (486—465). Однако в самом начале правления Ксеркса вспыхнула междоусобная борьба за престол. В известной Антидэвовской надписи из Суз сам Ксеркс повествует об этом в следующих выражениях: «Когда я царем стал, была среди стран. . . [такая, где было] волнение. Потом мне Ахурамазда помощь подал. По воле Ахурамазды эту страну я сокрушил и ее на (прежнее) место поставил».[58] Есть все основания полагать , что прав Олмстед, считающий, что этой страной является Бактрия.[59] Ряд авторов, сведения которых, видимо, восходят к Ктесию, сообщает, что при вступлении на престол Ксеркса его соперником выступил его брат Ариамен, бывший правитель Бактрии. Однако между братьями было заключено соглашение, по которому Ариамен стал вторым лицом в ахеменидской империи.[60] Вместе с тем Антидэвовская надпись Ксеркса позволяет предполагать, что, помимо соглашения между братьями, какие-то волнения все-таки происходили в Бактрии и были подавлены Ксерксом.

Это событие указывает на значительную роль среднеазиатских областей и прежде всего .Бактрии в ахеменидской державе. Развитая экономика этих областей, значительные вооруженные силы и стремление к политической независимости способство-

---

[53] Геродот, III, 92; E. Herzfeld. Zoroaster and his World, v. II. Princeton, 1947, стр. 449; К. В. Тревер. Раннерабовладельческое общество. В кн.: История Узбекской ССР, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 89. Парикании упомянуты также в 17-м округе вместе с азиатскими эфиопами.

[54] Геродот, III, 92.

[55] А. Олмстед считает их гиркапцами (A. T. E. Olmstead, ук. соч., стр. 241, 291—292). По мнению И. М. Дьяконова у Геродота в данном случае под париканиями «имелись в виду те жители Маннейского царства, которые еще неполностью влились в состав мидян» (История Мидии, стр. 338).

[56] Город париканиев, упоминаемый у Гекатея, находился, согласно тексту, в Персии (фрагм. 282), что совершенно исключает его локализацию в Средней Азии, а тем более в Фергане. Как полагает ряд исследователей, термином «парикании» обозначались вообще доиранские племена в различных странах. Возможно, такова этимология и названия «Фергана», но, как справедливо отмечает И. М. Дьяконов, не следует связывать всех париканиев только с Ферганой (История Мидии, стр. 338, прим. 6).

[57] Между прочим, в Фергане отсутствует характерная ремесленная посуда, широко распространенная во всех оседлых оазисах Средней Азии, подчинявшихся Ахеменидам. Если бы Фергана сколько-нибудь прочно и длительно входила в состав ахеменидской державы, трудно допустить, чтобы здесь не получила распространения эта высококачественная керамика, несомненно превосходящая местную посуду так называемого эйлатанского типа.

[58] В. И. Абаев. Антидэвовская надпись Ксеркса. Иранские языки, I. М.—Л., 1945, стр. 136—137.

[59] A. T. E. Olmstead, ук. соч., стр. 231.

[60] Там же, стр. 231—232.

вали тому, что с Бактрией были связаны многие выступления против правящего представителя рода Ахеменидов. Между прочим, во главе бактрийской сатрапии обычно стояли именно члены этого рода.

В списке подвластных Ксерксу стран, приведенном в Антидэвовской надписи, могут быть отмечены некоторые изменения в положении, существовавшем в Средней Азии. Так, исчезают из списка саки-тьяй-тарадарайя, хотя остаются саки-хаумаверга и саки-тиграхауда. Как можно было видеть выше, даже непосредственный поход Дария I против саков-тьяй-тарадарайя привел лишь к замене одного племенного вождя другим. Видимо, даже такая, во многом номинальная зависимость прекратилась к 486—480 гг. до н. э., каким временем можно датировать Антидэвовскую надпись Ксеркса. Зато в этой надписи появляется имя новой народности — dahā, вполне справедливо сопоставляемое большинством исследователей с именем кочевых племен даев, или дахов. Однако трудно судить о местонахождении этих племен в V в. до н. э. В III—II вв. до н. э. дахские племена располагались у юго-восточного побережья Каспийского моря, и по их имени одна из прикаспийских областей была названа позднее Дахистаном. Тем не менее мы не можем утверждать, что эти племена проживали здесь в середине I тысячелетия до н. э. и Квинт Курций, и Арриан, описывая действия Александра Македонского в среднеазиатском междуречье, неоднократно упоминают как будто проживающих в этом районе дахов, или даев. В равной мере неясно, как следует расценивать появление имени этой народности в Антидэвовской надписи. Возможно, что это упоминание действительно свидетельствует о каком-то расширении ахеменидских владений в Средней Азии, но образование специальной дахской сатрапии,[61] на наш взгляд, маловероятно.

Однако основное внимание Ксеркса было обращено на запад, где начиналась долгая и упорная борьба с греческими государствами. Для похода на Грецию Ксерксом была собрана огромная армия, состав которой подробно описывается Геродотом.[62] Бактрийцы и амюргийские саки шли под начальством Гистаспа, сына Дария и Атоссы. Арейцами руководил Сисамн, сын Гидарна, парфянами и хорезмийцами — Артабаз, сын Фарнака, и согдийцами — Азан, сын Артея. Видимо, помимо этих специальных отрядов, саки входили еще в состав команд кораблей персидского флота.[63] Скорее всего перечисленные лица были сатрапами соответствующих областей, поскольку список воинских контингентов в основном совпадает со списком стран, приведенных в Антидэвовской надписи. Исключение может быть отмечено для Средней Азии лишь в двух моментах. Прежде всего в клинописной надписи Парфия и Хорезм названы отдельно, а в армии Ксеркса их контингенты были объединены под общим начальством. Обратную картину можно наблюдать в отношении кочевых племен: из трех групп, названных в надписи, в войске Ксеркса выступают лишь саки-амюргии, и то лишь входя в состав бактрийского отряда. Однако можно предполагать, что названные в числе военачальников лица не всегда являлись сатрапами, а выступали лишь руководителями определенных вооруженных групп, составленных по этническому признаку. Это, в частности, может касаться предводителя согдийцев, поскольку, хотя Согд все время упоминается отдельно в списках клинописных стран, едва ли он образовывал отдельную сатрапию. Согласно геродотовскому делению на округа, относящемуся ко времени не позднее середины V в. до н. э., Согд входил в XVI сатрапию вместе с Парфией, Хорезмом и Ареей,[64] а при Дарии III (336/5—330 гг. до н. э.) скорее всего был включен в бактрийскую сатрапию Бесса. Склоняться к предположению о том, что не все лица, перечисленные у Геродота, были сатрапами, заставляет также следующее обстоятельство. Геродот упоминает некоего Масисту, также сына Дария и Атоссы, бывшего одним из крупных персидских военачальников.[65] Оскорбленный Ксерксом Масиста направился в Бактрию «с намерением взбунтовать бактрийский округ и причинить царю величайшие беды».[66] Ксерксу, однако, удалось убить

---

[61] Там же, стр. 231. В. В. Струве полагает, что dahā соответствуют сакам-тьяй-тарадарайя (Поход Дария I. . . , стр. 242). В таком случае положение при Ксерксе полностью соответствует тому, что можно было наблюдать уже в Накши-рустемской надписи Дария I.

[62] Геродот, VII, 61—82.
[63] Там же, 96, 184.
[64] Об этой сатрапии см. ниже.
[65] Геродот, VII, 82, 121; IX, 107.
[66] Там же, IX, 113.

Масисту еще по дороге в Бактрию, что предотвратило почти несомненное, по мнению Геродота, отпадение бактрийцев и соседних с ними саков. Разумеется, здесь дело было вовсе не в любви, которую, по словам Геродота, саки и бактрийцы якобы питали к Масисте. Надо полагать, что значительные сепаратистские стремления среднеазиатских сатрапий делали их удобной опорной базой для различных антиправительственных выступлений. В этом же отрывке Геродот сообщает, что Масиста был бактрийским правителем.[67] Это обстоятельство в известной мере противоречит предположению о том, что бактрийским сатрапом был Гистасп. Если пытаться установить очередность бактрийских сатрапов V в. до н. э., то получается следующая картина.[68] Около 486 г. до н. э. сатрапом Бактрии был Ариамен, возможно сменивший в этой должности Дадаршиша, подавлявшего в 521 г. до н. э. маргианское движение Фрады. После воцарения Ксеркса Ариамен, видимо, перешел в столицу Ахеменидов. Около 480 г. до н. э. во главе отряда бактрийцев и саков стоит некий Гистасп, сын Дария и Атоссы. И, наконец, для времени вскоре после 479 г. до н. э. [69] Геродот пишет, что наместником Бактрии был Масиста. Трудно предположить за такой короткий период, в один год, смену бактрийских сатрапов, т. е. смену Гистаспа Масистой. Это предположение тем более исключается, что по контексту сообщения Геродота видно, что Масиста был известен лично бактрийцам и сакам в то время, как начиная с 480 г. до н. э., он находился в Греции и его назначение на пост сатрапа Бактрии вместо Гистаспа, если это действительно было, могло являться просто номинальным.

Поэтому можно высказать два следующих предположения. Во-первых, Геродот мог ошибиться, и в тексте вместо «Гистасп, сын Дария и Атоссы».[70] следует читать «Масиста, сын Дария и Атоссы». Однако такое исправление явилось бы значительной натяжкой, поскольку Геродот был хорошо осведомлен в описываемых событиях и после перечисления воинских контингентов отдельных народов специально упоминает, что в числе более высоких главнокомандующих был Масиста.[71] Поэтому следует считать более вероятным предположение, что наместником или сатрапом Бактрии был именно Масиста, а в войске Ксеркса военачальником бактрийцев было лицо, не являющееся бактрийским сатрапом. Возможно, что другая группа вооруженных сил этой же сатрапии была представлена согдийцами, возглавляемыми Азаном, сыном Артея.[72]

Во всяком случае для нас в данном случае важен сам факт постоянных волнений в среднеазиатских владениях Ахеменидов. По всей вероятности, династийные смуты служили лишь политической формой выражения стремления к независимости этих стран и главным образом Бактрии. Это обстоятельство проявилось и при вступлении на престол Артаксеркса I (465—423). сменившего своего отца Ксеркса, убитого в спальне в результате заговора приближенных. Брат Артаксеркса, правитель Бактрии Гистасп, сам выступил с притязанием на ахеменидский престол, что послужило причиной довольно длительной междоусобной борьбы. Согласно Ктесию, к которому восходят наши сведения об этих событиях,[73] первое сражение не дало решающего результата, и лишь во втором сражении поддерживавшие Гистаспа бактрийцы были разбиты якобы в результате того, что ветер подул им в лицо.[74]

Дальнейшая история среднеазиатских областей почти совершенно не освещена письменными источниками. Ослабленная в результате неудачных греческих походов и династийных смут ахеменидская империя

---

[67] В тексте: ὕπαρχος τῶν Βακτρίων. Термин ὕπαρχος, видимо, в данном случае должен означать сатрапа.

[68] Ср.: P. J. J u n g e. Saka-studien. Klio, Neue Folge, 28, Leipzig, 1939, стр. 93.

[69] Поскольку в 479 г. до н. э. Масиста принимал участие в сражении при Микале.

[70] Г е р о д о т, VII, 64.

[71] Там же, 82.

[72] Обратное предположение, что Масиста, названный ὕπαρχος, подчинялся сатрапу Бактрии Гистаспу, исключается, поскольку Масиста был крупным вельможей, занимавшим в армии Ксеркса командную должность выше Гистаспа. Другое дело, что Масиста мог быть правителем н е с к о л ь к и х сатрапий, например Бактрии и Согда. Тогда и Азана, и Гистаспа следует признать самостоятельными сатрапами. Но, как отмечалось выше. наличие самостоятельной согдийской сатрапии маловероятно.

[73] A. T. E. O l m s t e a d, ук. соч., стр. 290; J. P r a š e k. Geschichte. . . , II, стр. 163.

[74] В этой литературной детали исследователи справедливо видят одно из указаний на «пробактрийскую» тенденцию Ктесия. См.: В. В. Б а р т о л ь д. К истории персидского эпоса. ЗВО, XXII, СПб., 1914, стр. 259.

переживает период все большего упадка власти центрального правительства.[75] На крайнем северо-востоке от Ахеменидов отделяется и становится независимым Хорезм. Время отделения Хорезма не вполне ясно, но, видимо, оно приходится на IV в. до н. э., поскольку еще в конце V в. до н. э. хорезмийцы входили в состав персидского гарнизона, расположенного на египетском острове Элефантине. Независимость Хорезма подтверждается отсутствием хорезмийского отряда в составе персидской армии у Гавгамел (331 г. до н. э.). Интересно, что, описывая этот состав, Арриан специально подчеркивает, что саки были не подданными, а лишь союзниками персов.[76] В этот период, освещенный письменными источниками сравнительно хорошо, мы опять встречаем могущественного сатрапа Бактрии. На этот раз им был некий Бесс, находившийся в каком-то родстве с последним «царем царей» — Дарием III. В отряд Бесса, участвовавший в сражении у Гавгамел, помимо самих бактрийцев, входили также согдийцы и некие индийцы, пограничные с Бактрией, возможно жители Гандхары. Бесс сыграл значительную роль в этот последний этап истории ахеменидской монархии. После разгрома у Гавгамел среди лиц, сопровождавших Дария III, возник заговор. Представители персидской знати во главе с Бессом объявили Дария III низложенным, а затем убили его. Свергнув Дария III, Бесс вернулся в Бактрию и там провозгласил себя «царем Азии»,[77] приняв тронное имя Артаксеркса. Кроме Согда, Бактрии и Гандхары, власть Бесса, видимо, распространялась на Арею, а на основании одного сообщения Арриана[78] можно судить, что он пытался распространить свою власть и на Парфию. Намеченное Бессом «царство Азии» в случае осуществления этой идеи явилось бы выражением стремления к политической самостоятельности, которое можно угадать за многочисленными волнениями, возникавшими в Бактрии. Несколько позднее, при Селевкидах, эта большая роль среднеазиатских областей была вновь признана при назначении наместником «восточных областей» сына и соправителя Селевка I — Антиоха I. В известной мере завершением этих политических тенденций явилось образование в середине II в. до н. э. так называемого Греко-Бактрийского царства, ядром которого была прежняя бактрийская сатрапия ахеменидской державы.

Как показывают археологические данные, в древней Маргиане в V—IV вв. до н. э. складывается новое крупное поселение Гяур-Кала у Байрам-Али, видимо начинающее играть роль столицы всей области. Центром поселения, как и на прежней столице — Яз-Депе, была цитадель, возвышающаяся на многометровой платформе из сырцового кирпича. Вероятно, перед нами резиденция местного правителя, приобретавшего в условиях постепенной децентрализации ахеменидской империи все бóльшую самостоятельность.

Заканчивая на этом краткий очерк политической истории, следует обратиться к положению среднеазиатских областей в системе ахеменидского государства. Прежде всего здесь возникает вопрос об административных делениях, существовавших в Средней Азии. Как мы знаем из письменных источников, все владения Ахеменидов были разделены на сатрапии. Существовали сатрапии и в Средней Азии: из текста Бехистунской надписи известны сатрап Парфии и Гиркании Гистасп и сатрап Бактрии Дадаршиш. По вопросу о составе этих сатрапий в распоряжении исследователя имеется два вида источников. С одной стороны, это традиционные списки стран (dahyu) в клинописных надписях ахеменидских царей и, с другой стороны, список, приведенный у Геродота. Геродот сообщает, что Дарий учредил в Персии 20 округов (νομός), называемых у персов сатрапиями, и далее приводит список этих сатрапий.[79] Как отмечалось выше, сатрапии существовали и до Дария I, по всей видимости, следуя ассирийско-мидийской административной системе, а к правлению Дария, возможно, необходимо отнести лишь какие-либо реформы в этой области. Характер сохранившихся данных виден из табл. 6, где еще добавлен состав воинских контингентов в войске Ксеркса, также, видимо, связанный в какой-то мере с административной системой. Определенные противоречия между

[75] W. W. Tarn. Persia from Xerxes to Alexander. CAH, v. VI, Cambridge, 1927, стр. 19.
[76] Арриан. Анабасис, III, 8, 3.
[77] Там же, 25, 3.
[78] Там же, IV, 7, 1.
[79] Геродот, III, 89.

Таблица 6

Дарий I (522—486)			Ксеркс (486—465)		Артаксеркс I (?) (465—423)
Бехистун (522 г.)	Персеполь	Накши-Рустем	Антидаровская надпись (486—480 гг.)	армия по Геродоту (480 г.)	округа по Геродоту
Парфия	Парфия	Парфия	Парфия	Гиркании	XVI округ: Парфия, Арея, Согд, Хорезм
Хорезм	Хорезм	Хорезм	Хорезм	Парфяне и хорезмийцы	
Согд	Согд	Согд	Согд	Согдийцы	
Арэя	Арея	Арея	Арея	Ареи	
Бактрия	Бактрия	Бактрия	Бактрия	Бактрийцы и саки-амюргии	XII округ: Бактрия до Эглов
Саки	Саки	Саки-хаумаварга	Саки-хаумаварга		
		Саки-тиграхауда	Саки-тиграхауда	—	XV округ: саки и каспии
		Саки-тьяй-тарадарайя	? даха		
Саттагидия	Саттагидия	Саттагидия	Саттагидия	—	VII округ: саттагиды, гандарии, дадики и апариты
Гандара	Гандара	Гандара	Гандара	Гандарии и дадики	
—	Индия	Индия	Индия	Индийцы	XX округ

этими списками, собственно говоря, между списком Геродота и сведениями наскальных надписей, породили сравнительно обширную литературу. В данной связи мы остановимся лишь на моментах, связанных со Средней Азией. Прежде всего следует согласиться с большинством исследователей, признающих историческую ценность списка Геродота. Данные же клинописных надписей во многом связаны с традицией перечисления стран как культурно-исторических общностей, не всегда соответствующих административным делениям.[80] Противоречия между сообщениями Геродота и сведениями клинописи не так уж велики, но большинство их приходится на долю Средней Азии. Прежде всего мы находим здесь крайне странную сатрапию под номером XVI. В ее состав включены Парфия, Арея, Согд и Хорезм, в то время как в надписях эти страны всегда называются отдельно. Особенно странно появление в этом списке Согда, обычно тесно связанного с Бактрией.[81]

Более тесно между собой были связаны Парфия и Хорезм. О культурных связях этих стран уже говорилось выше. В армии Ксеркса парфяне и хорезмийцы шли в объединенном отряде.[82] Возможно, что такое громоздкое объединение, как XVI округ Геродота, связано с какими-либо конкретно-историческими событиями. Как указывалось выше, в таком случае наиболее вероятно видеть здесь сатрапию отца Дария — Гистаспа, чем некое доахеменидское хорезмийское царство. Однако даже при подобном допущении сле-

[80] Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 138.

[81] В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. ИТОРГО, т. IV, вып. II, Ташкент, 1902, стр. 7.

[82] Геродот, VI, 66.

дует признать, что XVI округ, пожалуй, наиболее странный и непонятный в геродотовом перечне. XII округ по этому перечню составляла Бактрия до эглов (μέχρι Αἰγλων). Сопоставление эглов с аугасиями Птолемея и локализация их на берегах Сыр-Дарьи [83] в значительной мере гипотетичны, хотя есть все основания полагать, что Согд входил в одну сатрапию с Бактрией.[84] Во всяком случае в IV в. до н. э. это было так, поскольку Бесс управлял и Бактрией, и Согдом.

Наконец, IV округ образовывали кочевые племена, названные Геродотом саками и каспиями. Возможно, упоминание именно саков вообще свидетельствует о правильности отнесения списка Геродота к правлению Артаксеркса I (465—423), современником которого был сам Геродот.[85] В более ранних списках, как мы видели, называется целый ряд различных сакских племен. Таким образом, рассмотрение вопроса о среднеазиатских сатрапиях вызывает больше недоумений, чем положительных решений. Видимо, приходится считаться с тем, что границы сатрапий не были постоянными, и динамику их изменений, которую, возможно, отражают наши источники, еще трудно в полной мере уловить. Однако можно утверждать, что в большинстве своем эти сатрапии не были какими-то искусственными образованиями, а отражали обычно реально сложившиеся культурно-исторические единства. В первую очередь это, разумеется, относится к Бактрии.

Подчинение среднеазиатских областей центральному правительству заключалось в выплате налогов и поставке воинских ополчений. В ряде случаев представителей местной знати, стоявших во главе отдельных областей, сменили персы (во всяком случае во главе стран-сатрапий), однако в значительной мере влияние этой местной аристократии было сохранено и она являлась представителем ахеменидской власти в более мелких делениях, чем сатрапия. Так, рассматривая подробные сведения источников о завоевании среднеазиатского междуречья Александром Македонским, мы не находим нигде каких-либо ахеменидских фискалов или управителей. Повсюду существует местная согдийская аристократия, подчиняющаяся непосредственно бактрийскому сатрапу Бессу. Более того, здесь нет и персидских гарнизонов. Возможно, такие гарнизоны размещались ранее в пору завоевания Средней Азии, например в Кирополе, но уже начиная с Ксеркса войска сатрапов образовывали местное ополчение.

Система податей была упорядочена Дарием I, но впервые введена еще при Кире, поскольку узурпатор Гаумата имел возможность отменить на три года уплату податей. Согласно сообщению Геродота, оседлые области Средней Азии вносили в ахеменидскую казну 660 талантов. Для сравнения укажем, что наиболее развитая страна Ближнего Востока — Вавилония — выплачивала 1000 талантов. В состав этой дани, видимо, не входили особые налоги, как например за пуск воды на поля.[86] Несомненно, подати выплачивались в значительной части натурой и, быть может, в их сумму включалась стоимость материалов, поставлявшихся для строительства царских дворцов. Так, при строительстве Дарием I дворца в Сузах из Бактрии доставлялось золото, из Согда лазурит,[87] а из Хорезма какой-то синий или серый камень — возможно, бирюза или поделочный стеатит.[88]

Вхождение областей Средней Азии в состав государства Ахеменидов нельзя рассматривать как некое одностороннее явление. С одной стороны, персидское завоевание поставило народы под двойной гнет — своего фискального аппарата и местной аристократии. Извлечение в качестве налогов из экономики страны значительных

---

[83] History of Herodotus. Ed. by G. Rowlinson, v. II. London, 1886, стр. 486.

[84] Ю. Прашек предложил изменить μέχρι Αἰγλων на μέχρι Σόγδων (J. D. Prašek. Geschichte. . ., Bd. II. Ghota, 1910, стр. 57—58). Но в таком случае следует как-то исключить Согд из XVI округа, для чего филологические изменения пока не предложены. Как свидетельство о распространении до Танаида—Сыр-Дарьи бактрийской сатрапии можно рассматривать и следующее сообщение Квинта Курция: «Bactrianos Tanais ab Scythis, quos Europaeos vocant, dividit» (VII, 7, 2). Можно высказать еще одно предположение относительно эглов. Как известно, в XII (бактрийскую) сатрапию входили также и саки, скорее всего из числа живших на Памире. Не являются ли эглы одним из сравнительно небольших сакских племен, проживавших на границе с кочевниками, сохранившими политическую независимость?

[85] A. T. E. Olmstead, ук. соч. стр. 291.

[86] Геродот, III, 117.

[87] Обычно поставщиком лазурита на древнем Востоке считалась Бактрия.

[88] В. И. Абаев. Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе. В кн.: Иранские языки, I. М.—Л., 1945, стр. 130.

сумм задерживало развитие хозяйства, что усиливало стремление к получению политической независимости. Однако нельзя забывать и другую сторону рассматриваемого явления. Вхождение Средней Азии в состав обширного государства способствовало усилению связей с наиболее развитыми странами Переднего Востока, способствовало усилению торговли, развитию товарного обращения. Все эти обстоятельства следует иметь в виду при рассмотрении хозяйства оседлых областей Средней Азии середины I тысячелетия до н. э., к которому мы сейчас и переходим. Прежде всего остановимся на очень важном вопросе о типах и характере существовавших здесь поселений.

В 1927 г. известный английский историк Тарн, переходя к описанию походов Александра Македонского в Средней Азии, писал: «Александр теперь достиг той части мира, где города были почти неизвестны. Чисто иранский тип страны знал лишь поселения, крепости и „царские резиденции“. . . Если Александр хотел иметь в восточном Иране города, он должен был их построить».[89] Эта концепция извечного «иранского» феодализма и градостроительной миссии Александра, концепция, заслоняющая реальные факты даже у такого вдумчивого исследователя источников, каким является Тарн, была им повторена в большой работе «Греки в Бактрии и Индии»[90] и подверглась справедливой критике С. П. Толстова, указавшего что отрицание наличия укрепленных поселений и городов в Средней Азии этого времени противоречит в первую очередь письменным источникам, которыми оперирует сам Тарн.[91] Хотя и в настоящее время археологический материал, характеризующий среднеазиатские поселения середины I тысячелетия до н. э., является в значительной мере ограниченным, однако его рассмотрение в комплексе с анализом данных письменных источников позволяет наметить некоторые стороны разрешения этой проблемы. Рассмотрение истории этого вопроса тесно связано с теорией «городищ с жилыми стенами», выдвинутой в начале 40-х годов С. П. Толстовым на основании изучения хорезмийских памятников Кюзели-Гыр и Калалы-Гыр. С. П. Толстов предложил реконструкцию их внешнего облика, согласно которой центральная часть этих крупных поселений предназначалась для загона скота, а жизнь их обитателей сосредоточена в узких коридорах, идущих вдоль крепостных стен. С. П. Толстов был склонен рассматривать «городища с жилыми стенами» как тип поселений, показательных для всей Средней Азии определенного периода, видя подтверждение подобной точке зрения в больших размерах среднеазиатских поселений, которые они имели, согласно сообщениям греческих и латинских авторов.[92] Эта яркая гипотеза оказала значительное влияние на исследователей и была полностью принята в целом ряде трудов. Так, например, К. В. Тревер выделяет следующие три основных типа поселений Средней Азии VI—IV вв. до н. э.: крупные города с цитаделью, городища с жилыми стенами и большие жилые массивы, обнесенные стеной со сплошной застройкой внутри стен.[93]

А. И. Тереножкин, данные которого, по его собственному заключению, свидетельствовали о распространении материала середины I тысячелетия до н. э. на всей территории городища древнего Самарканда и об отсутствии здесь площади для загона скота, делал на основании этого лишь тот вывод, что стадия «городищ с жилыми стенами» была пережита Афрасиабом в более ранний период.[94] Однако дальнейшие археологические работы на территории Средней Азии и в первую очередь успешные исследования самого С. П. Толстова в Хорезме показали, что эта теория нуждается в известном пересмотре. Раскопки, проведенные на Кюзели-Гыре, выявили что здесь около крепостной стены шел коридор, к которому уже примыкали жилые постройки,

---

[89] W. W. Tarn. Alexander: The Conquest of the Far East. CAH, v. VI, Cambridge, 1927, стр. 388. То же дословно повторено Тарном; см.: W. W. Tarn. Alexander the Great. I. Cambridge, 1951, стр. 60.

[90] W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, 2 ed., 1951, стр. 1—33.

[91] С. П. Толстов. Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока. ВДИ, 1940, № 4.

[92] С. П. Толстов. 1) Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77—82; 2) «Городища с жилыми стенами». КСИИМК, XVII, 1947, стр. 3—8.

[93] К. В. Тревер. Раннерабовладельческое общество. В кн.: История Узбекской ССР, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 47.

[94] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 156.

расположенные внутри городища.[95] Подобные коридоры известны и в крепостях кушанской Бактрии, также имевших в центре сплошную застройку обычными домами.[96]

На основании этих раскопок, как отмечает С. П. Толстов, удалось значительно уточнить представление о характере хорезмийских поселений середины I тысячелетия до н. э. Как и древние поселения земледельцев энеолита и бронзового века, на юге Туркмении это были поселения со сплошной застройкой внутри.

Что же представляли собой поселения Средней Азии рассматриваемого времени? Обратимся прежде всего к письменным источникам. Таким источником является в первую очередь большая Бехистунская надпись, упоминающая парфянские поселения Вишпаузатиш и Патиграбана. Оба они в древнеперсидском тексте названы vardana и в вавилонской копии собирательным термином âlu, обозначающим поселения вообще. Можно было полагать, что подобное широкое значение имел и древнеперсидский термин vardana,[97] однако анализ всего комплекса терминологического материала Бехистунской надписи позволяет, на наш взгляд, прийти к иному выводу. Помимо термина vardana, употребленного по отношению к восьми пунктам, в Бехистунской надписи шесть раз встречается термин didā, означающий «крепость» (Schloß, Burg по Вейсбаху), и один раз термин āvahana — «селение» (Ort по Вейсбаху), как названо одно армянское поселение.[98] Термином āvahana названо и одно сузианское поселение в надписи Дария I о постройке дворца в Сузах.[99] Наличие подобного терминологического разнообразия заставляет считать, что термин vardana означал уже нечто большее, чем просто поселение вообще.

Действительно, судя по контекстам, в которых встречается этот термин, как в древнеперсидских текстах, так и в других языках, он скорее всего означает поселение городского типа, удачно переводимый английскими и американскими исследователями как town в отличие от крупного вполне развитого города — city.[100] Поэтому перевод vardana как «город» (Stadt у Вейсбаха) следует считать наиболее адекватным.[101] Помогает раскрытию содержания термина vardana и надпись Дария I из Суз (так называемая надпись Сузы, E), близкая по времени своего составления к интересующей нас Бехистунской надписи. В этой надписи Дарий сообщает, что у некоего города (vardana) стены (didā[102]) были разрушены и он, Дарий I, восстановил эти стены, так что они будут стоять вечно.[103] Хотя имя города не сохранилось, но можно полагать, что имеются в виду Сузы.[104] Таким образом, контекст этой надписи показывает, что поселения — vardana — имели крепостные стены и что этим термином обозначался и такой крупный центр, как Сузы, которые в ахеменидское время в значительной степени были больше city, чем town.

Правильность подобного понимания, на наш взгляд, полностью подтверждается анализом сообщений античных авторов, описывающих поход Александра Македонского. Особый интерес у этих авторов представляют те части их сочинений, которые, как позволяет заключить критика текста,

---

[95] С. П. Толстов. 1) Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 318; 2) Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 193—197; 3) Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 104—105.

[96] А. М. Мандельштам. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г. ДАН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954, рис. 1.

[97] Такой вывод был, например, сделан автором в статье «Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа» (ИАН ТССР, 1954, № 2, стр. 8).

[98] Бехистунская надпись, § 26.

[99] Э. Херцфельд едва ли удачно переводит в данном случае этот термин как Burg (E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938, стр. 17).

[100] R. G. Kent. Old Persian. New Haven, 1953, стр. 55, 207; R. A. Hall. The Etymology of OP vardanam. Language, v. 12, № 4, 1936, стр. 297—299. Древнеперсидское vardana соответствует авестийскому vərəzyna с архаическим значением «община» и санскритскому vṛjana — «огороженное пространство».

[101] См. перевод В. И. Абаева в «Хрестоматии по истории древнего мира» (ч. I. М., 1950, стр. 257 и сл.); F. H. Weißbach. Die Keilinschriften der Achaemeniden. Leipzig, 1911, стр. 25, 31, 37, 43, 47, 49, 51. Э. Херцфельд видел в vardana административный центр какого-либо округа внутри сатрапии, т. е. почти аналог βασιλεια Арриана, о которой см. ниже.

[102] В таком значении термин didā употреблен в известной надписи Дария I о строительстве дворца в Сузах (так называемая надпись Сузы F).

[103] См.: R. G. Kent, ук. соч., стр. 141—142.

[104] A. T. E. Olmstead, ук. соч., стр. 166.

восходят непосредственно к дневникам спутников великого полководца или к записям в его походном журнале. В этом отношении несомненно особенно важно сочинение Арриана «Анабасис Александра», составленное на языке этих первоисточников. Сочинение же латиноязычного Квинта Курция, хотя оно также в ряде мест содержит ценные сведения, иногда отсутствующие у Арриана и несомненно восходящие к записям очевидцев, требует более осторожного подхода, именно благодаря переводному характеру примененных терминов.

Согласно Арриану, города (πόλις) имелись в Гиркании, причем в крупнейшем городе страны Задракарте была царская резиденция (βασίλεια),[105] что, видимо, надо понимать как указание на пребывание наместника, хотя, по Квинту Курцию,[106] который называет этот пункт просто городом Гиркании (ad urbem Hyrcaniae), этот дворец построил Дарий. Однако это утверждение маловероятно.[107] Арриан упоминает подобные βασίλεια в Арии [108] и Дрангиане,[109] причем в Арии роль этой столицы играл город Артакоана. Крупнейшими городами Бактрии Арриан называет Аорн и Бактры, причем в первом из них имелась цитадель (ἄκρα),[110] а второй, по Курцию, имел городские стены — moenia, около которых протекала река Бактра, давшая имя городу и стране.[111] Согдийский столицей был город Мараканда (βασίλεια τῆς Σογδιανῶν χῶρας), [112] причем в Мараканде имелась цитадель (ἄκρα по Арриану,[113] arx, по Курцию [114]) и внешняя стена (murus), имевшая будто бы 70 стадий в окружности.[115] Поскольку мы знаем, что при Дарии III Согд входил в состав бактрийской сатрапии Бесса, употребление термина βασίλεια и в данном случае позволяет понимать его именно как столицу, культурно-административный центр, где, возможно, пребывал один из представителей местной знати (Спитамен?). Около Яксарта, помимо основанного Киром Кирополиса, было еще шесть других городов.[116] Сам Кирополь имел, кроме внешних стен, цитадель, вмещавшую будто бы 10 000 человек.[117] Не была единственным городом в Согде и Мараканда, поскольку Арриан сообщает, что Александр послал Гефестиона вновь заселять города Согдианы.[118]

Однако, помимо городов, обозначаемых спутниками Александра термином πόλις, в Согде и Бактрии были поселения другого типа. Так, Бесс был выдан Птолемею в поселении, называемом у Арриана деревней (κώμη), хотя оно было окружено стеной (τεῖχος) с несколькими воротами (πύλη).[119] В различных местах Согда располагались укрепления (ἐρύματα), в которых скрывались восставшие согдийцы.[120] Вероятно, это были укрепленные поселения, подобные тому, где состоялась выдача Бесса. Видимо, аналогичными поселениями были и бактрийское укрепление, названное φρουρά,[121] и согдийское Баги, лежавшее на границе со Скифией (resp. Кизыл-Кумами) и названное ὀχύρωμα — «крепостью».[122]

Мы имеем основание считать, что все эти мелкие детали связаны с записями участников походов Александра, а не с общегеографическими представлениями современного авторам общества, подобно описанию Кавказского хребта у Арриана. И здесь мы видим, что прибывшие в Среднюю Азию в 30-е годы IV в. до н. э. греки и македонцы различали два типа поселений: крупные города, имевшие в ряде случаев, помимо городских стен, внутри них еще цитадели-акрополи; другие поселения, также укрепленные, но, видимо, более мелкие называются деревнями или просто укреплениями. Поэтому, на наш взгляд, вполне обоснованным является такой ряд сопоставлений: vardana—πόλις и κώμη—ὀχύρωμα—ἐρύματα — āvahana—didā. Скорее всего именно небольшими укрепленными поселениями были пункты Капишканиш и Аршада в Арахосии, к которым применен термин didā, и прямой аналогией ему, как

---

[105] Арриан. Анабасис, III, 23, 6; 25, 1.
[106] Курций, VI, 5, 22.
[107] Если только в этом сообщении Квинта Курция не следует видеть указания на строительную деятельность отца Дария, Гистаспа, бывшего сатрапа Гиркании и Парфии.
[108] Арриан. Анабасис, III, 25, 5.
[109] Там же, 25, 7.
[110] Там же, 29, 1.
[111] Курций, VII, 6, 20.
[112] Арриан. Анабасис, III, 30, 6—7.
[113] Там же, IV, 3, 6—7; 5, 1; 6, 4.
[114] Курций, VII, 6, 10.
[115] Там же.
[116] Арриан. Анабасис, IV, 2, 1.
[117] Там же, 3, 4.
[118] Там же, 16, 3.
[119] Там же, III, 30, 2.
[120] Там же, IV, 15, 7; 16, 3.
[121] Там же, IV, 16, 4.
[122] Там же, 17, 4.

нам кажется, являются упоминавшиеся выше согдийские укрепления — ἐρύματα. Если оставаться в кругу письменных источников, то эти сопоставления можно провести дальше и видеть в двух типах поселений V—IV вв. до н. э. начало того разделения на города (πόλις) и деревни (κώμη), которое для более позднего времени засвидетельствовано Птолемеем и Исидором Харакским. Подтверждают наличие двух типов поселений и имеющиеся археологические данные.

Мы имеем в виду два типа памятников, выделенные выше, при описании древнемаргианских поселений, обследованных в дельте Мургаба. Первый тип — крупные поселения с цитаделью — несомненно продолжает традиции таких поселений начала I тысячелетия до н. э., как Яз-Депе, Изат-Кули или Елькен-Депе. Несомненно, именно подобные поселения являются полисами Ариана и vardana древнеперсидских надписей. В дельте Мургаба к числу подобных поселений можно отнести Тахирбай-Депе, северное и среднее Уч-Депе и поселение, располагавшееся на территории Гяур-Калы к северо-востоку от Байрам-Али. Яз-Депе в середине I тысячелетия до н. э. хотя и было крупным поселением, но его цитадель в эту пору уже пришла в запустение и центром яз-депинского оазиса было, возможно, северное Уч-Депе. В подгорной полосе, на территории Парфии, крупными поселениями с цитаделями были Елькен-Депе и Улуг-Депе (или Яссы-Депе) около Душака. Крупным поселением, была уже и столица Согда Самарканд, где слои Афрасиаб I распространены на всей территории городища, имеющего площадь около 219 га. По письменным источникам известно, что во всяком случае в IV в. до н. э. Самарканд имел цитадель. Интересно отметить, что размеры обводной стены Самарканда IV в. до н. э., приведенные у Квинта Курция (70 стадий=от 10.5 до 13.5 км при разном значении стадия), несомненно больше территории городища Афрасиаб. До проведения новых археологических изысканий трудно дать правильное объяснение этому сообщению. Можно допускать, что действительно территория Мараканды была в середине I тысячелетия до н. э. больше территории, занятой сейчас городищем Афрасиаб, обводные стены которого сложились в более позднее (греко-бактрийское?) время. В таком случае стена, упоминаемая Квинтом Курцием, должна лежать за пределами внешнего (четвертого) вала городища Афрасиаб.[123] С другой стороны, возможно, цифра 70, приведенная римским автором, не является вполне надежной [124] и естественнее предполагать, что размеры столицы Согдианы в IV в. до н. э. не превышали 219 га. Впрочем, и в таком случае это был несомненно очень крупный населенный центр.[125]

К сожалению, пока трудно говорить на основании археологических данных о поселениях Бактрии, где слои этого времени обнаружены в Кобадиане и Балхе. Крупным поселением здесь был Балх — Бактры.

Если сопоставлять названные выше археологические памятники с полисами Ариана и видеть в них крупные поселения городского типа, то возникает вопрос о наличии у них общегородских оборонительных стен. При археологических работах в низовьях Мургаба не обнаружено каких-либо других укреплений на древних поселениях, помимо цитаделей, в связи с чем было высказано предположение об отсутствии особых укреплений, помимо внешних стен домов, выходящих на окраину поселения.[126] Действительно, при первом взгляде на планы таких поселений, как северное Уч-Депе или Аравали-Депе, бросается в глаза нерегулярность расположения оплывших холмов, не образующих какой-либо строгой системы. Однако следует иметь в виду также следующие два обстоятельства. Во-первых, как показало завершение предварительного изучения Яз-Депе, в V—IV вв. до н. э. оно не было поселением с цитаделью: цитадель в это время уже представляла собой нежилые, оплывающие руины. Поэтому полученные здесь данные об отсутствии оборонительных укреплений могут не относиться к другим поселениям, сохранявшим в это время роль политических и адми-

---

[123] М. Е. Массон допускает, что остатками такой стены был не сохранившийся ныне вал Дивари Кундалянг в районе селения Лялязар (М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 158).

[124] Ср.: М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 94.

[125] По мнению Е. Херцфельда, Самарканд Квинта Курция мог вместить около 150 000 человек (E. Herzfeld. Zoroaster. . ., v. II, стр. 753).

[126] В. М. Массон. 1) Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК 64, 1956, стр. 66; 2) Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. ИАН ТССР. 1956, № 2, стр. 23.

стративных центров. Во-вторых, как показывают результаты работ на той же цитадели Яз-Депе, полностью подтверждаемые раскопками цитадели Гяур-Калы, степень разрушения древних стен была настолько велика, что часто многометровые кладки почти полностью исчезают к настоящему времени. Все эти оговорки приведены в связи с тем, что ясные и четкие данные письменных источников, которым нет основания не доверять, сообщают о наличии стен не только у крупных городов, но даже и у более мелких поселений IV в. до н. э. Другое дело, что это могли быть невысокие глинобитные стены (например, у Газы).[127] легко разрушимые временем. Поэтому отсутствие оборонительных стен у нижнемургабских поселений следует относить, помимо недостаточного размаха раскопочных работ, к низкой степени сохранности этих памятников, сильно разрушенных размывом и выветриванием, тем более, что в ряде случаев эти стены могли носить чисто административные функции, а главным оплотом обороны города была цитадель, располагавшаяся на мощной платформе.

Небольшие поселения без цитаделей, обследовавшиеся в дельте Мургаба, несомненно следует сопоставлять со вторым типом поселений, отмеченных греками, и видеть в них поселения во многом сельского типа — κώμη — āvahana. В отношении укреплений здесь также полностью справедливо все сказанное выше относительно городов-полисов.

Подтверждением полной справедливости сообщений письменных источников является исследование С. П. Толстовым хорезмийской крепости Кюзели-Гыр. Открытая здесь оборонительная стена нижнего горизонта городища с овальными башнями — несомненно древнейший археологический памятник такого рода в Средней Азии из числа известных в настоящее время. Это довольно крупное городище занимает площадь около 20 га. Внутри него располагались небольшие жилые помещения с очагами, возможно сгруппированные в здания. В центре городища находилась большая постройка, относящаяся, правда, уже к верхнему горизонту Кюзели-Гыра, представляющая, по мнению С. П. Толстова, нечто вроде цитадели.[128] Здесь был раскопан большой зал площадью 285 кв. м.[129] Вполне возможно, что на Кюзели-Гыре действительно началось выделение цитадели и это крупное поселение начало превращаться в поселение городского типа. Других крупных поселений на территории Хорезма пока неизвестно.[130]

Между тем Гекатей, сведения которого восходят ко времени не позднее начала V в. до н. э., упоминает о каком-то городе Хорасмия, бывшем, надо полагать, центром (βασίλεια) всего Хорезма. Конечно, трудно судить, в какой мере эта Хорасмия была действительно поселением городского типа и поэтому неясно, можно ли считать ее остатками городища Кюзели-Гыр, или она находилась в пределах богатых правобережных оазисов, где располагались столичные центры Хорезма более позднего времени (Топрак-Кала, затем Кят) и где интенсивное земледелие могло способствовать уничтожению руин этого поселения.

В Фергане, своеобразный характер культуры которой отмечался выше, к середине I тысячелетия до н. э., видимо, относятся нижние слои Эйлатана — огромного городища, площадь которого в пределах внешнего вала составляет около 200 га. Внутренний вал обводит площадь всего в 20 га.[131] Однако, к сожалению, недостаточная обследованность городища затрудняет суждение о принадлежности валов именно к середине I тысячелетия до н. э. Вполне вероятно, что в это время здесь уже существовало значительное поселение, но едва ли оно приобрело черты поселения городского типа.

---

[127] А р р и а н. Анабасис, IV, 2, 3.

[128] С. П. Т о л с т о в. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., стр. 196.

[129] С. П. Т о л с т о в. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., стр. 105.

[130] С. П. Т о л с т о в (Итоги работ. . ., ВДИ, 1955, № 3, стр. 204) упоминает о том, что многочисленные поселения VI—V вв. до н. э. были расположены по берегам каналов правобережного Хорезма. Видимо, это были небольшие поселения вроде древнемаргианских второго типа.

[131] Б. А. Л а т ы н и н. 1) Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане. ПГАИМК, 110, 1935, стр. 141—147; 2) Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, 64, 1956, стр. 17; Ю. А. З а д н е п р о в с к и й. 1) Древняя Фергана. Автореф. дисс., Л., 1954, стр. 10—11: 2) Поселения древней Ферганы. (Опыт классификации). Труды Музея истории АН УзССР, вып. IV, Ташкент, 1957.

Сообщение Гекатея о городе Парикана, на которое ссылается Ю. А. Заднепровский,[132] едва ли можно относить к Фергане, а укрепленные поселения и прияксартские города, упомянутые Аррианом, тяготели к Согду, экономический и культурный уровень которого в это время значительно опережал развитие Ферганы.[133]

Нам осталось остановиться на вопросе о крупных размерах поселений Средней Азии середины I тысячелетия до н. э., которые в свое время смущали В. В. Бартольда[134] и послужили решающим аргументом в распространении теории «городищ с жилыми стенами» на всю территорию Средней Азии. Свидетельство Курция о больших размерах Самарканда было приведено выше. «Скалы» — πέτρα, служившие убежищем различным аристократам Бактрии и Согда, по разным авторам, имели в окружности от 5 до 23 км.[135] Однако следует, как нам кажется, исключить отсюда так называемые «скалы», которые, насколько можно судить, представляли собой поселения, расположенные на естественных возвышенностях, высота которых обычно указывалась авторами. Поэтому приведенные размеры периметра, даже если они иногда и являются преувеличенными, свидетельствуют о величине этих возвышенностей, а отнюдь не самих поселений. Другое дело размеры Мараканды — Самарканда, бывшего в это время поселением городского типа. 70 стадий Квинта Курция превышают периметр городища Афрасиаб почти вдвое, но уже и археологически устанавливаемая площадь города V—IV вв. до н. э. в 219 га является весьма значительной. Археологические данные позволяют считать, что весьма крупным поселением была и Гяур-Кала, во всяком случае уже в IV в. до н. э. Если, видимо, первоначально поселение с цитаделью занимало территорию позднейшей Эрк-Калы, то шурфовка в различных частях огромной территории шахристана Гяур-Калы показала, что здесь на материке лежит материал, почти полностью идентичный комплексу Яз III, хотя и включающий иногда более поздние элементы. Это позволяет утверждать, что в IV в. до н. э. поселение распространяется уже почти на всей территории Гяур-Калы, периметр которой составляет около 7.5 км. Трудно судить, была ли обведена уже эта площадь крепостной стеной или нет, но во всяком случае, как показывают сообщения письменных источников, рассмотренные выше городские стены в это время уже существовали. Было бы странно, если бы они отсутствовали у маргианской столицы — βασίλεια, какой несомненно в V—IV вв до н. э. стало поселение, расположенное на месте Гяур-Калы и резко превышающее своими размерами все другие древнемаргианские памятники.[136]

Таким образом, имеющийся материал ясно показывает линию развития среднеазиатских поселений городского типа, уходящую своими корнями в поселения оседлых землевладельцев эпохи бронзы. Продолжением этой линии явились многочисленные города Средней Азии III в. до н. э.—III в. н. э.,

---

[132] Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана, стр. 11.

[133] Возможно, это было связано с низким уровнем развития ирригационного земледелия, игравшего в ту пору ведущую роль в развитии производительных сил. Б. А. Латынин полагает, что в это время лишь начинает возникать «небольшая сеть древнейших, собственно оросительных каналов» (Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, 64, 1956, стр. 18).

[134] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 2. Он считал сообщение Квинта Курция о 70 стадиях «вероятно, преувеличенным», поскольку, по его мнению, в Средней Азии вплоть до арабского завоевания не было столь больших городов.

[135] Сведения приведены С. П. Толстовым («Городища с жилыми стенами», стр. 7).

[136] М. Е. Массон считает, что при Антиохе I уже существовали глинобитные стены Гяур-Калы, которые этим правителем были облицованы сырцовым кирпичом (М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва, стр. 94). На основании этого можно было бы сделать вывод, что стена относится к доалександровскому времени, если только ее не построил сам Александр Македонский, смутное свидетельство о строительной деятельности в Маргиане которого сохранилось у Курция (VII, 10, 15) и Плиния (VI, 47). Анализировавший эти сообщения Тарн пришел к выводу, что при Александре действительно была построена Александрия в Маргиане (W. W. Tarn. Alexander the Great. Cambridge, 1951, v. I стр. 76; v. II, стр. 234—235). А. А. Марущенко сообщает, что в толще этой глинобитной стены им была обнаружена наряду с «ахеменидской» раннеантичная керамика (см. его статью: Хосров-Кала. Труды Инст. истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 143, прим. 6). Однако упоминаемый А. А. Марущенко так называемый разрез Батманова вскрывает настолько сложную картину многочисленных подкладок и перестроек стены Гяур-Калы, что без специальных широких расчисток трудно решить вопрос, какая именно кладка является первоначальной. Нахождение же в одной из пахсовых кладок раннеантичной керамики весьма вероятно.

которые отнюдь не явились результатом греко-македонского влияния, а в первую очередь связаны с развитием местного ремесленного производства и все бóльшим распространением товарного и денежного обращения.

Хотя это ремесленное производство начинало приобретать в хозяйстве середины I тысячелетия до н. э. все бóльшую роль, основу производительных сил в оседлых оазисах по-прежнему составляло ирригационное земледелие. В Маргиане это земледелие непосредственным образом продолжало традиции предшествующего времени. Вместе с тем, как уже отмечалось при описании древнемаргианских оазисов, можно наметить некоторые весьма существенные изменения в ирригационной технике. Если каналы начала I тысячелетия до н. э., по всей видимости, получали воду из реки без создания подпорных сооружений, то расположение памятников V—IV вв. до н. э., когда осваивается район современного Байрам-Али, заставляет предполагать уже создание значительно более сложных ирригационных сооружений. В настоящее время орошение этого района тесно связано с существованием выше по течению Мургаба крупных водохранилищ. Можно полагать, что именно в это время на Мургабе начала складываться та сложная система орошения, которая много столетий спустя вызывала восторженные отзывы средневековых географов. В этой связи нельзя не обратиться еще раз к описанию Геродотом плотин на р. Ак.[137] Установка у выхода из ущелья шлюзов и регулирование таким образом подачи воды на поля поразительно напоминает действие некоторых водохранилищ Мургаба, когда ограждающая их насыпь прокапывается в различных местах тем или иным колхозом для получения своей нормы воды. Как уже отмечалось многими исследователями, сообщение Геродота свидетельствует о строительстве в Средней Азии по крайней мере в V в. до н. э. крупных ирригационных сооружений.[138] Для нас оно является подтверждением выводов об изменениях в ирригационном хозяйстве Маргианы, сделанных на археологическом материале.[139] В литературе господствует точка зрения исследователей, отождествляющих р. Ак с Тедженом. К сожалению, слабая археологическая изученность теджекского бассейна не позволяет судить о характере орошения этого района в V—IV вв. до н. э. Напротив, в долине Мургаба сооружения, подобные описанному Геродотом, несомненно существовали, хотя едва ли это обстоятельство следует рассматривать в пользу отождествления р. Ак с Мургабом.

Труднее судить об изменениях в ирригационном хозяйстве Ахала и Этека. Сообщение Полибия[140] ясно показывает, что в середине I тысячелетия до н. э. в Парфии было развито строительство кяризов.

Весьма ценные наблюдения были сделаны С. П. Толстовым при изучении ирригационной сети древнего Хорезма. На правом берегу Аму-Дарьи в середине I тысячелетия до н. э. были проведены два крупных оросительных канала (кой-крылганский и базар-калинский), окаймляющие по краям большое, ныне затакыренное пространство, на котором и располагались древние поля. От основных русел отходит под прямым углом мелкая оросительная сеть, которая, как и в Маргиане, «нередко базируется прямо на магистральном канале».[141] Таким образом, можно считать время VI—V (быть может, V—IV) вв. до н. э. периодом создания крупных ирригационных систем в низовьях Аму-Дарьи. Использовались в IV в. до н. э. для орошения и воды главной реки Согда — Зеравшана,[142] а в северной Бактрии был освоен такой крупный приток Аму-Дарьи, как Кафирниган. Ирригационные системы становятся основой земледелия во всех ос-

---

[137] Геродот, III, 117.

[138] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 43—45; E. Herzfeld. Zoroaster. . ., v. II, стр. 566.

[139] Отметим, что строительство шлюзов Геродот относит уже ко времени персов, т. е. после установления в этом районе власти Ахеменидов. Поэтому едва ли прав Э. Херцфельд, видящий здесь свидетельство о крупных ирригационных сооружениях VI в. до н. э. и даже более раннего времени. С другой стороны, не является ли это указание Геродота подтверждением датировки создания на Мургабе крупных водохранилищ (или водохранилища) именно в переходный период от Яз II к Яз III.

[140] Полибий, X, 28.

[141] С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 204—205. Вызывают некоторое недоумение грандиозные размеры древних магистральных каналов — до 30 м в ширину. Не были ли первоначально эти каналы естественными протоками, позднее углубленными населением?

[142] В. Ф. Гайдукевич. К истории древнего земледелия в Средней Азии. ВДИ, 1948, № 3, стр. 199.

повных оазисах Средней Азии. На орошавшихся полях, помимо зерновых культур (пшеница, овес, просо), возделывались также технические культуры — кунжут[143] и, возможно, хлопок, о выращивании которого в это время в северо-западной Индии сообщает Геродот.[144]

Наконец, особенного развития достигает ремесленное производство, что уже было отмечено М. М. Дьяконовым.[145] Помимо медного производства, все более развивается железоделательное. Оседлые оазисы Средней Азии вступают в пору развитого железного века. Шлаки и крицы, указывающие на производившуюся выплавку железа, были найдены на Елькен-Депе, а также на целом ряде хорезмийских и маргианских поселений. Особым ремеслом стало производство керамики. Специализированные формы посуды, одинаковые и в Парфии, и в Хорезме, и в Маргиане, и в Бактрии, и даже в соседнем Согде указывают на стандартизацию продукции, являющуюся одним из признаков ремесленного производства.[146] Эта посуда изготовлялась на гончарном круге и обжигалась в специальных печах сравнительно сложного устройства. Керамические печи, обнаруженные в древней Маргиане, раскрывают один из этапов развития керамического производства Средней Азии.[147] Горны для обжига керамики поры средней бронзы (комплекс Намазга V), известные по раскопкам верхнего слоя Намазга-Депе, в основном дают два варианта: овальные горны с центральным столбом или продолговатые с небольшой поперечной перегородкой в середине. Традиции последнего варианта продолжает печь, раскопанная на Аучин-Депе (мургабский вариант Намазга VI). По сравнению с последней печью горны Чурнока и Уч-Депе обнаруживают значительный прогресс: опора в виде столба или перегородки исчезает, и, таким образом, значительно освобождается полезное пространство топки. С обжигательной камерой топка соединена сложной системой патрубков. Интересно отметить, что перекрытие топки осуществлено без помощи свода, видимо с применением кружал. Употребление свода в керамических печах, во всем остальном крайне близких печам древней Маргианы, отмечено уже для парфянского времени.[148] С развитием ремесла хозяйство оседлых оазисов стало приобретать черты товарного производства. В этом отношении показательна следующая особенность древнемаргианских поселений. Почти на всех небольших поселениях имеются следы керамического производства, указывающие на то, что проживавшие в этих поселениях общины сами изготовляли для себя глиняную посуду. На крупных же поселениях, вроде северного Уч-Депе, гончарные печи сосредоточены в одном месте, образуя как бы особые гончарные центры, обслуживавшие в целом все поселение, где проживало несомненно несколько общин. В этом случае изготовление глиняной посуды приобретало уже черты товарного производства. В еще большей степени это, видимо, было характерно для железоделательного производства.

Развитию товарных отношений и во всяком случае внешней торговли способствовало вхождение среднеазиатских оазисов в государство Ахеменидов. «Цари царей» уделяли большое внимание организации торговли и проведению дорог, облегчавших торговые связи. Хорошо известна дорога, связывавшая одну из ахеменидских столиц — Сузы — с побережьем Малой Азии. Были проложены дороги и в других областях, в частности, упоминается дорога, шедшая в Бактрию и Индию.[149] Вполне возможно, что ее направление совпадало с маршрутом описанным в парфянское время Исидором Харакским.[150]

С таким развитием торговли и товарного производства связано и начало денежных отношений на территории Средней Азии. Несмотря на крайнюю малочисленность имеющихся данных, все же можно ставить вопрос о том, что это начало относится по крайней мере к IV—V вв. до н. э. В неоднократно уже цитировавшемся сообщении Геродота

---

[143] Геродот, III, 117.
[144] Там же, 106.
[145] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX, 1954, стр. 136 и сл.
[146] Там же, стр. 136; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи, стр. 72—74.
[147] В. И. Сарианиди. Керамические печи древней Маргианы. КСИИМК, 69, 1957.
[148] Эти печи, явно продолжающие традицию печей Чурнока—Уч-Депе, были раскопаны в 1956 г. в дельте Мургаба на поселении Джин-Депе.
[149] G. B. Gray and M. Gray. The Reign of Darius. CAH, v. IV, Cambrigde, 1926, стр. 193; A. T. E. Olmstead, ук. соч., стр. 301.
[150] Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 140.

о р. Ак сообщается, что за открытие шлюзов царь сверх подати (ἡ φορά) взимает большие деньги (τα χρήματα).[151] Примененный здесь термин χρήματα может означать именно деньги в прямом смысле этого слова и вполне возможно, что какая-то часть из 660 талантов, собираемых в среднеазиатских оазисах, была представлена именно деньгами. О наличии у согдийских воинов денег (pecunia) сообщает и Квинт Курций.[152] Наконец, начинает появляться и определенный нумизматический материал. Правда, находки дариков в Средней Азии пока единичны (Самарканд, Керки), но уже в составе так называемого Амударьинского клада было 18 ранних монет, в том числе подражания афинским тетрадрахмам. Исключительный интерес представляет обнаружение в Кабуле очень раннего клада, открывающего значительные возможности в изучении денежного обращения восточных областей ахеменидской державы.[153] Клад датируется временем не позднее 380 г. до н. э. Сохранившаяся часть клада заключает 8 ахеменидских сиклей, 14 древнеиндийских монет (так называемые punch-marked coins), 64 греческие монеты и 29 монет совершенно нового типа. Ахеменидская сатрапия Индия была одной из наиболее развитых областей в государстве Ахеменидов. На это, в частности, указывает раннее возникновение здесь денежного обращения. Помимо ахеменидских сиклей, возможно имевших местную надчеканку,[154] афинских тетрадрахм и их подражаний,[155] здесь сложился вполне самостоятельный тип денежных знаков, форма которых (продолговатая или квадратная) оказала затем влияние на греко-индийскую эмиссию. Начало выпуска этих «штампованных монет» многие исследователи относили к IV в. до н. э.,[156] а обнаружение Кабульского клада позволяет вполне уверенно говорить и о V в. до н. э.

Тип этих монет вполне определенен, и его широкое распространение в Таксиле периода империи Маурья не оставляет сомнений в их индийском происхождении. Тем более интересен тип ранее неизвестных монет из Кабульского клада. Они скифатные и в отличие от индийских овальные, что сближает их с греческим чеканом. По весу же они соответствуют индийским монетам, представляя несколько номиналов (11.5, 5.8 и 2.15 г, т. е. 1 : 2 : 4). Некоторые изображения связываются с индийскими образцами, но в большинстве своем они крайне оригинальны и весьма разнообразны. Наряду с орнаментальными мотивами довольно часты изображения животных (гиена, спаренные протомы баранов, голова слона?; птица). Между прочим, крайнее разнообразие изображений на этих монетах является очень важным обстоятельством. Оно указывает на то, что неизвестный доселе чекан был весьма обширен, поскольку с каждого штампа сошла не одна монета. Резкие отличия от древнеиндийской эмиссии заставляют пытаться искать другой источник происхождения этих интереснейших монет, как бы соединивших индийские и греческие черты. Мы полагаем, что местом выпуска этих монет может быть Бактрия, страна с достаточно самобытными культурными традициями и развитой экономикой. В таком случае регулярная селевкидская эмиссия Бактр[157] получит своего закономерного предшественника, имея в виду развитие в стране денежных отношений. И тем большее значение будет иметь отмеченное еще Б. Хэдом то обстоятельство, что в бактрийском чекане Антиоха I появляется серия монет, неожиданно применяющих так называемый индийский стандарт. Видимо, это был местный стандарт, одинаково распространенный и в Индии, и в Бактрии.

В связи с рассмотрением археологического материала середины I тысячелетия до н. э. следует остановиться на одном вопросе, тесно связанном с проблемой древней идеологии и религиозных представлений. Едва ли могут быть особые сомнения в том, что в это время среди оседлого, а возможно

---

[151] Геродот, III, 117.

[152] Курций, VII, 11, 29.

[153] D. Schlumberger. L'argent Grec dans l'empire achéménide. Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan, t. 14, Paris, 1953.

[154] E. Rapson. Indian Coins. Grundriss der Indo-Aryschen Philologie und Altertumskunde, Bd. II, H. 3. Strassburg, 1897, стр. 4. Более критически относится к этим надчеканкам Хилл. См.: G. F. Hill. Catalogue of the Greek Coins of Arabia and Persia. London, 1922, стр. CXXXVIII и сл.

[155] B. Head. The Earliest Graeco-Bactrian and Graeco-Indian Coins. The Numismatic Chronicle, 1906, стр. 9—10.

[156] E. Rapson, ук. соч., стр. 3—4; C. I Brown. The Coins of India. Calcutta—London, 1922, стр. 19.

[157] E. T. Newell. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. American Numismatic Society. Numismatic Studies, № 1, New York, 1938, стр. 228—249.

также и кочевого, населения Средней Азии была распространена зороастрийская религия, которая занимала, надо полагать, господствующее положение. Рассмотрение всех деталей этой многообразной и сложной проблемы не только является темой особого исследования, но и в основном связано с письменными источниками, а не с археологическим материалом. Данные же археологии сейчас позволяют обратить внимание на одно частное обстоятельство.

Среди древних земледельческих племен южной Туркмении было широко распространено почитание женского божества, связанного в первую очередь, по-видимому, с культом плодородия и материнства. Свидетельством этого почитания служат многочисленные терракотовые, а иногда и каменные статуэтки, традиция изготовления которых доживает до поры поздней бронзы (комплекс Намазга VI). Можно считать, что различные культы женского божества земледельческо-скотоводческих племен поры энеолита и бронзового века послужили той основой, на которой сложился образ авестийской Ардвисуры Анахиты, покровительницы скота, богини небесных вод и плодородия.[158] Со времени раскопок Г. В. Григорьева на Тали-Барзу[159] советские археологи склонны видеть образ Анахиты в терракотовых женских статуэтках, находимых в Согде, Хорезме, Маргиане и Бактрии.

Было бы естественно ожидать наличие какой-либо связи или традиционной преемственности между женскими статуэтками бронзового века и многочисленной терракотовой скульптурой III в. до н. э.—III в. н. э. Однако, помимо резких различий художественной трактовки, различий массового ремесленного производства и индивидуализированного изготовления в раннюю пору, можно наблюдать также значительный хронологический разрыв в археологических материалах. В культуре начала и середины I тысячелетия до н. э. пока отсутствуют не только женские статуэтки, но и вообще почти прерывается традиция изготовления мелкой терракотовой скульптуры.[160] Это, например, хорошо видно на памятниках дельты Мургаба. Здесь, с одной стороны, на поселениях поздней бронзы (Намазга VI) встречается различная мелкая терракотовая скульптура, а с другой стороны, в парфянское время широко распространяются весьма характерные женские статуэтки, видимо изображающие местное женское божество.[161] В то же время на памятниках начала и середины I тысячелетия до н. э., несмотря на довольно значительные по объему раскопки, пока не встречены терракотовые статуэтки людей и животных,[162] хотя в других областях сохранились традиции более древней культуры. Этот факт свидетельствует если и не о полном прекращении изготовления статуэток, то во всяком случае о резком сокращении их производства. Возникает вопрос, не было ли это связано с распространением каких-то новых религиозных воззрений, сменивших прежние культы. В данном случае это мог быть зороастризм, очень рано распространившийся в Маргиане, названной в Авесте «мощной и верующей в Арту».[163] Позднее авестийское женское божество Анахита получила воплощение в монументальной скульптуре. При Артаксеркse II (404—359), как сообщает Берос, были поставлены статуи Анахиты в Вавилоне, Сузах Экбатанах, Персеполе, Бактре, Дамаске и Сардах.[164] В связи с этим Э. Херцфельд полагает, что при канонизации религии, произведенной Зороастром, Анахита, как и ряд других «дозороастрийских» божеств,

---

[158] Э. Херцфельд дает предположительную этимологию Ardvī как «сырость» (E. Herzfeld. Zoroaster. . ., v. II, стр. 517). Представляет интерес также эпитет Анахиты как «увеличивающей каналы» (там же, стр. 563).

[159] Г. В. Григорьев. Поселения древнего Согда. КСИИМК, VI, 1940, стр. 27.

[160] Предположение С. П. Толстова о существовании в Хорезме терракотовых статуэток еще в ахеменидское время (С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 197) пока не подтвердилось конкретными находками. Несомненно, не к ахеменидскому, а к более позднему времени относятся и статуэтки с Афрасиаба, изданные М. Э. Воронцом. См. его статью «Древнейшие терракоты музея истории АН УзССР» (Бюлл. АН УзССР, 1947, № 5).

[161] Л. И. Ремпель. Новые материалы к изучению древней скульптуры южной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

[162] Единственным исключением могла бы явиться головка фигурки лошади, найденная в шурфе на шахристане Гяур-Калы (Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве, Матер. ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 40; о дате этой находки см. стр. 50 настоящего издания).

[163] В. В. Струве. Восстание в Маргиане. . .. стр. 17.

[164] J. D. Prašek. Geschichte. . ., Bd. II, стр. 218; A. T. E. Olmstead, ук. соч., стр. 471; E. Herzfeld. Zoroaster. . ., v. II, стр. 819.

была изгнана из пантеона. Ее значение восстановилось лишь при Артаксерксе II. Действительно, если в надписях Дария I и Ксеркса встречается упоминание одного лишь Ахурамазды, то в надписи Артаксеркса II из Суз наряду с Ахурамаздой названы Анахита и Митра.[165] Не позволяет ли принятие этой гипотезы объяснить перерыв в традиции изготовления женских статуэток древними маргианцами, особенно если учесть, что отнесение Э. Херцфельдом времени жизни Зороастра к правлению Кира и Дария маловероятно и деятельность легендарного пророка скорее всего следует датировать доахеменидским периодом.

Наиболее сложным и в настоящее время трудно разрешимым является вопрос о конкретном характере общественного строя у населения оседлых областей Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. Наши сведения в этой области в основном являются косвенными и во многом связаны с археологическими материалами, проливающими свет в первую очередь на развитие хозяйства.

Рассмотренные выше материалы в сочетании со сведениями письменных источников позволяют нарисовать следующую картину экономики среднеазиатских областей этого времени. Основу хозяйства составляло земледелие, связанное с искусственным орошением, причем уже были созданы довольно сложные ирригационные системы. Значительное развитие получают ремесла, в связи с чем расширяется товарное производство, приводящее к возникновению товарного обращения и зарождению денежного обращения. Центрами оседлых оазисов были крупные поселения городского типа, имевшие городские стены и цитадели. Многие черты этой характеристики были в свое время отмечены уже М. М. Дьяконовым.[166]

Все это позволяет считать, что в данном случае перед нами уже сложившееся классовое общество. Однако именно сведения, позволившие бы дать конкретную характеристику классов и социально-экономических отношений внутри этого общества, пока отсутствуют. Отрывочные сообщения письменных источников, которые могли бы быть привлечены к рассмотрению этих вопросов, освещают лишь отдельные частные стороны этой проблемы, но не всю проблему в целом. Верхушку этого общества составляла аристократия. Упоминание ее представителей мы неоднократно находим в описаниях похода Александра Македонского в Среднюю Азию. Это прежде всего согдиец Спитамен и бактриец Оксиарт, имевшие каждый свою свиту или своих приближенных (οἱ ἀμφί).[167] К их числу принадлежали также Аримаз,[168] Хориен,[169] Катан и Австан[170] Это были, видимо, наиболее крупные представители аристократии, управлявшие отдельными областями (ἡ χώρα) и жившие в укрепленных поселениях, называвшихся греческими источниками скалами (ἡ πέτρα).[171] Обычно эти резиденции местных владетелей в литературе называются замками, но в данном случае едва ли подобное название следует считать удачным. На территории Маргианы, которая в археологическом отношении изучена относительно полно, мы не находим памятников, могущих быть признанными за остатки замков, хотя остатки замков значительно более позднего времени — VI—VIII вв. н. э. — в области Мерва весьма многочисленны.

Памятники середины I тысячелетия до н. э. рисуют совершенно отличную картину. Центрами древних оазисов в это время были крупные поселения с цитаделями. Можно полагать, что именно эти поселения и явились резиденциями местных правителей, которым принадлежали господствующие над поселениями мощные цитадели. Возможно, три описанных выше древнемаргианских оазиса и являлись тремя областями, принадлежавшими трем различным владетелям, проживавшим соответственно в Аравали-Депе, Тахирбай-Депе и, после запустения цитадели Яз-Депе, на северном Уч-Депе. В таком случае любой из трех оазисов будет представлять тип, подобный владению (χώρα) Хориена, жившего в укрепленной «цитадели» — πέτρα.

Историки Александра Македонского называют по именам лишь наиболее крупных представителей аристократии. В целом же круг ее был весьма широк. Арриан упоминает о созыве съезда бактрийской аристократии

---

[165] F. H. Weißbach, ук. соч., стр. 122—125.

[166] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества. . ., стр. 136—138.

[167] Арриан. Анабасис, III, 28, 10.

[168] Курций, VII, 11, 28.

[169] Арриан. Анабасис, IV, 21, 8.

[170] Там же, 22, 1.

[171] Там же, 21, 8.

(οἱ ὑπάρχος τῆς χώρας) в Зариаспе.[172] Неоднократно согдийскую знать (nobilitas) и согдийские знатные семьи упоминает Квинт Курций, говоря о взятии 30 согдийцев в качестве заложников,[173] о знати, сопровождавшей Аримаза,[174] о девушках из знатных семей, присутствовавших на пиру у Оксиарта[175] и в ряде других случаев. Представители местной знати, по существу, видимо, заменяли на местах представителей ахеменидской администрации, а иногда и вступали в состав этой администрации. Так, мы знаем парфянина Амминаспа, бывшего в IV в. до н. э. правителем Египта.[176]

В связи с вопросом о местной знати нам хотелось бы остановиться на одном конкретном случае толкования терминологии письменных источников. Мы имеем в виду термин maϑišta, примененный в Бехистунской надписи к вождю маргианского восстания Фраде. Термин этот хорошо известен в древнеперсидских текстах и представляет собой прилагательное превосходной степени «наибольший».[177]

Подчеркивая, что Фрада был избран именно «наибольшим», а не царем, М. М. Дьяконов полагал, что это свидетельствует об отсутствии в Маргиане традиций царской власти.[178] Однако рассмотрение всех случаев употребления термина maϑišta в контекстах большой Бехистунской надписи заставляет считать, что термин «наибольший» в данном случае употреблен лишь как литературный оборот. Наибольшими здесь называются руководители отдельных отрядов войск как самого Дария, так и восставших против него стран.[179] Наконец, что особенно существенно и представляет полную аналогию рассматриваемому случаю с Фрадой, наибольшими названы узурпаторы, поднявшие восстание в Эламе в первый и пятый (?) годы правления Дария. В описании второго эламского восстания не все ясно, в частности из-за плохой сохранности текста. Возглавивший же первое восстание эламитян Мартия, сын Чичихриша, в конце Бехистунской надписи назван царем. Совершенно то же самое можно наблюдать и в отношении Маргианы, когда первоначально Фрада назван «наибольшим» («человека по имени Фрада они наибольшим сделали»), а далее уже именуется «царем». Хотя в Маргиане, входившей, как нам кажется, в состав бактрийского политического объединения, возможно, и не было значительных традиций самостоятельной царской власти, но это вызывалось причинами политическими, а не социальными. И принижать уровень социального развития Маргианы в VI в. до н. э. на основании определения в 38-м параграфе Бехистунской надписи Фрады как наибольшего нет никаких оснований. Вполне возможно, что при иных политических условиях в конце VI в. до н. э. образовалось бы независимое маргианское владение во главе с царем Маргианы (xšayaϑiya amiy Margauv)[180] Фрадой. Другое дело, что термин maϑišta мог действительно отражать какие-то конкретные социальные отношения в том случае, когда он был употреблен по отношению к сакам, где «наибольшими» названы сак Скунха и заменивший его персидский ставленник. В данном случае, возможно, употребление этого термина связано с тем, что сакскими племенами управляли вожди, а не цари. Но соответственно и на рельефе, изображающем пленников Дария, Скунха назван просто саком, а не царем, как Фрада.[181]

Другой полюс среднеазиатского общества, его основной количественный массив, составляли общинники, выступавшие в ахеменидских воинских формированиях в качестве пехотинцев и всадников. К сожалению ничего конкретного мы не знаем о состоянии общин Средней Азии этого времени. Видимо, общинники составляли основное население как крупных поселений городского типа, так и мелких «сельских» поселений.

Возможно, об имущественном расслоении внутри общин свидетельствует наличие как

---

[172] Арриан. Анабасис, IV, 1, 5.
[173] Курций, VII, 10, 4.
[174] Там же, 11, 29.
[175] Там же, VIII, 4, 23.
[176] Арриан. Анабасис, III, 22.
[177] R. G. Kent, ук. соч., стр. 201.
[178] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества. . ., стр. 125. Это повторяет и А. М. Мандельштам; см.: Очерки истории СССР, Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 247.
[179] Бехистунская надпись, §§ 25, 41, 45.
[180] Там же, § 52. Текст, вполне обычный для описания восстаний в персидской империи: «Один Фрада маргианин; он обманывал, говоря так: „Я царь Маргианы“. Он взбунтовал Маргиану».
[181] В. В. Струве. Поход Дария I. . ., стр. 248—249.

конников, так и пехотинцев. Вероятно, именно богатые общинники были всадниками, в то время как их менее состоятельные соплеменники образовывали пехоту. Содержание коня и вооружение конного воина, уже тогда носившего панцирь, было много дороже вооружения пехотинца. Некоторые выводы по этому вопросу позволяет сделать также анализ сообщения о маргианском восстании Фрады, проделанный К. В. Тревер и В. В. Струве. Смутные события первого года правления Дария I были во многом вызваны сложными социальными процессами, протекавшими внутри ахеменидской державы. В среде самих персидских и мидийских племен, занимавших в стране привилегированное положение, шли глубокие процессы классовой дифференциации, связанные со все бóльшим выделением знати и усиливающимся порабощением общинников. [182] Видимо, близкие процессы усиления классовой дифференциации происходили и в Средней Азии. При подавлении в Маргиане восстания Фрады было убито, по сообщению персидских источников, 55 000 и взято в плен 6500 человек; хотя это число скорее всего является преувеличенным, несомненно, что маргианское движение охватило широкие круги населения, а поспешность, с которой бактрийский сатрап был направлен на его подавление, указывает на большие опасения, которые вызывало у Ахеменидов это движение.[183] Поэтому можно считать, что в движении Фрады наряду с антиахеменидской направленностью проявилось также выступление порабощаемых общинников, обычно сопровождающее процесс становления классового общества.

Еще более сложным является вопрос о формах и размерах рабовладения в Средней Азии VI—IV вв. д. н. э. Включение областей Средней Азии в состав ахеменидской державы и особенно многочисленные восстания, жестоко подавлявшиеся персами, способствовали, надо полагать, увеличению числа рабов. При завоевании Средней Азии Александром Македонским сопротивлявшиеся иноземцам местные жители часто обращались в рабство.[184] Подобные действия практиковались еще и при Ахеменидах.

Согласно сообщению вавилонской хроники, Кир, захватив Экбатаны, обратил в рабство часть населения города.[185] Дарий обратил в рабство жителей ливийского города Барка и сослал их на поселение в Бактрию.[186] Видимо, такое же происхождение имело поселение Гиркания, существовавшее в Малой Азии.[187] Рабы из Средней Азии попадали и в другие сатрапии ахеменидской империи. Так, в 512 г. до н. э. рабыни из Бактрии продавались в Вавилоне.[188] Одно из сообщений Ксенофонта [189] позволяет допускать, что рабы из Средней Азии встречались на Ближнем Востоке еще в первой половине VI в. до н. э.

Нельзя не видеть всей скудности приведенных выше данных. В этой связи следует вспомнить следующее замечание М. М. Дьяконова по вопросу об особенностях социально-экономического строя древней Средней Азии. «Вопрос этот имеет чрезвычайно большое теоретическое значение, но за неимением точных данных все высказываемые в последнее время в советской науке гипотезы о характере социально-экономических отношений в Средней Азии и прилегающих к ней странах в древности основываются лишь на косвенных и не всегда убедительных данных».[190] В полной мере это относится и к периоду VI—IV вв. до н. э. Имеющиеся данные совершенно определенно показывают, что разложение первообытно-общинного строя в оседлых областях Средней Азии завершилось окончательно и мы имеем дело с вполне сложившимся классовым обществом. На основании общеметодологических

---

[182] В. В. Струве. Восстание в Маргиане. . .; В. О. Тюрин. Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. ВДИ, 1951, № 3.

[183] В. В. Струве. Восстание в Маргиане. . ., стр. 25—26.

[184] Арриан. Анабасис, VI, 3; Курций, VII, 11, 29.

[185] И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 421, прим. 3.

[186] Геродот, IV, 204. В Бактрии баркиане были помещены в деревне — κωμη.

[187] J. D. Prašek. Geschichte. . ., Bd. I, стр. 239.

[188] F. H. Weißbach, ук. соч., стр. 144. Наличие идеограммы âlu (поселение) вместо mâtu (страна) позволяет думать, что эти рабыни происходили непосредственно из столицы Бактрии — города Бактр.

[189] Ксенофонт. Киропедия, IV, 5, 56.

[190] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Документы из древней Нисы. Матер. ЮТАКЭ, вып. II, 1951, стр. 61—62.

соображений это общество можно называть рабовладельческим, но конкретные данные, раскрывающие внутреннюю структуру и специфику этого общества, пока отсутствуют. На наш взгляд, такая конкретная характеристика будет возможна лишь с расширением круга письменных источников, что, учитывая блестящие успехи советской археологии (архив горы Муг, документы из Нисы и Топрак-Калы), не является совершенно невероятным. В конце Бехистунской надписи Дарий I сообщает, что копии этой надписи были разосланы по всем областям его обширного государства.[191] Подобная копия уже была найдена среди арамейских папирусов Элефантины. Несомненно, копии были направлены и в архивы столиц среднеазиатских сатрапий, и следует ожидать, что систематические исследования археологов откроют науке доступ к этим архивам.

---

[191] В. В. Струве полагает, что при Дарии I было введено употребление арамейского письма для персидских надписей на коже. См.: В. В. Струве, Реформа письменности при Дарии I. ВДИ, 1951, № 3, стр. 191. Ср.: И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, ук. соч., стр. 53.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше были рассмотрены древнеземледельческие памятники дельты Мургаба. При этом значительное внимание было уделено систематизации, классификации и датировке археологического материала как в дельте Мургаба, так и в других районах Средней Азии. Такая предварительная обработка материалов наряду с публикацией памятников является основным условием, позволяющим использовать археологические данные для изучения древних племен и народов. Картина развития древнеземледельческой культуры в дельте Мургаба в ее тесной связи с историей оседлых оазисов всей Средней Азии может быть намечена следующим образом.

В III тысячелетии до н. э. древнеземледельческие племена занимали сравнительно узкую полосу вдоль северных отрогов Копет-Дага. Жители расположенных здесь поселений использовали для орошения своих полей небольшие подгорные речки и ручьи. Во II тысячелетии до н. э. картина начинает значительно изменяться. В поисках новых пространств для возделывания культурных растений выходцы из подгорной полосы начинают осваивать дельту Мургаба. Здесь возникает поселение Аучин-Депе, а затем складывается и целый небольшой оазис древних поселений, расположенных к северу от колодцев Кишман. Культура населения дельты Мургаба этого времени образует особый, мургабский вариант культуры Намазга VI, распространенной в оазисах Ахала и Этека. Как свидетельствует комплекс древнего могильника у озера Заман-Баба, культура земледельческих районов юго-западной Средней Азии начинает оказывать все большее влияние на своих северо-восточных соседей. Видимо, это влияние в какой-то мере сказывалось и на сложении в Фергане во II тысячелетии до н. э. оседло-земледельческой культуры чустского типа. Остальную часть Средней Азии, во всяком случае со второй половины II тысячелетия до н. э., занимают племена степной бронзы, культура которых образует ряд местных вариантов андроновской культуры, распространенной в Казахстане и Южной Сибири.

Начало освоения древними земледельцами дельты такой крупной реки, как Мургаб, неизбежно было связано со значительными изменениями в технике искусственного орошения полей. Небольшие арыки и подпруды, с успехом применявшиеся в подгорной полосе, были непригодны для широкого освоения этого района. Поэтому когда здесь в первой трети I тысячелетия до н. э. возникает два новых больших оазиса, аравали-депинский и яз-депинский, для их орошения проводятся магистральные каналы, древние русла которых в настоящее время носят названия Гуни-Яб и Гати-Акар. В это же время создается значительная ирригационная сеть в юго-западной Туркмении, на территории Мисрианской равнины. Видимо, одновременно происходит интенсивное развитие классовых отношений и сложение древней государственности. Центрами древнемаргианских оазисов этого времени были поселения с мощными цитаделями на высоких платформах из сырцового кирпича. Эти цитадели, по-видимому, были резиденциями местных правителей, представителей аристократии, все более выделяющейся из основной массы рядовых общинников. Археологические исследования, проведенные в дельте Мургаба, заставляют с большим вниманием отнестись к сообщениям античных источников о существовании доахеменидского политического объединения в Бактрии.

Время вхождения оседлых оазисов Средней Азии в состав ахеменидской державы (VI—IV вв. до н. э.) было периодом дальнейшего развития ирригационного земледелия и различных видов ремесленного производства. В связи с интенсивным развитием ремесла, с началом товарного производства здесь складываются поселения городского типа, непосредственные предшественники «тысячи городов» Греко-Бактрийского царства. В V—IV вв. до н. э. развивается денежное обращение, и есть основания ставить вопрос о появлении самостоятельного местного чекана древней Бактрии.

В целом этот период в истории среднеазиатского общества можно рассматривать как подготовительный этап к переходу на новую ступень рабовладельческих отношений. Эта ступень была синхронна эллинизму Ближнего Востока и характеризовалась для Средней Азии прежде всего значительным развитием товарного производства, а вместе с ним — городов и денежных отношений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ДАН Тадж. ССР	— Доклады Академии наук Таджикской ССР.
ЗВО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ИАН ТССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
Изв. УзФАН СССР	— Известия Узбекского филиала Академии наук СССР.
ИТОРГО	— Известия Туркестанского отделения Русского географического общества.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
СА	— Советская археология.
СВ	— Советское востоковедение.
СЭ	— Советская этнография.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
AJA	— American Journal of Archaeology.
CAH	— Cambridge Ancient History.

ТАБЛИЦЫ

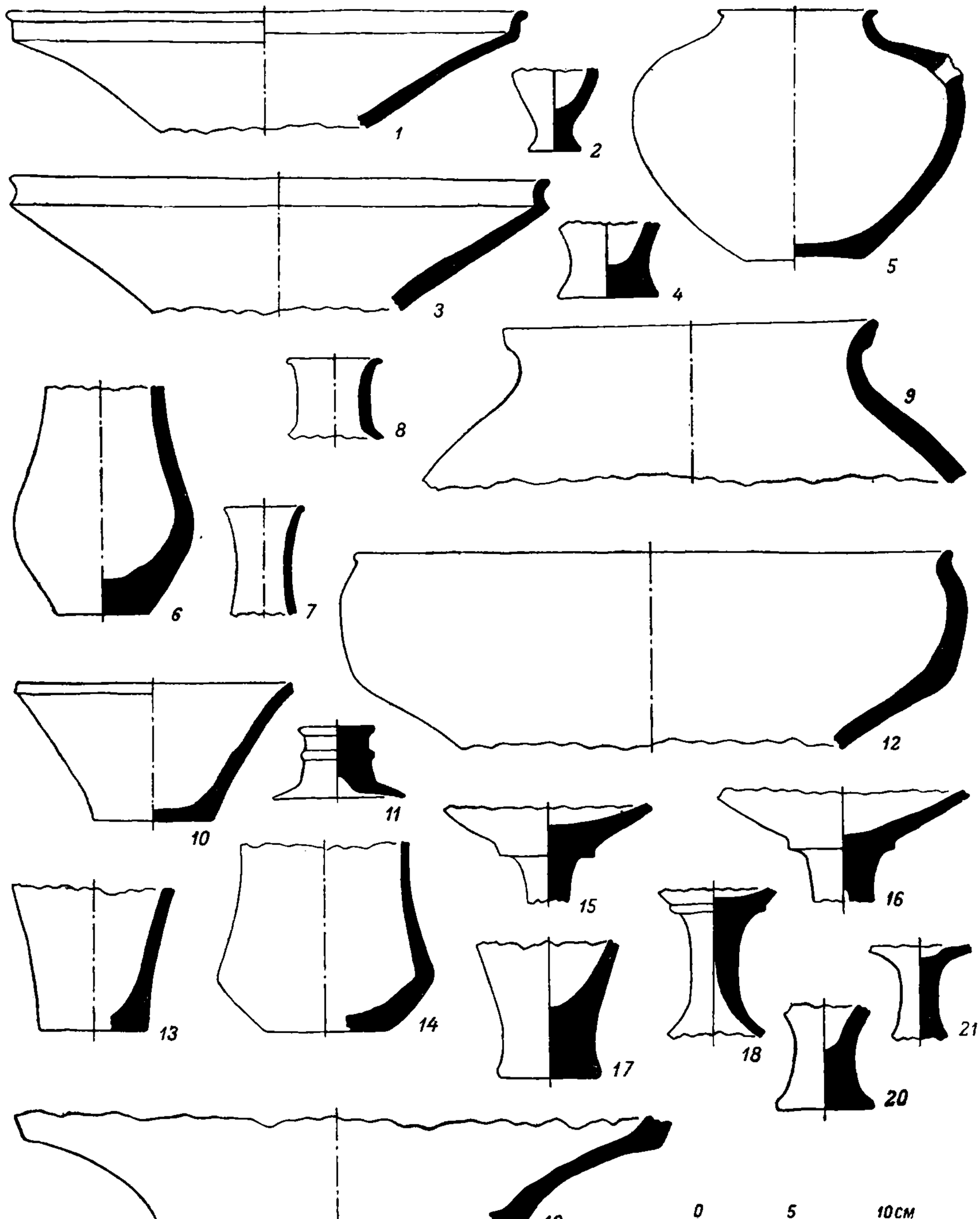

Табл. I. Аучин-Деце. Керамика.

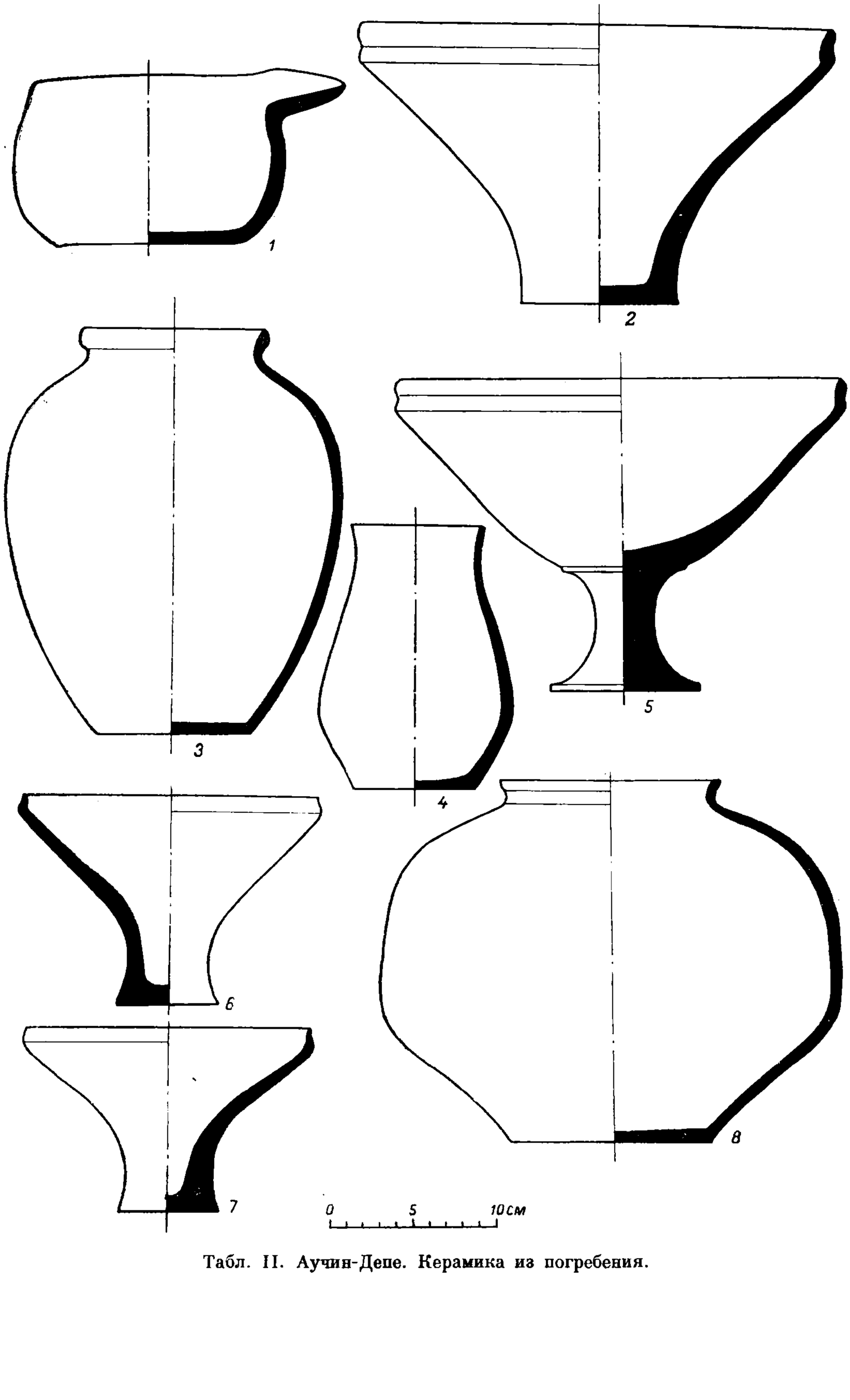
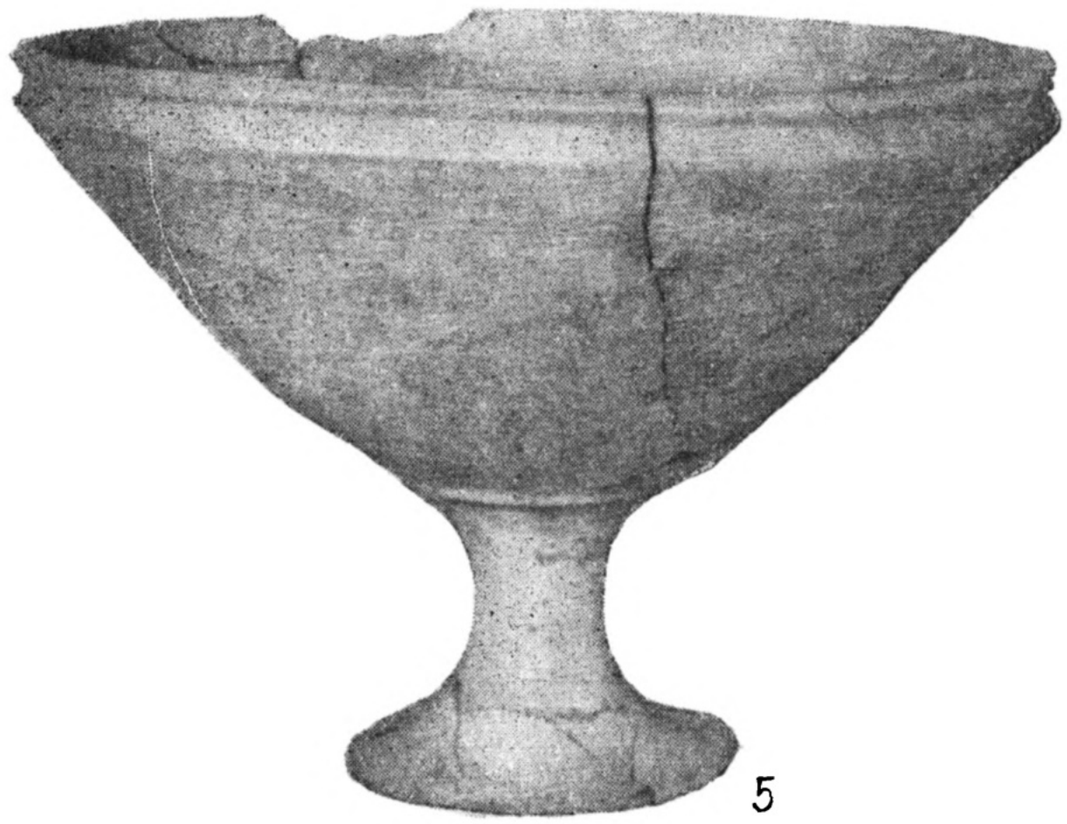
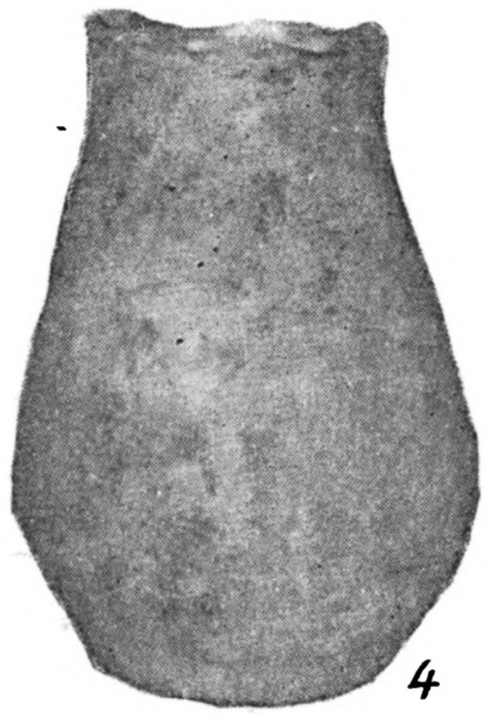

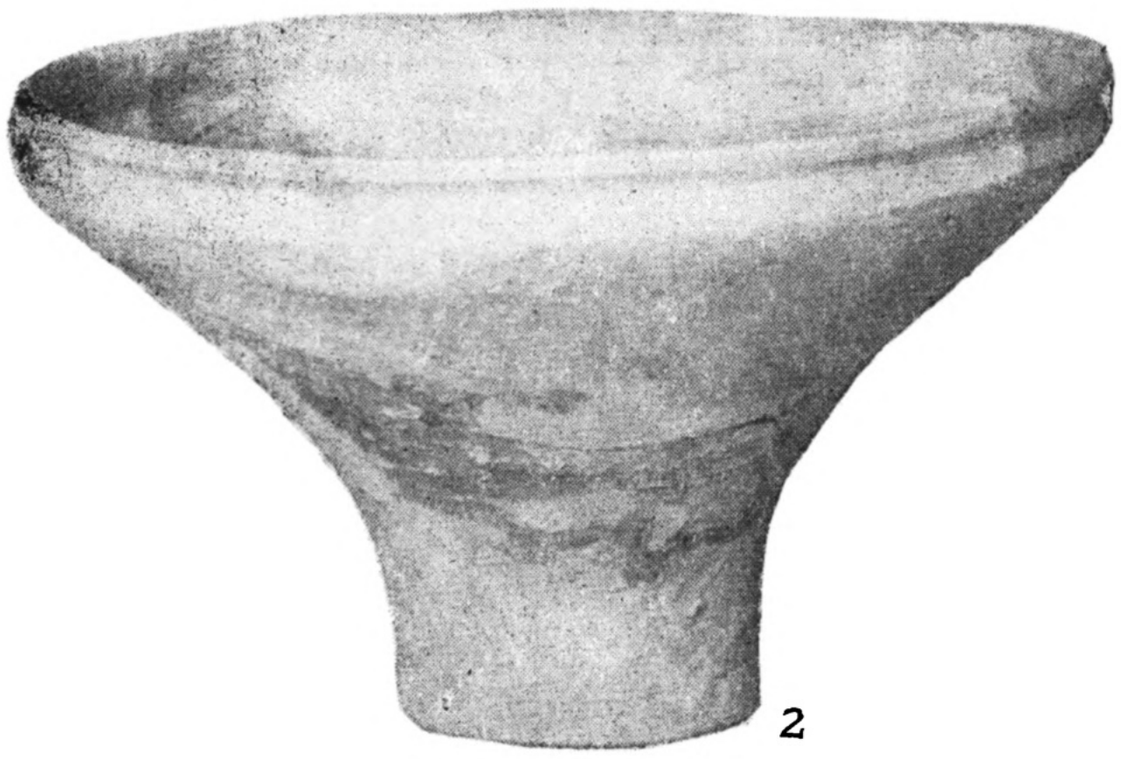
Табл. II. Аучин-Депе. Керамика из погребения.

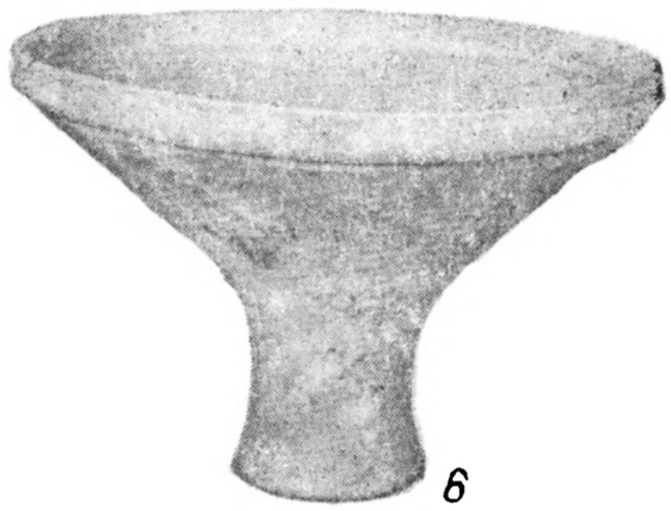
5

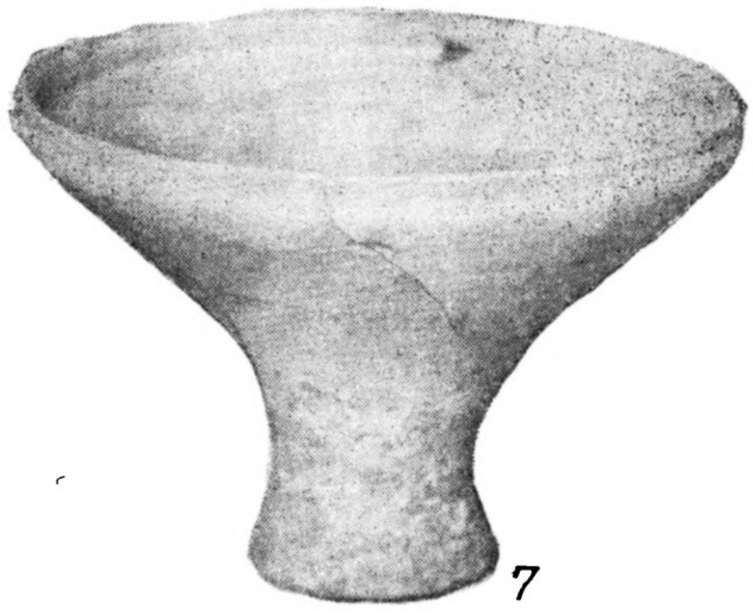
4

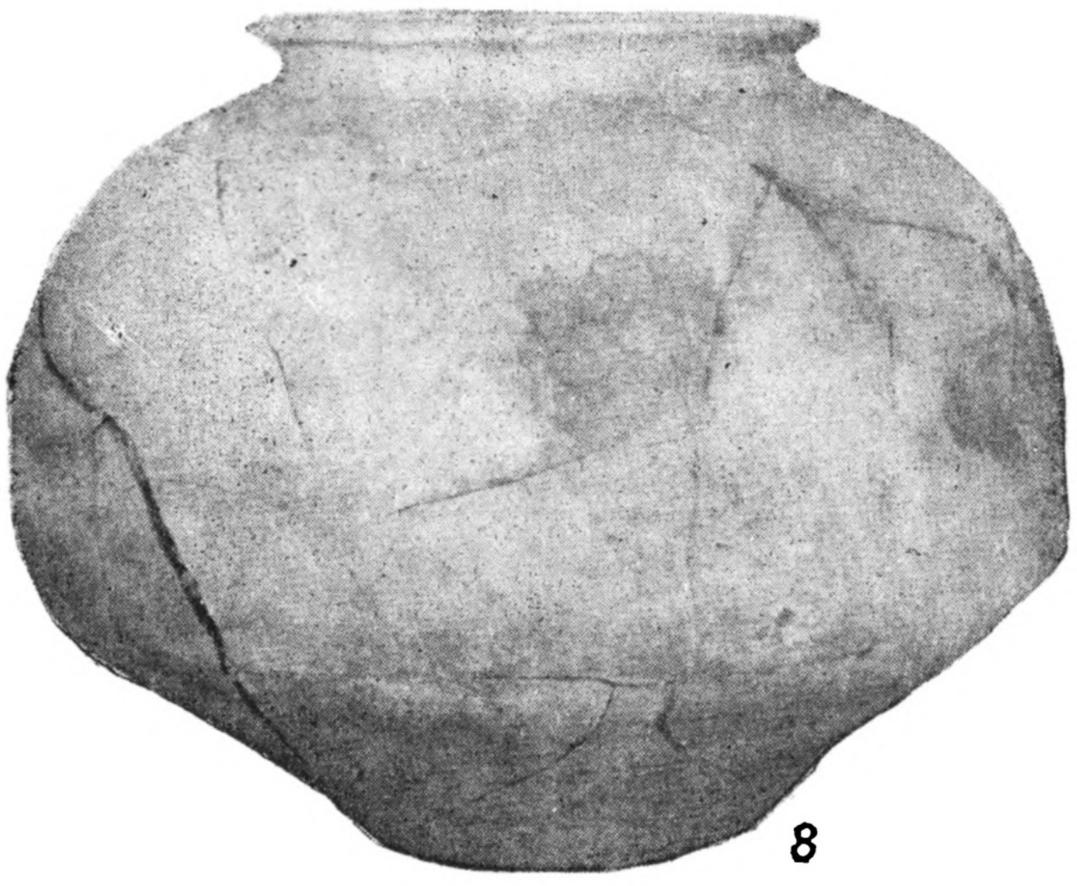
2

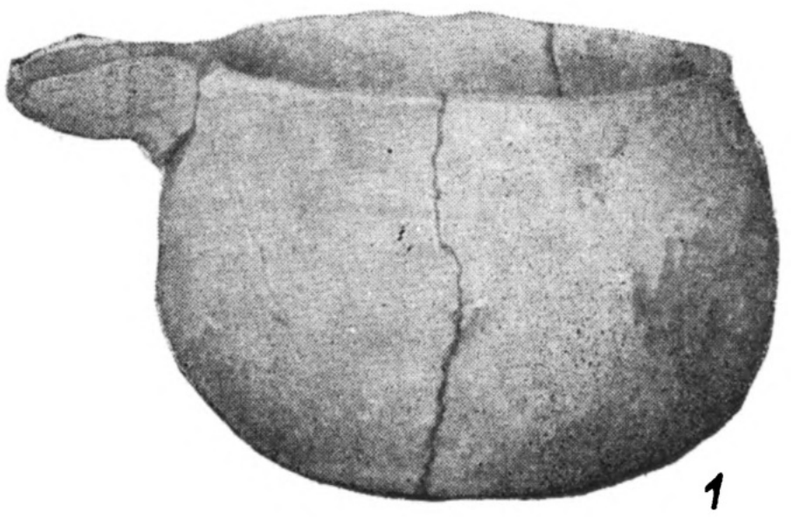
6

7

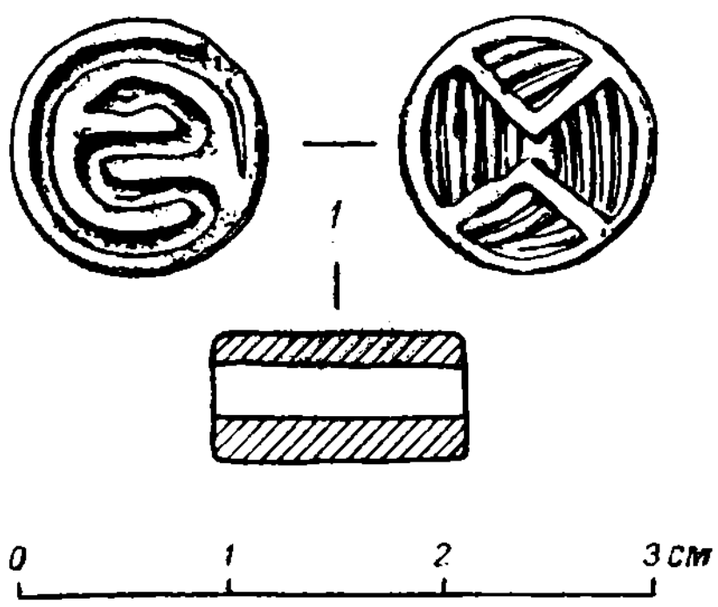

8

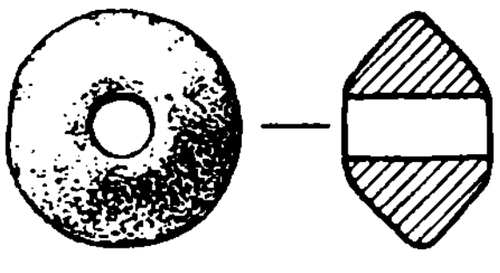

1

Табл. III. Аучин-Депе. Керамика из погребения.

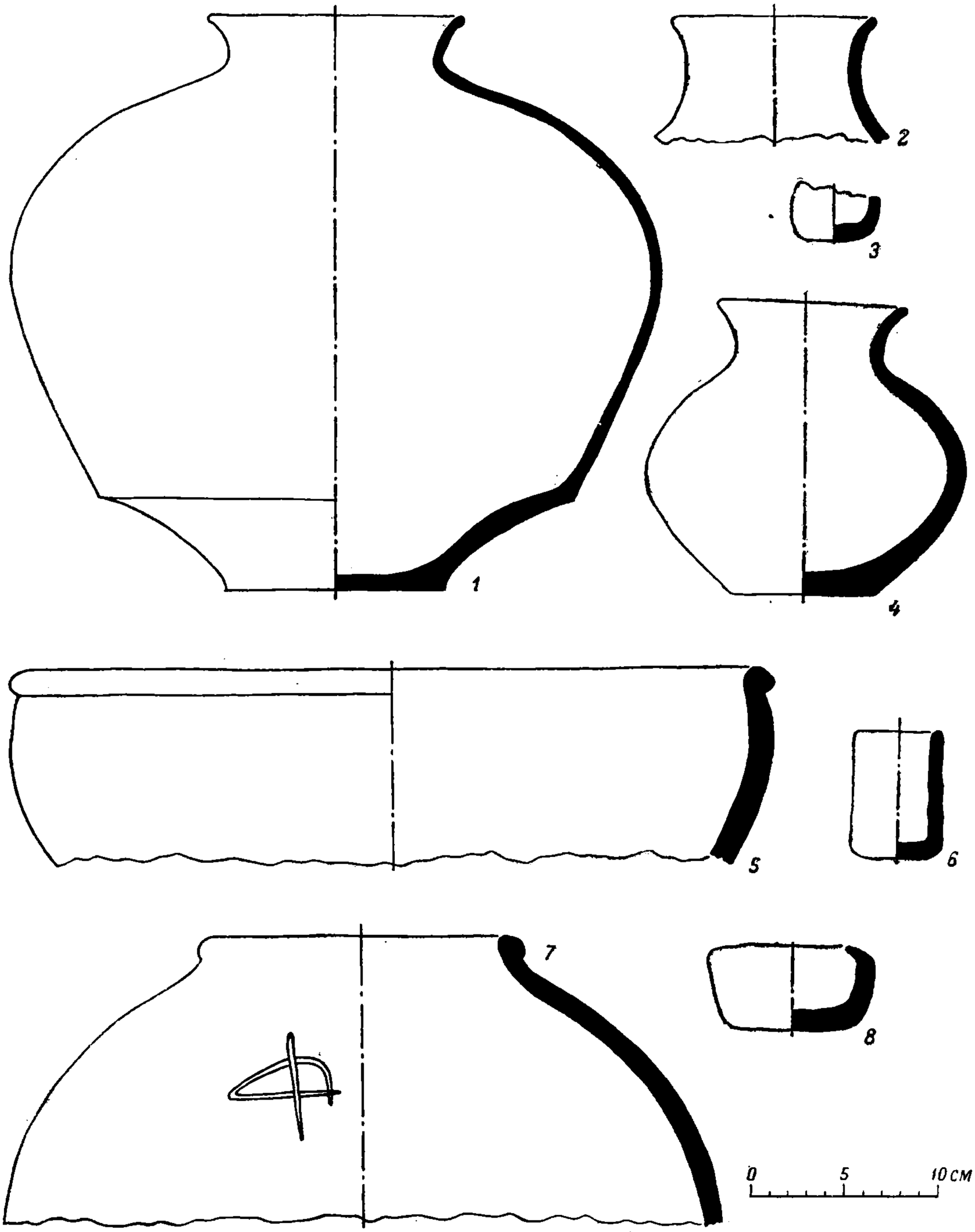

Табл. V. Тахирбай 3. Керамика.

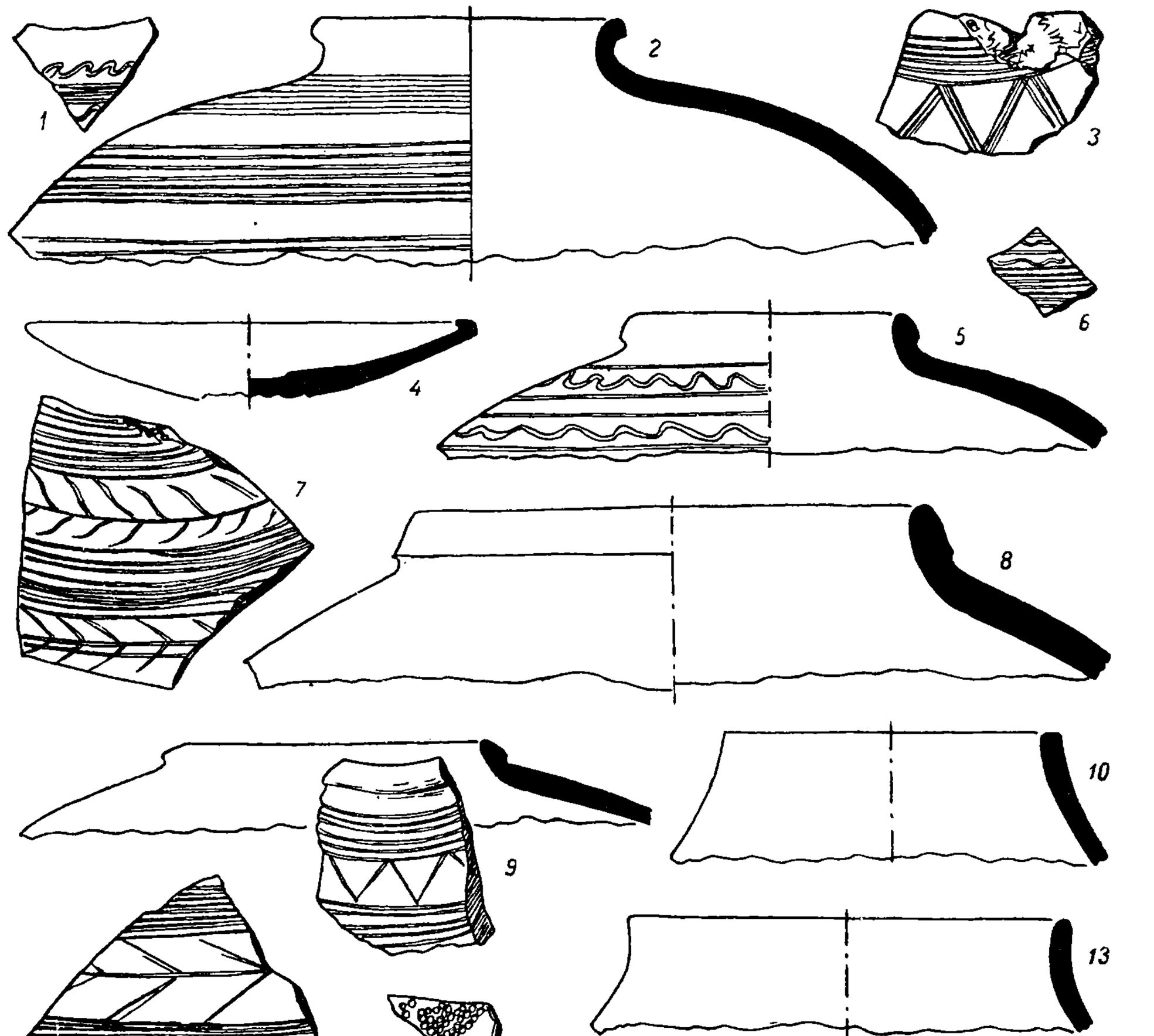
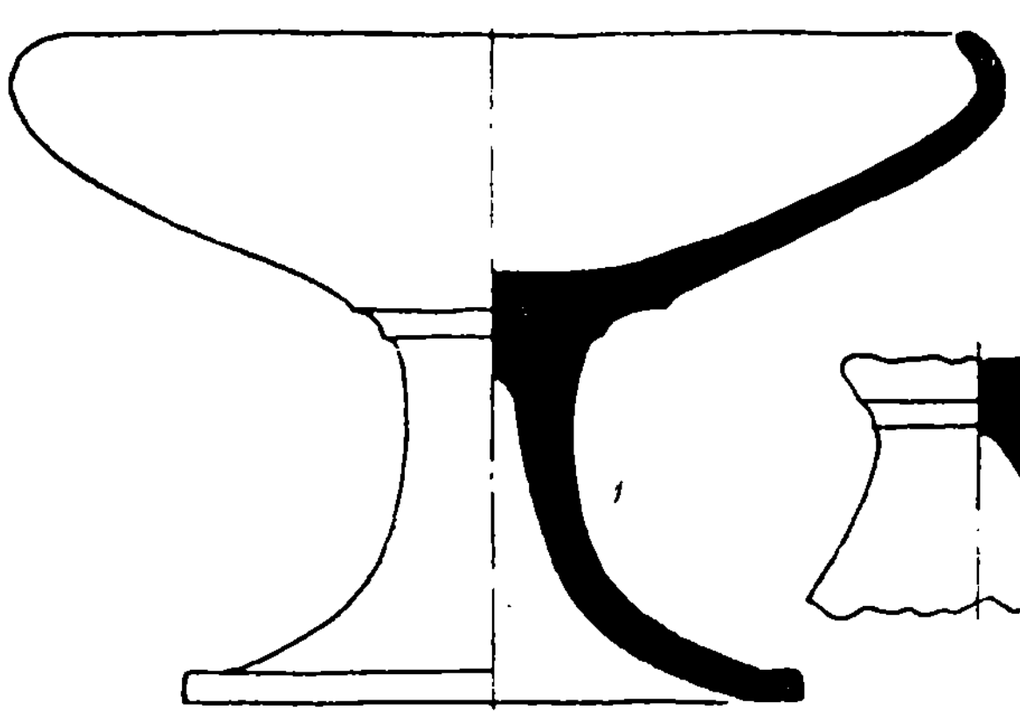
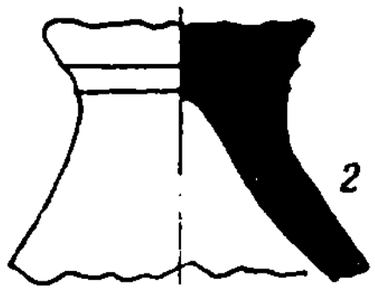
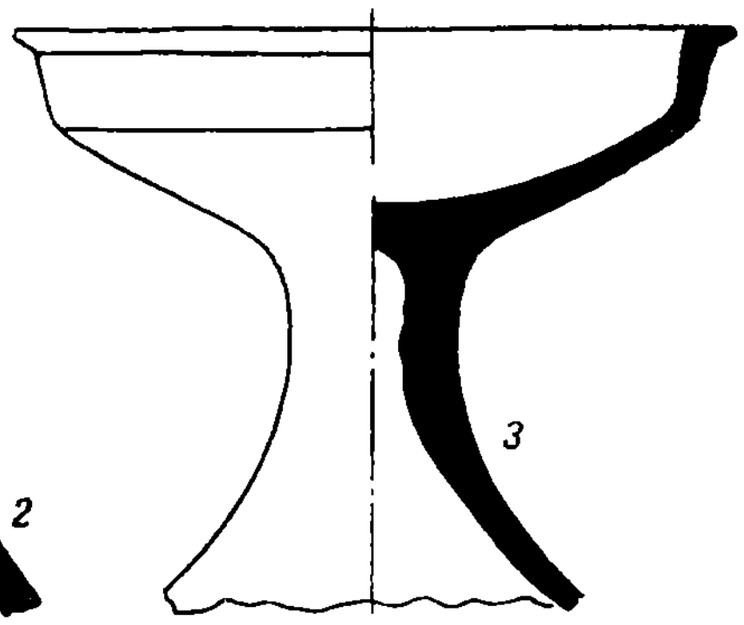
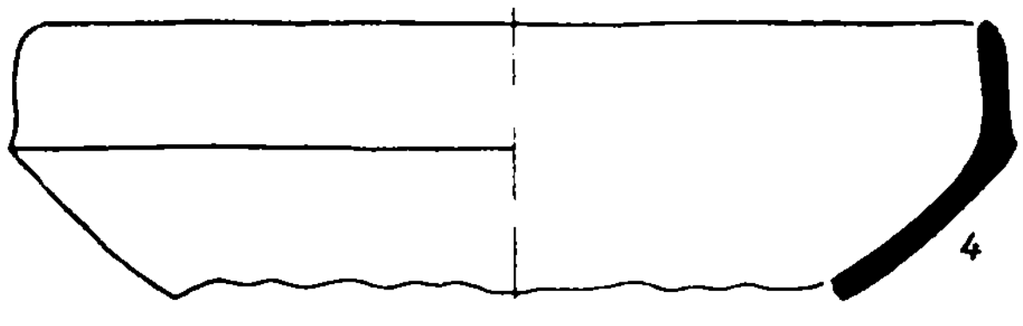

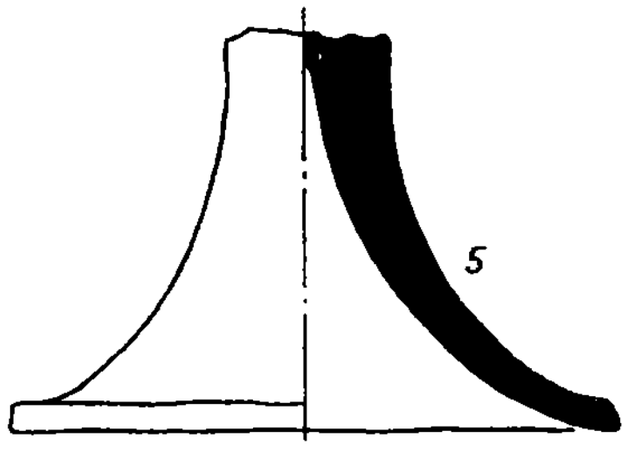
Табл. VI. Тахирбай 3. Керамика.

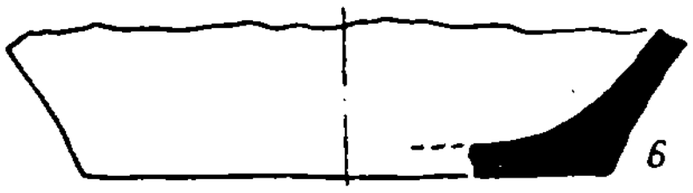

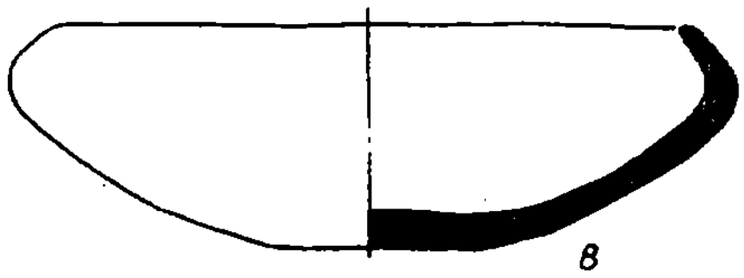

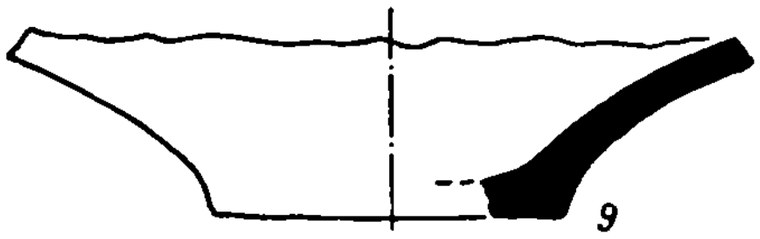

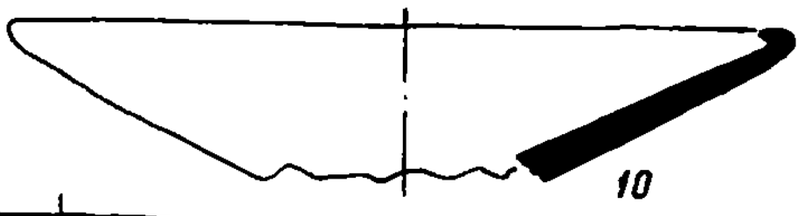

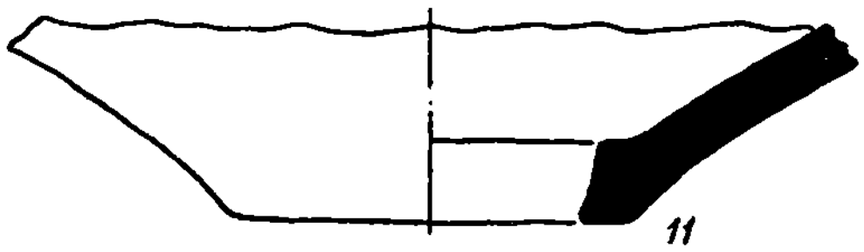

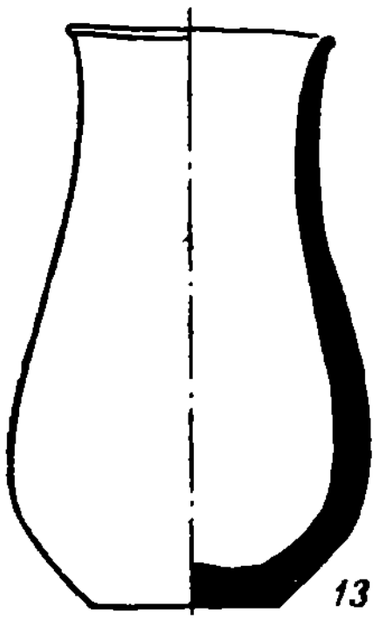

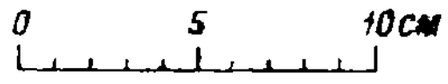

Табл. VII. Тахирбай 3. Керамика.

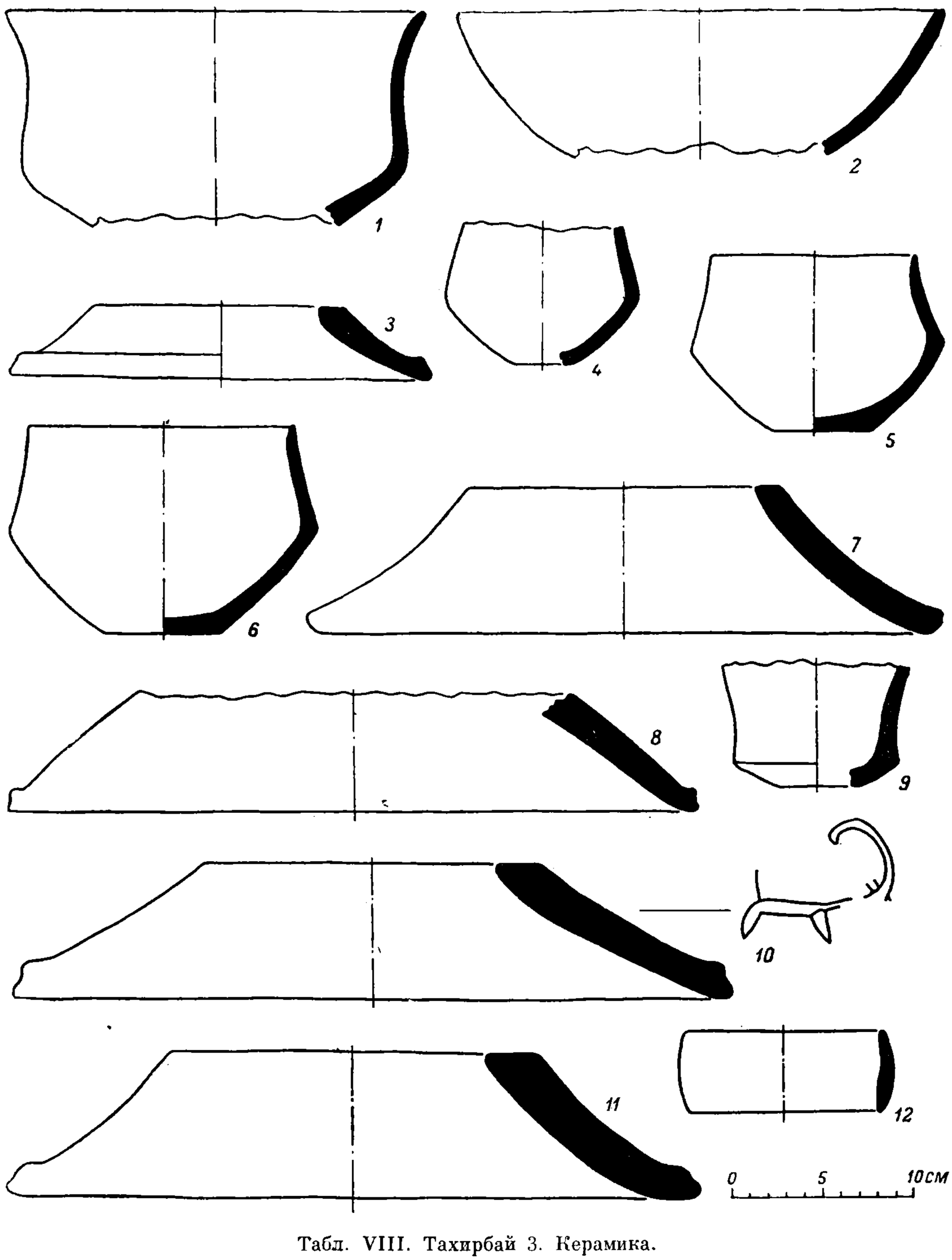

Табл. VIII. Тахирбай 3. Керамика.

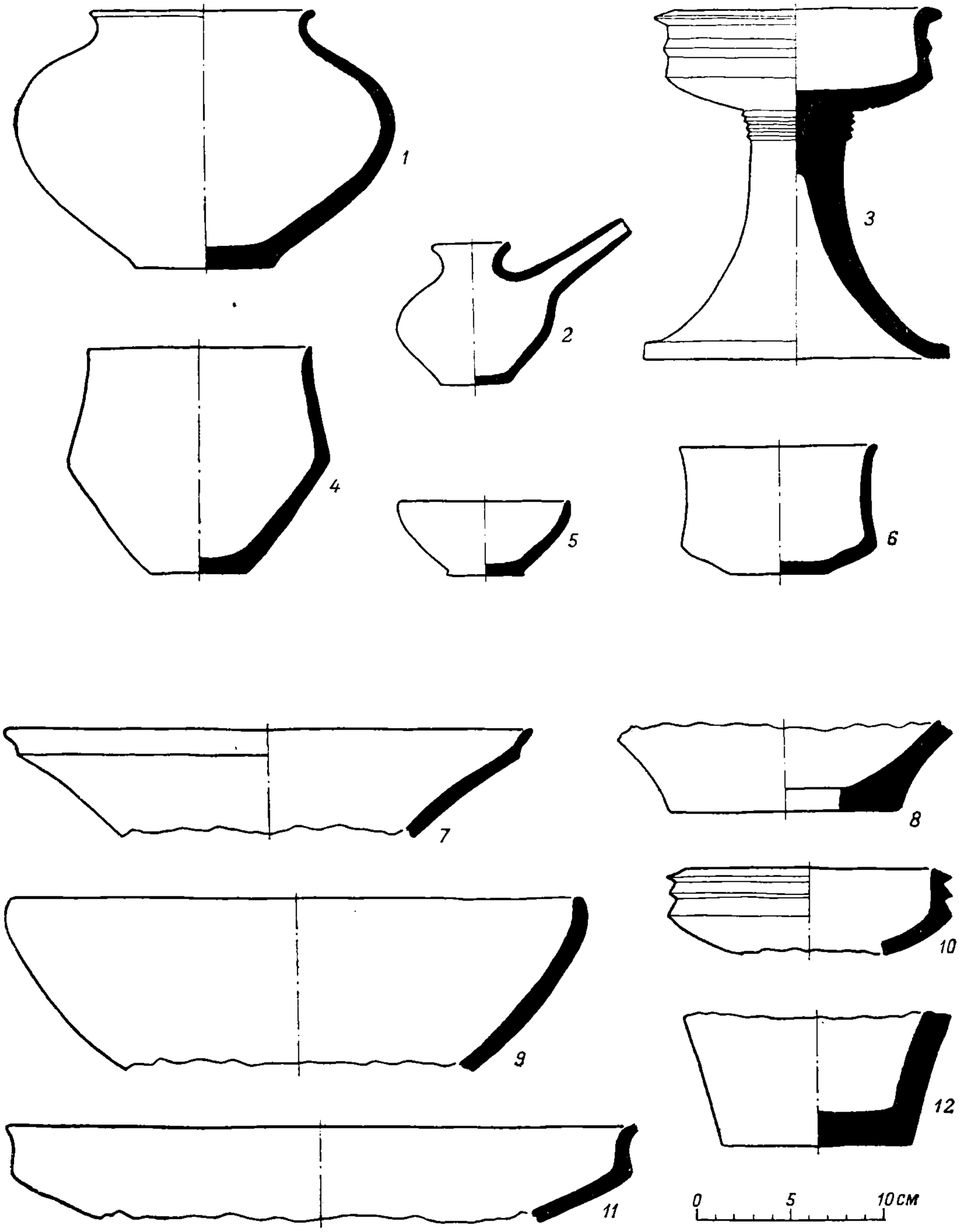

Табл. IX. Тахирбай 3. Керамика.

1

2

3

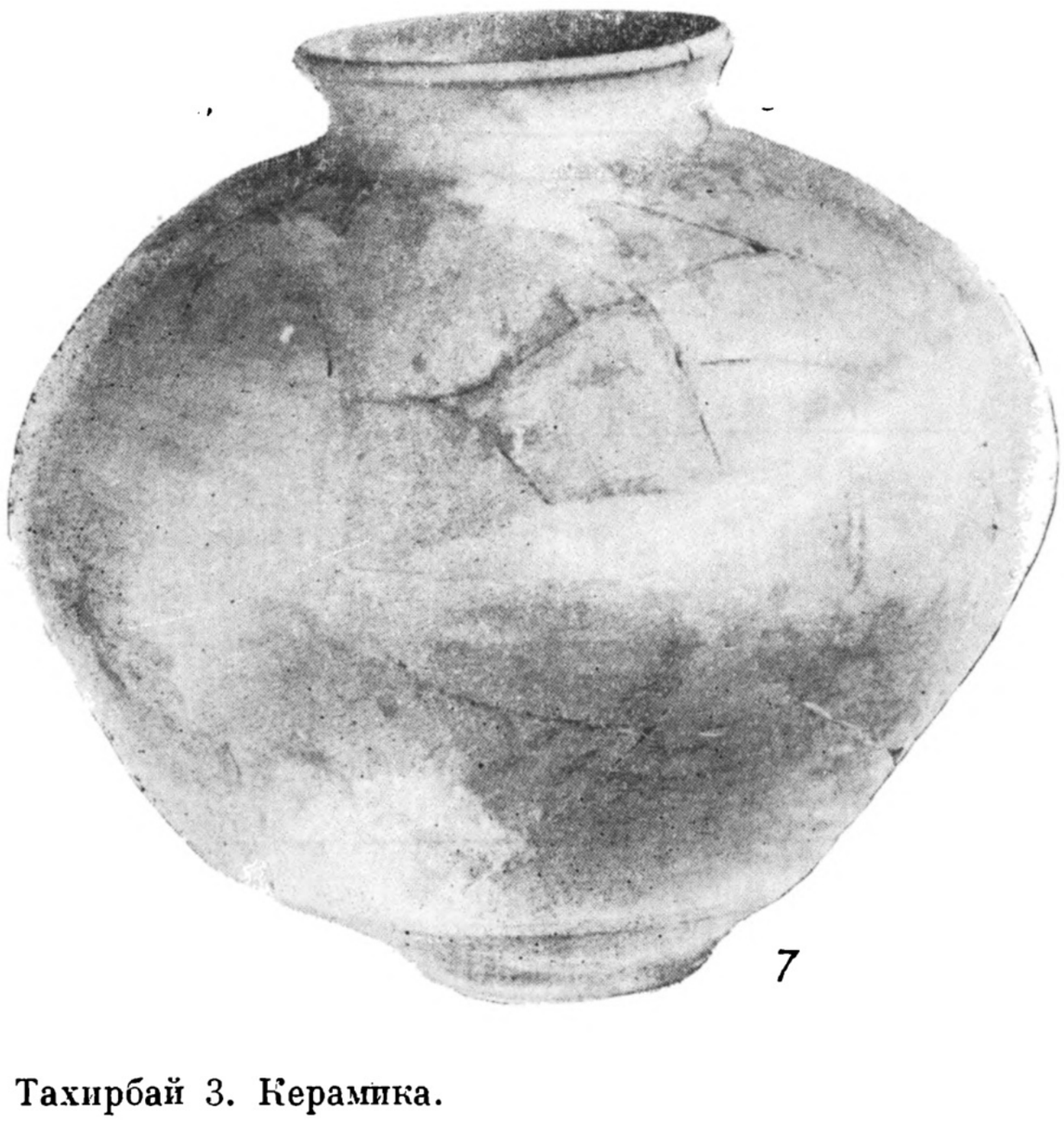
4

5

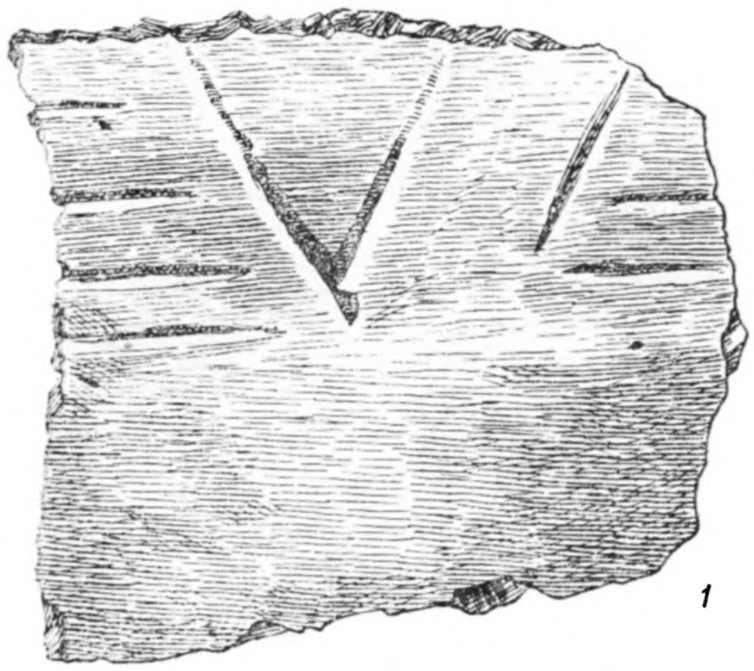

6

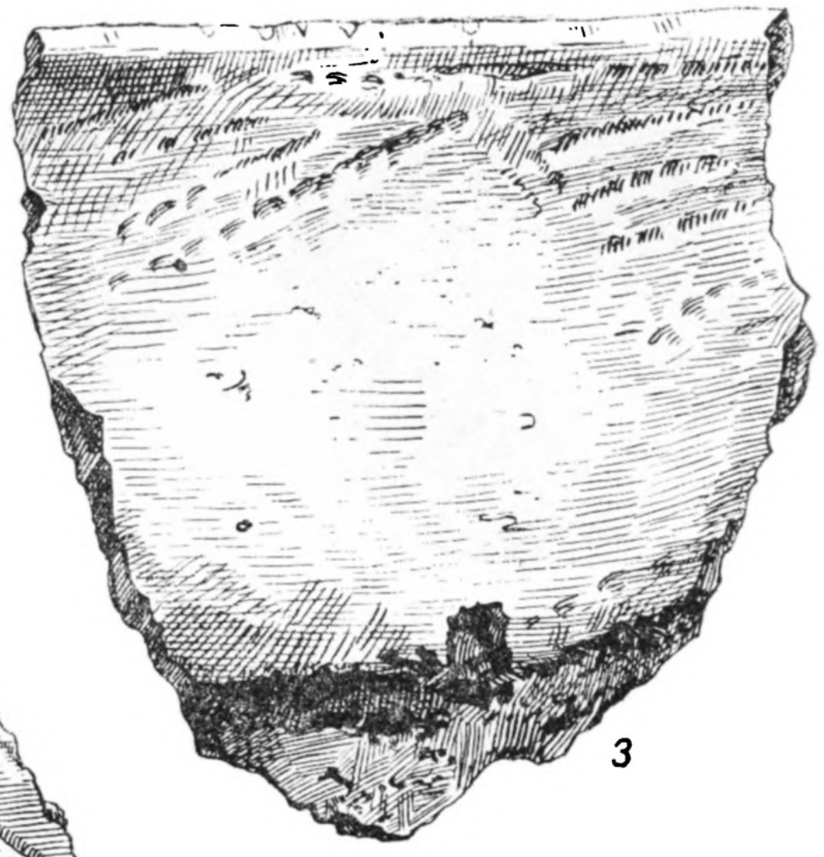

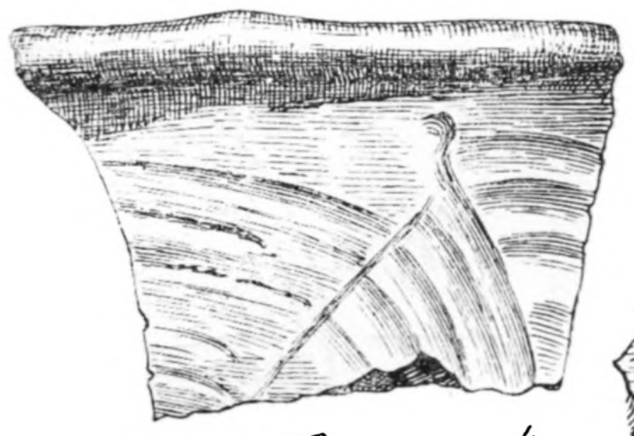
7

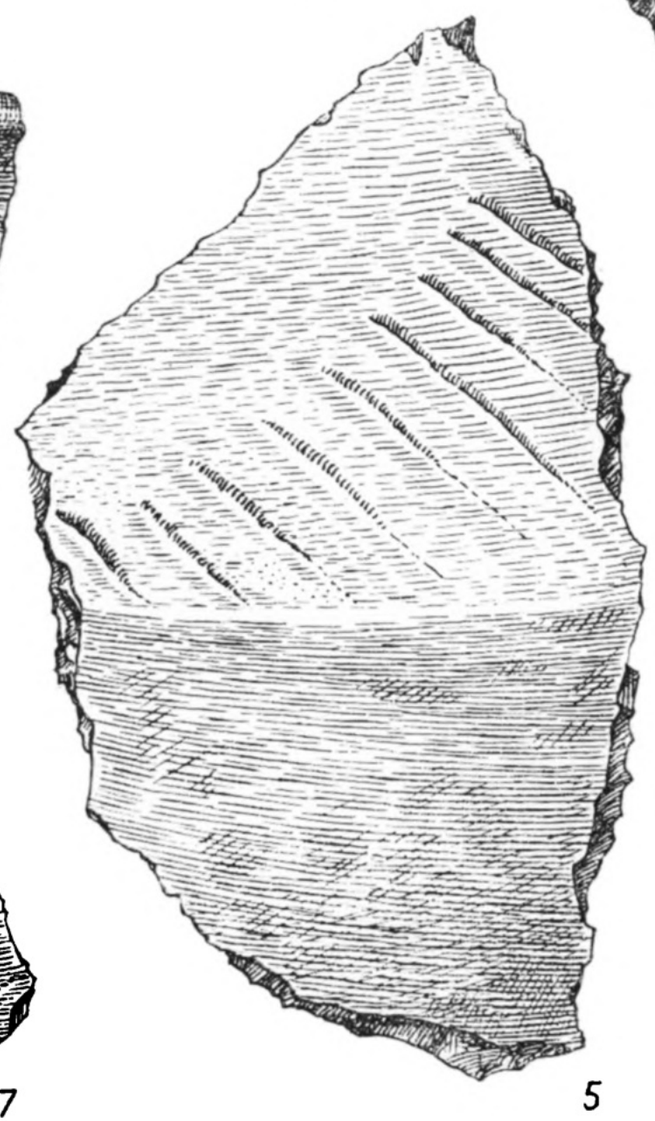
Табл. X. Тахирбай 3. Керамика.

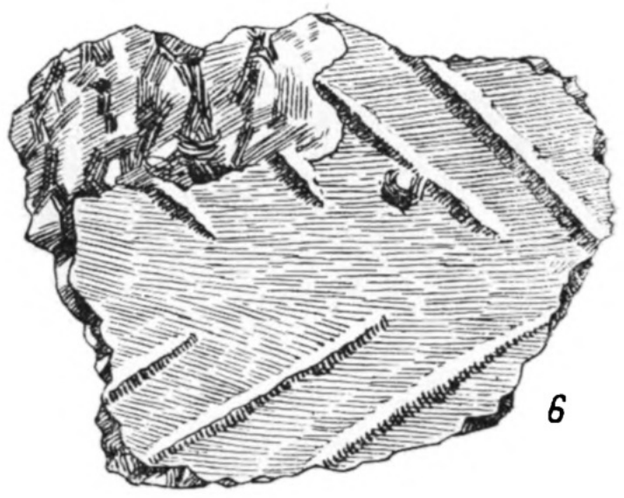

1

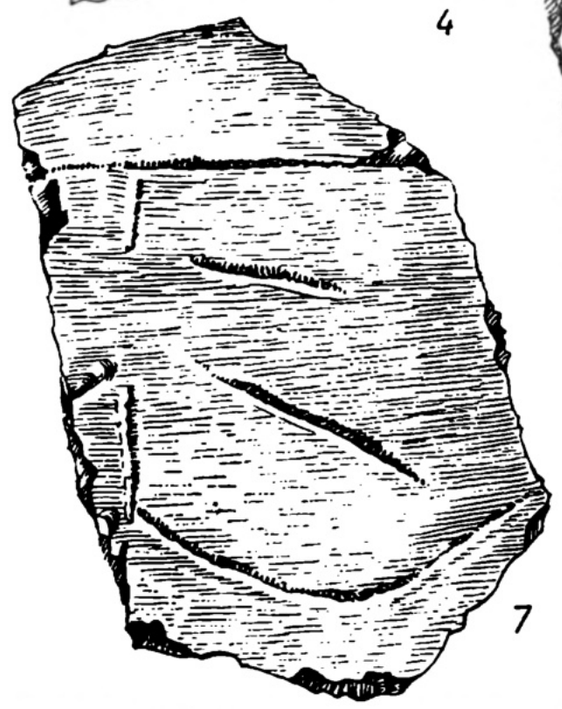

2

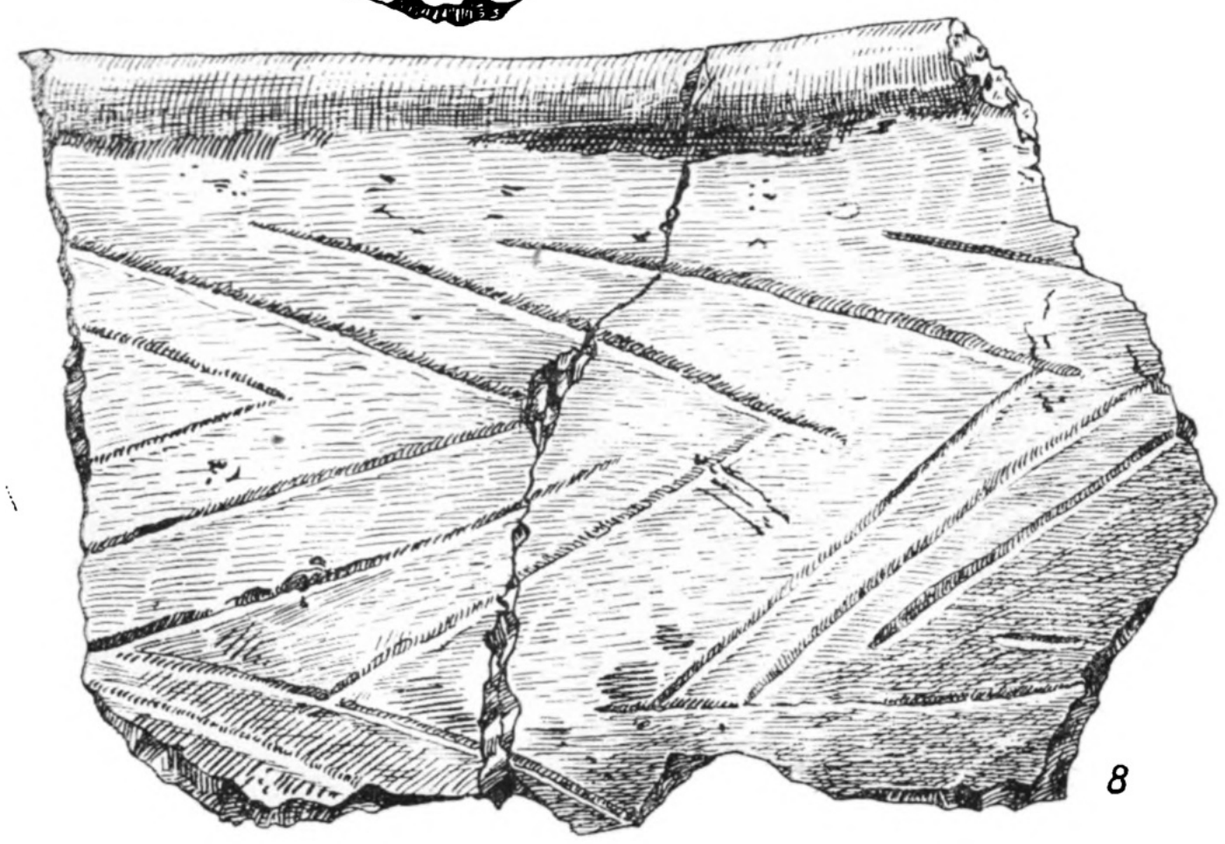

3

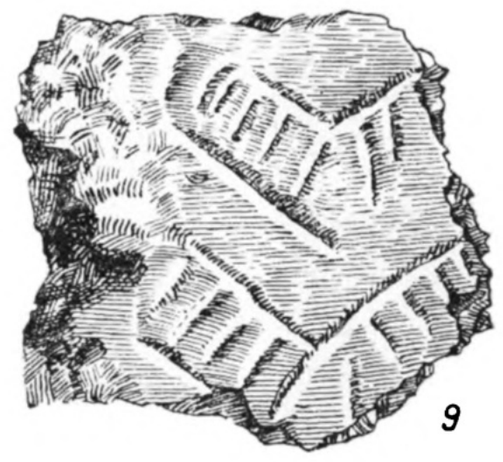

4

5

6

7

8

9

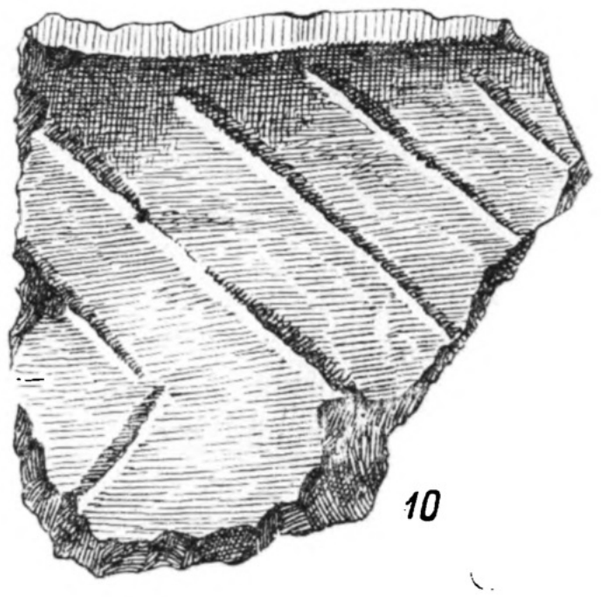
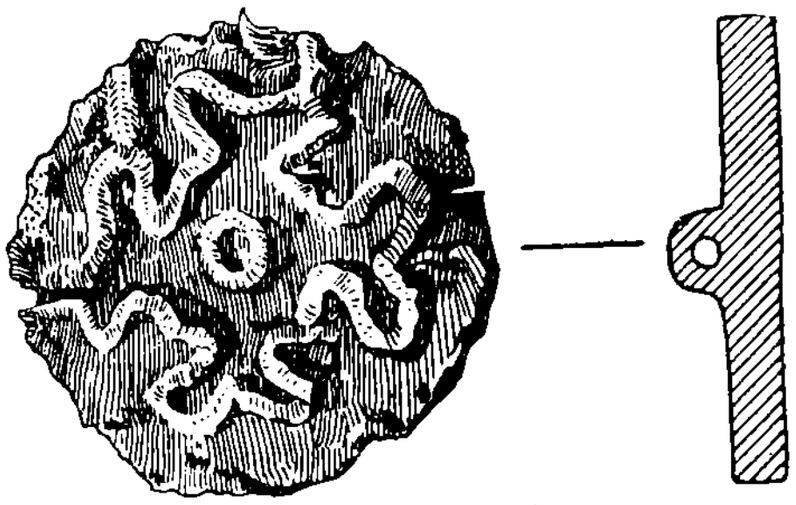
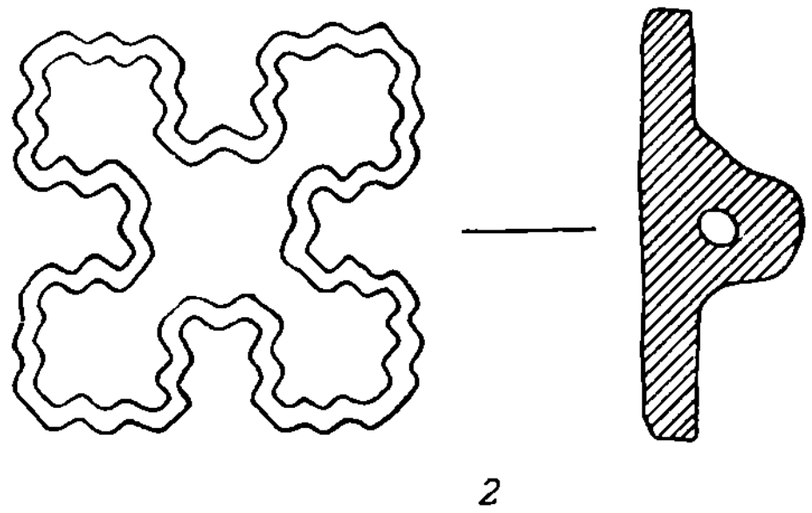

10

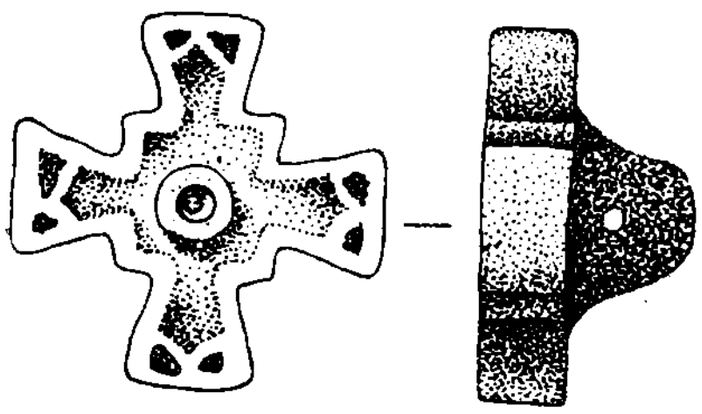
Табл. XI. Дельта Мургаба. Керамика ручной лепки.

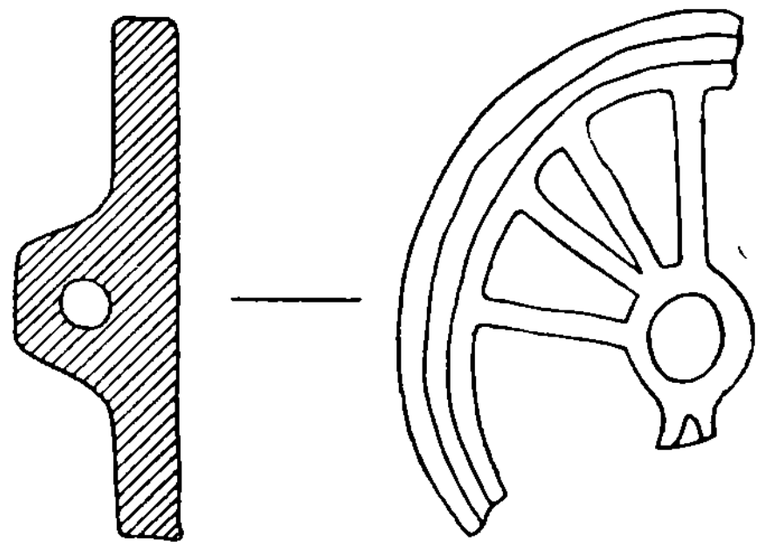
1

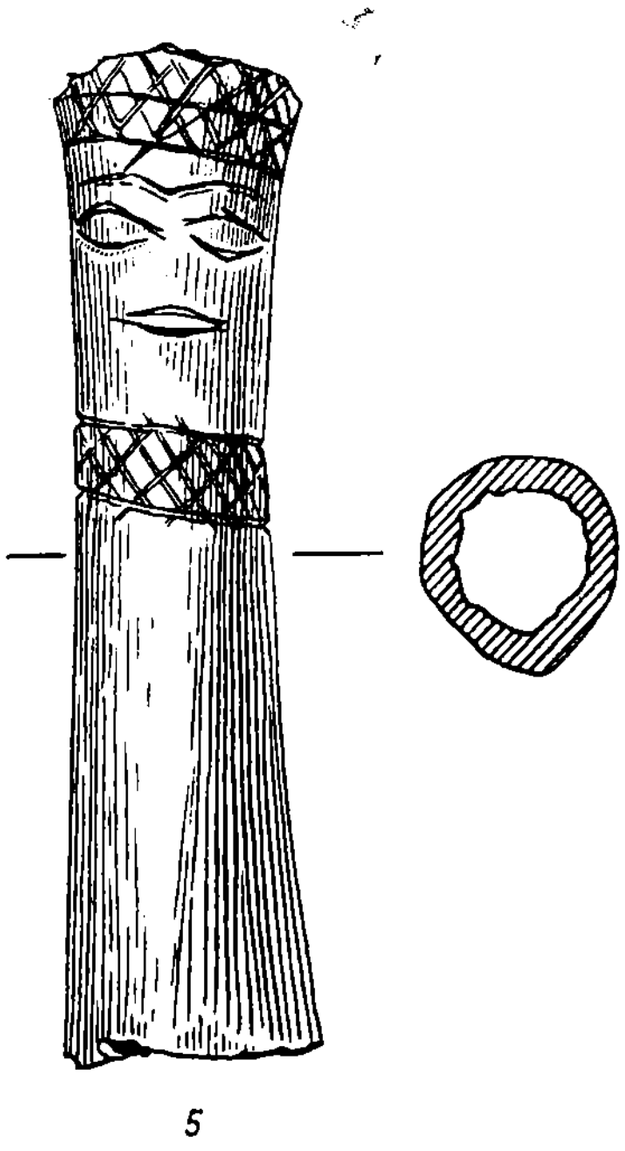
2

3

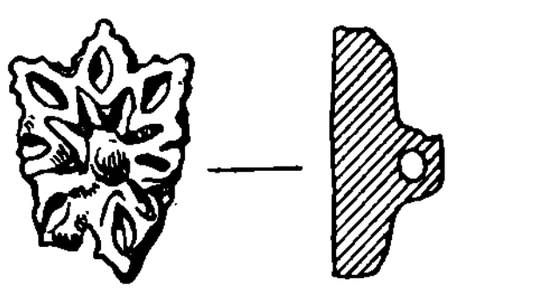
4

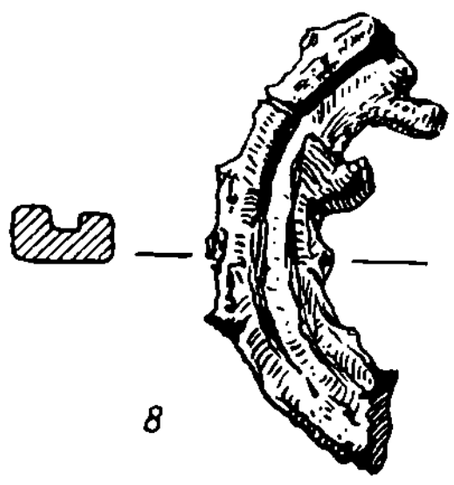
5

6

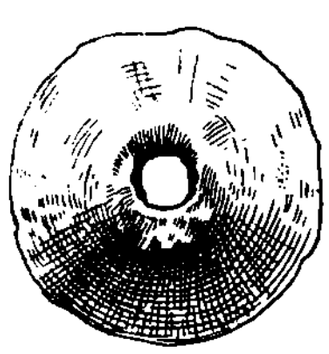

7

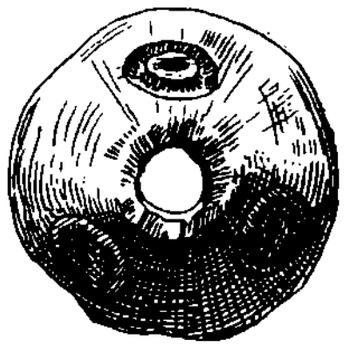

8

Табл. XII. «Печатки» и костяная поделка.

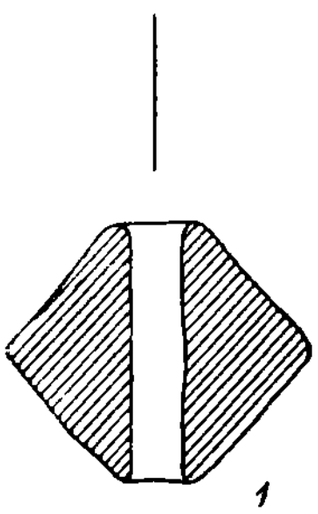

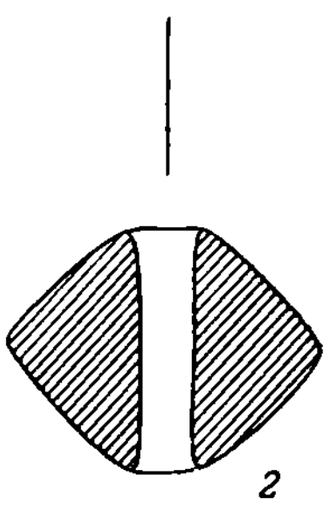

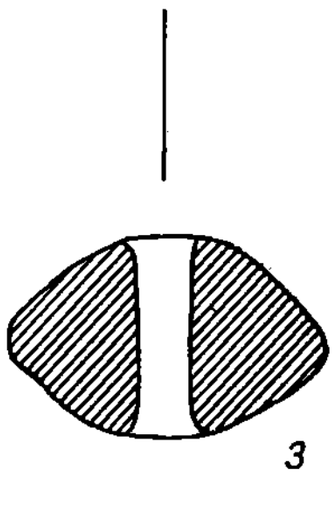
4

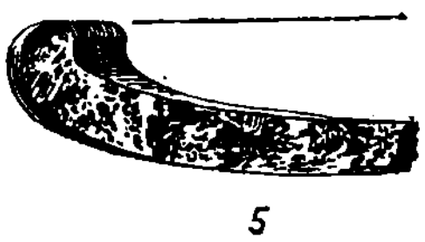
1

2

3

5

6

7

8

9

10

11

12

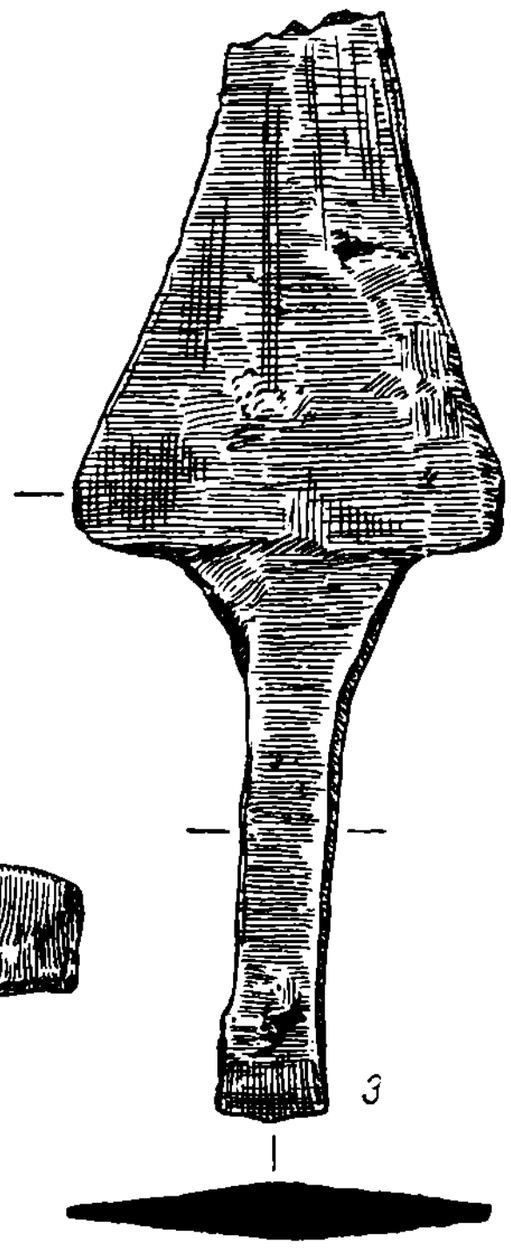

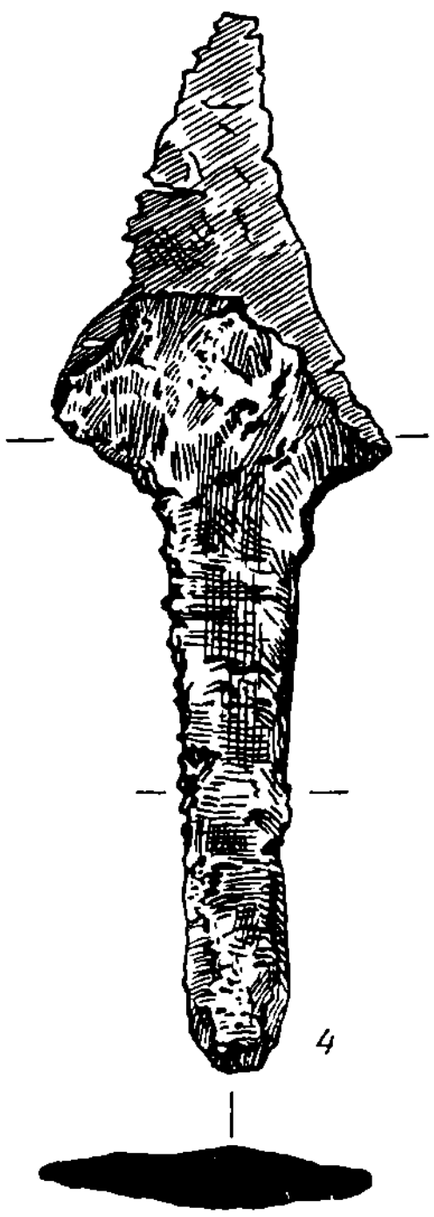
13

Табл. XIII. Комплекс Намазга VI. Каменные изделия.

1

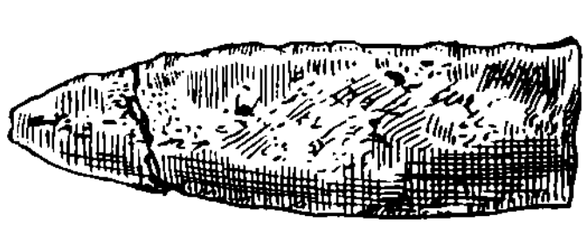

2

3

4

5

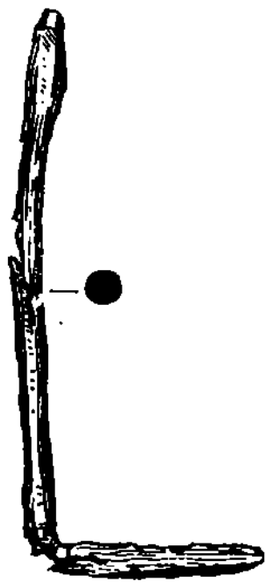

6

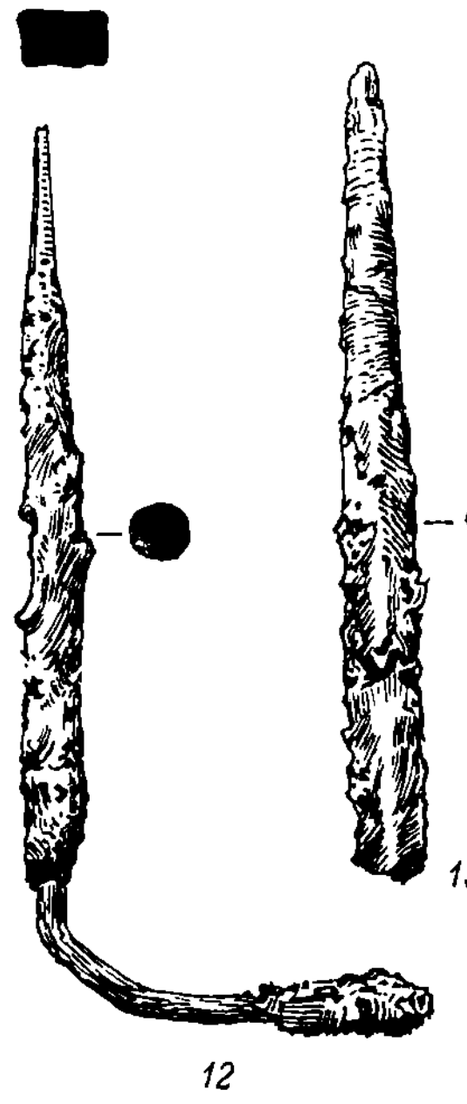

7

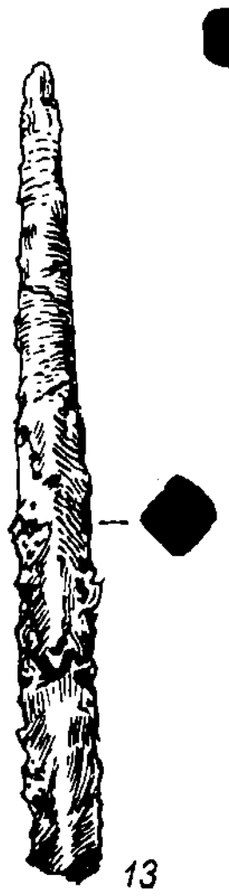

8

9

10

11

12

13

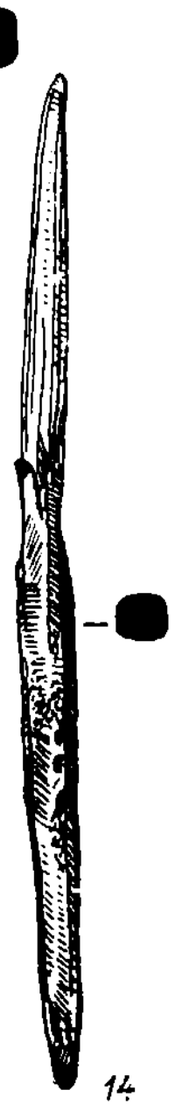

14

Табл. XIV. Комплекс Намазга VI. Металлические изделия.

1

2

3

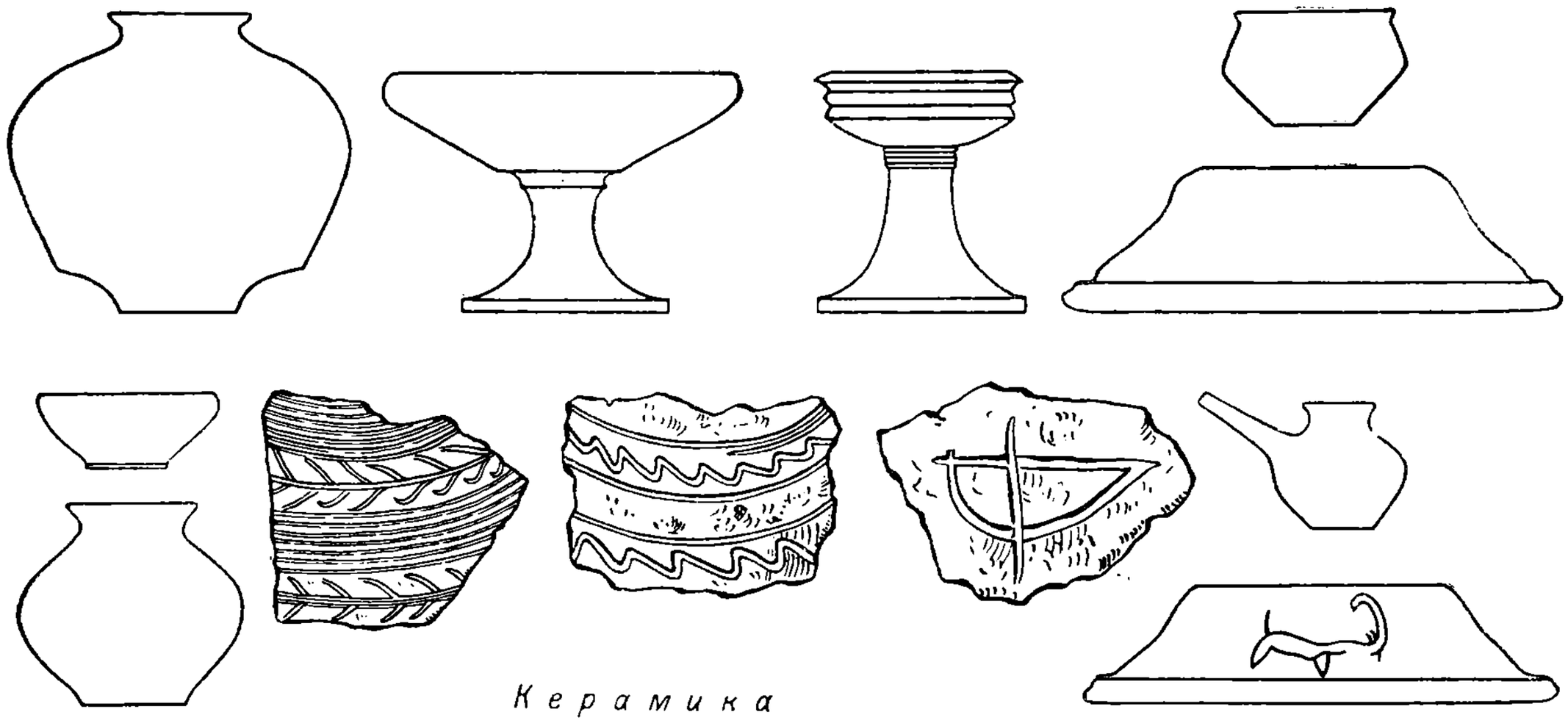
4

5

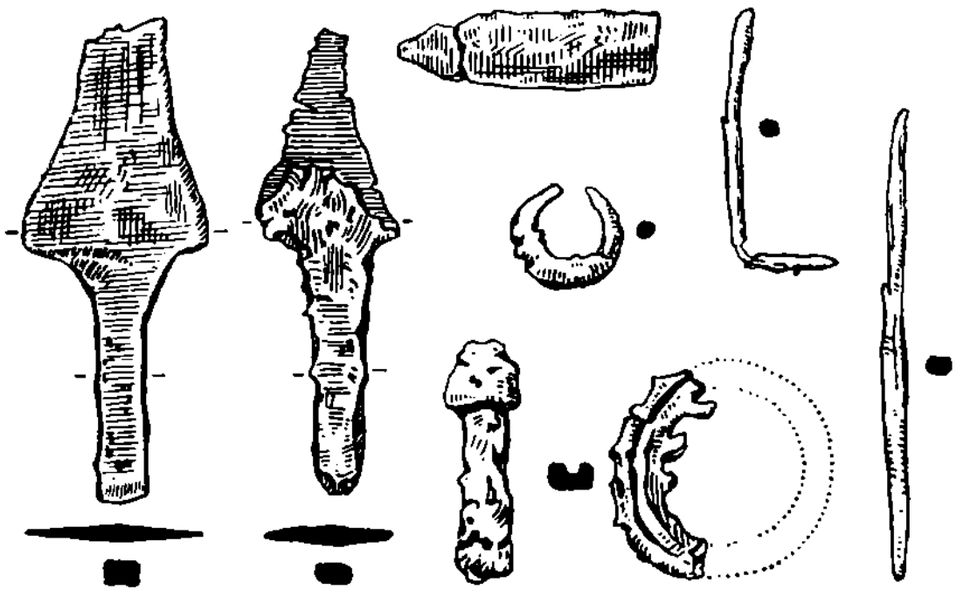

6

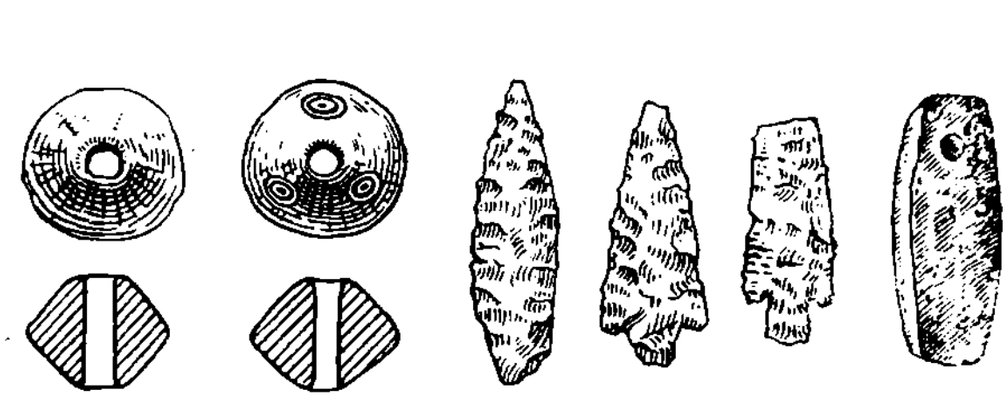
Табл. XV. Комплекс Намазга VI. Керамические изделия.

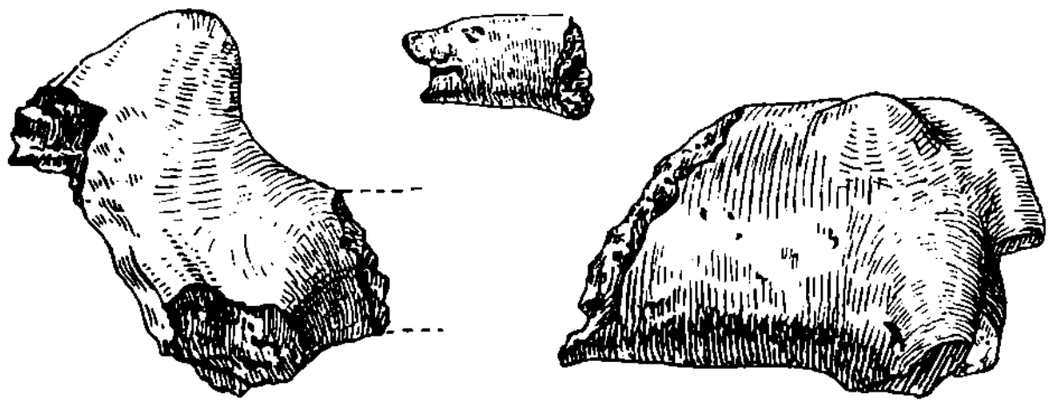
Керамика

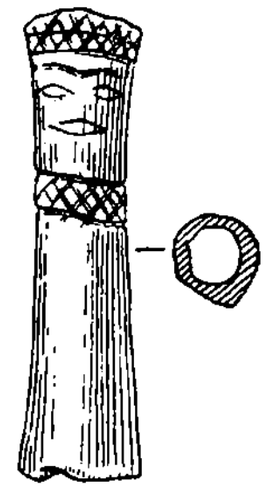
Металл

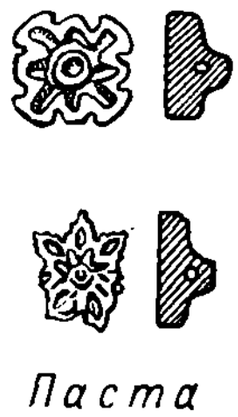
Камень

Керамические статуэтки

Кость

Паста

Керамическая печь

Табл. XVI. Комплекс Намазга VI (мургабский вариант).

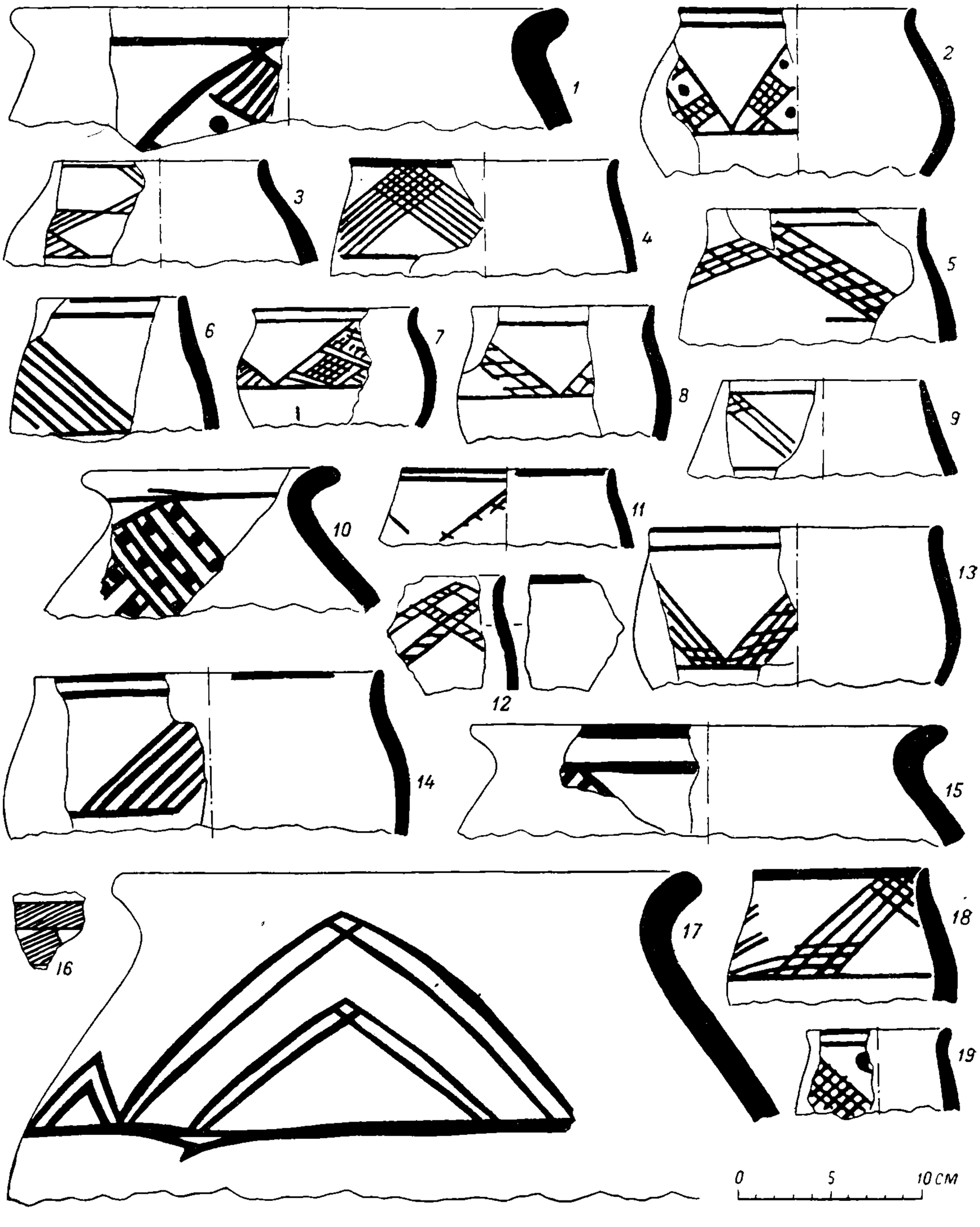

Табл. XVII. Комплекс Яз-Депе I. Расписная керамика.

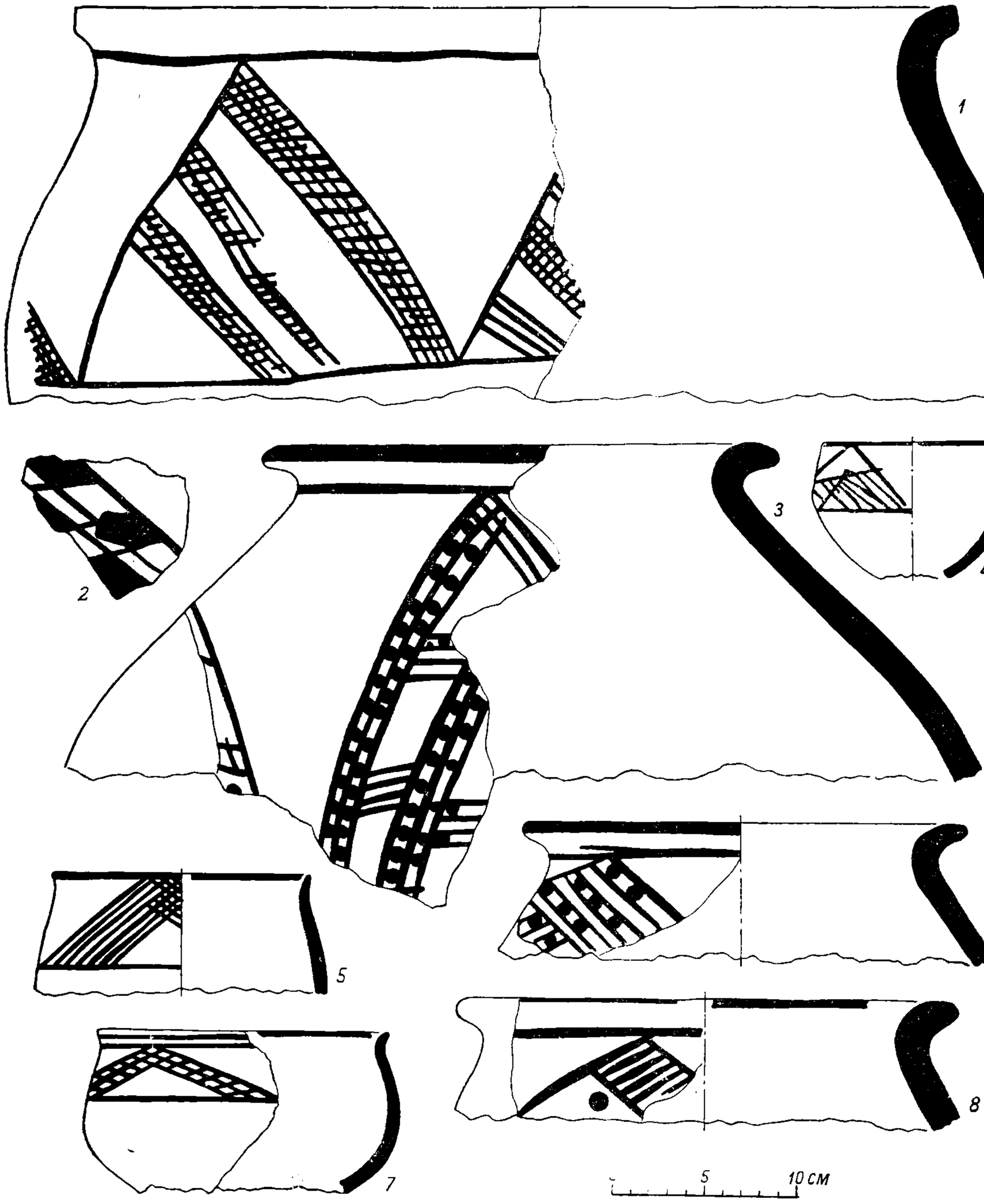

Табл. XVIII. Комплекс Яз-Депе I. Расписная керамика.

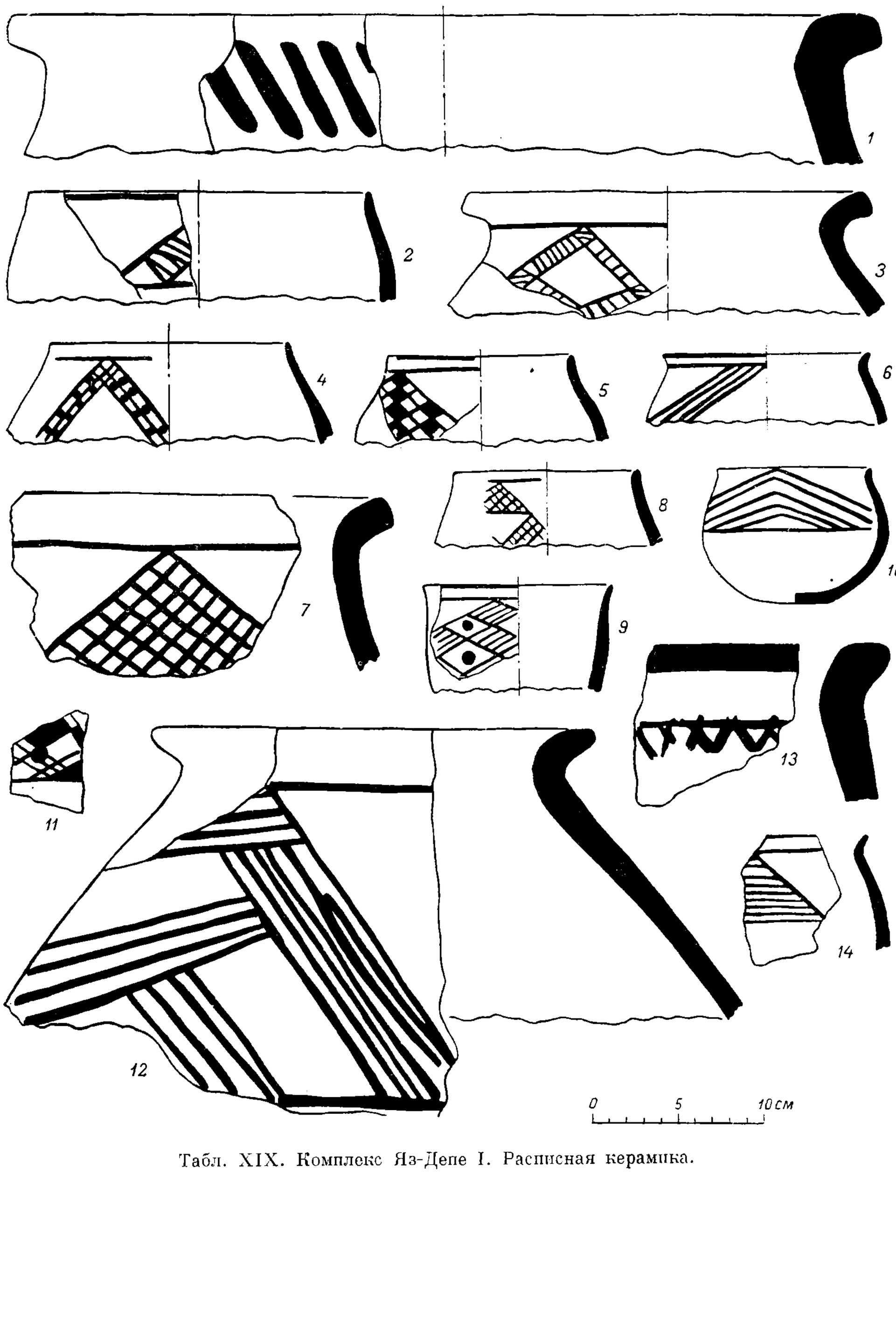

Табл. XIX. Комплекс Яз-Депе I. Расписная керамика.

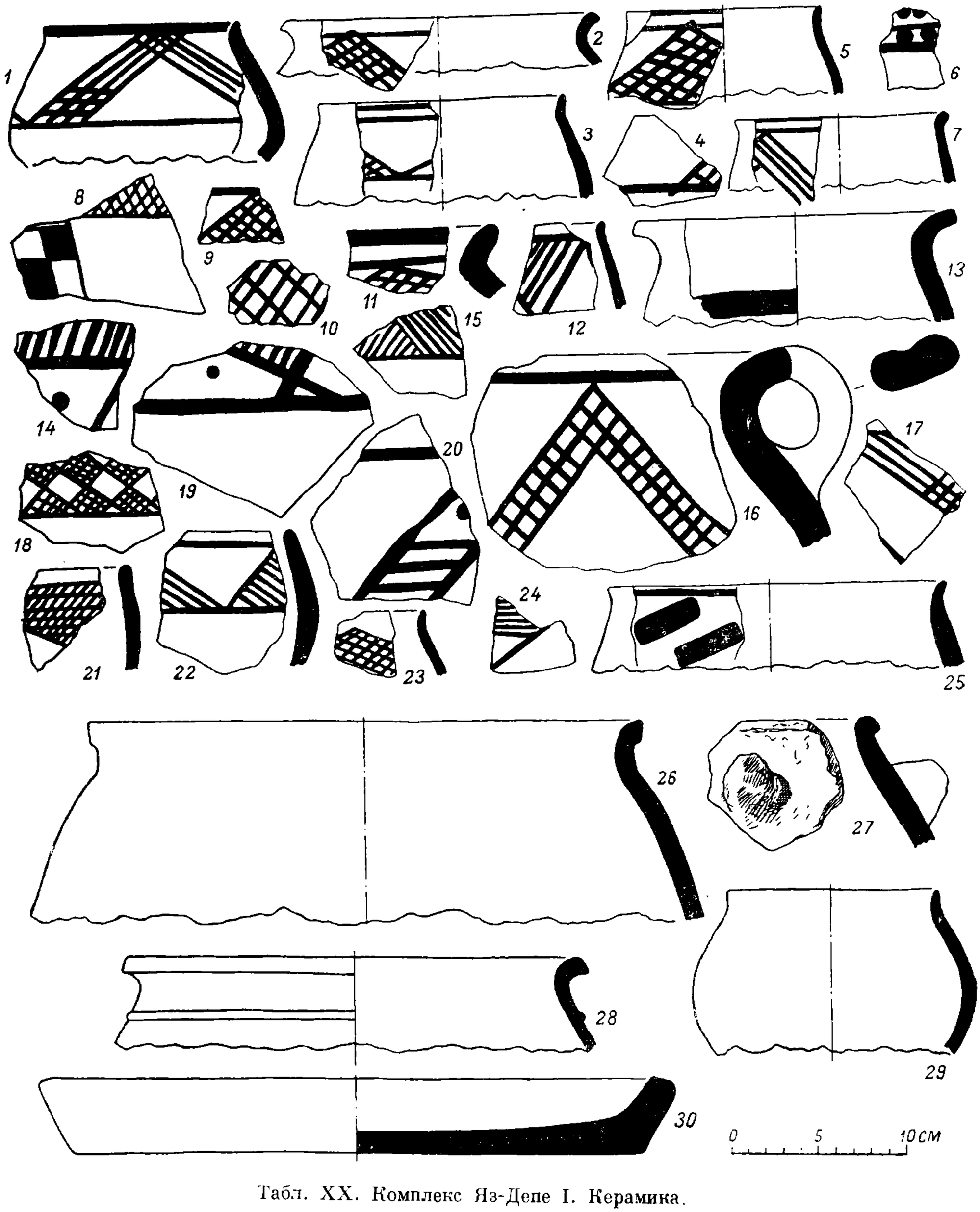

Табл. XX. Комплекс Яз-Депе I. Керамика.

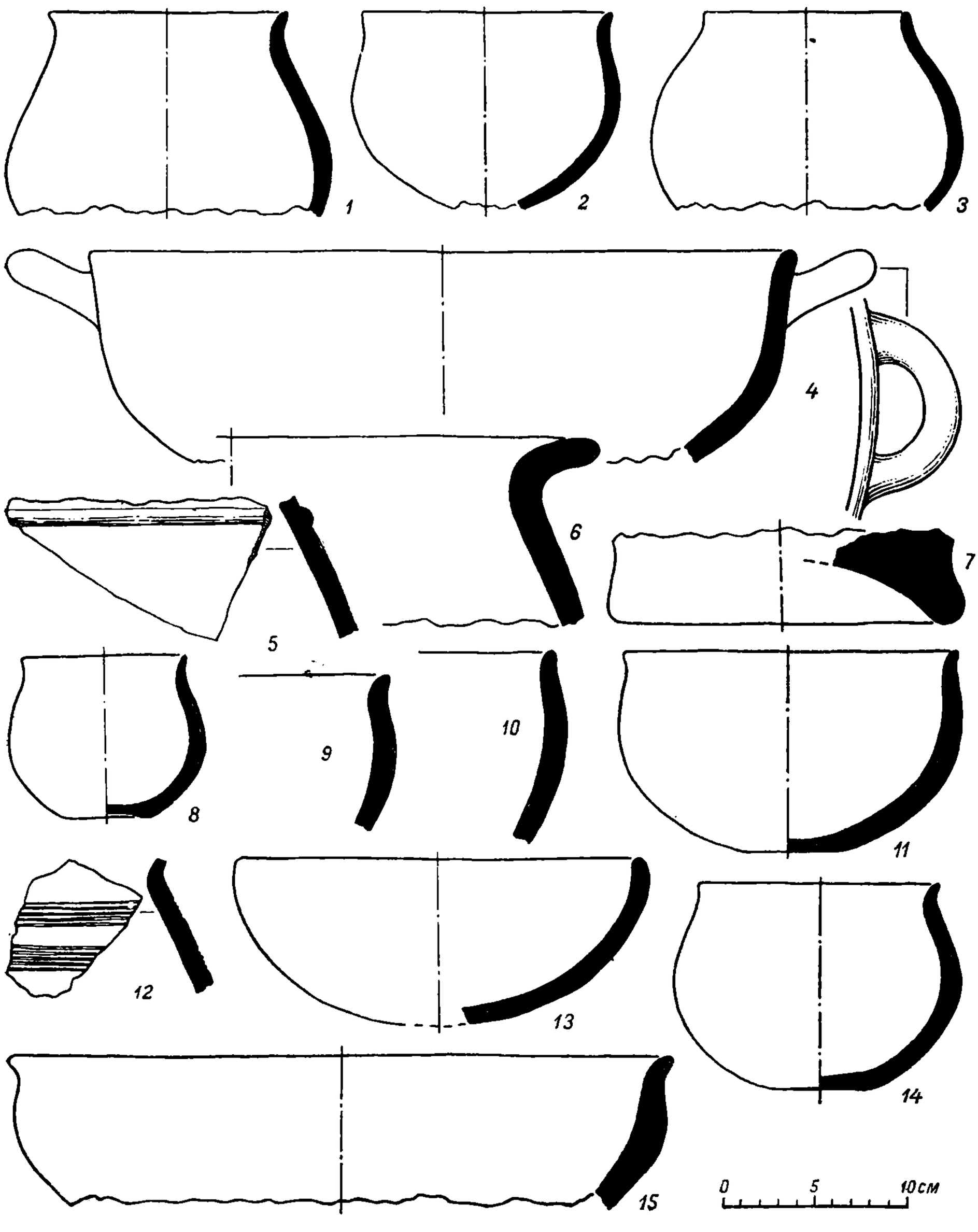

Табл. XXI. Комплекс Яз-Депе I. Серая керамика.

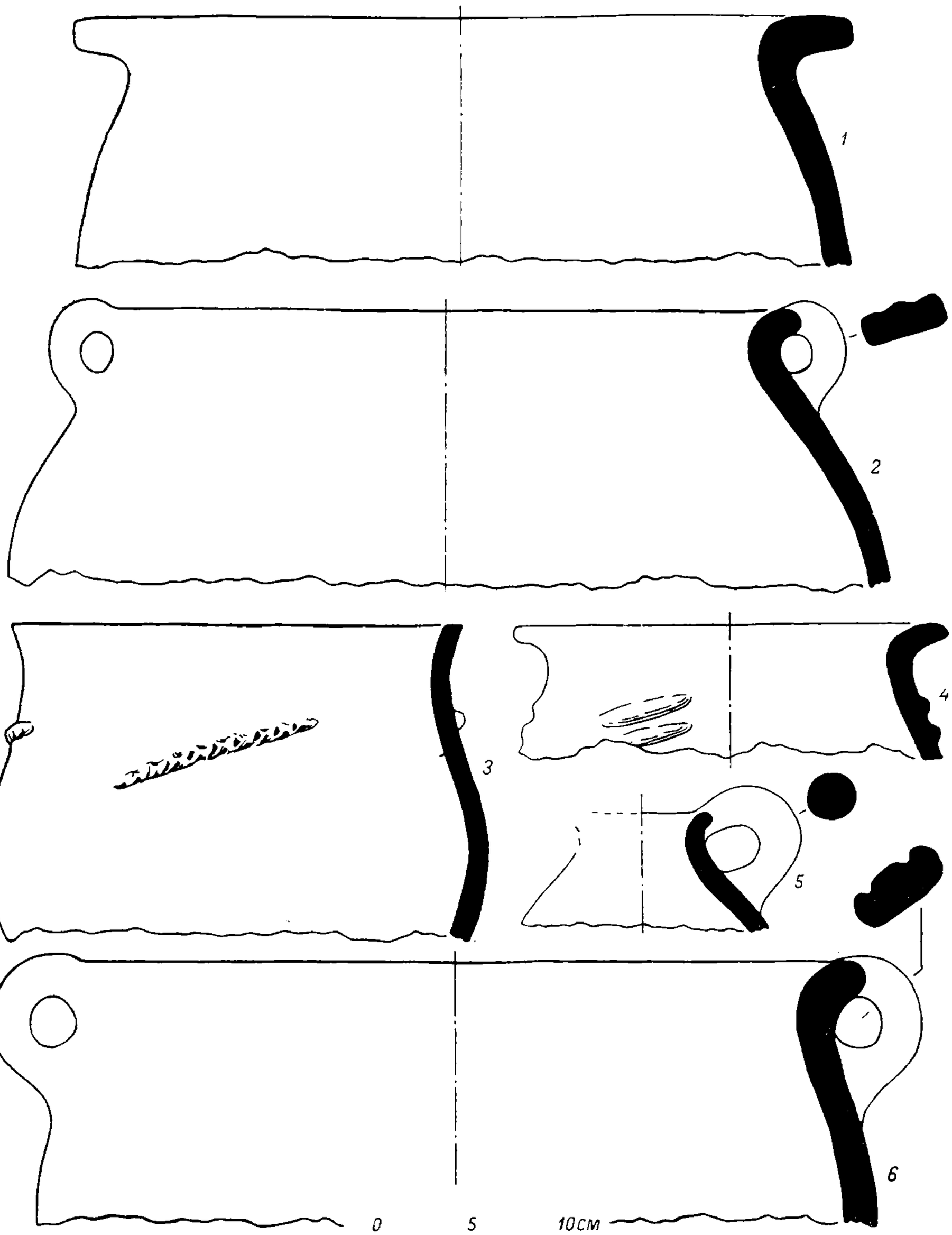

Табл. XXII. Комплекс Яз-Депе I. Серая керамика.

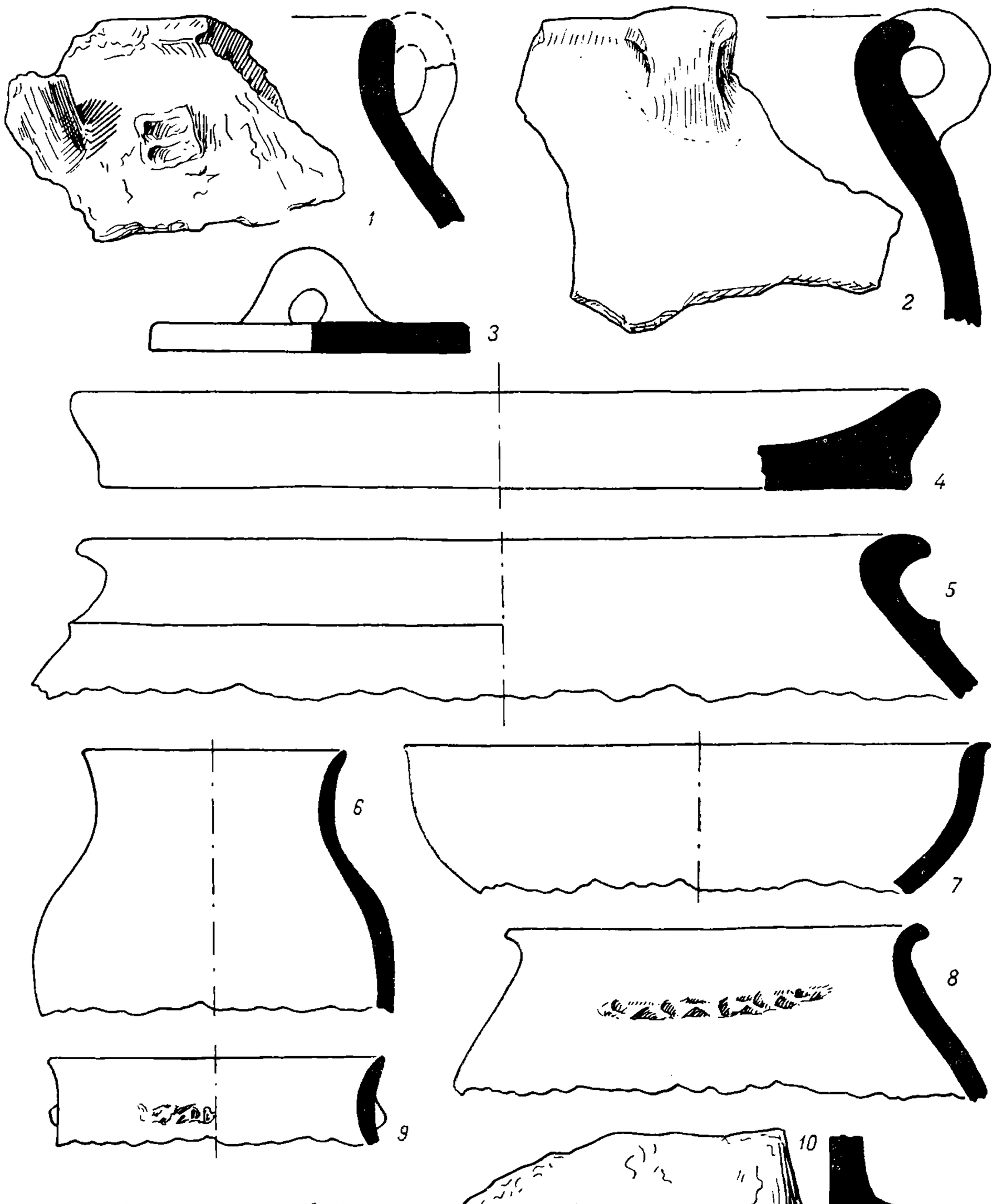

Табл. XXIII. Комплекс Яз-Депе I. Керамика.

Табл. XXIV. Комплекс Яз-Депе I. Керамика.

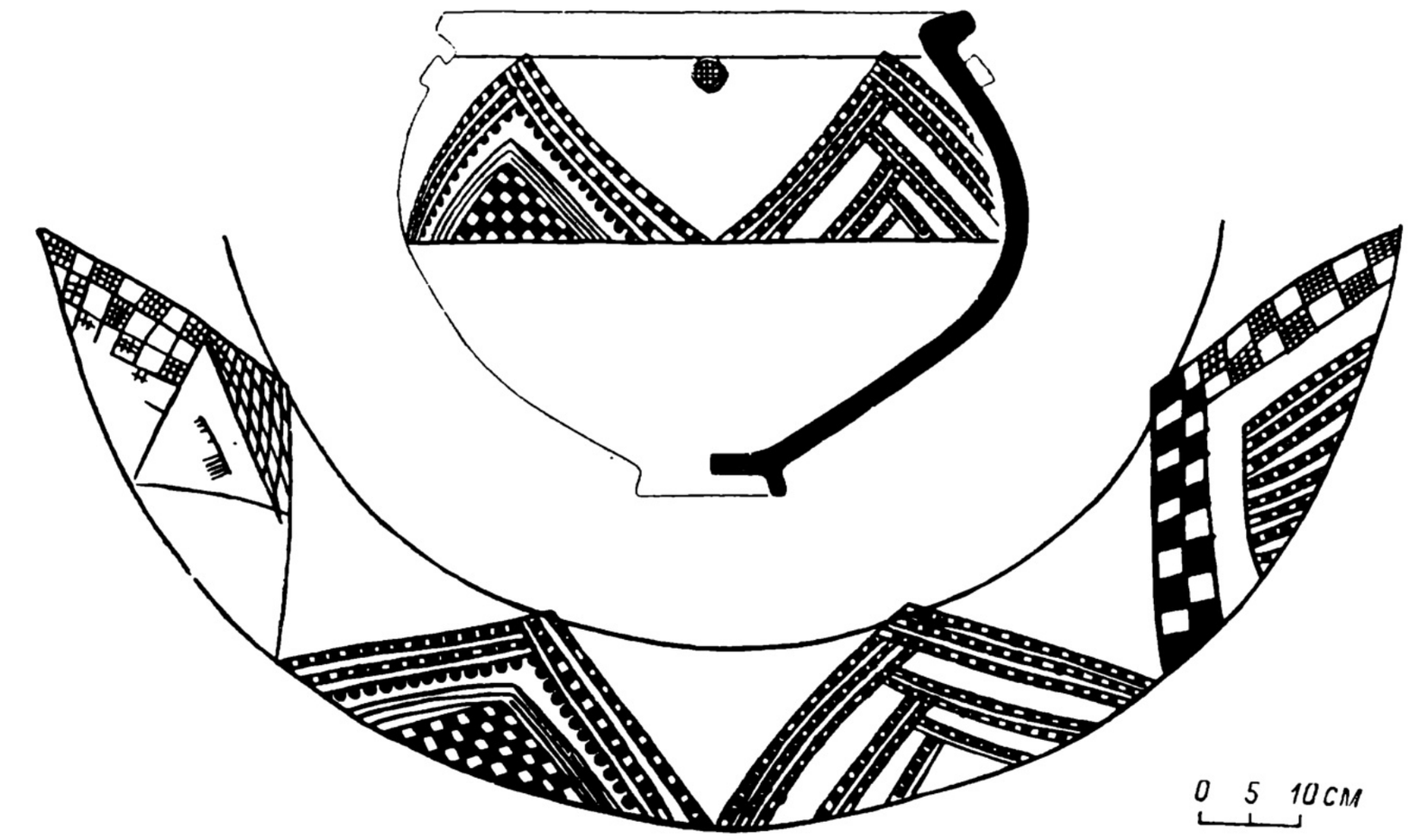

Табл. XXV. Яз-Депе I. Расписной сосуд.

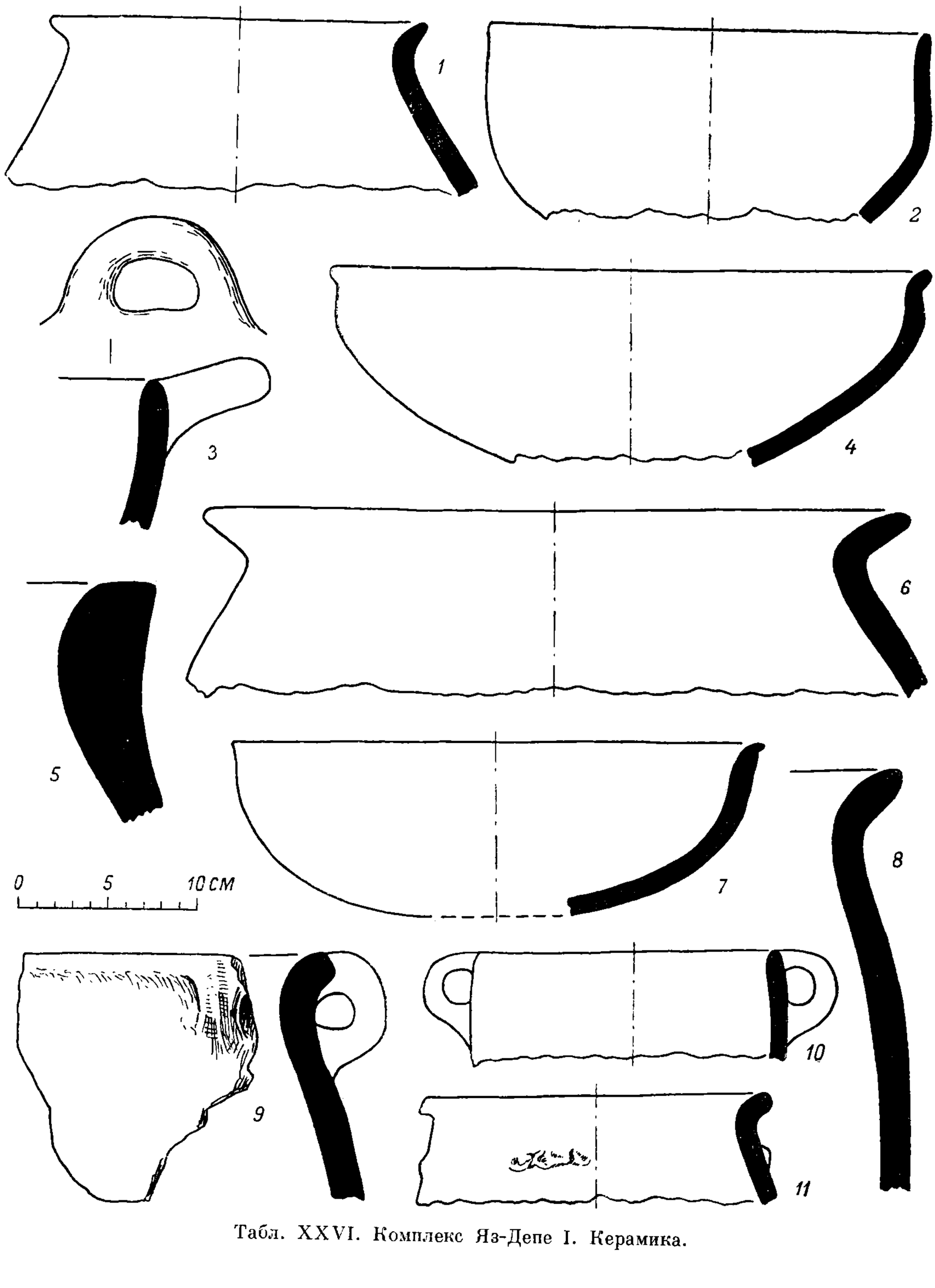

Табл. XXVI. Комплекс Яз-Депе I. Керамика.

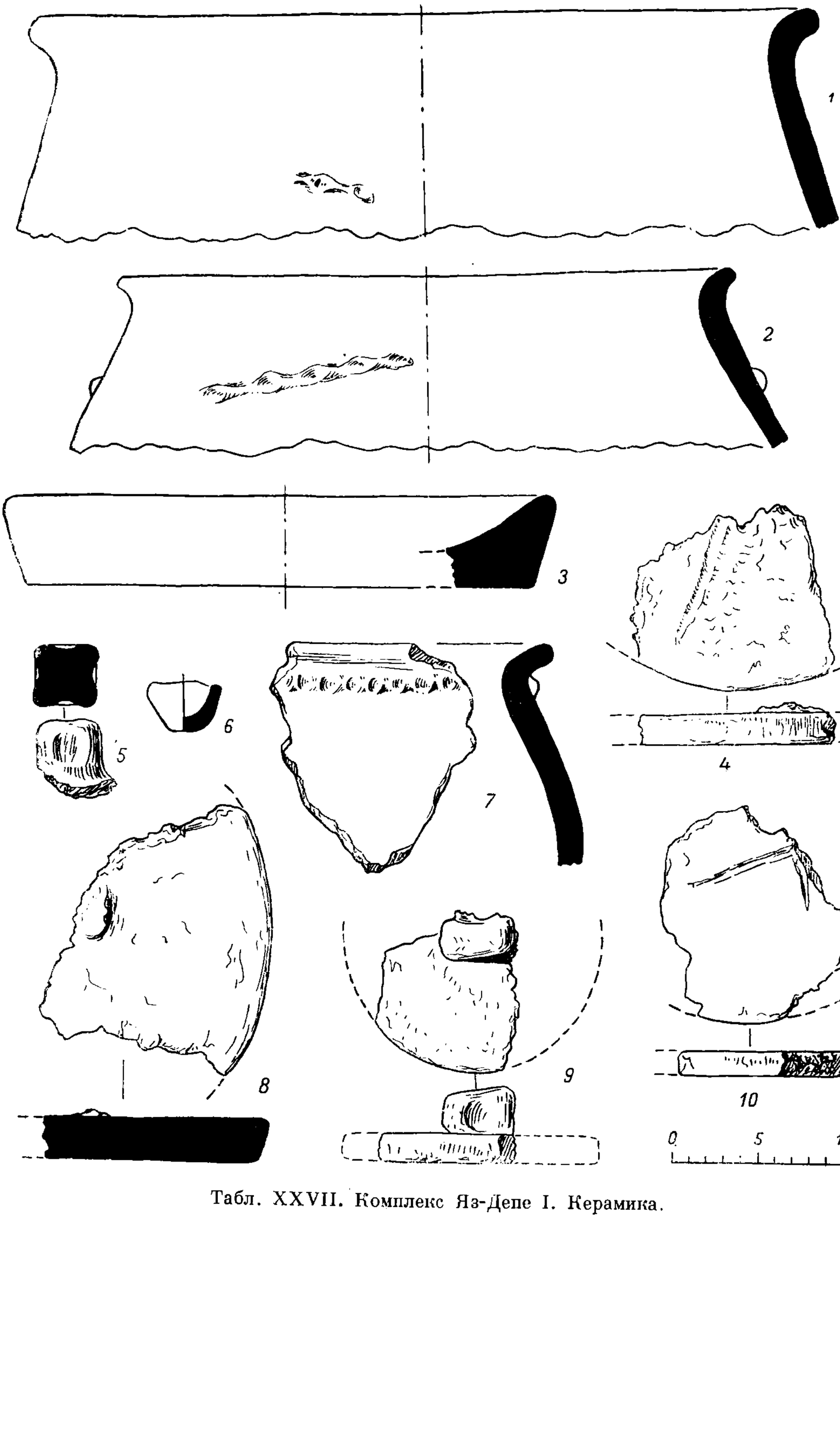

Табл. XXVII. Комплекс Яз-Депе I. Керамика.

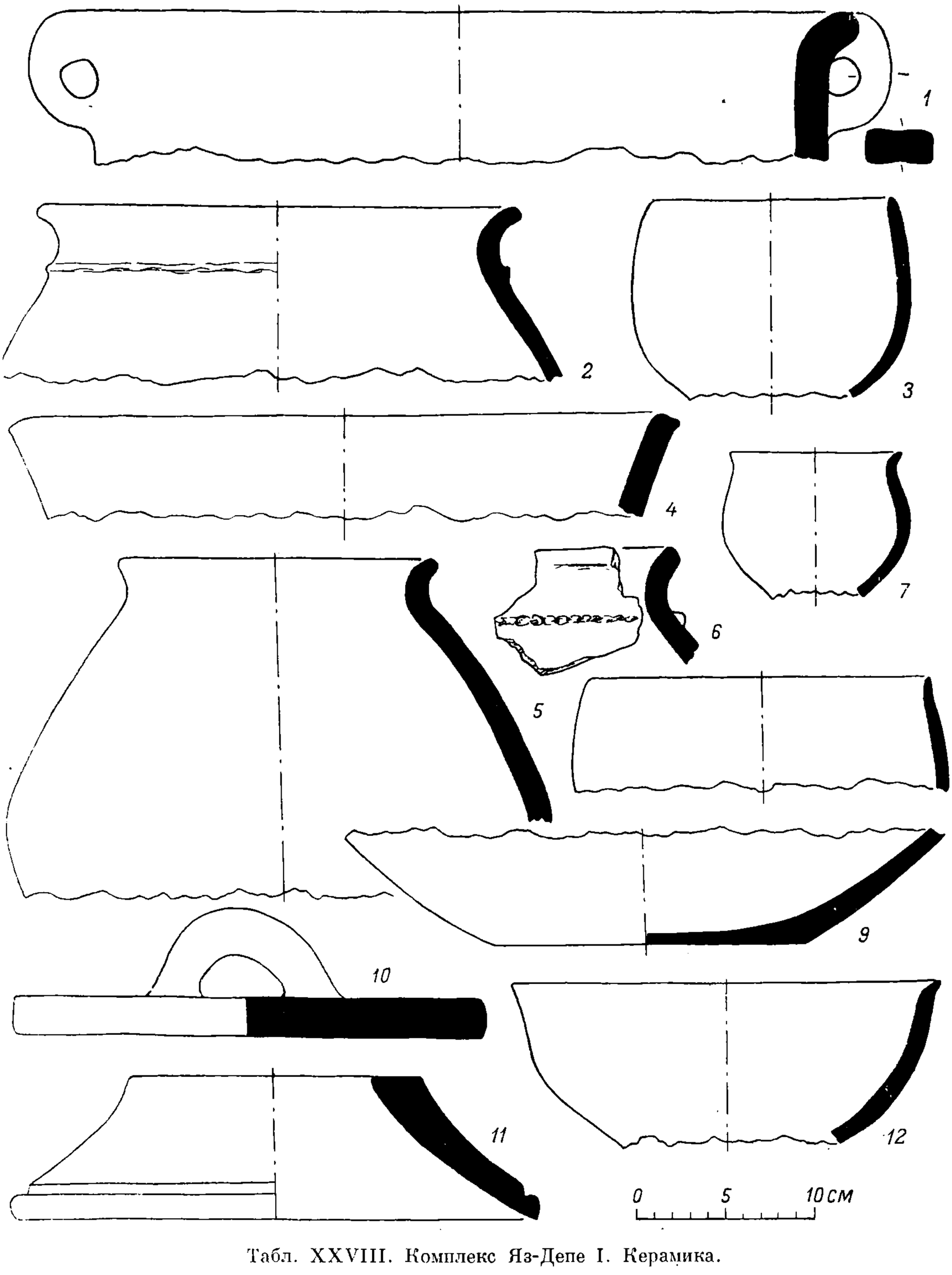

Табл. XXVIII. Комплекс Яз-Депе I. Керамика.

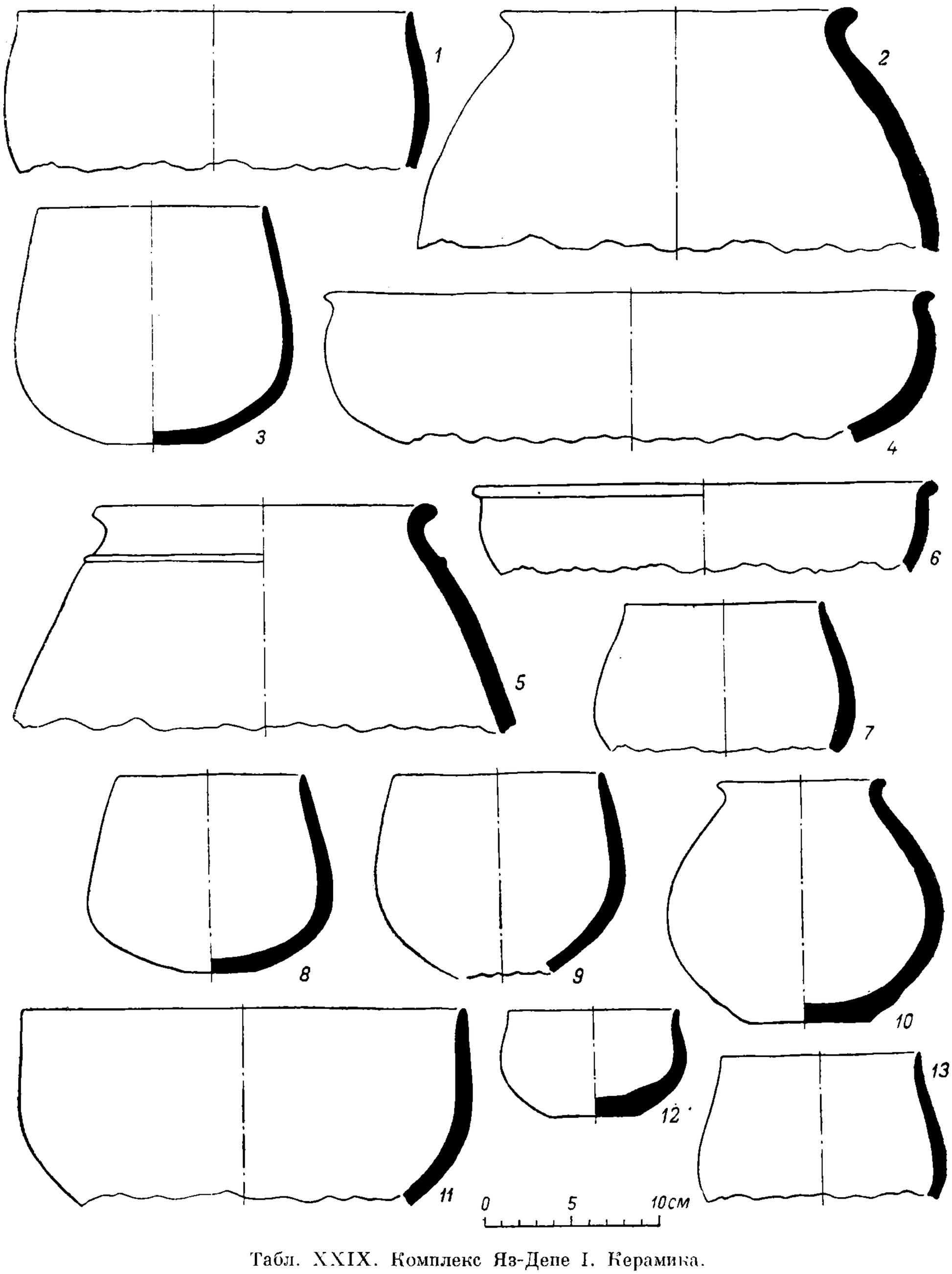
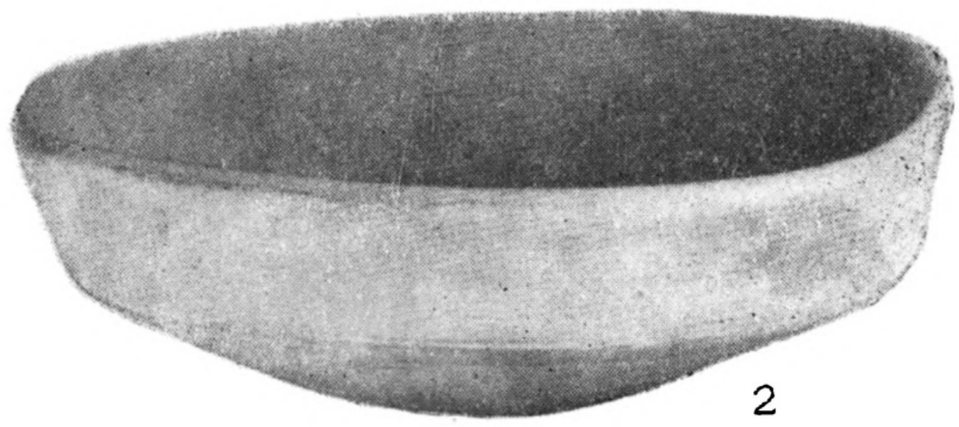

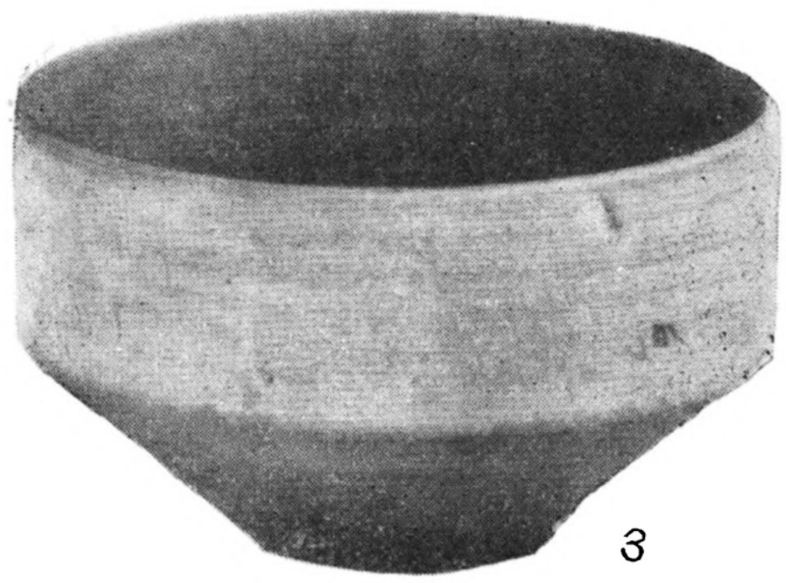
Табл. XXIX. Комплекс Яз-Депе I. Керамика.

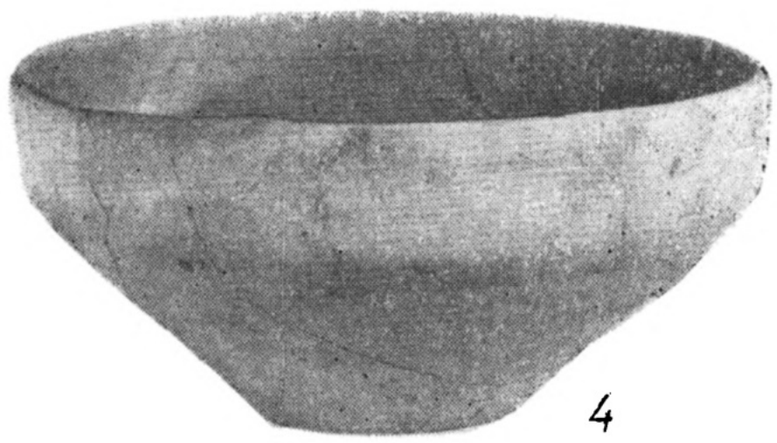
1

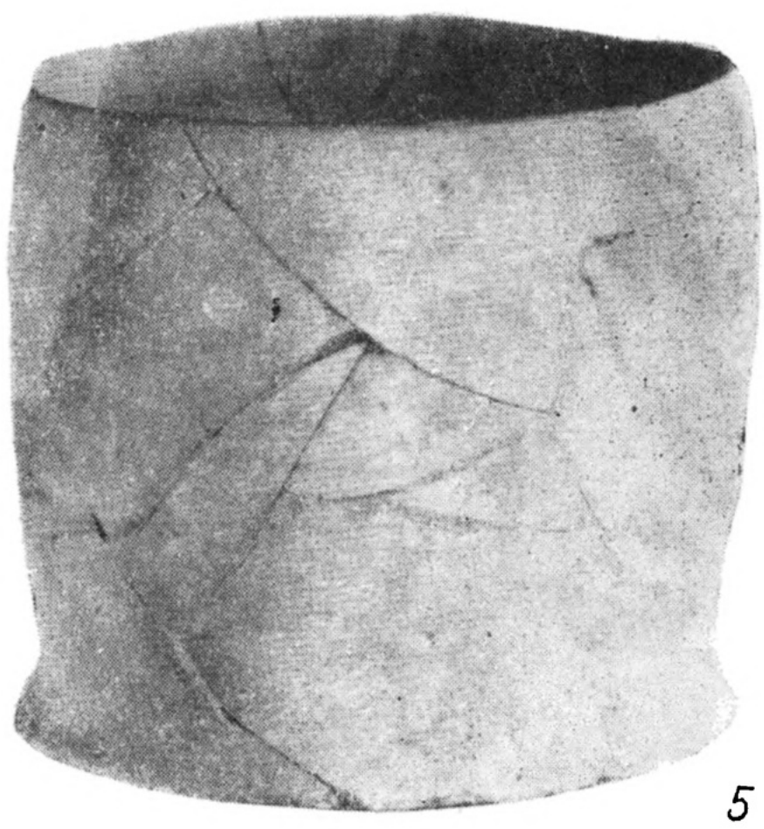
2

3

4

5

6

Табл. XXX. Керамика из слоев Яз-Депе I, II и III.

1

2

3

4

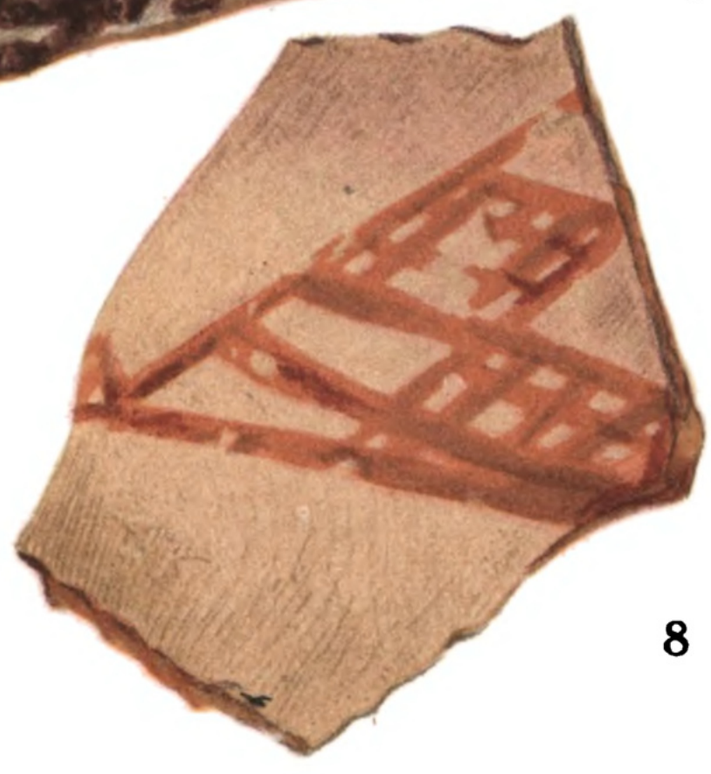
5

6

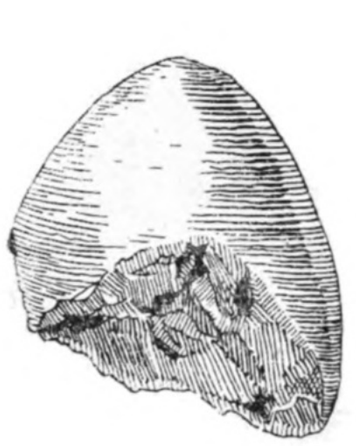

7

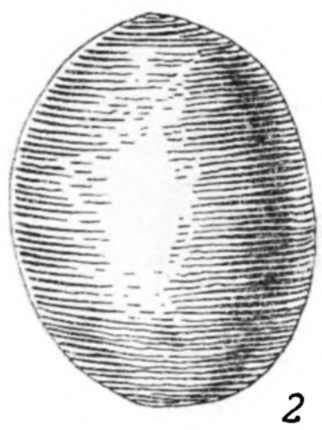

8

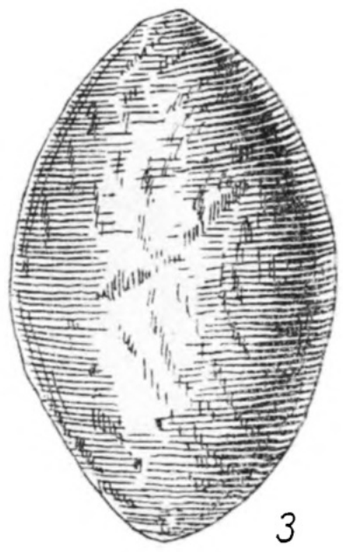
Табл. XXXI. Расписная керамика типа Яз-Депе 1 с поселения Овадан-Депе к северу от Ашхабада

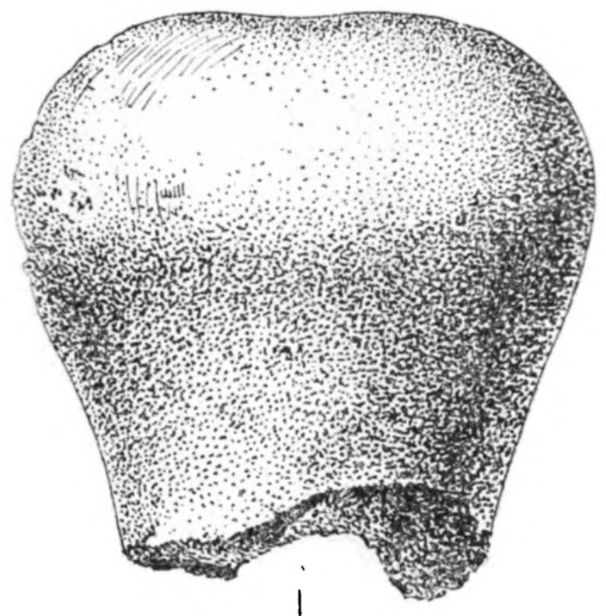
1

2

3

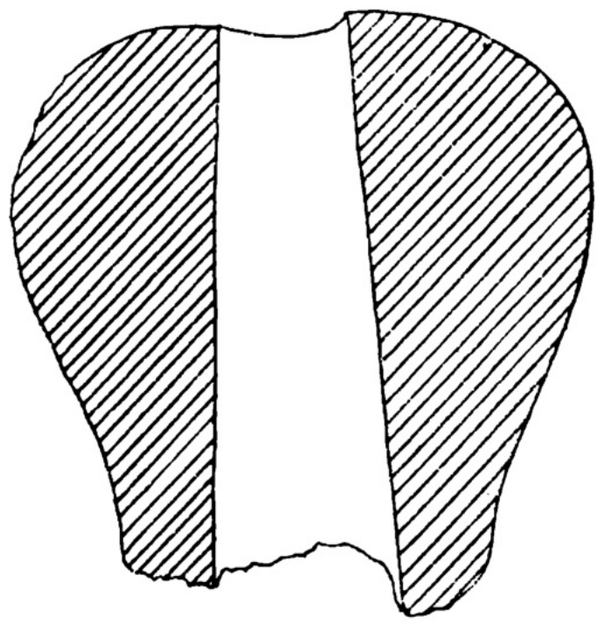
4

5

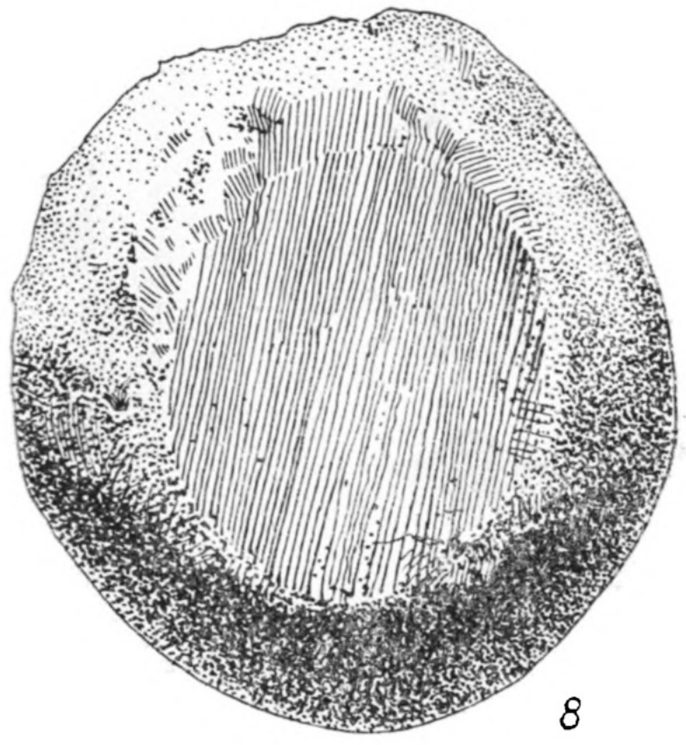

6

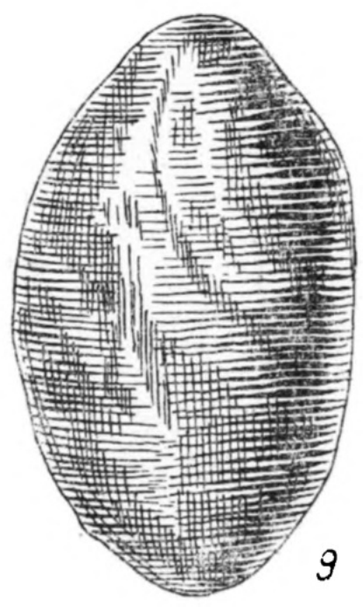

7

8

9

Табл. XXXII. Комплекс Яз-Депе I. Каменные и глиняные изделия.

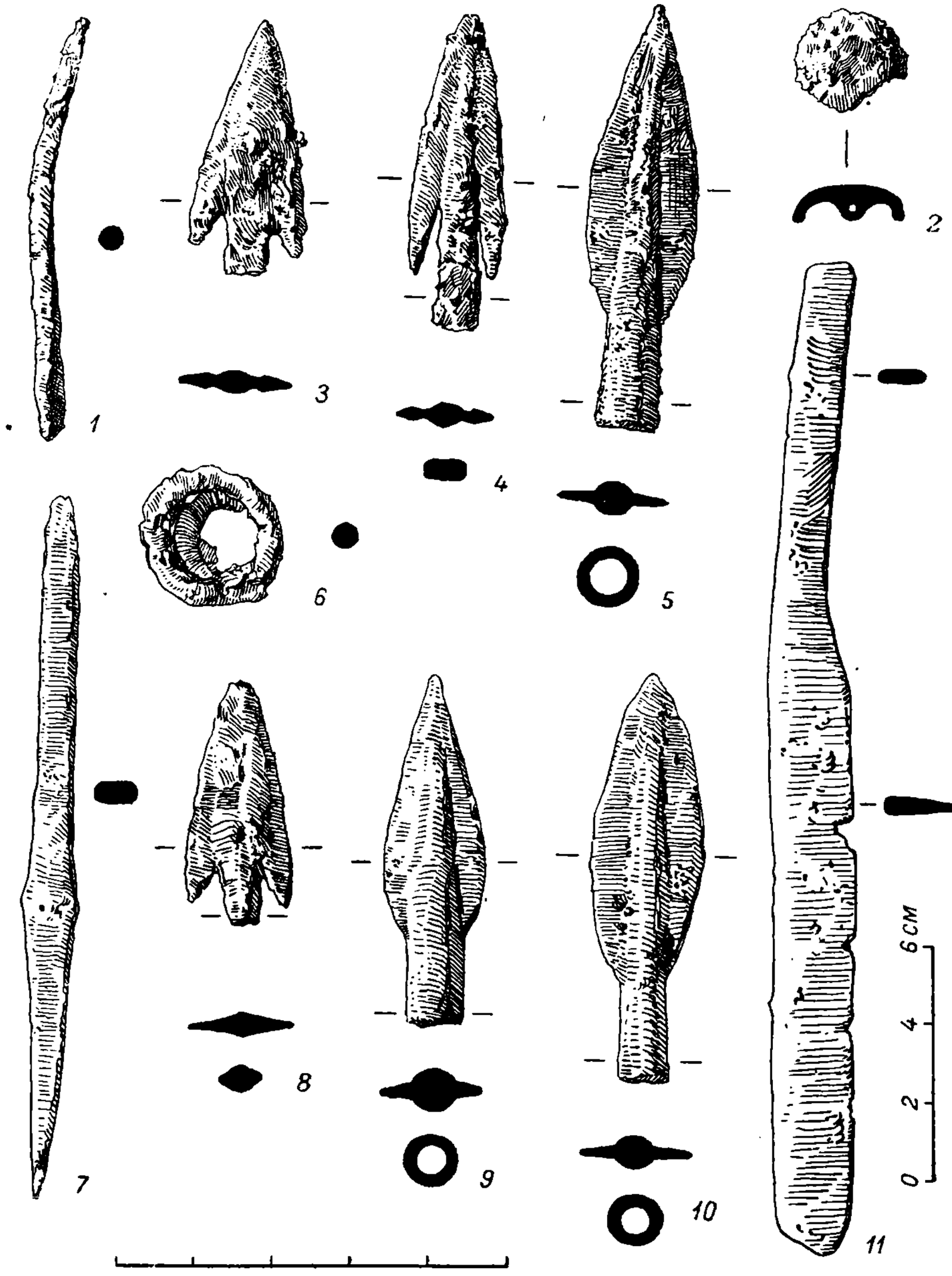

Табл. XXXIII. Комплекс Яз-Депе I. Бронзовые изделия.

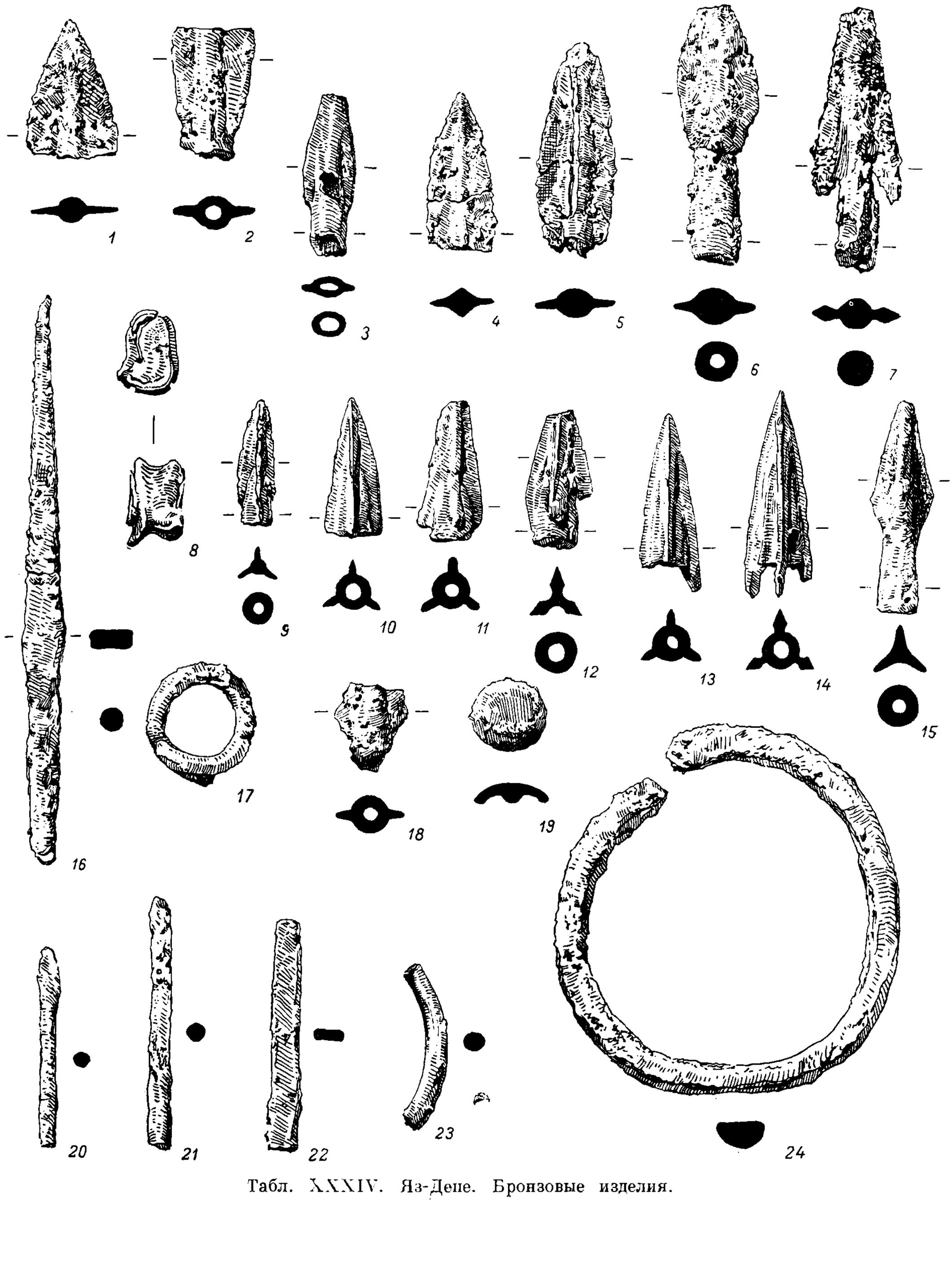
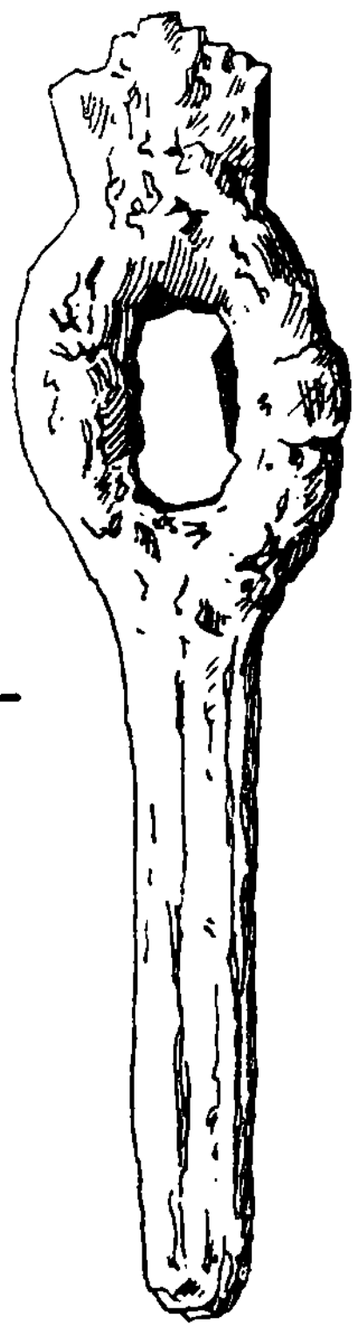
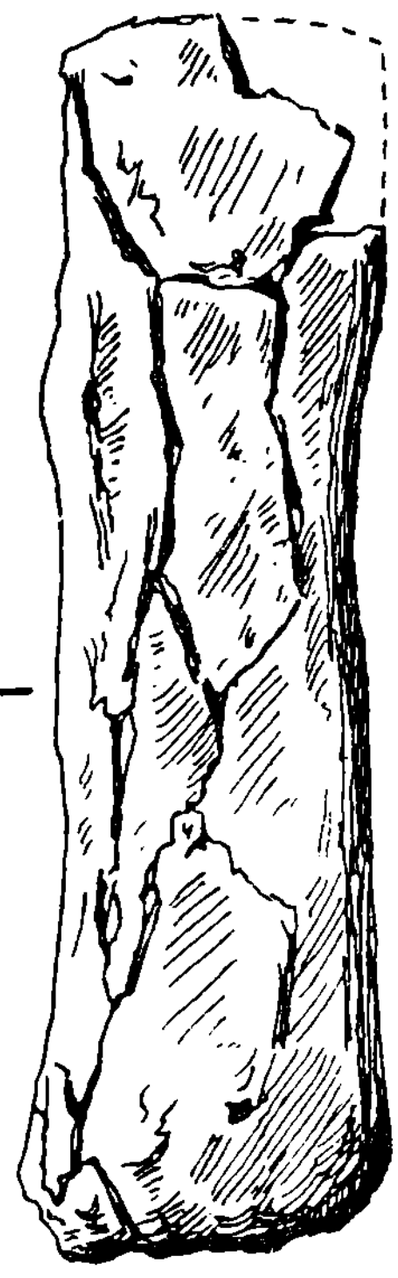

Табл. XXXIV. Яз-Дене. Бронзовые изделия.

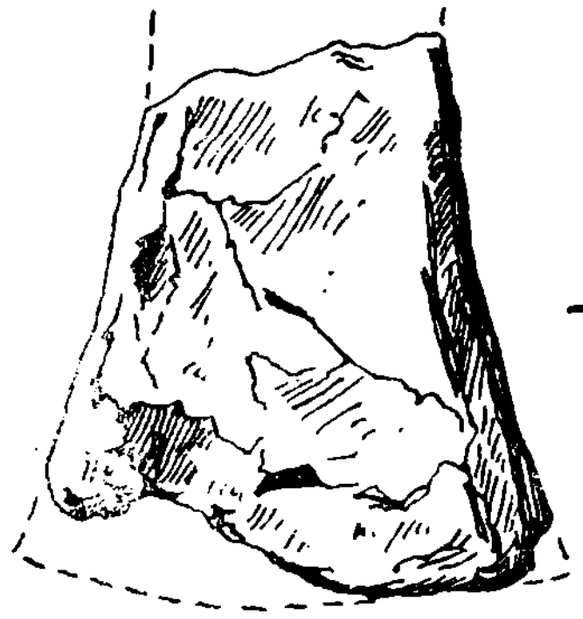

1

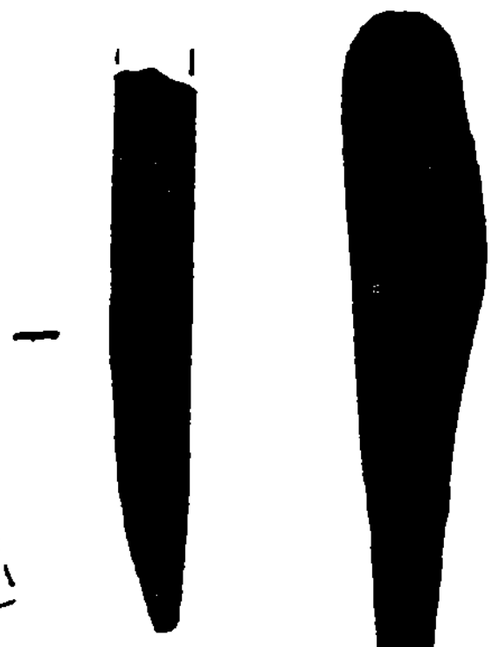

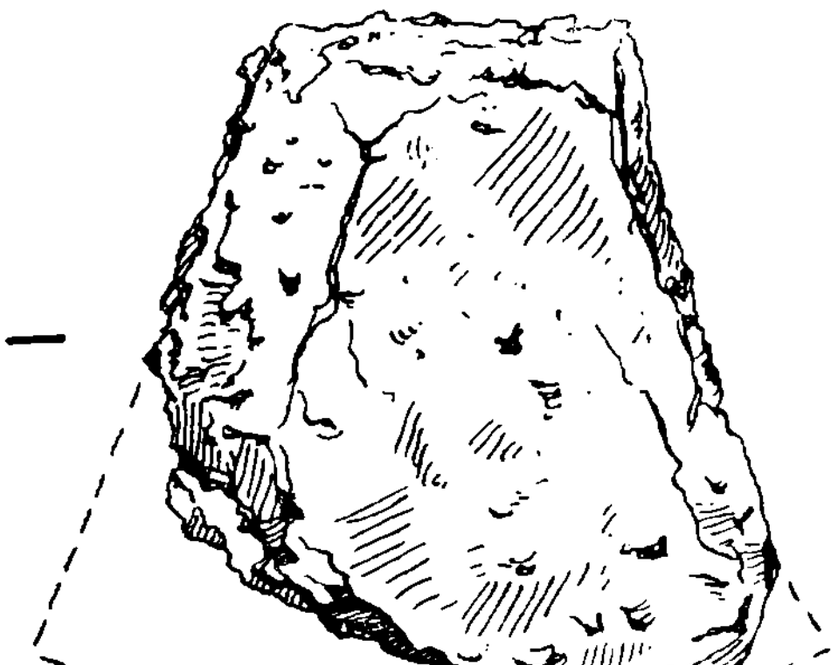

2

3

4

Табл. XXXV. Яз-Депе. Железные изделия.

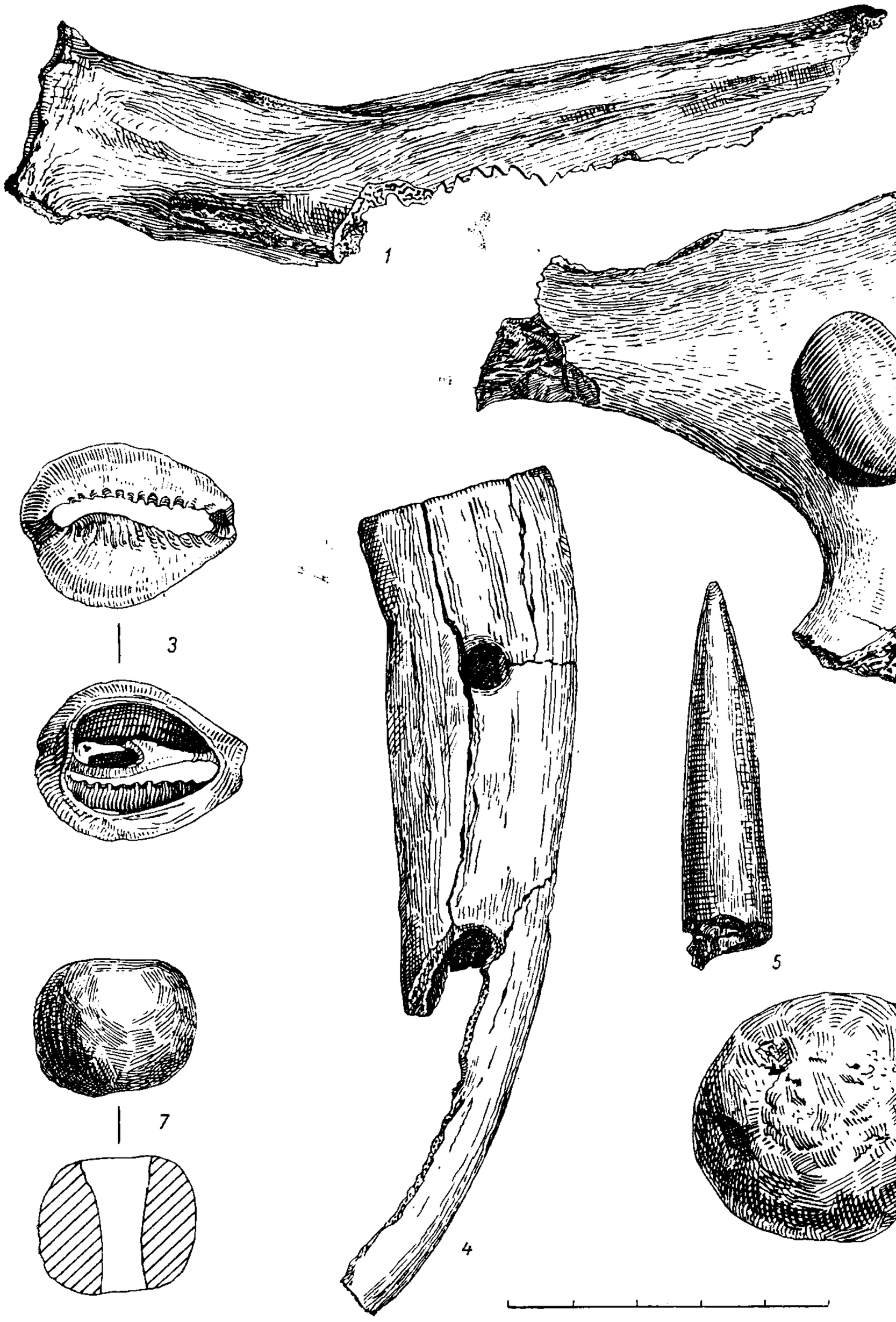

Табл. XXXVI. Яз-Депе. Различные изделия.

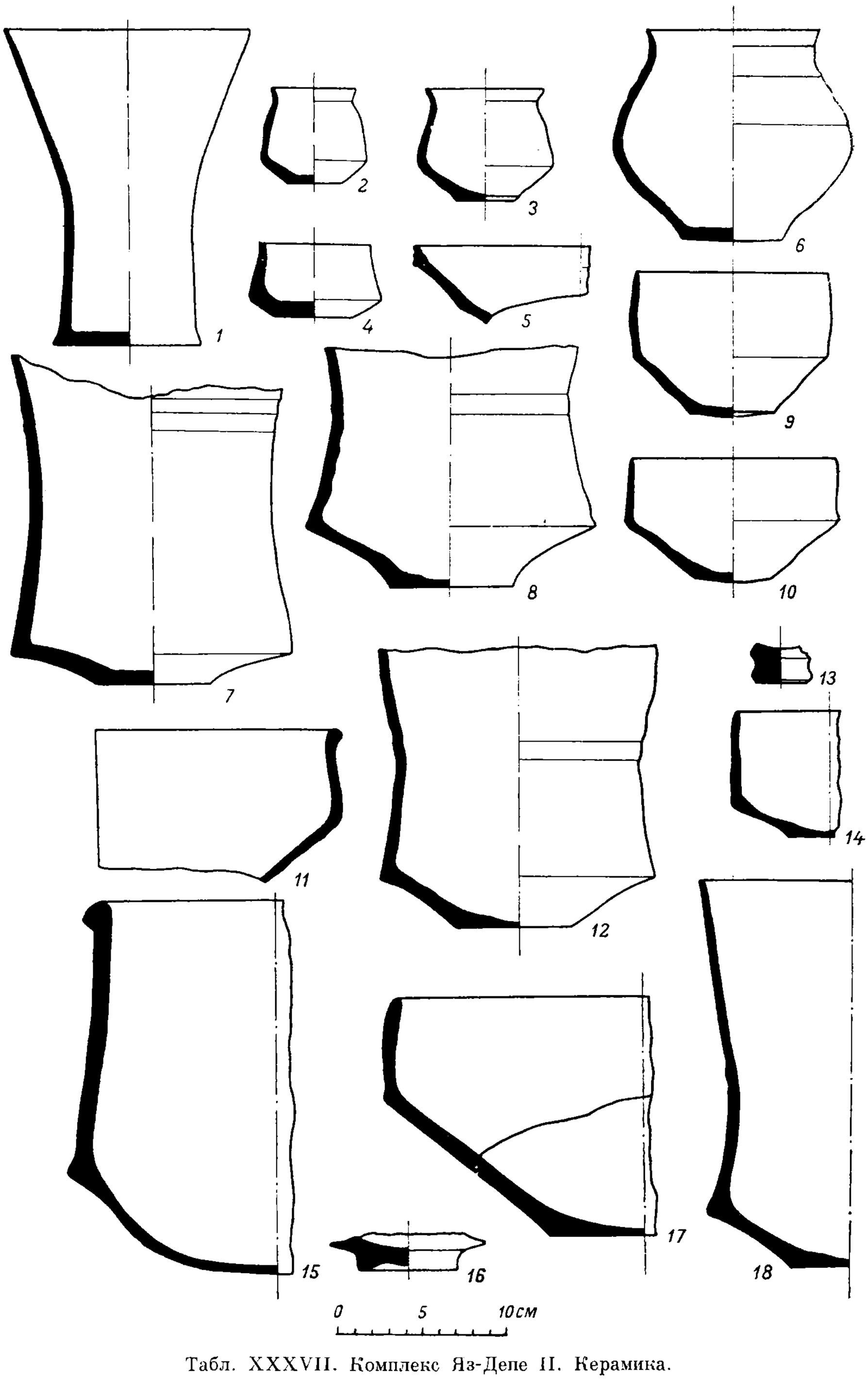

Табл. XXXVII. Комплекс Яз-Депе II. Керамика.

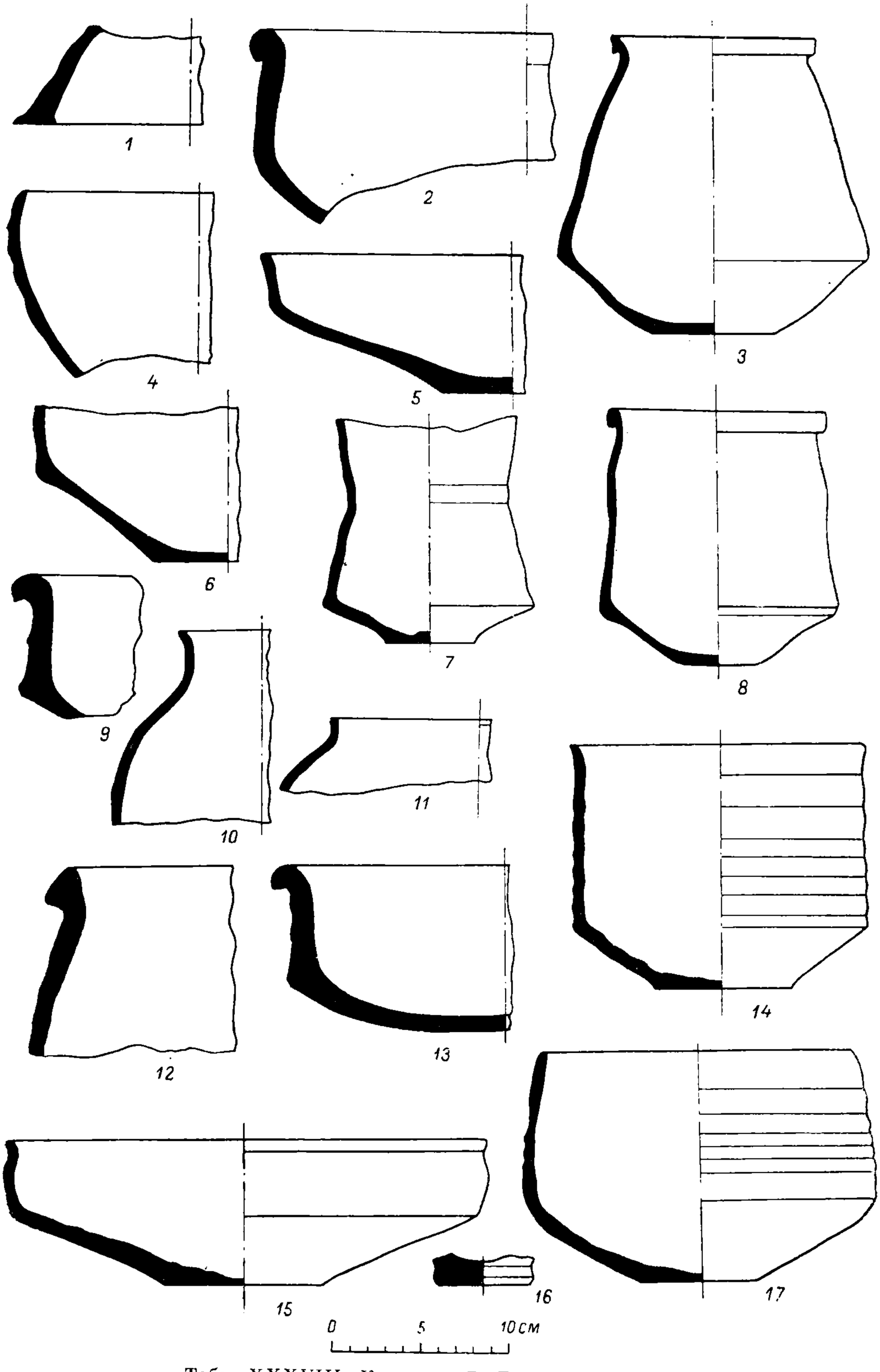

Табл. XXXVIII. Комплекс Яз-Депе II. Керамика.

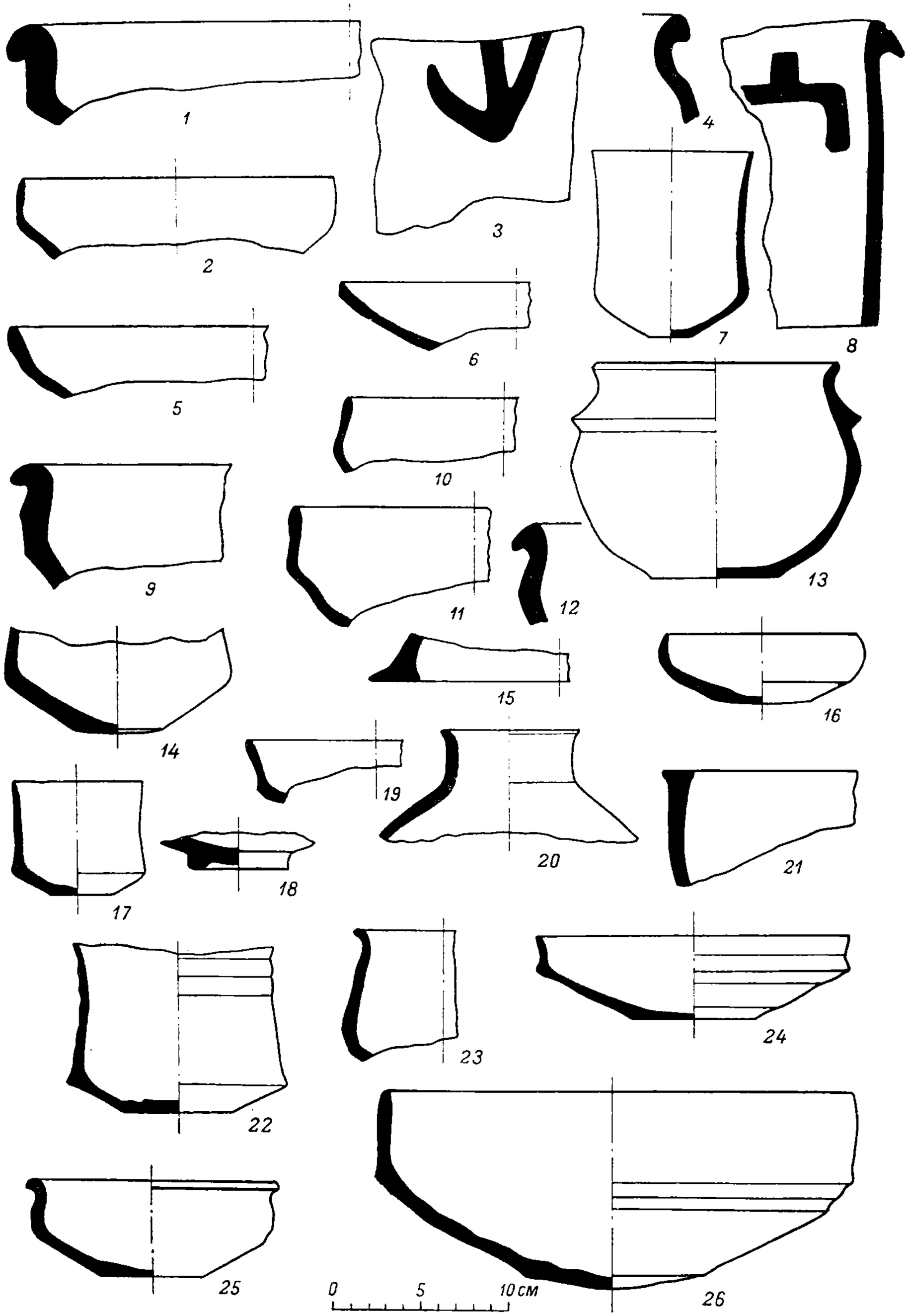

Табл. XXXIX. Комплекс Яз-Депе II. Керамика.

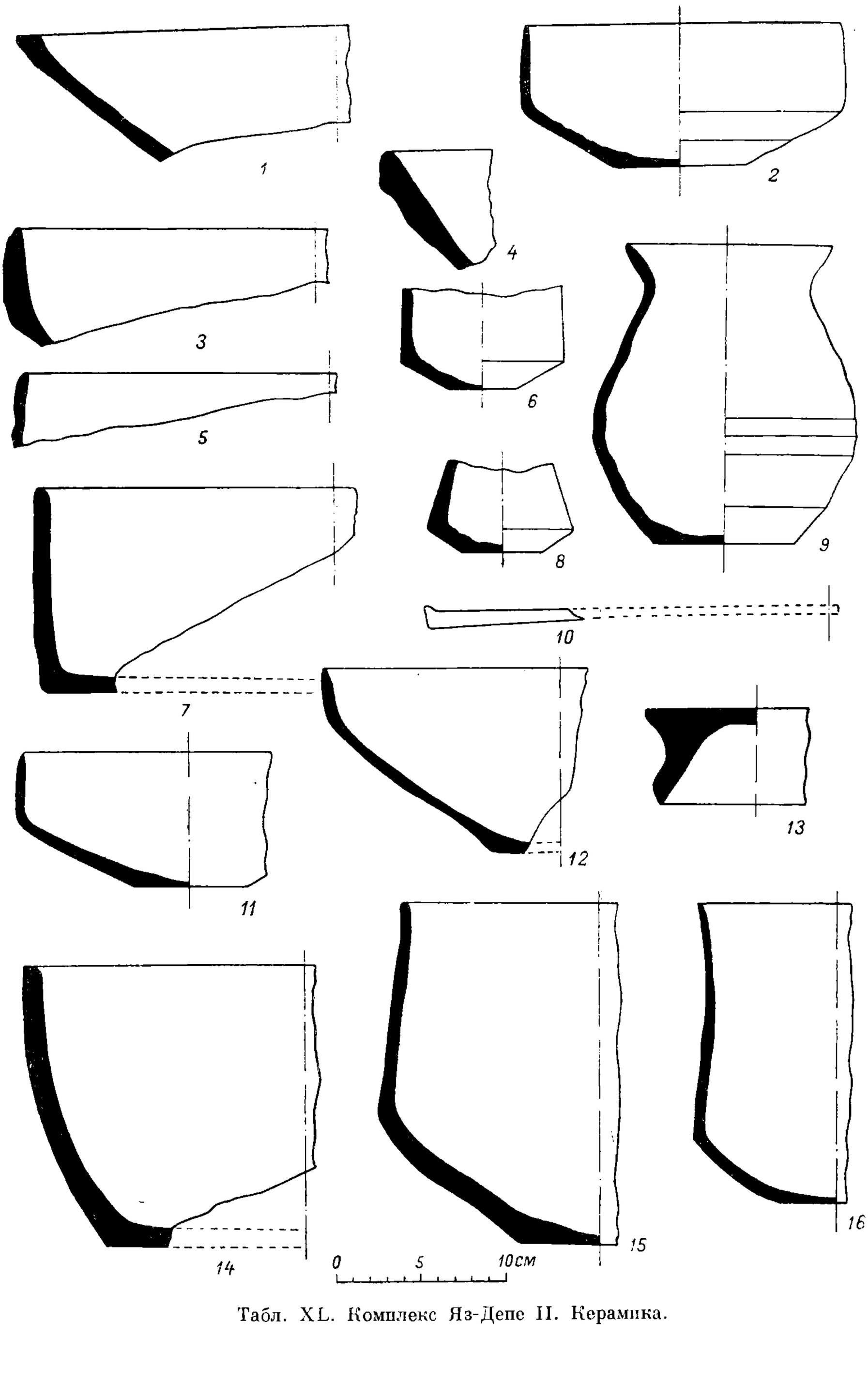

Табл. XL. Комплекс Яз-Депе II. Керамика.

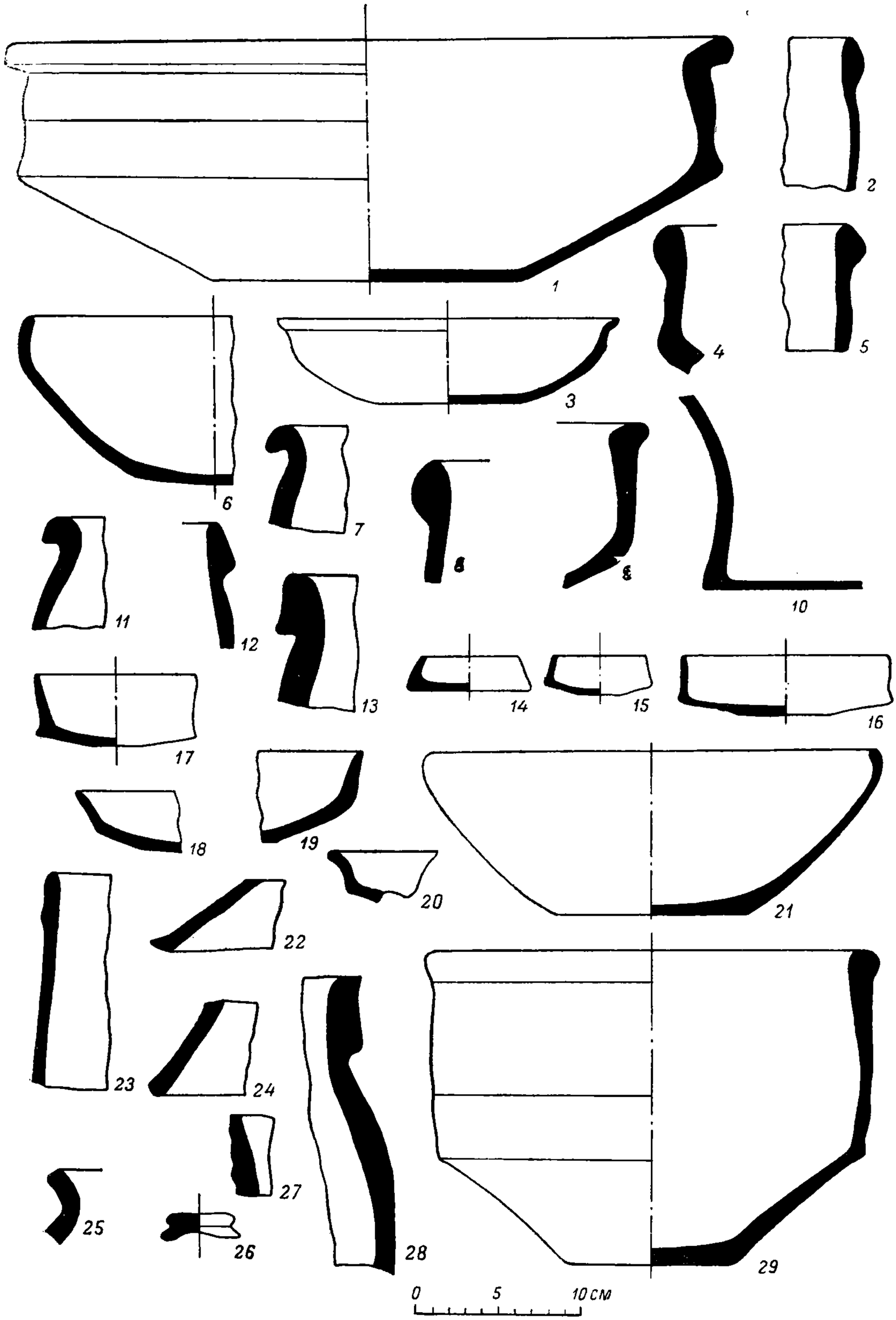

Табл. XLI. Комплекс Яз-Депе III. Керамика.

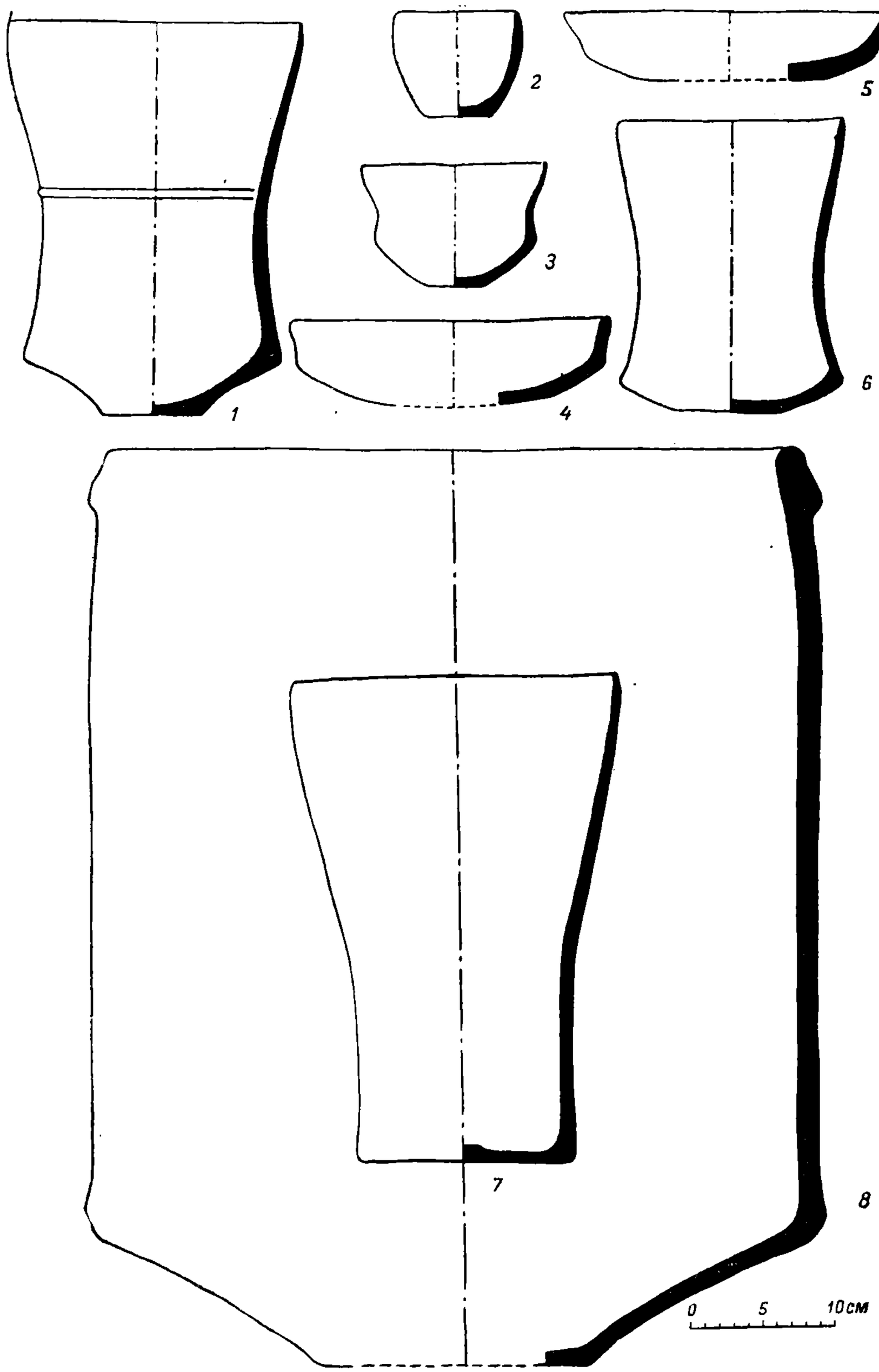

Табл. XLII. Комплекс Яз-Депе III. Керамика.

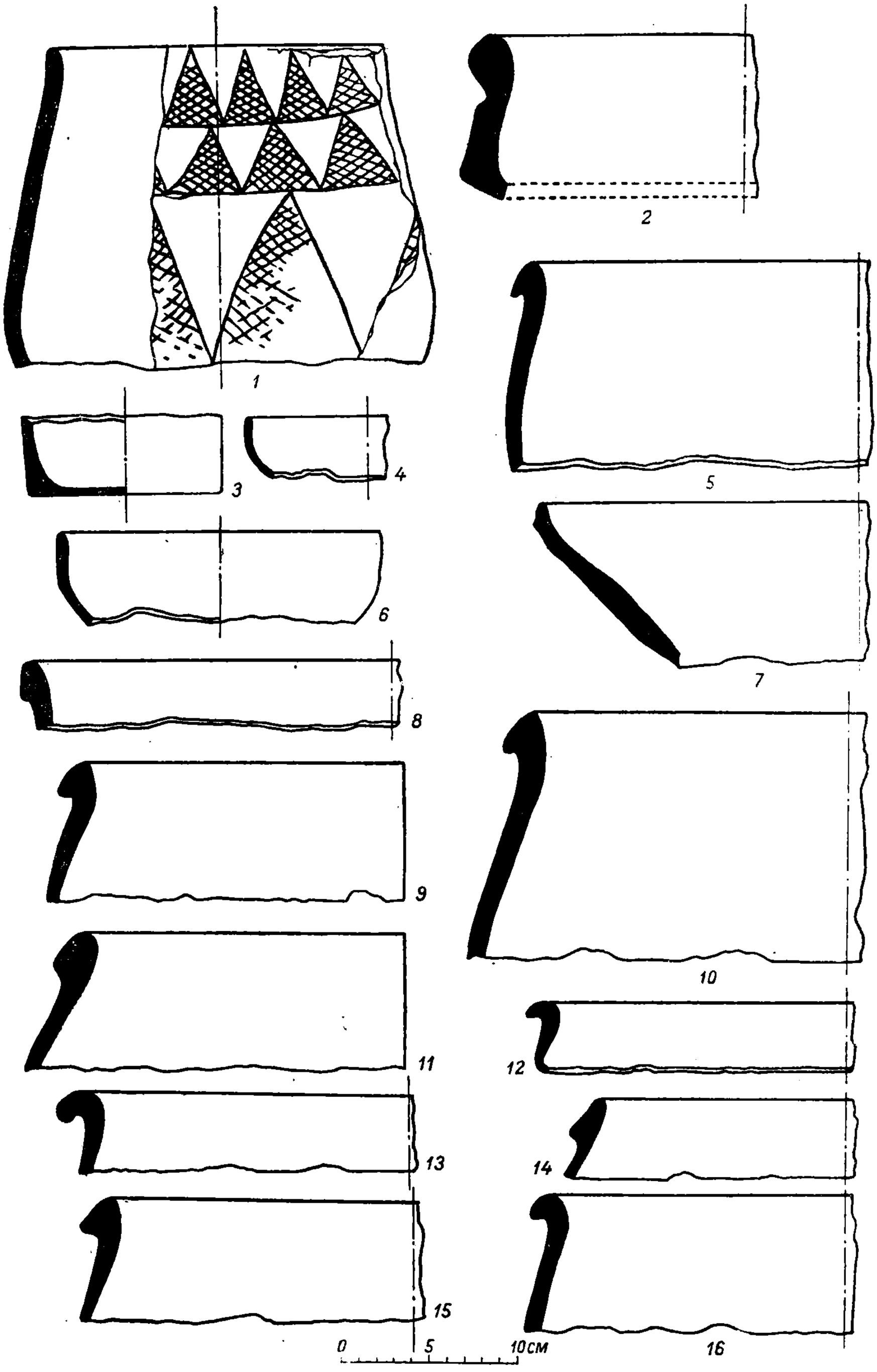

Табл. XLIII. Поселение Тахирбай-Депе. Керамика.

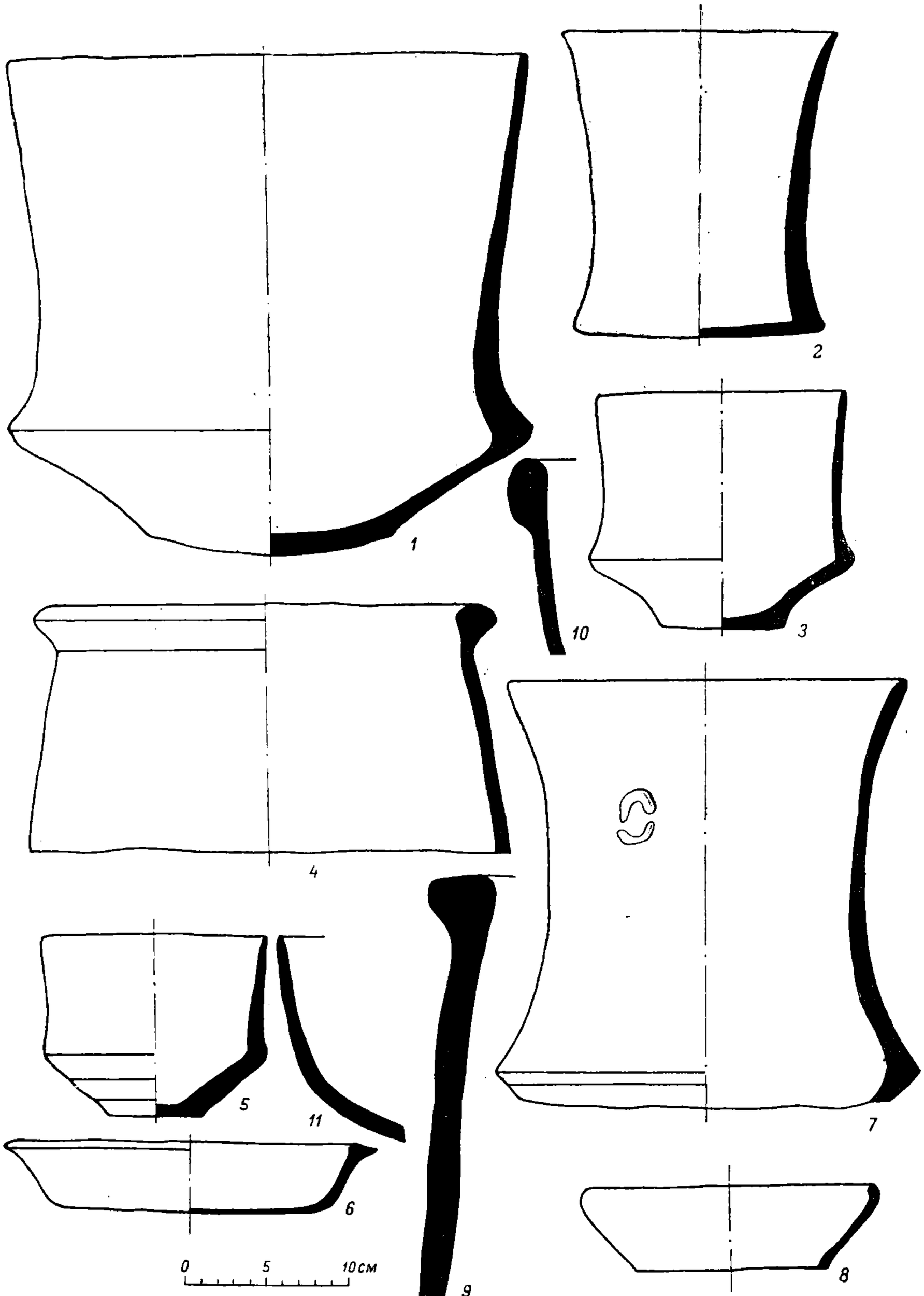

Табл. XLIV. Комплекс Афрасиаб I. Керамика.

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

Таблица I. Керамика, сделанная на гончарном круге (кроме номера *2*), с поселения Аучин-Депе. Подъемный материал. Номера *18* и *21* — из шурфа № 2.

1, *3*, *5*, *8*, *10*, *12*, *16*, *17*, *20*. Красный черепок, желтовато-белый ангоб.
2. Светло-красный черепок.
4, *14*, *15*. Кремневый черепок, зеленовато-белый ангоб.
6, *9*, *11*, *18*, *19*, *21*. Зеленовато-белый черепок и ангоб.
7. Серый черепок, снаружи залощено.
13. Красновато-коричневый черепок.

Таблица II. Керамика, сделанная на гончарном круге (кроме номера *1*), из погребения на поселении Аучин-Депе.

1. Розовый черепок, желтовато-белый ангоб.
2—4. Светло-красный черепок, желтовато-белый ангоб.
5. Светло-коричневый черепок, с наружной стороны зеленовато-белый ангоб.
6—8. Кремовый черепок, зеленовато-белый ангоб; на тулове номера *8* видны следы росписи — красные горизонтальные полосы.

Таблица III. Керамика из погребения на поселении Аучин-Депе. Цифры соответствуют номерам сосудов на табл. II.

Таблица IV. Различные изделия времени Намазга VI.

1. Печать-подвеска красного камня. Аучин-Депе, погребение.
2. Бусина белого камня. Аучин-Депе, погребение.
3. Бусы и подвеска. Аучин-Депе, погребение.
4. Терракотовая статуэтка. Поселение Тахирбай *4*, подъемный материал.
5. Фрагмент керамики с процарапанным орнаментом, кремовый черепок, гончарный круг. Аучин-Депе, подъемный материал.
6. Медный браслет. Аучин-Депе, погребение.

Таблица V. Керамика, сделанная на гончарном круге (кроме номера *8*), с поселения Тахирбай 3.

1. Красный черепок, зеленовато-белый ангоб. Шурф № 1, II ярус.
2. Как номер *1*. Подъемный материал.
3. Коричневый черепок. Шурф № 1, II ярус.
4. Светло-красный черепок, желтовато-белый ангоб. Шурф № 1, II ярус.
5. То же. Подъемный материал.
6. Светло-коричневое тесто. Раскоп I, кв. П-11, II ярус.
7. Как номер *4*. Раскоп I, кв. Л-13, II ярус
8. Серый черепок с примесью шамота. Шурф № 1, II ярус.

Таблица VI. Керамика, сделанная на гончарном круге (кроме номера *16*), с поселения Тахирбай 3. Номера *1—3*, *5—7*, *9*, *11* — с нацарапанным орнаментом.

1, *7*, *11*. Светло-красный черепок, желтовато-белый ангоб. Подъемный материал.
2, *8*, *9*. Кремовый черепок, желтовато-белый ангоб. Подъемный материал.
3—6, *14*, *15*. Как номер *1*. Шурф № 1, II ярус.
10. Темно-серый черепок. Подъемный материал.
12. Красный черепок, желтовато-белый ангоб, штампованный орнамент. Подъемный материал.
13. Красноватый черепок с черной прокалиной внутри. Подъемный материал.
16. Серый черепок с примесью шамота. Шурф № 1, II ярус.
17. Серый черепок. Шурф № 1, II ярус.

Таблица VII. Керамика, сделанная на гончарном круге, с поселения Тахирбай 3.

1, *3*, *8*. Красный черепок, розовато-белый ангоб. Шурф № 1, II ярус.
2. Серый черепок. Шурф № 1, II ярус.
4, *10*. Как номер *1*. Подъемный материал.
5. Светло-красный черепок, красный ангоб. Шурф № 1, II ярус.
6. Светло-красный черепок с примесью шамота. Раскоп I, кв. М-12, II ярус.
7. Кремовый черепок, красновато-белый ангоб. Раскоп I, кв. М-12, III ярус.
9, *11*, *12*. То же, подъемный материал.
13. Кремовый черепок, зеленовато-белый ангоб. Раскоп I, кв. Л-12, III ярус.
14. Как номер *1*. Раскоп I, кв. М-13, III ярус.

Таблица VIII. Керамика, сделанная на гончарном круге, с поселения Тахирбай 3. Номера *3*, *5*, *7*, *10* — из шурфа № 1, II ярус, остальное — подъемный материал.

1, *4*. Красный черепок, кремовый ангоб.
2. Светло-красный черепок, ангоб изнутри белый, снаружи светло-малиновый.
3, *11*. Красный черепок, зеленовато-белый ангоб.

5. Серый черепок.
6—10, *12*. Светло-красный черепок, розовато-белый ангоб.

Таблица IX. Керамика, сделанная на гончарном круге из шурфа № 1 на поселении Тахирбай 3. Номера *1—6* — из погребения, остальные — из IV яруса.

1. Кремовый черепок, зеленовато-белый ангоб.
2, *4*. Серый черепок.
3. Светло-красный черепок, красный ангоб.
5, *9*, *10*, *12*. Светло-красный черепок, розовато-белый ангоб.
6—8. Светло-красный черепок, кремовый ангоб.
11. Желтовато-кремовый черепок, светло-красный ангоб.

Таблица X. Керамика с поселения Тахирбай 3.

1. См. табл. V, *6*.
2. См. табл. IX, *5*.
3. См. табл. IX, *2*.
4. См. табл. VII, *1*.
5. См. табл. IX, *6*.
6. См. табл. VI, *17*.
7. См. табл. V, *1*.

Таблица XI. Керамика ручной лепки с Аучин-Депе (номера *4—7*, *10*) и поселения Тахирбай 3 (номера *2*, *3*, *7—9*). Номера *2* и *3* — из II яруса шурфа № 1, остальное — подъемный материал. В тесто замешен шамот.

1. Красный черепок.
2, *3*. Коричневый черепок, в середине черепка серый спек, снаружи частичное лощение.
4, *7*. Малиновый черепок, зеленовато-белая поверхность.
5. Красный черепок, желтовато-белая поверхность.
6. Малиновый черепок.
8—10. Серый черепок.

Таблица XII. «Печатки» и костяная поделка.

1. Металлическая печать с Намазга-Депе (ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 278, рис. 23).
2, *4*. Металлическая печать с южного холма Анау (R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. I, стр. 152, рис. 257, 256).
3. Металлическая печать с Намазга-Депе (СЭ, 1952, № 4, рис. 12, *4*).
5. Костяной «идольчик» с поселения Тахирбай 3. Раскоп I, кв. К-13, II ярус.
6. Печатка серого камня (пасты?) с поселения Тахирбай 3. Подъемный материал.
7. Печатка красного камня (яшмовидного) с поселения Тахирбай 4. Подъемный материал.
8. Металлическая печатка с поселения Аучин-Депе. Подъемный материал.

Таблица XIII. Комплекс Намазга VI. Каменные изделия. Подъемный материал (кроме номера *1*).

1. Стеатитовая бусина. Тахирбай 3, шурф № 2.
2, *3*. Стеатитовые бусины. Тахирбай 3.
4. Фрагмент точила темно-коричневого камня. Тахирбай 3.
5. Венчик стеатитового сосуда (вазы?). Аучин-Депе.
6. Кремневый отщеп. Аучин-Депе.
7, *9*. Фрагменты кремневых наконечников стрел. Тахирбай 3.
8. Кремневый наконечник стрелы. Тахирбай 6.
10—12. Кремневые наконечники стрел. Аучин-Депе.
13. Поделка из зеленоватого камня. Аучин-Депе.

Таблица XIV. Комплекс Намазга VI. Металлические изделия с поселения Тахирбай 3.

1—3, *5—8*, *10—14*. Подъемный материал.
4. Раскоп I, кв. П-13, III ярус.
9. Погребение в шурфе № 1.

Таблица XV. Комплекс Намазга VI. Керамические изделия. Подъемный материал.

1. Слив сосуда в виде головы змеи.
2, *4*, *5*. Фрагменты керамики с нацарапанным орнаментом.
3, *6*. Фрагменты терракотовых статуэток животных.

Таблица XVI. Комплекс Намазга VI, мургабский вариант.

Таблица XVII. Комплекс Яз-Депе I. Расписная керамика из раскопа II на Яз-Депе, ручная лепка.

1. Красновато-коричневая роспись на розовом фоне. Кв. И-16, II ярус.
2. То же. Кв. И-14, IV ярус.
3, *6*. Темно-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. И-14, III ярус.
4. Красная роспись на розовато-белом фоне. Кв. Л-19, IV ярус.
5. Светло-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. И-14, III ярус.
7. Как номер *1*. Кв. З-15, V ярус.
8. Коричневая роспись по желтовато-белому фону. Кв. К-16, IV ярус.
9. Красновато-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. И-14, II ярус.
10. То же. Кв. И-14, IV ярус.
11. То же. Кв. Р-8, IV ярус.
12. Темно-красная роспись по розовато-бебелому фону. Кв. И-14, III ярус.
13, *18*. Как номер *9*. Кв. Д-10, II ярус.
14. Как номер *12*. Кв. И-14, II ярус.
15. Как номер *9*. Кв. К-18, IV ярус.
16. Как номер *9*. Кв. И-14, IV ярус.
17. Оранжеватая роспись по желтовато-белому фону. Кв. И-17, IV ярус.
19. Красновато-коричневая роспись по желтовато-белому фону. Кв. Ж-15, III ярус.

Таблица XVIII. Комплекс Яз-Депе I. Расписная керамика из раскопа II на Яз-Депе, ручная лепка.

1. Красновато-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. И-13, IV ярус.
2. То же. Кв. Г-10, II ярус.
3. Красновато-коричневая роспись по желтовато-белому фону. Кв. Ж-15, IV ярус.
4. Малиново-красная роспись по розовато-белому фону. Кв. Р-11, V ярус.
5. Темно-красная роспись по кремовому фону. Кв. И-13, II ярус.

6. То же. Кв. К-17, IV ярус.
7. Красная роспись по беловатому фону. Кв. Р-14, IV ярус.
8. Как номер *1*. Кв. К-16, II ярус.

Таблица XIX. Комплекс Яз-Депе I. Расписная керамика из раскопа III на Яз-Депе, ручная лепка.

1. Красновато-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. Л-21, XII ярус.
2. Темно-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. Н-22, X ярус.
3. То же. XI ярус.
4. Как номер *1*. Кв. Н-22, X ярус.
5. Красновато-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. Н-22, XI ярус.
6. То же. Кв. Л-22, XIII ярус.
7. То же. Кв. М-21, XII ярус.
8, *11*. Как номер *1*. Кв. Л-23, XIV ярус.
9. Коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. Л-22, XI ярус.
10. То же. Кв. Н-22, XI ярус.
12. Как номер *2*. Кв. М-22, XI ярус.
13. Красная роспись по розовому фону. Кв. Л-23, XIII ярус.
14. Как номер *9*. Кв. Л-21, XIII ярус.

Таблица XX. Комплекс Яз-Депе I. Керамика ручной лепки из раскопа III на Яз-Депе (кроме номера *1*).

1. Темно-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Раскоп II, кв. Д-11, II ярус.
2. Светло-коричневая роспись по красноватому фону. Кв. Л-23, XIV ярус.
3, *14*. Красновато-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. Н-23, XI ярус.
4. То же. Кв. Н-21, XI ярус.
5. Светло-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. К-20, VIII ярус.
6. Как номер *3*. Кв. Л-23, XIII ярус.
7. То же. Кв. Л-21, XII ярус.
8. То же. Кв. Л-21, XIII ярус.
9. Зеленовато-коричневая роспись по зеленовато-белому фону. Кв. Н-21, XI ярус.
10. Красновато-коричневая роспись по желтовато-белому фону. Кв. Н-24, X ярус.
11. Как номер *3*. Кв. М-21, XI ярус.
12. Красная роспись по зеленовато-белому фону. Кв. М-21, XI ярус.
13. Как номер *1*. Кв. Н-22, XI ярус.
15. Как номер *1*. Кв. О-23, X ярус.
16. Как номер *5*. Кв. М-22, XI ярус.
17. Как номер *3*. Кв. М-22, XII ярус.
18. Как номер *1*. Кв. Л-23, XII ярус.
19. Как номер *3*. Кв. И-23, XI ярус.
20. То же. XI ярус.
21. То же. VII ярус.
22. Темно-красная роспись с малиновым оттенком по желтовато-белому фону. Кв. М-21, XI ярус.
23. Как номер *5*. Кв. Н-23, XI ярус.
24. Как номер *12*. Кв. Н-24, X ярус.
25. Как номер *3*. Кв. Л-23, XI ярус.
26. Светло-красный черепок. Кв. Л-23, XI ярус.
27. То же. Кв. Н-22, XI ярус.
28. То же. Кв. Л-21, XIII ярус.
29. Желтовато-белый черепок со светло-красным ангобом. Кв. Л-23, XII ярус.
30. Серый черепок. Кв. Л-23, XII ярус.

Таблица XXI. Комплекс Яз-Депе I. Лепленная от руки серая керамика с раскопа II на Яз-Депе.

12. С нацарапанным орнаментом.

Таблица XXII. Комплекс Яз-Депе I. Лепленная от руки серая (номера *1*, *2*, *4*—*6*) и кухонная (номер *3*) посуда с раскопа II на Яз-Депе.

3. Орнаментировано налепными валиками с пальцевыми вдавлениями.
4. Орнаментировано налепными валиками.

Таблица XXIII. Комплекс Яз-Депе I. Лепленная от руки керамика с раскопа II на Яз-Депе.

1—*3*, *5*—*7*, *9*, *10*. Бледно-розовый или светло-красный черепок.
4, *8*. Желтоватый черепок.

Таблица XXIV. Комплекс Яз-Депе I. Керамика, сделанная на гончарном круге, из раскопа II на Яз-Депе.

1, *3*, *4*. Светло-красный черепок, зеленовато-белый ангоб, нацарапанный орнамент.
2. То же, налепной валик.
5, *6*. То же, без орнамента.

Таблица XXV. Сосуд ручной лепки. Яз-Депе I. Красновато-коричневая роспись по желтовато-белому фону. Разведочный шурф на цитадели Яз-Депе.

Таблица XXVI. Комплекс Яз-Депе I. Лепленная от руки керамика с раскопа II на Яз-Депе.

1, *2*, *4*, *6*—*11*. Светло-красный и розоватый черепок с кремовым ангобом.
3. Серый черепок.
5. Красный черепок.

Таблица XXVII. Комплекс Яз-Депе I. Керамика лучной лепки с раскопа II на Яз-Депе.

1—*4*, *7*, *9*, *10*. Светло-красный и розовый черепок с беловатым ангобом.
5. Светло-коричневый черепок.
6, *8*. Желтовато-кремовый черепок.

Таблица XXVIII. Комплекс Яз-Депе I. Керамика с раскопа III на Яз-Депе. Леплено от руки (кроме 3, 4, 11).

1. Красноватый черепок, розовато-белый ангоб. Кв. М-21, XI ярус.
2. Красноватый черепок, кремовый ангоб, налепной валик. Кв. Н-21, XIII ярус.
3. Красноватый черепок зеленовато-белый ангоб. Кв. М-21, XI ярус.
4. То же. Кв. Н-23, XII ярус.
5. Красноватый черепок, белый ангоб. Кв. Л-22, XI ярус.
6. Розоватый черепок, налепной валик с пальцевыми вдавлениями. Кв. Н-22, XII ярус.
7. Серый черепок. Кв. Н-21, XI ярус.
8. Как номер *3*. Кв. Л-22, XIII ярус.
9. То же. Кв. Н-23, XII ярус.
10. Как номер *1*. Кв. Н-23, XII ярус.
11. Как номер *3*. Кв. Л-21, XIII ярус.
12. Кремовый черепок. Кв. Н-21, X ярус.

Таблица XXIX. Комплекс Яз-Депе I. Керамика, сделанная на гончарном круге, с раскопа II на Яз-Депе.

1—13. Светло-красный черепок, зеленовато-белый ангоб.

Таблица XXX. Керамика из слоев Яз-Депе I (номер *1*), II (номера *3*, *4*, *6*) и III (номера *2*, *5*).

Таблица XXXI. Расписная керамика типа Яз-Депе I с поселения Овадан-Депе к северу от Ашхабада (ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, табл. XLI). Рис. Т. С. Шевяковой.

Таблица XXXII. Комплекс Яз-Депе I. Керамические и каменные изделия.

1. Белый мраморовидный камень. Цитадель Яз-Депе, подъемный материал.
2. Серый отшлифованный камень. Цитадель Яз-Депе, подъемный материал.
3. То же. Поселение Яз-Депе, подъемный материал.
4. Каменная булава. Раскоп III, кв. Л-22, XIII ярус.
5. Керамическое ядро. Раскоп II, кв. Л-11, III ярус.
6, *7*, *9*. То же. Кв. Н-4, IV ярус.
8. Камень с отшлифованной поверхностью (терочник?). Раскоп III, кв. М-22, XIII ярус.

Таблица XXXIII. Бронзовые изделия комплекса Яз-Депе I из раскопа II на Яз-Депе.

1, *2*. Кв. П-13, середина III яруса (помещение № 1).
3. Кв. К-14, III ярус (помещение № 6).
4. Кв. С-14, IV ярус (помещение № 1).
5. Кв. О-12, середина III яруса (помещение № 1).
6. Кв. М-17, IV ярус (помещение № 6).
7. Кв. П-13, IV ярус (помещение № 1).
8. Кв. О-13, II ярус (помещение № 1).
9. Кв. О-12, конец II яруса (помещение № 1).
10. Кв. О-5, IV ярус (помещение № 5).
11. Кв. О-12, III ярус (помещение № 1).

Таблица XXXIV. Яз-Депе. Бронзовые изделия.

1—6, *8—13*, *15—17*, *19—24*. Подъемный материал с цитадели.
7. Раскоп IV, VIII ярус (Яз-Депе I).
14. Раскоп III, кв. М-25, IV ярус (Яз-Депе III).
18. Шурф 2. VI ярус.

Таблица XXXV. Яз-Депе. Железные изделия.

1—3. Раскоп III, кв. М-22, IV ярус (Яз III).
4. Раскоп III, кв. Л-24, VI ярус (Яз II).

Таблица XXXVI. Яз-Депе. Различные изделия.

1. Костяное орудие. Раскоп III, кв. Л-23, X ярус.
2. Кость со следами красной краски и камень-терочник. Раскоп III, кв. М-22, V ярус.
3. Бусина из раковины. Раскоп II, кв. И-15, III ярус.
4. Костяная обкладка. Раскоп III, кв. М-22, VIII ярус.
5. Костяная поделка. Раскоп III, кв. К-22, IX ярус.
6. Шарик из необожженной глины. Раскоп III, кв. М-21, IV ярус.
7. Каменная бусина. Цитадель, подъемный материал.

Таблица XXXVII. Комплекс Яз-Депе II. Керамика, сделанная на гончарном круге, из VI яруса раскопа III.

Таблица XXXVIII. Комплекс Яз-Депе II. Керамика, сделанная на гончарном круге, из раскопа III. Хумы *3* и *8* уменьшены вдвое по сравнению с остальной керамикой данной таблицы.

1, *2*, *6*, *7*, *11*, *12*. Из VI яруса.
3—5, *8—10*, *13—17*. Из VII яруса.

Таблица XXXIX. Комплекс Яз-Депе II. Керамика, сделанная на гончарном круге, из раскопа III. На номерах *3* и *8* черной краской написаны знаки.

1, *2*, *5*, *8*, *9*, *10*, *17—19*, *24—26*. Из VIII яруса.
3, *4*, *6—7*, *11—16*, *20—23*. Из IX яруса.

Таблица XL. Комплекс Яз-Депе II. Керамика, сделанная на гончарном круге, из раскопа III.

1, *5—7*, *9*, *13—15*. Из X яруса.
2—4, *8*, *10—12*, *16*. Из IX яруса:

Таблица XLI. Комплекс Яз-Депе III. Керамика, сделанная на гончарном круге, из раскопа III, IV—V ярусы.

Таблица XLII. Комплекс Яз-Депе III. Керамика, сделанная на гончарном круге, из раскопа III, IV—V ярусы.

Таблица XLIII. Керамика, сделанная на гончарном круге (кроме № *1*), из шурфа на поселении Тахирбай-Депе.

1, *6*, *13*. Из III яруса.
2, *5*, *7*, *9*, *11*, *14—16*. Из I яруса.
3, *4*, *8*, *10*, *12*. Из II яруса.

Таблица XLIV. Комплекс Афрасиаб I. Керамика.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	5
Часть I. Археологические памятники	
Глава 1. Мургабский вариант культуры Намазга VI	12
Глава 2. Стратиграфия Яз-Депе	29
Глава 3. Топография и орошение древнемаргианских поселений	63
Часть II. Историко-археологические очерки	
Глава 1. Южная Туркмения в период поздней бронзы и раннего железа	93
Глава 2. Проблема доахеменидских государственных образований в Средней Азии и новый археологический материал	122
Глава 3. Оседлые области Средней Азии в составе державы Ахеменидов	136
Заключение	164
Список сокращений	166
Таблицы	167
Описание таблиц	212

CONTENTS

	Page
Foreward	5
Part. I. Archaeological Monuments	
Ch. 1. The Murghab Variant of the Namazga VI Culture	12
Ch. 2. Stratigraphy of Yaz-depe	29
Ch. 3. The Distribution of Sites and Irrigation in Ancient Margiana	63
Part. II. Historical and Archaeological Essays	
Ch. 1. South Turkmenia in the Late Bronze and Early Iron Age	93
Ch. 2. The Problem of the Pre-Achemenian States in Central Asia in the Light New Archaeological Discoveries	122
Ch. 3. Districts with Settled Population in Central Asia under the Rule of the Achaemenian Empire	136
Conclusion	164
Abbreviations	166
Tables	167
Description of the Tables	212

Вадим Михайлович Массон

ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МАРГИАНЫ

*

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Л. Л. Викторова*
Технический редактор *Э. Ю. Блейх*
Корректор *Н. М. Шилова*

Сдано в набор 17/VI 1959 г. Подписано к печати 12/IX 1959 г. РИСО АН СССР № 85—78 В. Формат бумаги 84 × 108¹/₁₆. Бум. л. 6¾. Печ. л. 13½ = 22,14 усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л. 22,55 + 1 вкл. (0,06 уч.-изд. л.). Изд. № 785. Тип. зак. № 230. М. 49024. Тираж 1400.

Цена 16 р. 20 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я типография Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Колонка*	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
6	правая	22 сверху	гду	где
19	левая	9 сверху	крышка,	кринка,
26	правая	12 снизу	pontide	Pontide
88	»	20 снизу	15 м	1,5 м
91	»	7 сверху	подробного	подобного
106	левая	4 снизу	Nerv.	Merv.
112	правая	7 снизу	Tamulus	Tumulus
133	»	21 сверху	τὴυ	τὴν
161	левая	1 сверху	ὑπάρχος	ὑπάργος